

О вѣяніяхъ времени.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Ю. А. Адамовичъ, Вл. Ильинъ, Ю. Каменевъ, М. Новоселовъ, П. Орловскій, М. Покровскій, В. Поповъ, С. Петровъ, Н. Рожковъ и Г. Цыперовичъ.

☆

1908 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ТВОРЧЕСТВО“

СПБ., Кузнечный переулокъ, д. № 14, книжный складъ „ПОСѢВЪ“ Телеф. 89-65.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Литературно-критическіе

АЛЬМАНАХИ.

АЛЬМАНАХИ ставятъ своей задачей критическое выясненіе идейной смуты, охватившей верхи русской интеллигенціи послѣ того, какъ схлынула волна массоваго движенія.

АЛЬМАНАХИ выйдутъ двумя выпусками по 22-23 листа каждый.

АЛЬМАНАХИ издаются при участіи:

В. Базарова, Л. Войтловскаго, М. Горькаго, Ю. Каменева, А. Луначарскаго, М. Морозова, П. Орловскаго, М. Покровскаго, П. Румянцева, Ю. Стеклова, И. Степанова, В. Фриче, В. Шулятикова и др.

Подписка принимается въ СПБ.:

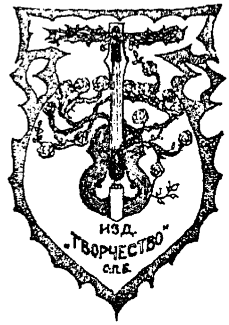
1) въ конторѣ издательства 2) въ книжномъ магазинѣ „Трудъ„ Невскій 60.

въ Москвѣ:

Книжный магазинъ „Трудъ“ Тверская д. 38.

Подписная цѣна за ДВА ВЫПУСКА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА



О вѣяніяхъ времени.

Ю. А. Адамовичъ, Вл. Ильинъ,
Ю. Каменевъ, М. Новоселовъ,
П. Орловскій, М. Покровскій,
В. Поповъ, С. Петровъ, Н. Рожковъ и Г. Цыперовичъ.

☆

1908 г.

DK
411

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2941
24

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Въ ночь послѣ битвы.

I.

Когда ночь опускаетъ свой покровъ на поле битвы и раздѣляетъ борющихся,—наступаетъ моментъ учета итоговъ дня, опредѣленія потерь и завоеваній. Тогда разбитый противникъ спѣшитъ отступить подъ прикрытіемъ темноты, а побѣдители, не рискуя преслѣдовать во мракѣ, предаются торжеству и радости. На полѣ битвы остаются только трупы и раненые,—и вотъ среди нихъ начинаютъ появляться темныя фигуры мародеровъ, шарящія по карманамъ, снимающія кольца съ рукъ образки съ груди. Ибо ночь послѣ битвы принадлежитъ мародерамъ.

Вчера еще они прятались отъ опасности боя по рвамъ и оврагамъ, многіе еще вчера состояли—а больше числились —въ рядахъ побѣжденной теперь арміи, но темнота ночи сдѣлала ихъ храбрыми, и они спѣшатъ обобрать съ доспѣховъ и цѣнностей тѣхъ, кому вчера до хрипоты кричали „ура“. Ибо мародеры суть мародеры—ихъ дѣло воодушевляться больше всѣхъ въ случаѣ побѣды и—обшаривать карманы павшихъ товарищей въ случаѣ пораженія.

Роль такихъ мародеровъ сыграла въ русской революціи такъ называемая интеллигенція—т. е. средняя и мелкая буржуазія свободныхъ профессій, либеральная и радикальная, кадетская и безпартійная, политическая и беллетристическая (что, впрочемъ, у нея мало различается).

Едва побѣда начала замѣтно склоняться на сторону „порядка“, т. е. реакціи, какъ изъ „единой освободительной арміи“ выскочилъ г. Струве съ своей знаменитой „дезорганизаціей народнаго хозяйства посредствомъ стачекъ“—тѣхъ самыхъ стачекъ, на которыхъ гг. кадеты вышли въ люди. Отъ него не отсталъ, конечно, г. Изгоевъ, обратившій всѣ свои слабыя познанія по марксизму противъ соціалдемократіи. И пошла писать губернія! Еще у всѣхъ свѣжи въ памяти мародерскія похожденія г. Милюкова съ „красной тряпкой“ и „ослами“.

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. По мѣрѣ того, какъ сгущались сумерки ночи, начали выходить на мародерскіе промыслы и такъ называющіеся „лѣвые“ съ

„Товарищемъ“, „Столичнымъ Утромъ“ и проч. во главѣ. Сначала они обшаривали только „большевиковъ“, въ надеждѣ, что этимъ обманутъ общественное мнѣніе революціонныхъ слоевъ. Это имъ отчасти удалось. Даже нѣкоторые изъ соціалдемократовъ поддались сему обману и помогали мародерамъ изъ „Товарища“, придерживая за руки упорствующихъ „большевиковъ“. Но когда ночь настолько стала черной, что трудно было отличать „бе“ отъ „ме“,—проворныя руки мародеровъ нырнули съ такимъ же успѣхомъ и въ „меньшевистскіе“ карманы.

Какъ нѣкогда слишкомъ яркій свѣтъ слѣпилъ нашу интеллигенцію и вызвала въ ней головокруженіе, такъ темнота ночи вызвала въ ней мародерскія наклонности и толкнула на путь „пошаливанія“.

Своеобразныя формы приняло это мародерское „пошаливаніе“ у интеллигенціи беллетристической. Она тоже начала запускать руки въ карманы вчерашнихъ борцовъ, но тутъ намѣтились два теченія. Не знаю—темпераментъ ли тутъ виноватъ, психологическія различія или просто „соображенія“,—только часть ударилась въ мрачную переоцѣнку цѣнностей, апеллируя отъ сознательной, созидательной борьбы къ дикой разнузданности разрушительныхъ, анархическихъ силъ, другая же часть, напротивъ, начала искать утѣшенія и услады въ женскихъ (а то и мужскихъ) тѣлесахъ, углубляясь въ „тайну пола“. Тощіе брюнеты стали пессимистами, жирные блондины—гедонистами.

Характерными выразителями этихъ двухъ теченій явились Леонидъ Андреевъ и Федоръ Сологубъ, какъ они представлены въ третьей книжкѣ Альманаховъ „Шиповника“. Они оба выступаютъ здѣсь въ типичной роли мародеровъ. Только костюмы у нихъ разные и разный гримъ. Оба они залѣзаютъ мародерскими длaнями въ политику, въ жизнь и дѣла революціонеровъ, героевъ вчерашней битвы, и когда они уходятъ со страницъ книги, вы видите, что на „обработанныхъ“ борцахъ не осталось ни одного цѣннаго предмета. Только мрачный брюнетъ Леонидъ Андреевъ, дѣлаетъ это съ подобающимъ брюнету демоническимъ взглядомъ, а жизнерадостный блондинъ Федоръ Сологубъ — беззаботно посвистывая и подплясывая матчишъ.

По „нонѣшнимъ“ временамъ упрекъ въ мародерствѣ является для извѣстныхъ круговъ, пожалуй, высшей похвалой. Но такъ какъ, кромѣ мародерствующихъ брюнетовъ и блондиновъ, есть еще и ни въ чемъ неповинные читатели, которымъ не мѣшаетъ разобраться въ цѣнности мародерской литературы, то, изъ уваженія къ этимъ читателямъ, мы не ограничимся простымъ упрекомъ по адресу указанныхъ двухъ беллетристовъ, а постараемся доказать ихъ мародерство на основаніи ихъ собственныхъ сочиненій, а именно:

разсказа Леонида Андреева „Тьма“ и начала (будемъ надѣяться, что оно явится и концомъ) романа Федора Сологуба „Навьи чары“. При этомъ оговариваемся впередъ, что мы будемъ касаться исключительно публицистической стороны этихъ произведеній, ихъ жизненной правды, а не ихъ эстетической стороны, не ихъ художественной правды, и это по той простой причинѣ, что послѣдней въ сихъ произведеніяхъ совершенно не имѣется.

II.

Леонидъ Андреевъ—типичный выразитель неустойчивыхъ настроеній оскудѣвающей русской интеллигенціи. Эта интеллигенція когда-то—въ эпоху реформъ 60-хъ годовъ—ожила и приготовилась жить хорошей, благообразной, полезной жизнью, творя альтруистическое дѣло. Но ея „благіе порывы“ такъ и остались порывами—ее быстро облили холодной водой. Какъ только началась реакція тотчасъ же послѣ реформы, интеллигенція эта встала на путь постепеннаго паденія. На упорную, серьезную борьбу она была неспособна. У нея никогда не было революціоннаго темперамента, у нея были только культурныя потребности. За это ей больше другихъ доставалось отъ реакціи. Со всѣхъ культурныхъ постовъ ее выживали „рыжія подстриженныя бородки“, кричавшія неизмѣнное „не суйся“! Она была связана по рукамъ и ногамъ, а потому у нея и не могло быть другого настроенія, какъ пессимистическаго.

Литературная исторія русской интеллигенціи съ конца 70-хъ годовъ состоитъ сплошь изъ постоянно сгущающейся окраски пессимизма. А. О. Новодворскій, еще стоящій одной ногой въ царствѣ воодушевленія и долга, другой уже переступаетъ въ мракъ отчаянія, безпомощности и пессимизма. Еще рѣзче отражается это отчаянье въ культурно-интеллигентскихъ типахъ Гл. Успенскаго. Тутъ сознаніе ненужности не ограничивается уже предѣлами реакціонныхъ гоненій, а отражаетъ и реакціонное настроеніе натравленныхъ на интеллигенцію массъ. Это былъ самый тяжелый переломъ. „Много въ то время народу погибло“, говоритъ Успенскій; бывало мечется, мечется человѣкъ—глядишь, на одиннадцатую версту отвезли.

Пѣвцомъ пережившаго этотъ кризисъ поколѣнія явился Вс. Гаршинъ. Доминирующимъ тономъ его творчества является полное отчаянье. Всякое чувство радости, наслажденія ему противно и вызываетъ въ немъ только ядовитыя насмѣшки. Для него нѣтъ лучшаго и за стѣнами той громадной тюрьмы, какой стала тогда Россія. Пальма, вырвавшаяся на волю, видитъ, что сдѣлала это напрасно. Лучшаго нѣтъ, не стоитъ жить.

Послѣ Гаршина оскудѣвающая интеллигенція пережила еще нѣсколько фазъ своего паденія. Она окончательно отрѣшилась отъ того ореола страданія и отчаянія, который бросила на нее творчество Гаршина и Надсона. Она освободилась отъ него и окончательно опошлилась. Въ такомъ видѣ засталъ и изобразилъ ее Чеховъ. Казалось, что онъ пишетъ ея предсмертный портретъ, что его преемникъ, если таковой будетъ, сможетъ описать ее только въ гробу. Но оскудѣвающая интеллигенція оказалась живучѣе, чѣмъ можно было предполагать; она оказалась столь же живучей, какъ и тотъ строй, который ее породилъ. Умеръ дядя Ваня, застрѣлился Ивановъ,—но около нихъ народились и подросли новые интеллигенты, такіе же безвольные такіе же неспособные на дѣло. Росли они уже въ нѣсколько другой обстановкѣ: они впитывали дыханіе пробуждающейся къ новой жизни массъ, они видѣли, какъ назрѣваютъ элементы какой-то титанической борьбы и, колеблясь между надеждой и недовѣріемъ, они—безсильные, сами неспособные на борьбу — испытывали какоій-то внутренній ужасъ. Ужасъ сталъ ихъ доминирующимъ настроеніемъ, какъ нѣкогда пессимизмъ. Ужасъ къ той пробуждающейся массѣ, которая крыла въ себѣ нѣчто невѣдомое—быть можетъ, стихію дикаго разрушенія; ужасъ къ той грубой господствующей силѣ, которая, ощетинясь милліономъ стальныхъ иглъ, готовила своимъ слѣпымъ упорствомъ какую-то страшную катастрофу; ужасъ къ самимъ себѣ—безвольнымъ и безпомощнымъ, способнымъ охватить мыслью такія бездны и неспособнымъ своей волей отклонить теченіе даже жалкаго ручейка; ужасъ, наконецъ, ко всей жизни, гдѣ все такъ невѣдомо и дико, гдѣ разумъ меркнетъ передъ разгуломъ темныхъ страстей, гдѣ царитъ произволъ безсмысленнаго случая.

И пѣвцамъ этого ужаса явился Леонидъ Андреевъ.

Въ своеобразныхъ, какихъ-то болѣзненно изощренныхъ формахъ далъ онъ образъ нашей жизни, какъ она преломляется въ мысли и чувствахъ этой интеллигенціи, жизни, насквозь пропитанной безпомощностью всего свѣтлаго, добраго, и неизмѣннымъ торжествомъ мрака, тьмы, грязи и насилія. Еще задолго до того, какъ онъ далъ своеобразную апологію „тьмы“, въ разсказѣ этого наименованія, онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ проводилъ ту мысль, что тьма побѣждаетъ и засасываетъ свѣтъ. Вспомните его разсказы: „Бездну“, „Въ туманѣ“, „Стѣну“. Крайне ярко проведена та же идея въ „Саввѣ“, гдѣ человѣкъ, борющійся противъ тьмы, гибнетъ отъ этой тьмы, искусно направляемой хищными руками. Кроется та же мысль и въ „Іудѣ“ (хотя тутъ она отодвинута на задній планъ). Умный, страстный, искренній Іуда жалко гибнетъ, а плоды всего великаго дѣла

достаются тупымъ, ограниченнымъ ремесленникамъ апостольства. И развѣ не поглощаетъ страшная тьма небытія, воплощенная въ „Элеазарѣ“, всякаго, кто входитъ въ общеніе съ этимъ сыномъ смерти?

Эта идея господства на землѣ тьмы, въ борьбѣ съ которой неминуемо гибнетъ все сильное, смѣлое и прекрасное—звучитъ, какъ похоронный звонъ, во всемъ творчествѣ Андреева. Но совершенно новую постановку, или, вѣрнѣе, новое разрѣшеніе находитъ эта идея въ разсказѣ „Тьма“, помѣщенномъ въ 3-й книжкѣ „Шиповника“. И не только новое, но и весьма странное, ибо здѣсь эта идея поступаетъ на службу мародерству.

III.

И оскудѣвающая интеллигенція и ея пѣвецъ никогда не относились къ русской революціи активно; въ качествѣ ли зрителей, въ качествѣ ли участниковъ они всегда занимали пассивное положеніе. Интеллигенція давала себя увлекать въ горячіе моменты въ водоворотъ событій, и съ такимъ же успѣхомъ позволяла себя выбрасывать въ часы отлива на берегъ вмѣстѣ съ иломъ и щепками. Только въ первомъ случаѣ она пѣла бравурные гимны, а во второмъ — ныла: „на рѣкахъ вавилонскихъ...“ Правда, водоворотъ революціонной борьбы не вдохновилъ Леонида Андреева къ художественному творчеству, не увлекъ въ немъ художника; въ моментъ первыхъ крупныхъ вспышекъ народнаго движенія онъ тянулся „къ звѣздамъ“. Зато онъ очень ярко, слишкомъ ярко отразилъ настроеніе разочарованія и банкротства, охватившее интеллигенцію послѣ того, какъ выяснилось, что для одолѣнія тьмы нужно гораздо большее напряженіе силъ.

Разсказъ „Тьма“ очень рѣзко порываетъ съ періодомъ надеждъ и увлеченій; онъ не только констатируетъ торжество тьмы, какъ въ прежнихъ произведеніяхъ г. Андреева, онъ идетъ дальше и даетъ апологію этой тьмы. Правда, онъ апологизируетъ не ту политическую тьму, съ которой никогда не мирилась интеллигенція. Онъ прибѣгаетъ къ помощи Достоевскаго и возстановляетъ идеализированную тьму униженныхъ и оскорбленныхъ,—ошибочно думая, что эта тьма является антиподомъ, а не оборотной стороной той, ненавистной, тьмы. „Правдѣ“ революціонера, которая кажется ему жалкой—„маленькой и невиненькой честностью“,—онъ противопоставляетъ правду тьмы — „дикую и темную, какъ голосъ самой черной земли“. Между этими двумя правдами происходитъ борьба, и послѣдняя правда побѣждаетъ первую.

Еслибы Леонидъ Андреевъ былъ какимъ-нибудь проповѣдникомъ или сказителемъ, онъ могъ бы ограничиться этимъ

образнымъ противопоставленіемъ двухъ правдъ, сдобривъ ихъ иносказательной апокрифической легендой. Но онъ художникъ, ему необходимо воплотить свои правды въ живыхъ людей, поставить этихъ людей въ опредѣленныя отношенія, заставить ихъ жить и двигаться. А въ этомъ онъ самъ подчиненъ еще высшей правдѣ—именно, художественной правдѣ, которая является лишь эстетически претворенной жизненной правдой. Здѣсь онъ больше не хозяинъ: разъ сотворивъ своихъ героевъ (а герои эти тоже должны быть правдивы), онъ можетъ заставить ихъ дѣйствовать только согласно законамъ ихъ психики; исходъ опредѣляется созданными имъ характерами и ихъ жизненной обстановкой.

Посмотримъ же сначала, каковы эти двѣ правды, столкнувшіяся въ комнатѣ проститутки, изъ-за души революціонера?

Ту правду, которую исповѣдовалъ онъ до перелома, представляла „*крохотная* горсточка людей, *страшно* молодыхъ, лишенныхъ отца и матери, безнадежно враждебныхъ и тому міру, съ которымъ борются *и тому — за который* борются они. Ушедшіе мечтой въ далекое будущее, къ людямъ братьямъ, которые еще не родились, свою короткую жизнь они проходятъ блѣдными, окровавленными тѣнями, призраками, которымъ люди пугаютъ другъ друга. И *безумно* коротка ихъ жизнь: каждаго изъ нихъ ждетъ висѣлица, или каторга, или сумасшествіе; *больше нечего ждать* — каторга, висѣлица, сумасшествіе*)".

А вотъ другая, новая правда, на которую революціонеръ г. Андреевъ промѣнялъ свою вчерашнюю правду. Она выражена въ его тостѣ: „За нашу братью! За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью. За тѣхъ, кто умираетъ отъ сифилиса. За всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденія. Зрячіе! выколемъ себѣ глаза, ибо *стыдно зрячимъ смотрѣть на слѣпыхъ отъ рожденія*. Если нашими фонариками не сможемъ освѣтить всю тьму, такъ *погасимъ же* огни и всѣ *пойдемъ во тьму*. Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо—это уже не рай, дѣвицы, а просто на-просто свинство. Выпьемъ за то дѣвицы, *чтобы всѣ огни погасли*. Пей темнота!" (курс. мой).

И эта вторая правда побѣдила первую. Революціонеръ, готовившійся черезъ день совершить какой-то важный террористическій актъ, вдругъ отрекается отъ своей правды, воспринимаетъ правду публичнаго дома, становится возлюбленнымъ проститутки. Для того, чтобы оправдать психологически этотъ невѣроятный и скоропалительный пово-

*) Подчеркнутыя нами мѣста наглядно показываютъ своеобразный пріемъ автора: путемъ утрировки, доходящей до извращенія фактовъ, онъ *по существу обезцѣниваетъ* роль и значеніе революціонной борьбы,— *формально* вѣнчая ее ореоломъ героизма.

ротъ, Леонидъ Андреевъ старается подготовить читателя, надѣляя своего революціонера особыми душевными качествами. Здѣсь, въ сущности, ахиллесова пята разсказа. Отъ психологическаго уклада революціонера зависитъ вѣроятность всего дѣйствія и его исхода. И соотвѣтствіе этой психики жизненной правдѣ рѣшаетъ вопросъ о цѣнности всего разсказа. Здѣсь кстати замѣтить, что въ своемъ Алексѣѣ авторъ даетъ не какой-то индивидуальный характеръ, а выразителя опредѣленной правды — революціонера, какъ типъ*). Поэтому дѣйствительны въ немъ могутъ быть только типичныя черты, только характерныя для революціонной психики вообще.

Прежде всего мы узнаемъ отъ автора, что его герой, „скуластый, крѣпкоголовый, знающій только да и нѣтъ", отличается особымъ складомъ мысли. „Его мысль въ обычное время была туга и медленна; но, потревоженная однажды, она начинала работать съ силой и неуклонностью, почти механически, становилась чѣмъ-то вродѣ гидравлическаго пресса, который, опускаясь медленно, дробитъ камни, выгибаетъ желѣзныя балки, давитъ людей, если они попадутъ подъ него—равнодушно, медленно и неотвратимо. Неоглядываясь ни направо, ни налѣво, равнодушный къ софизмамъ, полуотвѣтамъ и намекамъ, онъ двигалъ свою мысль тяжело, даже жестоко—пока не распылится она или не дойдетъ до того крайняго логическаго предѣла, за которымъ пустота и тайна". Такая прямолинейность и метафизичность, конечно, совершенно не характерна для революціоннаго мышленія. Но она необходима Леониду Андрееву для его задачи, ибо безъ нея станетъ психологически непонятнымъ, почему революціонеръ долженъ былъ принять *всю* правду проститутки, послѣ того какъ пошатнулась въ немъ увѣренность въ своей правдѣ.

Далѣе. Въ той правдѣ, которой служилъ революціонеръ г-на Андреева, онъ искалъ прежде всего личнаго моральнаго удовлетворенія. Не дѣло само по себѣ, не объективные результаты работы, не опредѣленные общественные интересы воодушевляли его на борьбу, а сознаніе, что вотъ, молъ, какой онъ хорошій. И когда проститутка увѣрила его, что „стыдно быть хорошимъ",—„вдругъ съ тоской, съ ужасомъ, съ невыносимой болью онъ почувствовалъ, что та жизнь кончена для него навсегда,—что уже не можетъ онъ быть хорошимъ. Только этимъ и жилъ, что хорошій, только это и противопоставлялъ и жизни и смерти—и этого

*) Можно подумать, что авторъ даетъ только одну разновидность революціоннаго типа—напр., максималиста. Но это невѣрно; по крайней мѣрѣ, изъ разсказа этого не видно. Напротивъ, самая постановка вопроса о двухъ правдахъ позволяетъ думать, что рѣчь идетъ о революціонной правдѣ вообще.

нѣтъ, и нѣтъ ничего". Возможно, что среди революціонеровъ попадаются такіе несчастные самовлюбленные экземпляры, особенно изъ породы „облѣзлыхъ баръ",—но опять таки это совершенно не типично для революціоннаго самосознанія. Но и эта черта необходима была автору, ибо революціонеръ, вдохновляющійся дѣломъ, а не собственной душевной прелестью, не поддался бы такъ легко моральнымъ доводамъ проститутки.

Но это еще не все. Г. Андреевъ рѣшилъ подковать своего героя на всѣ четыре ноги, чтобы тѣмъ убѣдительнѣе была скоропалительность его паденія. Для этого онъ раскрываетъ намъ нѣдры его души, такъ сказать, его психическую подпочву. „Словно съ каждой выпитой рюмкой онъ возвращался къ какому-то первоначалу своему—къ дѣду, къ прадѣду, къ тѣмъ стихійнымъ, первобытнымъ бунтарямъ, для которыхъ бунтъ былъ религіей и религія—бунтомъ. *) Какъ линючая краска подъ горячей водой—смывалась и блекла книжная чуждая мудрость, а на мѣсто ея вставало свое, собственное, дикое и темное, какъ голосъ самой черной земли. И дикимъ просторомъ, безграничностью дремучихъ лѣсовъ, безбрежностью полей вѣяло отъ этой послѣдней темной мудрости его; въ ней слышался смятенный крикъ колоколовъ, въ ней видѣлось кровавое зарево пожаровъ; и звонъ желѣзныхъ кандаловъ, и изступленная молитва и сатанинскій хохотъ тысячъ исполинскихъ глотокъ—и черный куполъ неба надъ непокрытой головой."

Сопоставьте эти три черты нашего героя, и вы увидите, что, по замыслу Леонида Андреева, на днѣ души его кроется грубая, дикая, стихійно-разрушительная сила неорганизованнаго бунтарства, едва прикрытая сверху налетомъ „книжной, чуждой мудрости"; двигательная энергія этой силы направляется въ опредѣленную сторону неповоротливой, тяжеловѣсной мыслью, вдохновляемой сознаніемъ своей хорошести. Такой типъ какъ разъ и нуженъ былъ автору для его превращеній; въ этомъ типѣ уже даны въ скрытомъ видѣ всѣ элементы будущаго возлюбленнаго проститутки, апологета тьмы. Нуженъ только одинъ толчекъ, чтобы эти элементы встрепенулись, сбросили съ себя чуждый налетъ, осознали себя. И, посмотрите, какая психическая сила производитъ этотъ толчекъ.

„И строго, съ зловѣщей убѣдительностью, за которой чувствовались милліоны раздавленныхъ жизней, и моря горькихъ слезъ, и огненный непрерывный бунтъ возмущенной справедливости—она спросила:

---

*) Кстати: эта красивая фраза совершенно лишена содержанія, ибо исторія не знаетъ такихъ „первобытныхъ бунтарей"; но это между прочимъ.

— „Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я— плохая?

— „Что?—не понялъ онъ сразу, вдругъ ужаснувшись пропасти, которая у самыхъ ногъ его раскрыла свой черный зѣвъ"

Вы видите, что здѣсь психика проститутки очерчена совершенно также, почти тѣми же словами, какъ и психическая подпочва революціонера—пресловутое „первоначало" его. И если онъ послѣ словъ проститутки, „вдругъ ужаснулся пропасти", то именно потому, что его истинное—дикое, босяцкое, если хотите,—„я"было только слабо прикрыто налетомъ влюбленности въ собственную, вычитанную изъ книгъ, хорошесть.

Такой революціонеръ, конструированный для нуждъ разсказа г-номъ Андреевымъ, могъ, конечно, пережить аналогичный—переломъ; быть можетъ, не такъ стремительно, не при такой обстановкѣ,—но могъ. Вся бѣда только въ томъ, что самый этотъ революціонеръ—плодъ фантазіи автора, состряпанъ имъ для спеціальныхъ надобностей. Онъ весьма напоминаетъ тѣхъ злополучныхъ собесѣдниковъ, которыхъ изобрѣтаютъ писатели, любящіе доказывать свои мысли въ формѣ діалога. У него есть всѣ достоинства такого собесѣдника, онъ удивительно мѣтко и правильно реагируетъ на всѣ вопросы автора; одинъ только недостатокъ — его вовсе не существуетъ на свѣтѣ.

Типъ, представленный Леонидомъ Андреевымъ во„ Тьмѣ", вовсе не революціонеръ, съ 14-ти лѣтъ скитающійся по тюрьмамъ, а родной братъ нашего стараго знакомаго сапожника Орлова, описаннаго нѣкогда М. Горькимъ. Только Андреевскій Орловъ не имѣетъ за собою періода пьянства и драки, этотъ періодъ его исторіи продѣланъ „дѣдомъ или прадѣдомъ"; онъ же прямо рождается ко второму акту — къ самопожертвованію во время эпидеміи (здѣсь революціи). И если бы Леонидъ Андреевъ изобразилъ не фантастическаго революціонера, а реальнаго бунтаря, чуть покрытаго „книжной мудростью",—его разсказъ только выигралъ бы.

Но Леонидъ Андреевъ не просто Леонидъ Андреевъ, а выразитель настроеній оскудѣвающей интеллигенціи, и писалъ онъ разсказъ свой въ такой моментъ, когда эта интеллигенція переживала разочарованіе въ правдѣ революціонной, и единственное, что могла она противоставить торжествующей силѣ, это—бунтъ разрушительной стихіи. Вы ведете страну къ гибели, вотъ ужо придетъ анархія, она васъ...— грозитъ эта интеллигенція побѣдителямъ въ политикѣ. А въ художественномъ творчествѣ ея поэтъ изображаетъ побѣду тьмы надъ революціонной правдой, превозноситъ бунтъ стихіи, какъ высшую форму, надъ сознательной, организованной борьбой, видитъ въ ней разрѣшеніе задачи.

Это ли не мародерство?

IV.

Но если мародерство Леонида Андреева окрашено въ мрачно-пессимистическій цвѣтъ и носитъ слѣды глубокихъ переживаній неустойчивой интеллигентской психики, то мародерство Федора Сологуба, напротивъ, весьма развязнаго и игриваго свойства,—какъ и подобаетъ неунывающему блондину. За Андреевымъ стоятъ люди, разочаровавшіеся въ разумной политической борьбѣ и посылающіе революціонеровъ на покаяніе къ Сонѣ Мармеладовой *), за Сологубомъ—люди, для которыхъ сама эта борьба была не болѣе, какъ захватывающимъ спортомъ, и которые, свалившись съ лошади, ѣдутъ въ публичный домъ развлечься послѣ неудачи. А потому и мародерство ихъ различнаго сорта: если Леонидъ Андреевъ срываетъ съ павшихъ революціонеровъ ихъ святыни, Ѳедоръ Сологубъ, мало интересуясь такими цѣнностями, учиняетъ надъ ними, такъ сказать, моральное труположество.

Г. Сологубъ относитъ содержаніе своего романа, повидимому, къ эпохѣ разгара освободительнаго движенія,—къ 1905 году или около этого. Но пишетъ то онъ его въ концѣ 1907 г., и это сказывается на его беззастѣнчивой манерѣ трактовать предметъ. Такой развязности мародеры набираются лишь послѣ битвы. Раньше, только г. Арцыбашевъ рискнулъ однажды (въ своемъ „Санинѣ") поставить вопросъ на эту почву, да и то дѣло окончилось скандаломъ,—хотя все это происходило не такъ давно—въ началѣ 1907 г. Къ концу года настроеніе „улучшилось", и „Санинъ" могъ свободно появиться отдѣльнымъ изданіемъ; одновременно выступилъ и г. Сологубъ.

Онъ сдѣлалъ попытку написать порнографическо-политическій романъ, пропитать порнографію духомъ революціоннаго движенія (и не иначе, какъ соціалдемократическаго), а революцію просалить порнографіей. Получился соціалдемократическій свальный грѣхъ. Правда, порнографическая цѣльность романа отъ этого не выиграла, но зато соціалдемократія оказалась загаженной,—а на большее, вѣроятно, честолюбіе нашего мародера и не претендовало.

Эта претенціозная, бездарная во всѣхъ смыслахъ, „Творимая Ерунда" не заслуживала бы ни малѣйшаго вниманія, если бы она не являлась характернымъ показателемъ общественной гнилости **). Уже тотъ фактъ, что такія вещи мо-

*) Замѣчательно характерна въ этомъ отношеніи статья г. Горнфельда о „Тьмѣ", напечатанная въ „Товарищѣ".

**) Съ ней приходится отчасти считаться и потому, что она преподносится издательствомъ „Шиповникъ", составившимъ себѣ во время оно репутацію большей разборчивости и лучшаго вкуса.

гутъ писаться, а тѣмъ болѣе печататься, а еще паче—читаться публикой, стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Г. Сологубъ не изъ тѣхъ писателей, которые твердо и неизмѣнно проводятъ свои мысли и взгляды. Онъ умѣетъ писать въ „Русской Мысли“ реалистическія вещи, а на страницахъ Альманаховъ „Шиповника“—декадентскія. Онъ вообще представляетъ типъ вѣчно начинающаго писателя, ибо, при всякомъ поворотѣ общественныхъ вкусовъ, онъ мѣняетъ свой вкусъ и начинаетъ писать въ новомъ жанрѣ. Такіе писатели-флюгера весьма цѣнны, какъ показатели общественныхъ вѣтровъ; вотъ почему мы оказываемъ данному произведенію г. Сологуба вниманіе, не заслуженное ни его художественной, ни идейной цѣнностью.

Содержаніе романа Ѳедора Сологуба мы передавать не станемъ; да его и нѣтъ. Есть рядъ эпизодовъ, есть какіе то таинственные, нелѣпые событія и намеки, граничащіе съ прямымъ издѣвательствомъ надъ публикой, но содержанія нѣтъ. Мы приведемъ только нѣкоторые типы и эпизоды, достаточно ярко указывающіе на мародерскій характеръ и цѣли этого романа.

Триродовъ, Георгій Сергѣевичъ, соціалдемократъ. „Вы знаете, я не очень партійный“ — говоритъ онъ про себя. Прошлое его темное: anamnesis уголовный, съ намеками на садизмъ, хотя онъ дѣлаетъ видъ, что отрицаетъ. Когда ему пришлось устроить у себя ночлегъ для пріѣзжаго агитатора „пріятное ощущеніе творимой тайны наполняло его радостью“. Посѣщаетъ массовки. По „женскому вопросу“—спеціалистъ, причемъ разрѣшаетъ его по Щедрину, „съ точки зрѣнія Фонарнаго переулка“. Вдовецъ — въ жену былъ влюбленъ, теперь же „любилъ смотрѣть на портретъ жены“. Ухаживаетъ за Елизаветой (см. ниже), въ то же время находится въ случайной (отъ времени до времени) связи съ учительницей гимназіи Алкиной (см. ниже.). Каковы его отношенія къ учительницѣ Надеждѣ, которой онъ говоритъ „ты“ — покрыто мракомъ неизвѣстности. То же самое и относительно многочисленныхъ „блѣдныхъ, тихихъ мальчиковъ“. Устроилъ у себя въ домѣ нѣчто въ родѣ „Паноптикума“. Таинственная призма. Зеркала, отъ вида которыхъ становишься старикомъ и жидкости, возвращающія снова молодость. Ходитъ на „навью (?!!?) тропу“, гдѣ вызываетъ духовъ. Одно слово— соціалдемократъ.

Щемиловъ, Алексѣй Макаровичъ, рабочій, слесарь, соціалдемократъ. Дѣятельность его протекаетъ за сценой, а потому точно неизвѣстна. Въ разсказѣ же участвуетъ въ бесѣдѣ съ почтенными буржуа, гдѣ весьма правильно излагаетъ нѣкоторые пункты программы. Кромѣ того, проводитъ слѣдующую сцену:

„Щемиловъ любовался ея стройными ногами (ногами

Елисаветы, которая пришла къ нему въ костюмѣ мальчика, ибо, „такъ скучна однолинейность нашей жизни", по мнѣнію автора); такъ красиво двигались на икрахъ мускулы подъ загорѣлою кожею. Сказалъ голосомъ, звонкимъ отъ радостнаго восторга:

— „Какая вы стройная, Елисавета! Какъ статуя! Я никогда не видѣлъ такихъ рукъ и такихъ ногъ.

„Елисавета засмѣялась. Сказала:

— „Мнѣ, право, стыдно, товарищъ Алексѣй. Вы меня хвалите въ глаза, точно хорошенькую вещичку.

„Щемиловъ вдругъ покраснѣлъ и смутился, что было такъ неожиданно, такъ противорѣчило его всегдашней самоувѣренности. Задышалъ тяжело. Сказалъ, смущенно запинаясь:

— „Товарищъ Елисавета, вы—славный человѣкъ. Вы не обижайтесь на мои слова, я васъ люблю. Я знаю, что для васъ соціальное неравенство—вздоръ, а вы знаете, что для меня деньги ваши—ерунда. Если бы я былъ вамъ не противенъ..." и т. д.

Товарищъ Елисавета. Дочь богатаго помѣщика, соціалдемократка. Участвуетъ въ организаціи, говоритъ на массовкѣ. Любитъ одѣваться мальчикомъ. Но еще больше любитъ раздѣваться. Доказательствомъ сего служитъ слѣдующая сцена:

„Елисавета раздѣлась. Подошла къ зеркалу. Зажгла свѣчу. Залюбовалась собою въ холодномъ, мертвомъ, равнодушномъ стеклѣ.

„Были жемчужны лунные отсвѣты на линіяхъ ея стройнаго тѣла.

„Трепетны были бѣлыя дѣвственныя груди, увѣнчанныя двумя рубинами.

„Такое плотское, страстное тѣло, пламенѣющее, трепещущее странно бѣлое въ успокоенныхъ свѣтахъ не живой луны!

„Слегка изогнутыя линіи живота и ногъ были четки и тонки. Кожа, натянутая на колѣняхъ, намекала на таящуюся подъ нею упругую энергію.

„И такъ упруги и энергичны были изгибы голеней и стопъ.

„Пламенѣла всѣмъ тѣломъ, словно огонь пронизалъ всю сладкую, всю чувствующую плоть.

„Хотѣла, хотѣла приникнуть, прильнуть, обнять.

„Если бы онъ пришелъ!" И т. д., и т. д.

Алкина, Екатерина Николаевна, учительница гимназіи, соціалдемократка, „холодная, спокойная". Имѣетъ сына, работаетъ въ организаціи. Дама безъ предразсудковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ такая сцена:

„Вздрогнула. Встала. И вдругъ перестала волноваться. И на ея блѣдномъ лицѣ, казалось, живы были только губы, яркія, медленно говорящія.

„Спросила спокойно:

— „Георгій Сергѣевичъ, вы меня приласкаете?

„Триродовъ улыбнулся. Онъ сидѣлъ спокойно въ креслѣ, смотрѣлъ на нее прямо и спокойно, и немного замедлилъ отвѣтомъ. И Алкина спросила опять съ печалью и кроткою покорностью:

— Можетъ быть вамъ некогда? Или не хочется?

— Нѣтъ, Катя, я радъ вамъ,—спокойно отвѣтилъ Триродовъ.—Тамъ будетъ вамъ удобно,—сказалъ онъ, показывая глазами на открытую дверь въ маленькую сосѣднюю комнату, изъ которой уже не было другого выхода.

— Если позволите, я лучше здѣсь раздѣнусь,—сказала Алкина, слегка краснѣя.—Мнѣ радостно, чтобы вы на меня долго смотрѣли."

Далѣе:

„Проворно и ловко раздѣлась. Нагая, стала передъ Триродовымъ. Подняла руки—и была вся длинная, гибкая, какъ бѣлая змѣя. Сжала скрестивъ пальцы вытянутыхъ вверхъ рукъ и потянулась всѣмъ тѣломъ, такая стройная и гибкая, что казалось, вотъ-вотъ совьется бѣлымъ кольцомъ".

Далѣе:

„— Катя, бѣлизна вашего тѣла—не гипсъ. Это—мраморъ, слегка розовый. Это—молоко, влитое въ алый хрустальный сосудъ. Это—горный снѣгъ, озаренный догорающею зарей. Эта—бѣлая мечта, пронизанная розовымъ желаніемъ.

— Сегодня вы опять сдѣлаете съ меня сколько-нибудь снимковъ, да? Иначе я буду плакать о томъ, что я такая некрасивая, такая худая, что вы не хотите вспомнить иногда о моемъ лицѣ и о моемъ тѣлѣ.

„— Да, — сказалъ Триродовъ—у меня есть нѣсколько приготовленныхъ пластинокъ.

„Алкина засмѣялась радостно". Сказала:

„— Сначала поцѣлуйте меня".

Далѣе:

— «Я читала недавно кое-что о садизмѣ и мазохизмѣ. Это, должно быть, можетъ увлечь. Мой мужъ былъ такой корректный. Злой и вѣжливый. Не билъ меня,—что же, не даромъ же онъ интеллигентный человѣкъ,—и даже не говорилъ очень грубыхъ словъ. Хоть бы дурой когда назвалъ. Теперь мнѣ кажется, что я не ушла бы отъ него, если бы наши ссоры не протекали такъ тихо, если бы онъ меня билъ, таскалъ за косы, хлесталъ бы чѣмъ-нибудь».

Далѣе:

„— Алкина взглянула на него быстрымъ взглядомъ. Улыбнулась, и сказала:

„— Точно дѣломъ занимаемся. Скучно же такъ, безъ всякихъ фіоритуръ.

„— Чего же вы хотите?—спросилъ Триродовъ.

„— То, что мы дѣлаемъ, въ сущности, очень добродѣтельно,—говорила Алкина.—Меня бы порадовалъ, хотя бы самый легкій налетъ извращенности".

Ну, довольно о герояхъ. А вотъ вамъ жанровая сценка:

„Были студенты и курсистки.

„Такъ радостно взволнованы были юные! Такъ волновались всѣ собравшіеся! Такъ сладко были взволнованы мечтою освобожденія, такъ нѣжно и страстно были въ нее влюблены!

„И не одно здѣсь было юное сердце, въ которомъ дѣвственная страсть сочеталась съ мечтою освобожденія, и въ восторгѣ освобожденія пламенѣли пламенѣя юная, жаркая любовь,—освобожденіе и любовь, возстаніе и жертва, вино и кровь,—сладостная мистерія любви жаждущей и отдающейся! И не одни загорались очи, увидѣвъ милый образъ, и не одни шептали уста:

— И онъ здѣсь!

— И она здѣсь!

— И въ тѣни за поляной, гдѣ не видятъ нескромные взоры, нетерпѣливыя уста въ робкій и быстрый сливались поцѣлуй. И отпрянули другъ отъ друга.

— Мы не опоздали, товарищъ?

— Нѣтъ, товарищъ Наталья, еще не опоздали.

Сказано сладкое имя.

— Пойдемте, однако, туда, товарищъ Валентинъ.

„Сладкое сказано имя".

Вы думаете, это друзья г-на Сологуба собрались на веселую вакханалію—подальше отъ взоровъ полиціи? Нѣтъ, это, видите ли, должно изображать соціалдемократическую массовку. Занятная штука, эта соціалдемократія!

Изъ такихъ порнографическихъ элементовъ составленъ „соціалдемократическій" романъ Ѳедора Сологуба. И эта суздальская мазня преподносится съ развязнымъ заявленіемъ: „беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ". Было бы правильнѣе написать: „беру кусокъ бумаги, гладкой и бѣлой, и пишу на ней, что взбредетъ въ голову, ибо—есть еще неразборчивые издатели, которые платятъ за это деньги, и наивные читатели, которые принимаютъ меня въ серьезъ".

Г. Сологубъ, какъ видно, очень внимательно изучалъ соціалдемократовъ и, особенно, соціалдемократокъ. Но, въ силу психологической неизбѣжности, онъ воспринялъ только то, что было доступно его пониманію. Какъ жаль, что члены соціалдемократической фракціи 2-й Думы, представъ передъ судомъ, не вызвали г. Сологуба въ качествѣ эксперта; тогда бы ясно стало, что соціалдемократическая партія не „преступное сообщество, имѣющее цѣлью и проч.", а просто

незарегистрованный кружокъ поощренія всесторонних половыхъ сношеній. И вмѣсто каторги депутаты пріобрѣли бы чисто сологубовскую популярность.

Какъ ни различны по настроенію, по тону, по характеру переживаній разсказъ Леонида Андреева и романъ Ѳедора Сологуба,—они растутъ изъ одного корня, они—плодъ одного и того же настроенія. Это—своеобразная ликвидація революціи, идущая параллельно, хотя и враждебная оффиціальной ликвидаціи. Оскудѣвающая интеллигенція, которая всегда не прочь была поговорить о пользѣ свободы, возлагали большія надежды на революцію, на ея двигателя—пролетаріатъ и на его руководителя—соціалдемократію. Когда же ея надежды не сбылись, она начала развѣнчивать свои вчерашніе кумиры. Пошло повальное мародерство: клеветать на революціонеровъ вообще, на соціалдемократію, въ частности, стало признакомъ хорошаго тона среди якобы демократической интеллигенціи. Послѣдняя стала добровольнымъ въ силу своей ограниченности пособникомъ религіи.

Бѣгство мелкобуржуазной интеллигенціи отъ пролетаріата, представляетъ исторически неизбѣжное явленіе. Послѣ неудачныхъ революціонныхъ взрывовъ оно сказывается особенно рѣзко. Но русская интеллигенція и это дѣло не могли обставить сколько-нибудь прилично: она дѣлаетъ его въ наиболѣе унизительной формѣ—въ формѣ мародерства. И, въ концѣ концовъ, совершенно безразлично, что бы не противопоставляли „правдѣ“ борцовъ вчерашняго дня: „разумную“ ли умѣренность „реальныхъ политиковъ“, анархическое ли торжество „тьмы“, разгулъ ли обезумѣвшей плоти,—ибо здѣсь только разница темпераментовъ, а смыслъ одинъ и тотъ же: бѣгство неустойчивыхъ, безвольныхъ общественныхъ элементовъ отъ упорной, послѣдовательной, неослабной борьбы.

Въ добрый часъ, господа. Жалѣть объ потерѣ не приходится. Но скажите—въ интересахъ вашего же самоуваженія, скажите—неужели вы не можете совершить своего отступленія безъ мародерства, безъ отравленія воздуха міазмами тлѣнья?

И. Орловскій.

Религія и революція.

(Д. Мережковскій. «Не миръ, но мечъ»).

Что русская революція рѣзко отличается отъ своихъ предшественницъ, революцій Западной Европы, это давно стало общимъ мѣстомъ. Что эти отличія не случайныя, мѣстныя, а коренныя, *эволюціонныя*,—объясняемыя тѣмъ, что въ Россіи мы имѣемъ дѣло съ болѣе позднимъ типомъ движенія, объ этомъ также не слышно споровъ. Къ сожалѣнію мы слишкомъ скоро успокаиваемся на общихъ мѣстахъ. Если русская революція оригинальна, то въ чемъ же именно состоитъ эта оригинальность? Въ чемъ *новизна типа* русской революціи сравнительно съ предшествующими? Говорятъ о сложности процесса—въ связи съ этимъ о его длительности, затяжности; но, вѣдь, это не многимъ больше общаго мѣста. Говорятъ о совершенно исключительной по своей силѣ и остротой классовой сознательности русской революціонной борьбы,—первой борьбы, гдѣ съ самаго начала пролетаріатъ не былъ орудіемъ чужихъ интересовъ, а съ открытыми глазами боролся за свои собственные. Но, констатировавъ этотъ фактъ,—или, вѣрнѣе, молчаливо считая его констатированнымъ, сейчасъ же принимаются спорить, хорошо это или дурно, что русскій рабочій не далъ впрячь себя въ хомутъ буржуазной революціи... И за тактическимъ споромъ о вчерашнемъ днѣ подлинная конкретная дѣйствительность скрывается, какъ за туманной завѣсой: научнаго описанія даже этой, наиболѣе осознанной, стороны русской революціи мы не имѣемъ. Пора бы,—въ особенности пора бы тѣмъ, кто причисляетъ себя къ научнымъ соціалистамъ—вспомнить, что цѣлый общественный классъ, какъ и цѣлый народъ, не можетъ быть ни правымъ, ни виноватымъ, не можетъ ни „поступать правильно, ни дѣлать ошибокъ“ И что судить революцію такъ же смѣшно, какъ подводить подъ статью уголовнаго уложенія изверженіе вулкана. Пора научиться „не плакать, не смѣяться, а понимать“,—въ особенности, когда отъ этого пониманія зависитъ наше будущее. А понимать есть что: оригинальность нашего революціоннаго процеса. вовсе не сводится только къ сознательному выступленію пролетаріата. Въ связи съ этимъ, мы имѣ-

емъ и такой, напримѣръ, вторичный, но не менѣе важный признакъ: удивительную организованность борьбы, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, почти полное отсутствіе стихійныхъ порывовъ, такъ характерныхъ не только для раннихъ революцій XVI—XVII вѣковъ, но даже и для великой французской революціи. Мы опять не будемъ спорить, хорошо это или дурно, что непосредственный взрывъ „народнаго чувства" у насъ почти всегда уступалъ мѣсто директивамъ и резолюціямъ разныхъ комитетовъ и конференцій, съ одной стороны,—и указаніямъ департамента полиціи на сторонѣ противоположной. Богъ революціоннаго безумія рѣдко спускался къ намъ даже въ разгарѣ борьбы. Міръ не видѣлъ болѣе трагической революціи—но эта трагедія совершалась за кулисами: она станетъ,—и уже стала,—достояніемъ бытовыхъ воспроизведеній революціонной жизни, но въ исторію революціи она не попадетъ. Исторію французской революціи не разскажешь, не упоминая на каждомъ шагу объ отдѣльныхъ лицахъ, живыхъ индивидуальностяхъ: Мирабо или Лафайета, Дантона или Робеспьера. Исторія русской революціи какъ будто нарочно дѣлалась для учебниковъ новаго типа,—избѣгающихъ собственныхъ именъ. Ее очень удобно можно будетъ разсказывать, называя только партіи и организаціи. А можетъ ли организація быть героиней трагедіи?

Съ этой безличностью русской революціи связана, далѣе, другая черта—и о ней то напоминаетъ недавно вышедшая книга Мережковскаго, заглавіе которой мы выписали выше. Если въ исторіи нашей революціи — даже въ самые трагическіе, за душу хватающіе, моменты—гораздо больше „ума", чѣмъ „чувства", то одна разновидность „чувства" въ ней совершенно отсутствуетъ: это чувство религіозное. Русская революція—самая „свѣтская", самая „мірская" изъ всѣхъ, которыя когда-либо были. Мы вовсе не принадлежимъ къ тѣмъ, кто всякую религіозность, всякую мистику an und für sich считаетъ реакціонной. Если религія въ наши дни является тормазомъ — и ничѣмъ инымъ быть не можетъ — то это не значитъ, что и всегда такъ было. Религіозное чувство могло принимать болѣе и менѣе совмѣстимыя съ прогрессомъ формы — и борьба первыхъ со вторыми могла принимать, и дѣйствительно подчасъ принимала, подлинно революціонный характеръ. Выраженіе „революціонная мистика" вовсе не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія; было время, когда революціонность была даже неотдѣлима отъ мистики, когда люди требовали свободы на томъ основаніи, что„ Христосъ освободилъ всѣхъ" и равенства потому, что „передъ Богомъ всѣ равны", когда пророки и визіонеры были руководителями политическихъ движеній — а свобода религіозной совѣсти главнымъ, чуть ли не

единственнымъ типомъ „свободы“ вообще. Исторически можно прослѣдить, какъ по крайней мѣрѣ двѣ изъ классическаго канона современныхъ намъ „свободъ“ — свобода печати и свобода слова и сходокъ—развились изъ свободы совѣсти. Все это несомнѣнно было когда-то,—и если бы русская революція была простымъ запоздалымъ повтореніемъ того, что происходило на Западѣ, въ той или иной формѣ, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ это было бы и у насъ. Но въ томъ то и дѣло, что Россія не повторяетъ исторію Запада, а двигаетъ ее дальше: въ чемъ, конечно, приходится видѣть не какую-либо особую благодать, присущую русскому народу, а одно изъ естественныхъ послѣдствій все возрастающей политической солидарности всей Европы,—опирающейся, въ свою очередь, на солидарность экономическую. Уже въ концѣ XIX вѣка французское движеніе, начавъ гораздо позже англійскаго, ушло гораздо дальше его—и дало новый типъ. На порогѣ XX вѣка въ Россіи мы имѣемъ слѣдующую ступень эволюціи. А однимъ изъ эмпирическихъ законовъ этой послѣдней и является постепенное убываніе религіознаго элемента. Великія народныя движенія XVI вѣка такъ полно и совершенно скрываютъ экономику и политику подъ мистикой, что современникъ совершенно не умѣлъ снять съ переживаемаго имъ религіозную оболочку — и это удалось лишь позднѣйшему научному анализу, да и то не очень скоро. Англійскій „великій бунтъ“ XVII вѣка былъ послѣдней изъ революцій, шедшихъ подъ знакомъ мистики. Но даже и кульминаціонный пунктъ французской революціи, кратковременное торжество якобинской республики, не обошелся безъ „культа верховнаго существа“; а кто лучше использовалъ реакцію начала XIX вѣка, католическое духовенство или феодальное дворянство, объ этомъ еще можно спорить. У насъ—это особенно характерно—и реакція носитъ чисто свѣтскій характеръ: не православная церковь использовала „союзъ русскаго народа“ (какъ нѣкогда іезуиты использовали аналогичную „конгрегацію“); а, наоборотъ, этотъ союзъ, основанный вполнѣ свѣтскими жандармами и сыщиками, пытается не безъ успѣха использовать православную церковь—и сдѣлать ее своимъ служебнымъ орудіемъ.

„Но неужели Мережковскій доказываетъ это?“, съ недоумѣніемъ спроситъ читатель, знакомый съ убѣжденіями и прошлой дѣятельностью почтеннаго поэта. О, конечно, нѣтъ. Г. Мережковскій доказываетъ, напротивъ, что русская революція есть самая религіозная изъ всѣхъ, которыя когда-либо были и будутъ. Но его новая книга принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя, будя мысль читателя, съ неотразимой силой влекутъ ее къ выводамъ, какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, къ какимъ хотѣлъ привести ее авторъ.

Исходныя точки г. Мережковскаго настолько очевидно фальшивы, а его аргументація такъ кристально ясна, такъ художественно очеканена, такъ мало замаскировываетъ коренную фальшь основной идеи,—что иного результата, по нашему мнѣнію, быть не можетъ. И мы не колеблясь, объявляемъ книгу Мережковскаго одной изъ полезнѣйшихъ книгъ о русской революціи, появившихся за послѣднее время. Нельзя придумать лучшаго орудія для разрушенія предразсудковъ, оставшихся нашему поколѣнію въ наслѣдство отъ поколѣнія Владиміра Соловьева—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для выясненія одной изъ характернѣйшихъ индивидуальныхъ особенностей русской революціи.

Отсутствіе тумана, какимъ любятъ опутывать свою мысль мистики и идеалисты—въ сущности, двѣ разновидности одного и того же вида, хотя не всякій идеалистъ рѣшится открыто признать себя мистикомъ—пріятно поражаетъ съ первыхъ же страницъ книги г. Мережковскаго, тѣхъ страницъ, которыя посвящены характеристикѣ самой проблемы религіи. Постановка вопроса даже чужда всякой ложной сантиментальности, такъ противной—и такъ, однако, распространенной у богослововъ по профессіи. „Религіозное чувство есть высшій метафизическій предѣлъ физическаго чувства самосохраненія", говоритъ Мережковскій, „предѣлъ, который достигается изъ всѣхъ животныхъ однимъ человѣкомъ, сознающимъ смерть. Я знаю, что умру; но хочу жить и послѣ смерти—вотъ начало религіи" (стр. 4). Я боюсь смерти, поэтому мнѣ нуженъ Богъ, который гарантировалъ бы мнѣ безсмертіе; что это, какъ не классическое „primos in orbe deos fecit timor" стараго римлянина,—перваго, у кого мелькнула мысль о научномъ объясненіи религіознаго чувства? Г. Мережковскому, какъ — да проститъ онъ намъ это сравненіе—дикарю каменнаго вѣка, нужно безсмертіе вполнѣ реальное, безсмертіе плоти и крови. Онъ очень сѣтуетъ, что „воскресеніе Плоти, которое требуетъ безмѣрнаго, огненнаго мистическаго реализма, можно бы почти сказать, мистическаго матеріализма, нечувствительно подмѣнилось, такъ-называемымъ „безсмертіемъ души", которое довольствуется умѣреннымъ и тепловатымъ идеализмомъ, этимъ подогрѣтымъ блюдомъ до христіанской философіи" (стр. 22). И онъ, конечно, совершенно правъ: „безсмертіе души" есть компромиссъ между эмпиріей и догматомъ, между здравымъ смысломъ и мистическимъ безуміемъ,—а такой компромиссъ не дѣлаетъ чести обѣимъ сторонамъ, затушевывая истинную сущность дѣла.

Въ поискахъ этого матеріальнаго безсмертія—вся суть религіознаго развитія: въ воскресеніи Христа—тѣлесномъ, плотскомъ воскресеніи—вся сущность христіанства. „Или весь міръ безуміе, проклятье и хаосъ, и человѣкъ—жертва этого

безумія;—или Христосъ, воистину, воскресъ". (стр. 20). Но христіанство отреклось отъ этой своей сущности: отвергнувъ плоть, признавъ ее источникомъ зла и грѣха, оно отодвинуло на задній планъ и полное, матеріальное безсмертіе. „И ежели христіанство не прокляло окончательно всей плоти міра, всего объективнаго бытія, какъ царства дьявола, то лишь по недостатку метафизической послѣдовательности" (стр. 28). Упрекъ не совсѣмъ справедливъ: въ дуалистическихъ сектахъ европейскаго средневѣковья *) этотъ выводъ *былъ* сдѣланъ. И если оффиціальная церковь признала дуалистовъ еретиками, то это—лишняя иллюстрація того компромисса со здравымъ смысломъ, о которомъ говорилось выше. „Но повторяю и настаиваю: отверженіе плоти вовсе не временная ошибка, которую христіанство можетъ исправить, а вѣчный предѣлъ, котораго ему нельзя переступить" (стр. 29). Поэтому Мережковскій и не ждетъ ничего отъ историческаго христіанства, „безнадежно противуобщественнаго" (стр. 33). „Во всемірномъ освободительномъ движеніи нѣтъ того религіознаго сознанія, нѣтъ исповѣданія Бога, Отца и Сына, но есть неисповѣданное дыханіе Духа, о которомъ сказано: *Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и никто не знаетъ, откуда приходитъ и куда уходитъ*", (тамъ же). Человѣчество найдетъ разрѣшеніе религіозной проблемы только „въ Третьемъ Завѣтѣ". Только этому третьему завѣту суждено основать „Вселенскую церковь"—„какъ Царство, не только духовное, но и плотское, не только внутреннее, но и внѣшнее, не только небесное, но и земное" (стр. 37).

Что это *третье* царство Мережковскій связываетъ съ *третьимъ* лицомъ св. Троицы—съ Духомъ святымъ—это уже схоластика, логически не вытекающая изъ его религіозной концепціи, схоластика, оставляющая досадное впечатлѣніе: поднялся человѣкъ, на словахъ, „выше облака ходячаго", выше самого христіанства (шутка сказать!)—и завязъ въ болотѣ средневѣковаго богословія, т. е. одной изъ разновидностей *казеннаго* христіанства. Пусть католическіе монахи танцовали отъ этой печки (третье царство—Святаго Духа не новость для того, кто знакомъ съ религіозными движеніями XIII вѣка)—они такъ были воспитаны, что не могли мыслить иначе. Но Мережковскому-то, который такъ легко преодолѣваетъ такого „кита", какъ аскетизмъ, къ чему путать себя этой игрой въ цифры? **).

---

*) У насъ въ Россіи имъ соотвѣтствовали „строгольники" XIV в. и „жидовствующіе" XV в.

**) „Тайна личности, цѣли и общественности, тайны Одного, Двухъ и Трехъ разрѣшится только въ этомъ послѣднемъ царствѣ, послѣднемъ откровеніи Трехъ въ Единомъ и Единаго въ Трехъ" (стр. 39).

Но оставимъ эту отрыжку православнаго богословія,— интересную только, какъ доказательство до чего трудно богословски мыслить внѣ историческихъ рамокъ, при всемъ желаніи отрѣшиться отъ послѣднихъ,—и присмотримся къ основной мысли Мережковскаго, какъ она вырисовывается передъ нами. Освободительное движеніе не было до сихъ поръ религіознымъ, говоритъ онъ. Но можетъ ли оно стать религіознымъ, понимая религію такъ, какъ понимаетъ ее Мережковскій? Имѣетъ ли *эта* религія какое-нибудь отношеніе къ свободѣ? Не существуетъ ли между ними, напротивъ, непримиримаго противорѣчія? Не представляетъ ли въ этомъ случаѣ прогрессъ даже христіанство, съ его „подогрѣтымъ блюдомъ“ безсмертія одной души? Кого, когда и гдѣ освобождалъ страхъ? Не былъ ли, напротивъ, рабій страхъ дикаря передъ „силами не здѣшними“ источникомъ его вѣчной унизительной зависимости передъ здѣшними, вполнѣ реальными, шаманами и колдунами? Дѣйствительно ли, далѣе, самая проблема смерти такъ непреодолима, что отъ нея можно спастись только мистическими прыжками въ „третье царство“?

Постановка послѣдняго вопроса,—а по существу перваго, потому что отъ него все зависитъ—у Мережковскаго такова, что лучшей его противникъ пожелать не могъ бы. Можно сказать, что онъ даже слишкомъ много далъ авансовъ тому „догматическому матеріализму“, о которомъ онъ презрительно отзывается, какъ о „закоренѣлой привычкѣ ума“ (стр. 21). Историческая религія могла бы защищать себя лучше, чѣмъ это дѣлаетъ богословъ XX вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, чего боится Мережковскій въ смерти,—а боится онъ ея панически: „въ какой бы мѣрѣ ни побѣдилъ человѣкъ силы природы, достаточно *одной возможности смерти* (курс. нашъ. *М. П.*), какъ уничтоженія личности „для того, чтобы уничтожить всю реальность бытія: ежели смерть есть, то ничего нѣтъ, кромѣ смерти; ежели смерть есть, то все—ничто“ (стр. 13). Итакъ—въ смерти страшно „уничтоженіе личности“: такъ страшно, что одна возможность его не даетъ жизни Мережковскому. Достаточно припомнить фактъ, къ сожалѣнію повседневный, для того, чтобы видѣть,—что это страхъ индивидуальный, страхъ самаго Мережковскаго или, если угодно, людей его склада, но отнюдь не страхъ общечеловѣческій: этотъ фактъ—самоубійство. Съ точки зрѣнія Мережковскаго самоубійство должно быть совершенно необъяснимымъ чудомъ: ибо здѣсь человѣкъ сознательно подвергаетъ себя не опасности только „уничтоженія индивидуальности“, а прямому и несомнѣнному ея уничтоженію. Это фактъ бытовой, историческій—опровергающій всеобщность положенія Мережковскаго: а если его положеніе не всеобще, то на немъ нельзя основать религію, по-

тому что всеобщность, абсолютность есть одинъ изъ основныхъ признаковъ всего, что притязаетъ на званіе *религіозной* истины. *) Но, исторически несостоятельное, его утвержденіе не много крѣпче и въ своемъ философскомъ основаніи: не только нѣтъ того, что онъ утверждаетъ, но и мыслить этого нельзя безъ логической ошибки. Историческая религія, со своимъ понятіемъ о душѣ—субстанціи, вѣчной и неизмѣнной, по своему весьма правильно вела борьбу съ понятіемъ эволюціи—непрерывнаго и постояннаго измѣненія. Мережковскій признаетъ эволюцію, называетъ ее „величайшимъ открытіемъ опытнаго разума“ (стр. 17) — и, тѣмъ самымъ, отнимаетъ у себя всякое право и всякую возможность говорить о личности—субстанціи, постоянной и неизмѣнной. Если все мѣняется, мѣняюсь и я. Личность есть лишь непрерывный потокъ моихъ переживаній. Въ этомъ потокѣ есть части болѣе устойчивыя, есть части болѣе переходящія: но абсолютно устойчиваго нѣтъ ничего. За продолжительный промежутокъ времени „личность“ можетъ самымъ радикальнымъ образомъ измѣниться: когда она умерла, и что теперь живетъ подъ тѣмъ же именемъ? Кто можетъ на это отвѣтить? „Наше *Я* столь же мало абсолютно постоянно, какъ и тѣло. Чего мы собственно боимся, когда мы боимся смерти? Мы боимся только уничтоженія постоянства нашего *Я*. Но это уничтоженіе происходитъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ уже въ теченіе нашей жизни **).

„Само собою разумѣется, что мы говоримъ лишь о смерти нашего *Я*“, прибавляетъ Махъ,—т. е. именно о томъ, чего такъ боится Мережковскій. „Въ случаѣ же *физіологической* смерти всѣ эти разсужденія утѣшеніемъ служить не могутъ“. Когда говорятъ о страхѣ смерти не-философы, то они, обыкновенно, имѣютъ въ виду именно страхъ этой „физіологической“ смерти. Тутъ есть два момента. Одинъ, легче преодолимый, это—страхъ физическихъ страданій, обыкновенно сопровождающихъ смерть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что будь изобрѣтено средство умирать абсолютно безболѣзненно, и притомъ съ полной гарантіей этой безболѣзненности, число самоубійствъ въ нашъ вѣкъ жестокой борьбы за существованіе возросло бы въ невѣроятной прогрессіи: болѣзненность акта смерти является, въ данномъ случаѣ, признакомъ очень полезнымъ для вида, хотя и весьма непріятнымъ для индивидуума. Но муки смерти преодолѣть, повторяемъ, все же можно,—почему и возможно самоубійство. Но чего человѣкъ абсолютно не можетъ перенести, противъ чего возмущается все его существо—это *насильственность смерти*, не-

*) „Религіозное, то-есть абсолютное“—это слова и самаго Мережковскаго, (стр. 131).

**) Э. Махъ, „Анализъ ощущеній“ пер. Котляра, стр. 14.

зависимость ея отъ нашей воли, то, что она приходитъ не когда мы хотимъ, а когда хочетъ слѣпой случай. Вся настоящая борьба со смертью и ведется около этого пункта—ведется и наукой, ведется и, особенно велась—и *религіей*.

Борьба со смертью—есть борьба за свободу: въ этомъ тотъ узелъ, который связываетъ революцію и религію,—и котораго страннымъ образомъ не замѣчаетъ Мережковскій, хотя онъ цѣлую главу посвятилъ, именно, отысканію этой связи (глава вторая: „Революція и религія"). Въ этой главѣ говорится обо всемъ на свѣтѣ: и о самодержавіи, и о Петрѣ Великомъ, и о декабристахъ, и о В. В. Розановѣ—не говорится только о томъ, что дѣлаетъ психологически возможнымъ самую тему: революціонную мистику. Правда, страхъ смерти доводитъ Мережковскаго до мысли объ отчаянномъ, „послѣднемъ" бунтѣ—„бунтѣ человѣка противъ міра и Бога" (стр. 13). Но онъ грозитъ этимъ въ будущемъ; а между тѣмъ борьба со смертью доводила уже давно людей до такихъ революціонныхъ концепцій, которыя дѣлались исходной точкой не для миѳическаго бунта „противъ всего", (который легко можетъ кончиться въ камерѣ больницы для умалишенныхъ), а для наиреальнѣйшаго политическаго бунта—для ниспроверженія всѣхъ властей земныхъ во имя владыки небеснаго. Если не ошибаемся, подъ революціей г. Мережковскій разумѣетъ все-таки борьбу съ этими земными властями,—иначе онъ не тревожилъ бы праха Петра Великаго и декабристовъ,—и даже такихъ сомнительныхъ революціонеровъ, какъ Чаадаевъ. Эти поиски революціи тамъ, гдѣ ея нѣтъ и не было, особенно удивительны потому, что г. Мережковскій, по всей вѣроятности, превосходно знаетъ религіозную исторію европейскаго человѣчества, а въ этой исторіи фигуры „революціонеровъ во имя Божіе" такъ рѣзко бросаются въ глаза, что ихъ даже припоминать не приходится, скорѣе, трудно ихъ позабыть.

Мы потревожимъ тѣнь только одного изъ нихъ, но у этого одного мы найдемъ какъ разъ все, что намъ нужно. „Земные правители сами отрекаются отъ власти, когда возстаютъ противъ Бога,—мало того, они недостойны считаться людьми. Поэтому скорѣе должно наплевать имъ на голову (emspuere in ipsarum corpitor), чѣмъ оказывать имъ повиновеніе, разъ они такъ дерзки, что готовы лишить Бога его права..." Это „бѣшеные звѣри, которые готовы бросить насъ въ адъ". Ихъ не только можно, ихъ должно низвергать—они вещь столь же презрѣнная, „какъ стоптанные башмаки". Республика лучше монархіи, „потому что необычайно рѣдко случается, чтобы короли налагали на себя сдержку и ихъ воля не отступала бы отъ истинной справедливости; настолько же рѣдко бываютъ они одарены

достаточной прозорливостью и разумомъ, чтобы соблюдать во всемъ настоящую мѣру. Вслѣдствіе пороковъ или несовершенствъ человѣческой природы, прочнѣе и легче правленіе многихъ лицъ". „Это доказано и опытомъ всѣхъ временъ, и подтверждено волею Господа, учредившаго у израильтянъ аристократію, близкую къ полотіи (т. е. къ демократіи), когда онъ хотѣлъ поставить ихъ въ наилучшія условія".

Извиняемся передъ читателемъ за длинныя выписки изъ проповѣдей XVI вѣка, но г. Мережковскій, приведя совершенно аналогичныя по содержанію, хотя, нужно сказать, гораздо болѣе сжатыя и сильныя, мѣста изъ знаменитаго „Православнаго катехизиса" декабриста Муравьева, хочетъ увѣрить насъ, что въ этомъ „катехизисѣ" „данъ послѣдній предѣлъ революціи религіозной, можетъ быть, не только русской, но и всемірной" (стр. 60). Если это такъ, то предѣлъ былъ данъ давнымъ давно авторомъ цитированныхъ нами проповѣдей,—которымъ былъ не кто другой, какъ Кальвинъ. Прибавимъ, что никакого „предѣла" онъ, конечно, не положилъ—былъ на практикѣ очень обыкновеннымъ буржуазнымъ республиканцемъ, и у себя въ Женевѣ завелъ весьма свирѣпые полицейскіе порядки. Но его проповѣди отмѣтили первые шаги грандіознаго антимонархическаго движенія, внесшаго самыя яркія страницы въ европейскую исторію XVI—XVII вѣковъ: того движенія, эпилогъ котораго разыгрался въ Лондонѣ, на площади передъ Вайтголломъ, когда казнили тамъ Карла Стюарта. Картина, какъ извѣстно, вдохновившая нашего Радищева въ его одѣ о вольности. Невольно является мысль, что и „Катехизисъ" декабристовъ навѣянъ воспоминаніями объ этой кальвинистской революціи и аргументаціи тогдашнихъ революціонеровъ: совпаденіе тутъ и тамъ ссылки на книгу Царствъ, едва ли случайность. Разница только въ томъ, что республиканцы XVI вѣка принимали подобныя ссылки, конечно, буквально „съ наивной вѣрой"; а декабристы и сочинили-то свой „катехизисъ" только потому, что „такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа".

Прежде, чѣмъ перейти къ логической связи, которая ведетъ отъ страха смерти къ бунту противъ царей, мы не можемъ, однако же, оставить Мережковскаго и декабристовъ, не сдѣлавъ еще одного замѣчанія. Декабристы—единственные настоящіе русскіе революціонеры, которыхъ Мережковскій самъ нашелъ возможнымъ завербовать въ свою мистическую армію. Дальше идутъ люди, могущіе быть названными революціонерами лишь очень метафорически: кромѣ упомянутыхъ уже нами Чаадаева и Вл. Соловьева, еще Гоголь (!), Достоевскій, Л. Толстой и—В. Розановъ, „болѣе страшный, чѣмъ Ничше" (стр. 85). Ничего еще болѣе страш-

наго Мережковскій не нашелъ—и въ его генеологіи русской революціи начисто отсутствуютъ и петрашевцы, и Чернышевскій, и народовольцы: ибо найти у всѣхъ этихъ подлинныхъ русскихъ революціонеровъ что-нибудь мистическое ужъ совершенно невозможно. О Радищевѣ и Герценѣ упоминается мимоходомъ—но и они, явное дѣло, мало годятся. Декабристы, среди которыхъ мистики были, единственная точка опоры. И вотъ, на этомъ самомъ критическомъ пунктѣ Мережковскаго настигаетъ жестокое испытаніе. Высшей точкой, до которой дошло мышленіе декабристовъ, былъ Пестель: а онъ, какъ нарочно, атеистъ. Лучшаго доказательства, что мистицизмъ не составляетъ сути и декабристской идеологіи, а былъ лишь однимъ изъ преходящихъ второстепенныхъ условій, нельзя и придумать. Во всемъ другомъ декабристы только не дошли до Пестеля, но шли по той же дорогѣ. А здѣсь они рѣзко расходятся. Это доводитъ Мережковскаго до такого отчаянія, что онъ неожиданно вспоминаетъ старые, престарые прописи—которыми теперь, за ветхостью ихъ, стыдно пользоваться. Да Пестель „и не русскій“ восклицаетъ онъ: „по крови и духу онъ чистый нѣмецъ“. Вотъ тебѣ на! Впервые слышу, что нѣмцамъ чуждъ мистицизмъ. А Лютеръ?! Въ семинарскихъ учебникахъ, правда, о нѣмецкомъ „раціонализмѣ“ много написано. Но православное духовенство, какъ извѣстно, склонно видѣть раціонализмъ во всякомъ покушеніи на его, духовенства, доходы. Это уже отрыжка не средневѣковымъ богословіемъ, а прямо — извиняюсь за грубое сравненіе — постнымъ масломъ.

Такое свидѣтельство о бѣдности, выданное авторомъ самому себѣ, лучше всего другого доказываетъ, что съ русской революціей у Мережковскаго дѣло обстоитъ совсѣмъ плохо: не даромъ въ революціонеры пришлось завербовать В. Розанова, который вѣроятно, очень испугался, прочтя такую себѣ аттестацію. Правда, для него есть смягчающее обстоятельство: онъ „революціонеръ поневолѣ“ (стр. 86).

Добровольно же онъ пишетъ, какъ извѣстно, въ „Новомъ Времени“, что хотя и кладетъ на него „неизгладимое клеймо реакціи“ „въ глазахъ простодушныхъ русскихъ революціонеровъ“, но за то смываетъ въ глазахъ начальства всѣ политическіе грѣхи—настоящіе, прошедшіе и будущіе. Но оставимъ этотъ эпизодъ. Для насъ интереснѣй какъ приходили къ настоящей революціи подлинные, а не импровизированные, представители революціоннаго мистицизма,—въ родѣ Кальвина и англійскихъ индепендентовъ. Мы сказали, что „страхъ смерти“ сводится, въ конечномъ счетѣ, къ неувѣренности, въ завтрашнемъ днѣ—„сегодня живы, а завтра въ гробу“,—неувѣренности, вызывающей

жгучее негодованіе на зависимость отъ случая, „отъ пустяка". Человѣкъ не можетъ перенести физіологическаго произвола смерти, какъ онъ не можетъ и не хочетъ переносить политическаго и экономическаго произвола: отсюда борьба со смертью есть борьба за свободу. Мы сказали, что эту борьбу ведетъ, каждая своими средствами, и наука и религія. Наука борется съ произволомъ смерти, прежде всего, въ его конкретныхъ проявленіяхъ, суживая тайны этого произвола самымъ осязательнымъ образомъ. Это—самая прозаическая форма борьбы, а показателемъ ея служатъ сухія статистическія таблицы, свидѣтельствующія, что даже на такой навозной кучѣ, какъ Лондонъ, деспотизмъ смерти обуздалъ не хуже королевскаго деспотизма. Но наука борется не только съ произволомъ въ конкретной формѣ,— а и съ самой идеей произвола, доказывая, что въ природѣ произвола нѣтъ, что все закономѣрно, все обусловлено и все можетъ быть понято. А понять природу значитъ побѣдить природу: понять смерть значитъ побѣдить смерть. Для нашего поколѣнія это только грандіозная перспектива,— но для поколѣній, которыя будутъ жить много вѣковъ послѣ насъ, это будетъ простой научный фактъ. Но уже и въ качествѣ перспективы идея обусловленности всего сущаго, идея научнаго детерминизма даетъ человѣку большую увѣренность передъ лицомъ произвола смерти. Закономѣрнаго мы гораздо меньше боимся, чѣмъ случайнаго. Передъ лицомъ *неизбѣжной* смерти самые обыкновенные люди часто становятся героями—вспомнимъ эпоху террора во Франціи и современныя казни. А опасность *возможной*, но не *вѣрной* смерти заставляетъ тысячи людей рабски повиноваться десятку, вооруженныхъ солдатъ. Детерминизмъ есть, поэтому, сильное оружіе въ борьбѣ со страхомъ смерти—и какъ самъ онъ есть суррогатъ полной научной увѣренности, совершеннаго знанія, такъ и у него въ до-научную эпоху были религіозные суррогаты. Такими суррогатами, въ старое время внушавшими человѣку нѣкоторую—иногда очень большую—увѣренность въ себѣ передъ произволомъ смерти, были *бого-одержаніе* (или бого-одержимость) и *предопредѣленіе*: два представленія, тѣсно связанныя между собою. Отъ произвола духовъ, кишѣвшихъ вокругъ человѣка и старавшихся на каждомъ шагу погубить его, дикарь искалъ спасенія въ томъ, что заключалъ особенно тѣсный союзъ съ однимъ изъ этихъ духовъ, старался слиться съ нимъ, ввести его въ себя—и усилиться на всю его силу. Такой человѣкъ, овладѣвшій духомъ и владѣемый имъ—шаманъ, колдунъ, кудесникъ, становился, и въ своихъ собственныхъ, и въ чужихъ глазахъ особенно могущественнымъ и независимымъ отъ произвола смерти. Правда, это была иллюзія—но иллюзія очень помогавшая человѣку въ борьбѣ за существованіе.

дѣлавшая его во много разъ смѣлѣе обыкновенныхъ людей Когда духи превратились въ боговъ, а эти послѣдніе сомкнулись въ единаго Бога, вседержителя неба и земли, „богоодержаніе“ приняло иное значеніе—но не исчезло, какъ фактъ. Совсѣмъ напротивъ: теперь человѣкъ, „принявшій въ себя духа Божія“, укрѣплялся силою единаго владыки вселенной—и чувствовалъ себя сильнѣе кого бы то ни было на свѣтѣ. „Самые послѣдніе изъ насъ—святые“. говорилъ „великій индепендентъ“, Кромвель, открывая свой первый парламентъ „бѣдные, слабые святые, но все же святые“. „Я бѣдный червъ и ничтожный рабъ“, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей (17 іюля 1650 года) но „я призванъ Богомъ для совершеній его дѣла“. Имѣя за плечами самаго Господа Бога, можно было чувствовать увѣренность въ себѣ и своихъ силахъ—и независимость отъ произвола смерти. Кромвелевскіе „святые“ шли подъ пули, какъ на праздникъ—и не было арміи, которая бы устояла передъ ихъ ударами. Само собою разумѣется, что это вовсе не мѣшало имъ стремиться къ вполнѣ свѣтскимъ и вполнѣ реальнымъ цѣлямъ: парламентъ, открывавшійся провозглашеніемъ святости его членовъ, и гдѣ больше молились, чѣмъ говорили о политикѣ, требовалъ, тѣмъ не менѣе, введенія всеобщаго избирательнаго права, пересмотра гражданскаго и уголовнаго законодательствъ, реформы налоговъ и т. д. Но всѣ эти вполнѣ реальныя требованія „святые“ совершенно искренно возводили къ божьей воли—потому что воля Господа для нихъ нераздѣльно сливались съ ихъ собственной. Господь хотѣлъ всего этого—а они только его орудія. Если на пути къ осуществленію божьей воли становился кто бы то ни было—хотя бы король Карлъ I Стюартъ, участь его была рѣшена заранѣе. Его судьи долго молились, исполняя волю господню,—но разъ придя къ сознанію, что Господь требуетъ умилостивленія пролитой крови кровью пролившаго ее, они безъ колебаній отправили Карла на эшафотъ *).

Теорія бого-одержанія, какъ видимъ, непосредственно переходитъ въ теорію предопредѣленія: послѣднее есть только философское обобщеніе перваго. Я такъ хочу—Богъ такъ хочетъ, а такъ какъ послѣдній всевѣдущъ, то все, что я дѣлаю, и что со мною дѣлается, предопредѣлено Богомъ заранѣе. Въ Англіи не можетъ не быть демократической республики, потому что мы, „святые“, этого хотимъ, потому что Богъ этого хочетъ, потому что это предопредѣлено Богомъ отъ начала вѣка. А, что понадобилось именно демократическая республика, это уже объясняется условіями момента и интересами тѣхъ общественныхъ классовъ, изъ которыхъ вышло большинство инде-

*) См. мемуары urs Hutchinson, жены одного изъ судей Карла I.

ненденговъ—городской мелкой буржуазіи и ремесленнаго пролетаріата. Во Франціи „Богъ хотѣлъ“ аристократической, дворянской республики—а въ Голландіи Имъ было предопредѣлено, прежде всего другого, выгнать испанцевъ. Самъ по себѣ, революціонный протестантизмъ былъ индефферентенъ къ формамъ правленія: столь строго судившій монарховъ Кальвинъ не отказывался вступить въ сношенія съ тѣмъ изъ нихъ, кто былъ явно послушенъ божіей волѣ. Другая его вѣтвь—отъ которой, исторически, и пошло англійское инденендентство—нѣмецкій анабаптизмъ, вполнѣ мирился съ монархіей даже у себя дома: его вождь, Янъ изъ Лейдена, какъ извѣстно, самого себя объявилъ „Божіею милостью, царемъ Новаго Израиля“. Но такъ какъ „святые“ воплащали въ себѣ волю Господа, то стоять въ главѣ общества, управлять имъ, должны были именно они и никто другой; а такъ какъ традиціонныя власти нигдѣ и никогда не склонны уступать свое мѣсто кому бы то ни было, хотя бы и „святымъ“, то практически дѣло почти всегда доходило до вооруженнаго возстанія. И приказъ Кромвеля своимъ солдатамъ надъ Денбаромъ: „молитесь Богу и берегите порохъ отъ воды“, могъ бы служить девизомъ всего движенія; а извѣстная картина Рембрандта, изображающая человѣка въ каскѣ и лаптяхъ съ Библіей въ рукахъ,—ея лучшимъ символомъ.

Мы должны ограничиться этими, самыми общими и элементарными чертами мистической революціонности — нашъ блѣдный очеркъ можетъ быть легко пополненъ на основаніи давно переведенной по-русски прекрасной книги Вейнгартена, „Народная реформація въ Англіи“ (такъ пришлось передѣлать гораздо болѣе выразительное заглавіе оригинала: Die Revolutionskirshen Englands, „Революціонныя церкви Англіи“: книга издана въ дни Плеве). Тамъ читатель найдетъ массу яркихъ иллюстрацій по нашему схематическому наброску. Но для нашей ближайшей цѣли достаточно и его. Мережковскій даетъ цѣлую галлерею русскихъ мистиковъ-революціонеровъ. Не будемъ касаться такихъ какъ Гоголь,—завербованный въ революціонеры, очевидно, по совершенному недостатку людей, какъ въ ополченіе берутъ сорокалѣтнихъ отцовъ семейства, съ брюшкомъ и одышкой. Возьмемъ Владиміра Соловьева. Допустимъ, что это не только лучшій русскій стилистъ конца XIX вѣка и талантливый философъ-популяризаторъ—по нашему убѣжденію, главное въ Соловьевѣ именно это, — но и великій религіозный мыслитель, открывшій не виданные ранѣе глубины. Кстати же о немъ можно сообщить нѣчто въ родѣ какъ бы революціоннаго: за одну лекцію ему было воспрещенно преподаваніе и даже вообще публичное выступленіе—мы помнимъ, какъ въ началѣ 90-хъ годовъ хотѣли закрыть Московское Психологическое Общество за то, что Соловьевъ прочелъ тамъ рефератъ.

Пользуясь рѣдкимъ для него случаемъ, Мережковскій подробно разсказываетъ объ этомъ революціонномъ поступкѣ Соловьева (по значенію, которое придаетъ этому факту Мережковскій, слѣдовало бы сказать „о подвигѣ“: но мы боимся, какъ бы это не приняли за насмѣшку съ нашей стороны надъ покойнымъ философомъ — а мы меньше всего желали бы надъ нимъ смѣяться). Онъ заключался въ томъ, что въ день суда надъ Желябовымъ, Перовской и ихъ товарищами, Соловьевъ произнесъ рѣчь, гдѣ доказывалъ, что Александръ III долженъ помиловать убившихъ его отца, и что иначе „русскій народъ отречется отъ царя и пойдетъ по своему отдѣльному пути“. Рѣчь эта страшно подняла аудиторію,—какъ это нерѣдко бывало съ рѣчами Вл. Соловьева. Раздались крики: „Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!“ Но, разсказываетъ г. Мережковскій, „вождемъ русскаго народа Вл. Соловьевъ не сдѣлался. Вести другихъ на революціонное дѣйствіе не могъ бы онъ уже потому, что самъ не довелъ свое революціонное сознаніе до дѣйствія. Если бы онъ былъ послѣдователемъ, то, послѣ казни цареубійцъ, отрекся бы отъ самодержавія и православія и примкнулъ бы къ революціи. И не только примкнулъ бы самъ, но и призвалъ бы къ ней весь русскій народъ. Онъ этого не сдѣлалъ“. (стр. 79). Но мы прибавимъ: и никто изъ слушателей его этого не сдѣлалъ, исключая, можетъ быть, немногихъ отдѣльныхъ единицъ—да и тѣ, навѣрное, руководились совсѣмъ иными мотивами. Какъ это похоже на Кромвеля и его „святыхъ“, не правда-ли? Представимъ себѣ, что послѣдніе въ отвѣтъ на всѣ кровавыя дѣянія Карла I въ пламенной рѣчи сказали бы (и не ему, а такъ, между собою): „плохо ты дѣлаешь, король Карлъ, Богъ тебя осудитъ“—и пошли бы каждый по дѣламъ своимъ. Много бы намъ пришлось читать объ англійской революціи?

Позже, Вл. Соловьевъ былъ реабилитированъ въ глазахъ начальства, и послѣднія свои лекціи, объ антихристѣ, онъ читалъ уже публично безъ всякихъ препятствій. Даже русская полиція поняла, что комнатная революція, ограничивающаяся произнесеніемъ страстныхъ словъ передъ интеллигентной и благовоспитанной публикой, умѣющей понимать, что слова одно, а дѣло другое—что такая революція не опасна. Но другой *мистической* революціи не удалось найти г. Мережковскому за весь многострадальный русскій XIX вѣкъ. Въ *этой* революціи массы систематически отсутствовали,—да она, нужно ей отдать справедливость, никогда и не пыталась добраться до массы. Наши „революціонные“ мистики были очень довольны, когда начальство имъ разрѣшало обмѣниваться ихъ страшными словами въ своемъ кругу,—въ родѣ тѣхъ „религіозно-философскихъ собраній“, о которыхъ съ такой теплотой вспоминаетъ г. Мережковскій. Въ его глазахъ эти малень-

кія собранія становились „преддверіемъ вселенскаго собора“. (стр. 110). Бѣдный! Какая нищета революціи нужна, чтобы радоваться даже такому ломанному грошу! И кто знаетъ—участники этого „преддверія“, быть можетъ, были рады, что „улицу“, „толпу“ къ нимъ не пускаютъ: чего добраго пришла бы эта улица, наговорила грубостей, еще насмѣялась бы. А въ своемъ кругу было такъ красиво, тепло и уютно. Тамъ легко было воображать себя міровыми реформаторами, а свою крохотную революцію—міровымъ событіемъ.

Въ портретной галлереѣ г. Мережковскаго все крупные люди,—иногда великіе люди, какъ Гоголь и Достоевскій: но благодаря ихъ обработки въ ретортѣ кабинетной мистики они приняли такой странный оттѣнокъ, что иной маловѣрный можетъ, пожалуй, усомниться даже въ ихъ величіи. Посудите сами: Достоевскій попалъ въ родословное древо русской революціи не за участіе въ дѣлѣ петрашевцевъ (Боже сохрани!), не за „Мертвый Домъ“, не за „Преступленіе и Наказаніе“, многими сторонами дѣйствительно революціонное, быть можетъ помимо воли автора: а за „одно изъ своихъ самыхъ вѣщихъ произведеній“ за „Бѣсы“ (стр. 72). Патентъ на званіе революціонера далъ великому писателю пасквиль на русскую революцію,—да и пасквиль то плохой, потому что подлинныхъ русскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ Достоевскій зналъ мало и долженъ былъ сочинять свои каррикатуры „изъ головы“. Остается удивиться, почему въ галлерею г. Мережковскаго не попалъ Лѣсковъ,—подъ старость также не чуждый мистики (въ духѣ В. Розанова— мистики „съ клубничкой“—есть и такая разновидность), а съ молоду писавшій пасквили на революціонеровъ, — какъ пасквиль, удачнѣе „Бѣсовъ“: потому что въ лѣсковской „Некуда“ прямо сфотографированы живые люди.

Мы были бы очень огорчены, если бы изъ этихъ словъ кто-нибудь заключалъ, что мы приписываемъ г. Мережковскому сочувствіе къ антиреволюціоннымъ пасквилямъ. О, совсѣмъ напротивъ! Назвавъ „Бѣсовъ“ „самымъ вѣщимъ произведеніемъ“, онъ спѣшитъ тотчасъ же оговориться—и эпиграфъ „Бѣсовъ“ (извѣстный евангельскій разсказъ о томъ, какъ бѣсы вошли въ свиней), Достоевскимъ вполнѣ сознательно, конечно, примѣненный къ „нигилистамъ“—примѣнить къ черносотенцамъ. Г. Мережковскій, нѣтъ сомнѣнія, весьма искренно считаетъ себя революціонеромъ и весьма искренно питаетъ симпатію къ русской революціи. Бѣда въ томъ, что она то его не хочетъ знать съ его академической мистикой.

Бѣда въ томъ, что народной массѣ не такъ легко повернуться на триста лѣтъ назадъ, какъ легко можетъ это сдѣлать полу-серьезно, полу-играючи, тѣсный кружокъ ли-

тераторовъ. Какъ это трудно дѣлается не только массой, но вообще живыми, не академическими людьми, показываетъ примѣръ единственнаго „мистическаго революціонера“ въ галлереѣ г. Мережковскаго, къ которому (т. е. мистическому революціонеру, а не г. Мережковскому) во всякомъ случаѣ не приложимо названіе „кабинетнаго“. Это—Л. Толстой. Во-первыхъ, г. Мережковскій долженъ сознаться, что Толстой—не мистикъ. „Евангельскую мистику, послѣднее соединеніе духа и плоти, (онъ) подмѣняетъ отчасти поверхностнымъ философскимъ раціонализмомъ, упраздняющимъ всякую мистику, какъ суевѣріе, отчасти глубокою, но не христіанскою, а будійскою метафизикою“ (стр. 74). А во-вторыхъ, Толстой и не революціонеръ: „Какъ это опять ни странно сказать, Толстой—анархистъ, но не революціонеръ. Онъ отрицаетъ политическую революцію, какъ всякое внѣшнее общественное дѣйствіе“ (тамъ же). Все это, конечно, справедливо: но тогда къ вамъ то, къ русскому революціонному мистицизму, какое же Толстой имѣетъ отношеніе?

Но отчего же у насъ въ Россіи, мистика не имѣетъ никакого отношенія къ революціи, а революція не заключаетъ въ себѣ ни уголка мистики, тогда какъ вообще выраженіе „революціонная мистика“ вполнѣ законно, и самое явленіе, исторически, несомнѣнно имѣло мѣсто? Отчего наши мистическіе революціонеры ратоборствуютъ на своихъ журфиксахъ, наивно утѣшая себя тѣмъ, что эти журфиксы „преддверіе вселенскаго собора“, а не идутъ на площадь, къ народу, какъ это дѣлали представители революціонной мистики XVI—XVII вѣковъ? Отвѣтъ на это намъ даютъ тѣ *соціальныя* и *культурныя* условія, среди которыхъ развивались въ тѣ далекія времена подлинная революціонная мистика—мистика революціоннаго протестантизма *).

Мистико-революціонное движеніе, высшей точкой котораго были англійскія радикальныя секты XVII в., взятое, какъ цѣлое, для всей Европы, является передъ нами съ типичными чертами *городской* революціи. Съ самаго начала, возьмемъ ли мы его крайній правый флангъ (Цвингли) или крайнійлѣвый (анабаптисты), исходной точкой для него является городъ: деревня или оставалась вѣрна католицизму, или если принимала реформацію, то въ ея самой ослабленной и казен-

*) Мы ограничиваемся этимъ, уже использованнымъ нами примѣромъ, конечно не потому, чтобы сама революціонная мистика ограничивалась предѣлами *этого* явленія. Несомнѣнное революціонное значеніе имѣетъ сейчасъ магометанская мистика въ Африкѣ; послѣднія революціонныя движенія въ Китаѣ тоже не чужды мистическаго оттѣнка. Мы не касаемся этихъ экзотическихъ явленій, прежде всего, потому, что они мало изучены, а затѣмъ, революціонный протестантизмъ намъ ближе и понятнѣй; тутъ можно говорить безъ длинныхъ поясненій, и основные факты всѣмъ хорошо знакомы.

ной формѣ,—формѣ лютеранства, вѣрноподданнаго и послушнаго, не мечтавшаго ни о какихъ революціяхъ и учившаго, что „нѣтъ ничего угоднѣе дьяволу, какъ взбунтовавшійся человѣкъ.“ Въ Германіи городское движеніе было задавлено вмѣстѣ со всей демократической революціей: мюнстерское возстаніе анабаптистовъ въ сущности, лишь одинъ изъ эпизодовъ этой послѣдней. Во Франціи—странѣ Раблэ и Франциска I, „забавляющагося“ короля, мистицизмъ никогда не былъ силенъ: революціонный протестантизмъ въ ней былъ также слабъ; Кальвину не пришлось стать пророкомъ въ своемъ отечествѣ, и его имя осталось связаннымъ не съ его родной Франціей, а съ Женевой. И какъ разъ Франція—та страна, гдѣ городское буржуазное движеніе въ XVI и XVII вѣкахъ отличается наибольшей вѣрноподданностью,—гдѣ бунтуютъ не горожане, а дворяне (усвоившіе себѣ, на время бунта, хотя и поверхностно, протестантизмъ—и притомъ въ одной изъ его революціонныхъ формъ, въ формѣ кальвинизма). Классическими странами городской протестантской революціи стали Швейцарія, Нидерланды и Англія. Исторія женевской республики Кальвина неразрывно переплетена съ борьбой города противъ феодальной власти савойскихъ герцоговъ, борьбой которая такъ популярно, благодаря „Шильонскому узнику“. Исторія нидерландской революціи есть, въ сущности, исторія борьбы городской буржуазной и торговой Голландіи противъ испанскаго „стараго порядка“, опиравшагося не только на наемныхъ солдатъ герцога Альбы, но и на крупное землевладѣніе южныхъ Нидерландовъ—которыя и остались, въ концѣ концовъ, за Испаніей. Наконецъ, въ англійской революціи за парламентъ былъ Лондонъ съ городской, буржуазной, южной и южно-восточной Англіей, а за короля—экономически отсталыя сѣверныя графства, „сельская“ Англія. Повсюду идеологія „предопредѣленія“ идетъ рядомъ съ городской революціей, давая послѣдней моральное оправданіе, и переводя логику исторіи на языкъ человѣческой логики. Мы намѣренно употребляемъ неопредѣленный терминъ „городская“ революція, потому что горожанинъ тѣхъ дней еще не раскололся окончательно на буржуа-предпринимателя и рабочаго-пролетарія. Но, конечно, въ этомъ такъ суммарно изображаемомъ нами, теченіи были болѣе демократическіе и менѣе демократическіе оттѣнки. Женевскій кальвинизмъ былъ почти аристократическимъ теченіемъ; анабаптизмъ и индепенданство—почти пролетарскими. Но, за исключеніемъ Англіи, дифференцировка нигдѣ не давала себя практически чувствовать. Въ Англіи же конфликтъ между правовѣрнымъ кальвинизмомъ зажиточной буржуазіи („пресвитеріанъ“) и крайними революціонными сектами, въ своихъ практическихъ требованіяхъ доходившихъ до націонализаціи земли, былъ непосредственной причиной

краха всего дѣла: республика въ Англіи, какъ извѣстно, не удержалась.

Революціонный протестантизмъ вырастаетъ, такимъ образомъ, на вполнѣ опредѣленной *соціальной* почвѣ. Почему горожанамъ дравшимся за свои хозяйственные и политическіе интересы, понадобилась богословская идеологія? Почему революціонеръ XVI вѣка говорилъ о волѣ Божіей тамъ, гдѣ революціонеръ XVIII говорилъ объ естественномъ правѣ, а мы--о законахъ историческаго развитія? Да очень просто: въ то время не только политическая, но никакая вообще идеологія не была возможна безъ примѣси мистики и суевѣрій. Астрономія была безнадежно перепутана съ астрологіей, химія съ алхиміей, біологія и научная медицина со знахарствомъ. Даже когда люди нарочно пытались мыслить не-богословски, это имъ не удавалось: философія итальянскихъ возрожденцевъ, при всей ея внѣшней противоположности средневѣковой схоластикѣ, была тѣмъ же богословіемъ, только на выворотъ.

Городская революція XVI-XVII вѣковъ была высшимъ типомъ революціи для своего времени—но выше своего времени она подняться не могла. Тогдашніе революціонеры стали мистиками не нарочно и добровольно, а невольно—потому что тогда всѣ были мистиками, и мистицизмъ былъ такой же естественной и нормальной окраскою всякаго мышленія, какъ голубой цвѣтъ—неба или зеленый—древесныхъ листьевъ. И, конечно, это былъ прочный, не положительный, а отрицательный—признакъ недифференцированности и спутанности тогдашняго мышленія вообще. Категорически изгнавъ всякую *внѣшнюю* религіозность—иконы, мощи, обряды и т. д., сдѣлавъ христіанство религіей духа, насколько это было возможно, сектанты XVI-XVII вв. поднялись до высшей возможной для нихъ абстракціи—и дальше пойти не могли. Вернуть людей къ этому состоянію нельзя,—какъ нельзя заставить ихъ ѣздить по скверному проселку, когда рядомъ существуетъ желѣзная дорога. Или нужно ужъ очень искусный тарифъ придумать,—въ родѣ того, на который такіе мастера русскіе чиновники.

Мы, конечно, не собираемся переубѣждать этими доводами г. Мережковскаго: можно себѣ представить, что бы онъ сказалъ, услыхавъ, что религіозное мышленіе—которое для него является высшимъ типомъ мышленія, до какого можетъ подняться человѣкъ,—на самомъ дѣлѣ просто низшая, спутанная, недифференцированная форма до-научной умственной работы. Тутъ всякіе споры безполезны. Но насъ интересуетъ теперь не книжка г. Мережковскаго, а проблема религіи и революціи въ конкретной обстановкѣ русской современности. Есть ли у насъ соціальная основа для до-научнаго мышленія—не для тепличной мистики г. Мережков-

скаго, а для настоящаго „огненнаго“ „мистическаго матеріализма?“ Внѣ всякаго сомнѣнія. Мистическая реакція не держалась бы такъ прочно на верхахъ русскаго общества, если бы въ его низахъ не былъ заложенъ такой мощный пластъ всяческихъ суевѣрій, который носитъ названіе народнаго „міросозерцанія“ — міросозерцанія русскаго крестьянства. Но возможно ли у насъ, тѣмъ не менѣе, нѣчто въ родѣ революціоннаго протестантизма? Лѣтъ десять назадъ на это мнѣніе отвѣтили бы „и да и нѣтъ“. Едва ли II томъ «Исторіи русской культуры» Милюкова читался бы такъ взасосъ молодежью, не шевелись у этой молодежи смутной надежды, что изъ всѣхъ этихъ штундистовъ и духоборовъ можетъ выйти нѣчто въ родѣ русскаго индепендентства. 1905 и 1906 годы имѣли и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, все значеніе научнаго эксперимента. „Смута“ всколыхнула все русское общество сверху до низу—индепенденты не появились. Напротивъ, пока торжествовала революція, интересъ къ религіи совсѣмъ пропалъ: онъ началъ оживать лишь съ началомъ революціоннаго отлива. Чѣмъ дальше пойдетъ реакція, тѣмъ, конечно, этотъ интересъ будетъ больше крѣпнуть: мы, пережившіе на зарѣ нашей юности реакцію Александра III, хорошо это знаемъ по личному опыту. Но это плохое доказательство революціонности нашихъ религіозныхъ теченій. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, о чемъ мы говорили въ началѣ нашей статьи: русская революція есть не *повтореніе*, а *продолженіе* европейскихъ. Она не могла начать съ той идеологіи, съ какой начала западная Европа триста лѣтъ тому назадъ. Она пошла отъ той точки, на которой остановилась западно-европейская демократическая революція въ XIX вѣкѣ. „Времена тяжкія и неудобоносимыя“, скажетъ читатель. Да, что же дѣлать: „горе тебѣ, что ты внукъ“. Это только ранніе народническіе писатели имѣли наивность думать, что путь Россіи ровенъ и гладокъ, потому что она идетъ послѣдняя. На самомъ дѣлѣ послѣднимъ-то тяжелѣй всѣхъ и достается. Но поворотъ невозможенъ. Носителемъ революціоннаго начала у насъ былъ и остается—теперь это яснѣе чѣмъ когда либо—пролетаріатъ и только онъ одинъ. Крестьянинъ становится революціоннымъ лишь постольку, поскольку онъ „раскрестьянивается“—и идетъ вслѣдъ за рабочимъ: самостоятельной „крестьянской“ революціи мы такъ и не дождались—конечно, и не дождемся. А пролетаріатъ Россіи—плоть отъ плоти и кость отъ кости европейскаго пролетаріата. Онъ созданъ тою же силой международнаго капитализма—и идетъ къ той же цѣли. Можете ли вы представить себѣ Кромвеля на мѣстѣ Бебеля и Каутскаго въ образѣ Мильтона? Нѣтъ?—такъ не ждите и русскаго индепендентства.

Возвращаясь же къ книжкѣ г. Мережковскаго, мы, спра-

ведливости ради, должны отмѣтить, что въ ней, кромѣ неудачныхъ главъ о революціи и религіи, есть одна очень интересная глава, революціи не касающаяся. Называется она „послѣдній святой“ и посвящена Серафиму Саровскому угоднику XIX вѣка. Конечно, и къ его житію нужно относиться съ тою же критикой, какъ и къ житіямъ среднихъ вѣковъ,—и мы не посовѣтуемъ читателю вѣрить на слово всѣмъ фактамъ, которые довѣрчиво повторяетъ г. Мережковскій. Но какъ образчикъ „творимой легенды“, творимой въ разгарѣ эпохи „великой реформы“ и благодѣтельной гласности, житіе необычайно любопытно.

А разсказано оно съ тѣмъ же литературнымъ мастерствомъ, съ какимъ написана и вся книга г. Мережковскаго. Такой прозы намъ давно не приходилось читать—чуть ли не со времени Владиміра Соловьева.

М. Покровскій.

Модный романъ

(„Санинъ“ М. Арцыбашева).

Такъ рѣдко появляются въ нашей литературѣ „типы положительные“, и еще рѣже—романы, которые, выдвигая такой типъ, давали бы художественную концепцію, переводили бы вопросъ съ поверхности въ глубину жизни и не боялись его острыхъ и рискованныхъ угловъ. Такъ долго плелась наша литература въ потемкахъ обличеній и самоковырянія, что теперь всякая попытка создать большой романъ, одно заявленіе автора: „смотрите, вотъ это хорошо, это красиво и сильно, такимъ надо быть“,—встрѣчается у насъ съ судорожнымъ интересомъ. М. Арцыбашевъ и попытался создать такой „утверждающій“ романъ. При этомъ онъ нащупалъ вопросъ чрезвычайной важности, одинъ изъ тѣхъ больныхъ вопросовъ, который переживаютъ и перемучиваютъ милліоны людей въ жизни. Нащупалъ, и тотчасъ же множество жадно просящихъ отвѣта глазъ устремились къ нему. „Ты знаешь свою правду, ты нашелъ свое „да“ среди сложности и усложненій жизни, и мы, ищущіе и разбивающіеся въ поискахъ, мы, отвергающіе обветшавшія формы любви, спрашиваемъ тебя, куда ведетъ твой путь? Покажи намъ силу и красоту свободной любви свободнаго человѣка“.

М. Арцыбашевъ отвѣчаетъ „Санинымъ“.

Какъ всякое явленіе, попавшее въ центръ общественнаго вниманія, Санинъ встрѣченъ большимъ шумомъ—доброжелательствомъ и похвалами однихъ, и ожесточенными нападками не менѣе многихъ.

— Санинъ амораленъ,—говорятъ послѣдніе,—онъ безпринципенъ и являетъ собою фигуру дегенерата, освобождающаго себя отъ всякихъ узъ, обязательныхъ въ человѣческомъ общежитіи для нормальнаго человѣка. Онъ знаетъ только одно разрушеніе. Онъ—типъ по самому существу своему отрицательный. „Санинъ“—просто порнографія.

— Это ничего не значитъ,—отвѣчаютъ санинцы.—Санинъ человѣкъ сильный и цѣльный, это человѣкъ дѣйствія, а не словъ, и въ этомъ лежитъ его оправданіе. Онъ выводитъ изъ тупика интеллигентской раздвоенности и безсилія. Вы

проглядѣли тонкость, даже нѣжность его, напр., когда онъ спасаетъ Лиду или утѣшаетъ Карсавину съ выступающими на глазахъ слезами. Подходите къ нему съ точки зрѣнія силы и цѣльности, и вы увидите, что Санинъ сложенъ и душевно богатъ. Онъ—жрецъ красоты, человѣкъ будущаго, и если теперь вездѣ оставляетъ за собой разрушеніе, то это лишь потому, что вѣдь онъ живетъ въ гниломъ мѣщанскомъ обществѣ, психологическіе устои котораго и призванъ разрушать. Разумѣется, съ вашей мѣщанской точки зрѣнія, онъ будетъ и амораленъ, и дегенератъ.

Такую именно постановку вопроса дѣлаетъ и М. Арцыбашевъ.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о аморальности и безнравственности Санина. Эти понятія въ значительной степени лишены содержанія и имѣютъ свойство только затемнять предметъ спора. Не соблазняютъ меня и обвиненія М. Арцыбашева въ нездоровомъ творчествѣ, а Санина—въ дегенераціи. Мало ли книгъ написано о дегенераціи Ибсена, напримѣръ, и его героевъ, или Льва Толстого. Не буду касаться Санина, какъ явленія общественнаго. Словомъ, я хочу подойти къ нему въ той постановкѣ, какую сдѣлалъ М. Арцыбашевъ и сдѣлалъ, надо отдать ему справедливость, очень искусно,—подойти съ требованіемъ красоты и силы.

„Богатство духа", „гармоническое сліяніе духа и тѣла", „провозвѣстникъ расы свободныхъ, которые будутъ жить при соціалистическомъ строѣ". И прежде всего протестъ и и разрушеніе.

Протестъ—это вѣрно. Санинъ протестуетъ. Но скажите, кто въ наши дни не протестуетъ и во имя чего только не протестуютъ! Теперь ничего не дѣлается спроста, и въ каждой повѣстушкѣ, въ каждомъ стихотвореніи хитро заложены, въ родѣ фугасовъ, протесты, протесты, протесты. Вѣдь и г. Кузьминъ проповѣдуетъ содомскую любовь въ видѣ протеста и поетъ: „туда, черезъ моря, сквозь туманъ и мракъ идемъ мы, аргонавты".

Вотъ разрушеніе—это уже дѣло посерьезнѣе, и Санинъ дѣйствительно производитъ вокругъ себя настоящее разрушеніе, вѣрнѣе сказать, онъ несетъ съ собой одно голое разрушеніе.

— „Вы мнѣ скажите, что вы думаете... если человѣкъ не знаетъ, куда ему итти, и все думаетъ, все думаетъ и страдаетъ, и все ему страшно и непонятно... можетъ тому человѣку лучше умереть?".

Такъ спрашиваетъ Санина юноша Соловейчикъ, потерявшійся среди противорѣчій жизни.

— „Что же,—нахмурившись, отвѣчаетъ Санинъ,—пожалуй,

лучше умереть...“ „Вы мертвый человѣкъ, и пожалуй, мертвецу самое лучшее и вправду—могила... Прощайте...“

Соловейчикъ повѣсился.

Зарудинъ, котораго Санинъ избилъ въ городскомъ саду, застрѣлился. Узнавъ объ этомъ, Санинъ говоритъ *самому себѣ*:

— „Не я въ этомъ виноватъ... Однимъ больше, однимъ меньше!

Когда его сестра, дѣвушка Лида, оказалась беременной, Санинъ предлагаетъ ей тоже „разрушеніе“—вытравить младенца. Тутъ онъ попытался кое-что и создать—устроилъ ее замужъ за Новикова, но вышло:

— „Лидѣ, пожалуй, конецъ! Можетъ и лучше сдѣлала бы она, если бы тогда и вправду утопилась!..“

Наполовину изнасиловалъ, наполовину увлекъ Карсавину, и „великое бремя непонятной вины она взвалила себѣ на шею и чувствовала себя самой несчастной и преступной во всемъ мірѣ“.

Занимается онъ и разрушеніемъ мелкихъ предразсудковъ, напримѣръ, подслушиваетъ подъ окнами чужіе разговоры, смотритъ тайкомъ на голыхъ женщинъ, говоритъ на свѣжей могилѣ Сварожича: „однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше стало—вотъ и все!“—и такъ далѣе.

Прекрасно, разрушайте, это полезная работа. Но скажите намъ, господинъ Санинъ, во имя чего вы ведете эту работу разрушенія? Намъ это необходимо знать.

„Падающаго толкни“,—говоритъ Ницше. Путь сильнаго усѣянъ обломками человѣческихъ существованій. Сильный перестраиваетъ жизнь, и созиданію его неизмѣнно сопутствуетъ разрушеніе, какъ вторая, неотдѣлимая отъ первой, половина творческой дѣятельности. На пути къ цѣли приходится опрокидывать цѣлыя пирамиды человѣческаго неразумія вмѣстѣ съ людьми, которые за нихъ цѣпляются, разрывать традиціи вмѣстѣ съ человѣческой кровью, которой онѣ питались. *Новое*, что творитъ человѣкъ, служитъ ему оправданіемъ.

Но борьба и разрушеніе психологически понятны намъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда сильный борется за старое противъ новаго. И какъ бы отрицательно ни относились мы къ задачамъ его дѣятельности,—психологически мы оправдываемъ такого борца за то, что богу своему онъ приноситъ всѣ свои силы и жертвы, за то, что, по выраженію Карлейля, „огненный образъ блещетъ надъ нимъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ“, и велитъ разрушать и бороться.

Есть ли этотъ образъ у Санина?

Чѣмъ глубже и пристальнѣе всматриваюсь я въ душу Санина сквозь ея веселую и твердую поверхность, тѣмъ зловѣщѣе глядитъ на меня, какъ Соловейчикъ на Санина

темными впадинами глазъ, ея мертвая пустынность. Безплодіемъ вѣетъ ото всѣхъ дѣлъ его, и разрушеніе его есть разрушеніе смерти.

Слишкомъ усердно освобождался Санинъ отъ кумировъ и по дорогѣ освободился отъ того, что составляетъ душу души человѣка, гдѣ скрещиваются желанія и страсти, что концентрируетъ и превращаетъ ихъ въ единое стремленіе, въ „огненный образъ". Растерялъ это Санинъ, и душа его распылилась въ отдѣльныя *желанья*. Руководиться этими желаньями, использовать ихъ полностью, весело и твердо — вотъ это и есть по Санину законъ жизни свободнаго человѣка, или, какъ онъ называетъ, талантъ искусства жить. Наслажденіе — вотъ чѣмъ все оправдывается по Санину и является двигателемъ и цѣлью людей.

Нѣтъ, жизнь человѣческая много глубже и сложнѣе, и для современнаго человѣка счастье вовсе не въ одномъ наслажденіи. Развѣ счастье террориста — наслажденіе? А счастье Дантона? или Лассаля? или Абеляра? или Данте? А счастье матери? Быть можетъ, по-санински думали величайшій изъ индивидуалистовъ, Ницше? О, нѣтъ! Такихъ какъ Санинъ,—усвоившихъ его оболочку и въ то же время отказавшихся отъ его глубины и высоты, Заратустра называлъ «Заратустровой обезьяной».

Нѣтъ, жизнь современнаго человѣка, это — радость и мука, гнѣвъ и преодолѣніе, глубина и мощь страданія, и сіяющая высота экстаза и стихійное движеніе впередъ. Нѣтъ, жизнь не плоская, хотя бы и веселая равнина; она путь чрезъ пропасти и снѣжные хребты. И скуденъ долженъ быть тотъ, кто въ желаніяхъ своихъ изо дня въ день помѣщаетъ весь смыслъ своей жизни. И въ новомъ апостольствѣ Санина пугаетъ именно это обмелѣніе духа, убожество силы, которое выдается за духовное богатство. Вѣдь это называется клеветать на человѣческую природу.

Свободу исповѣдуетъ Санинъ и разрушеніе всѣхъ формъ жизни во имя этой безпредѣльной свободы личности. Но вѣдь свобода сама по себѣ не можетъ составить содержаніе жизни, ибо она есть условіе человѣческихъ дѣйствій. Она можетъ служить цѣлью, пока изъ-за нея приходится бороться. Но какъ только человѣкъ осуществляетъ ее полностью, какъ Санинъ, она становится уже формой, которая требуетъ своего заполненія. Хулиганъ это тоже человѣкъ, получившій полную свободу, но не знающій, чѣмъ ее наполнить и что съ нею дѣлать.

Желанья,—говоритъ Санинъ,—вотъ чѣмъ надо заполнить свободу. Если вы будете свободно слѣдовать имъ, жизнь ваша пріобрѣтетъ гармонію и полноту.

Но вѣдь есть желанья и желанья. Есть маленькія, которыя принижаютъ духъ человѣка и размѣниваютъ энергію жизни на мелочи. Есть такія, которыя концентрируютъ въ себѣ душевныя силы и даютъ мощный размахъ. Развѣ задачей жизни не является, именно, привести въ гармонію свои желанья и въ одной изъ нихъ создать центръ своей личности? И не въ этомъ ли заключается сущность такъ называемыхъ душевныхъ кризисовъ, когда сильные люди, потерявъ точку опоры, ищутъ среди своихъ разбѣжавшихся желаній сильнѣйшее.

Любить Христа—это тоже желанье. Но Санинъ говоритъ, что это означаетъ „быть добровольнымъ нищимъ и Фантастомъ". Прекрасно. А любить общественное дѣло? А любить сверхъ-человѣка, какъ любилъ его Ницше? А любить будущее человѣчество, которое осуществитъ наши затаенныя надежды и все прекрасное, что любимъ мы въ ближнихъ своихъ? Помните и Ницше:

„Чужды мнѣ и смѣшны нынѣшніе, къ которымъ еще недавно влекло меня сердце, и изгнанъ я изъ странъ моихъ отцовъ и матерей.

„И люблю я только страну моихъ дѣтей—неоткрытую, лежащую за широкими морями. Къ ней направляю я свои паруса и все ищу, ищу ее".

Санинъ говоритъ, что все это вздоръ и химеры. И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло Санину до какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлъ и интересовъ! Они только наложатъ узы на единственное его достояніе—свободу. Да при томъ, по его глубокому убѣжденію, природа сама ведетъ человѣчество по незамѣтнымъ ступенямъ снизу вверхъ, и хлопотать здѣсь рѣшительно не о чемъ. Тому слѣдуютъ въ разныхъ мѣстахъ романа доморощенныя, настрявшія у всѣхъ въ зубахъ доказательства, изложенныя болѣе или менѣе суконнымъ языкомъ. И если Санинъ и говоритъ о счастливомъ времени, „когда человѣкъ будетъ свободно и безстрастно отдаваться всѣмъ доступнымъ ему наслажденіямъ," то это его ни къ чему необязываетъ, ибо, по его убѣжденію, „мостить путь къ счастью (т. е. къ этому самому счастливому времени) все равно, что къ безконечному числу присчитывать новыя единицы".

Санинъ не пріемлетъ общественности, какъ и религіи. Но мы и вообще не найдемъ въ немъ ни одной точки, на которой бы напряженно фиксировались его чувство и мысль, ни одного желанья, которое уходило бы въ глубину его души. Все мелко, и быстролетно, все разряжается тутъ же, въ одинъ пріемъ, не оставляя слѣда на завтрашній день. Онъ не любитъ людей, ни ближняго, ни дальняго. Но если бы онъ хоть ненавидѣлъ ихъ! Нѣтъ, онъ къ нимъ не холоденъ и не горячъ и лишь рѣдкія ми-

нуты тепель, и тогда его бездушный обликъ пріобрѣтаетъ зловѣщую сентиментальность. Истинное величіе духа всегда носитъ въ себѣ зерно трагедіи. А въ Санинѣ нѣтъ и слѣда трагическаго, да и въ романѣ оно вездѣ тщательно вытравлено. Есть здѣсь много слабыхъ, пошлыхъ, расщепленныхъ и тупыхъ, много самодовольныхъ и веселыхъ, и все это нивелировано подъ одну линейку посредственности, и все это скользитъ по поверхности жизни изо дня въ день. М. Арцыбашевъ вмѣстѣ съ Санинымъ не хочетъ и не можетъ углублять ее. Вотъ, напримѣръ, онъ описываетъ ужасъ Карсавиной послѣ страшной ночи, когда она, любившая Юрія, очутилась въ объятьяхъ Санина. „Обѣ онѣ (Карсавина и Лида) стройныя, молодыя, красивыя женщины, стояли, освѣщенныя солнцемъ, улыбались страстными губами и говорили о пустякахъ... Карсавина завидовала счастью быть такой прекрасной, веселой и свободной, какъ Лида". Не правда ли, очень глубокая психологія и большая чуткость къ человѣческой душѣ. А передъ этимъ Карсавина была въ такомъ отчаяніи, что „если бы кто-нибудь могъ развернуть ея душу и читать ее (?), какъ книгу, онъ пришелъ бы въ ужасъ".

Бѣдная Карсавина! Такъ много вкуса и, можно сказать, ярости писателя пошло на описаніе ея любовныхъ перипетій, и такія банальныя и шаблонныя слова находитъ онъ для ея муки.

Единственный трагическій моментъ намѣчается во всемъ романѣ въ фигурѣ несчастнаго еврейскаго юноши Соловейчика. Онъ переживаетъ душевный кризисъ, когда человѣкъ стоитъ между безуміемъ и смертью, когда одно прикосновеніе можетъ опрокинуть его въ бездну, и одно слово, одно ощущеніе близости человѣческой души, знающей свою правду, можетъ блескомъ молніи обжить и разсѣять хаосъ и показать дорогу. И вотъ мимо идетъ Санинъ, равнодушно толкаетъ въ петлю и равнодушно проходитъ мимо.

— Это сильно и смѣло,—говорятъ намъ.

Нѣтъ, это только бездушно и жестоко. Не во имя туманности протестую я противъ этой санинской выходки. Падающаго толкни. Но потому, что это есть именно выходка досужаго человѣка, подъ которой, — пустота и равнодушіе. Слишкомъ дорого обходится въ такихъ случаяхъ минутное любопытство. Безсмысленно оно, это ненужное убійство, и въ безсмысленности своей жестоко. И если М. Арцыбашевъ не знаетъ, то мы-то хорошо знаемъ, что не Санину быть судьей тамъ, гдѣ оканчивается комедія жизни и начинается ея драма.

Впрочемъ и у Санина есть своя линія. Это — любовь. Много людей вкладывали и вкладываютъ смыслъ своей жизни въ любовь, и эту безчисленную вереницу вѣнчаетъ ко-

лоссальный образъ Донъ-Жуана. И Санинъ какъ будто тоже блуждаетъ въ этихъ таинственныхъ лабиринтахъ въ поискахъ за счастьемъ. Но это только кажется. Вотъ какъ они съ М. Арцыбашевымъ объясняютъ, что такое есть „настоящая жизнь".

„Днемъ люди работали, занимались политикой, искусствомъ, проведеніемъ въ жизнь разнообразныхъ идей (?), ѣдой, питьемъ, купаньемъ и разговорами". Днемъ же, очевидно, М. Арцыбашевъ писалъ своего „Санина", экспропріируя въ обширныхъ размѣрахъ Льва Толстого и переводя его могучіе періоды въ полуграмотныя разсужденія. Все это, такъ сказать, инерція жизни, технически необходимая ея сторона. Настоящая же жизнь начиналась тогда, когда съ восходомъ луны „все останавливалось, точно скидывало съ себя какія-то пестрыя одежды", когда „въ воздухѣ душно вставала любовная истома" и „новыя поколѣнія стихійно зарождались подъ холоднымъ луннымъ свѣтомъ, въ тѣни молчаливыхъ деревьевъ, дышащихъ прохладой, на пріятной сочной травѣ".

Очень, очень картинно написано! Однако, долженъ оговориться, что „зарожденіе новыхъ поколѣній" вставлено здѣсь исключительно для красоты стиля. „Рожать младенцевъ—дѣло прескучное, грязное, мучительное и безсмысленное"—говоритъ Санинъ, и говоритъ вовсе не шутя. И если младенецъ, не стѣсняясь безсмысленностью, все-таки началъ жизнь подъ сердцемъ матери, то его слѣдуетъ вытравить. Такъ просто, какъ и все другое, разрѣшаетъ Санинъ сразу вопросы и о материнствѣ, и о семьѣ, и о продолженіи рода человѣческаго. Такъ и должны поступать настоящіе, сильные люди, и если, напримѣръ, беременная Лида не согласна на вытравленіе, то потому только, что „слишкомъ глупа и слаба для этого".

Итакъ—любовь. Но, что Санинъ вкладываетъ въ любовь и что хочетъ взять отъ нея? Озаряетъ ли она подобно молніи глубину жизни? Или можетъ быть встаетъ на его пути загадочнымъ и роковымъ сфинксомъ? Ищетъ ли онъ въ женщинѣ друга? или тайну? Или безумство? Есть ли въ немъ, наконецъ, тоска по любви среди его любовныхъ приключеній, тоска по Доннѣ Аннѣ, которую искалъ и нашелъ Донъ-Жуанъ?

Нѣтъ, здѣсь все обстоитъ много проще и веселѣе. Здѣсь одна „любовная истома". Санинъ прохаживается по жизни, какъ по Невскому проспекту, и съ вождѣленіемъ и полной готовностью заглядываетъ подъ дамскія шляпки. Здѣсь все на лицо, все ясно и просто, незачѣмъ безпокоиться и незачѣмъ откладывать. Понравились и соединились, и опять разошлись ко взаимному удовольствію, точно отобѣдали за однимъ столомъ. Какая ужъ тутъ любовь! Въ эту точку

человѣческаго бытія и устремляется Санинъ, въ ней и реализуетъ онъ главнымъ образомъ свою энергію.

Вся жизнь Санина и весь окружающій міръ—все вертится для него на помыслахъ о женщинахъ, съ которыми можно получить удовольствіе. И такъ же мыслятъ и чувствуютъ и другіе персонажи романа. И если они говорятъ о другихъ вещахъ, то только для виду.

Оторопь беретъ отъ этого густого потока помысловъ, тѣлъ, дѣйствій, желаній, на которыхъ отъ начала до конца концентрируется вниманіе читателя. Только грубость и некультурность писателя М. Арцыбашева могли закрыть отъ него ту границу, за которой, помимо его воли, начинаетъ отдавать порнографіей.

Появляется ли молодая дѣвушка—сейчасъ же начинается жадное описаніе ея грудей и бедеръ, и она уже „возбуждена до крайняго напряженія обществомъ молодыхъ, ей нравящихся, ею возбужденныхъ мужчинъ". Мужчины пожираютъ ее глазами, и это, натурально, доставляетъ ей огромное удовольствіе. Появляется другая—и опять: груди, бедра, возбужденность. И во второй, и въ третій, и въ десятый разъ все то же. И такъ велика эта напряженность, что женщинѣ М. Арцыбашева все равно, кто ее цѣлуетъ и беретъ—человѣкъ ли, къ которому она стремилась, или другой, волосы котораго «давно ей нравились», или родной братъ. Женщина—кобыла, мужчина—жеребецъ,—извиняюсь, но вынужденъ пользоваться терминологіей М. Арцыбашева,—такова психологія любви Санина.

Я не нахожу въ этомъ, если брать дѣло по существу, ничего дурного. Хорошій жеребецъ все же лучше плюгаваго пакостника, вродѣ Волошина, или расщепленнаго мѣщанина, въ которомъ вмѣстѣ съ благородными мыслями уживается и трусость и самое настоящее свинство. Я утверждаю только, что это не любовь. Сходства и разницы здѣсь во всякомъ случаѣ не больше и не меньше, чѣмъ между настоящимъ жеребцомъ и настоящимъ человѣкомъ. Истинную, большую, прекрасную человѣческую любовь раздѣли, отрубили голову, вынули сердце, и приспособили для мимолетныхъ удовольствій; изъ нея сдѣлали „безконечную цѣпь случайностей, неожиданностей и сцѣпленій". И когда любовь размѣнялась на желанія и вождѣленія, то въ ней стало такъ же плоско, весело и пустынно, какъ въ санинской душѣ.

Мнѣ приходится часто цитировать Ницше и ссылаться на него, такъ какъ Санинъ по мысли автора долженъ явиться самымъ настоящимъ ницшеанцемъ. Я могъ бы привести множество мѣстъ, гдѣ Санинъ перифразируетъ Ницше то ближе къ подлиннику, то въ вольной передачѣ. Я уже го-

ворилъ, какъ Ницше называлъ подобныхъ послѣдователей, а теперь снова обращусь къ первоисточнику романа, чтобы пояснить истинный характеръ санинскаго индивидуализма.

Какъ вы мелки, ничтожны и дряблы!—говоритъ Ницше мѣщанамъ нашей жизни.—Вы поганите жизнь и сдѣлали изъ нея самое скверное, что только можно сдѣлать,—обратили ее въ трупъ и разложеніе. Я ищу въ васъ силы и цѣльности, хоть какой-нибудь, хоть звѣриной, хоть цѣльности преступленій,—и даже ее не нахожу въ мертвомъ вашемъ одряблѣніи. Будьте же наконецъ звѣрями, если не можете и не хотите быть людьми.

Вотъ эту мысль, этотъ вопль великаго духа выловилъ М. Арцыбашевъ на свою самодѣльную уду, долго тащилъ по лужамъ, исправилъ и обработалъ домашними средствами и состряпалъ ницшеанскій романъ „Санинъ".

А. Рославлевъ, маленькій поэтъ и бо—ольшой ницшеанецъ, какъ и М. Арцыбашевъ, выражается про любовь слѣдующимъ образомъ:

Любите такъ чисто и свято, какъ звѣри.

Я думаю, что исчерпывающимъ психологію Санина афоризмомъ было бы:

Будьте, какъ звѣри.

Любите, какъ звѣри, деритесь, какъ звѣри, подглядывайте, голыхъ женщинъ, подслушивайте, спасайте, убивайте, не угрызайтесь, пожирайте глазами, ругайте на могилѣ покойника,—все это, какъ звѣри, чисто и свято.

Дивная вещь эта—цѣльность человѣческой души. Еще на зарѣ человѣчества оцѣнили ее люди, и великая античная культура сформулировала ее устами Христа:

Будьте, какъ дѣти.

О ней же говоритъ Ницше въ главѣ „Заратустры" „О трехъ превращеніяхъ".

Три превращенія долженъ претерпѣть сильный духъ. Верблюдомъ становится онъ сначала, покорно склоняется на колѣни и нагружается всѣми цѣнностями, какія произвела человѣческая мудрость. И самое тяжелое и мучительное хочетъ испытать выносливый духъ, чтобы познать свою силу. Потомъ духъ становится львомъ. Онъ долженъ сбросить весь мертвый грузъ старыхъ цѣнностей, которыя давятъ его творчество. Онъ долженъ получить полную свободу отъ рабства и кумировъ и уничтожить даже самое понятіе о долгѣ. И послѣ этого, когда расчищено поле для творчества, левъ становится ребенкомъ. Цѣльнымъ и непосредственнымъ, какъ дитя, кристальнымъ и невиннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ добрѣ и злѣ долженъ стать духъ и творить, какъ дитя, играя.

Трудно сдѣлаться ребенкомъ. А Санинымъ сдѣлаться очень просто. Для этого не надо ни искуса верблюда, ни

разрушенія льва. Отбросьте установленныя привычки и традиціи, отдавайтесь вашимъ желаніямъ, упростите все ваше существо—и вы получаете невинность и чистоту. Санинъ говоритъ, будто онъ тоже переживалъ кризисъ душевный (отъ Ланде къ санинству) и двѣ недѣли ходилъ, какъ помѣшанный, послѣ чего избилъ одного студента до потери сознанія. Можетъ быть, особенно послѣднее. Въ это время онъ, стало быть, и освобождался отъ наслоеній человѣческой культуры. Но я твердо убѣжденъ, что Санинъ всегда былъ Санинымъ, и до кризиса какъ и послѣ него, и если и попалъ въ полосу Ланде, то по недоразумѣнію, и былъ не больше, какъ тѣнью Ланде, да и скоро стряхнулъ съ себя свое фальсифицированное всепрощеніе. Онъ для этого достаточно устойчивый звѣрь.

Воистину, скудные дары принесъ на нашу ниву М. Арцыбашевъ. Вѣдь и святой и невинный звѣрь для человѣка—скудость, нищета, оголеніе. Будьте, какъ звѣри, любите, какъ звѣри,—развѣ этого ищетъ и требуетъ современный человѣкъ?

Одно только можно сказать въ защиту его,—не онъ здѣсь выдумалъ порохъ. За послѣднее время въ литературѣ поднялась мутная волна самоновѣйшей поэзіи и прозы съ боевымъ кличемъ: „назадъ, къ звѣрю". М. Арцыбашевъ лишь искуснѣе другихъ сумѣлъ поставить этотъ вопросъ, что называется, ребромъ. Онъ лишь одинъ изъ ея застрѣльщиковъ, хотя и самый ловкій.

Въ жизни и литературѣ видвигаются вопросъ пола и вопросъ личности. И изъ портфеля ловкаго писателя тотчасъ же появляется добрый молодецъ съ „желѣзными плечами" и такими же кулаками, а за голенищемъ, вмѣстѣ съ сапожнымъ ножемъ, лежатъ уже въ готовомъ видѣ всѣ рѣшенія всѣхъ вопросовъ.

— Преступленіе? Это одна глупость. Никакихъ преступленій не существуетъ,—говоритъ онъ, и начинаетъ тянуть душу длиннѣйшими обоснованіями домашняго обихода.

— Любовь? Никакой любви не существуетъ. Одолжайтесь безъ стѣсненія, гдѣ угодно.

— Внутренній кризись? Исканія? Не существуетъ. Это одна дряблость.

— Будущее? Не существуетъ, т. е. придетъ само.

— Общественная работа? Не существуетъ, и считаю лишнимъ. Ничего не дѣлаю, ничѣмъ не интересуюсь, ничего не признаю. Храбръ и рѣшителенъ.

— Желаете получить въ морду? Съ нашимъ удовольствіемъ. Р-разъ! Р-разъ!

— Когда закрываешь книгу М. Арцыбащева, на душѣ остается что-то мутное и тревожное. Точно на глазахъ у тебя выволочили въ грязи или высѣкли человѣка. Странно

перемѣшаны здѣсь искренность и выдумка, человѣчность и чудовищная грубость и чувство здороваго инстинкта, которое сейчасъ же затягивается густой пеленой чувственности, вѣрнѣе, распущенности, красота и рядомъ убожество. И надо всѣмъ этимъ царитъ отъ начала и до конца внутренняя ложь, усиленная фальсификація внутреннихъ цѣнностей, поддѣлка подъ отвѣтъ на больные вопросы. И я увѣренъ, что эта поддѣлка и ложь не злостны и вытекаютъ изъ внутреннихъ рессурсовъ автора при полномъ ихъ напряженіи, при полной авторской искренности и наивности. „Могій вмѣстить“ М. Арцыбашева не отличается ни глубиной, ни высотой, и если онъ въ этомъ не виноватъ, то еще меньше виноватъ здѣсь Санинъ.

Но безусловно виноватъ М. Арцыбашевъ, въ томъ, что его произведеніе стоитъ на границѣ между распущенностью и порнографіей. Есть вещи, къ которымъ писателю приходится подходить очень осторожно, и которыя безъ этой необходимой осторожности, что называется, шибаютъ въ носъ. Называть всѣ вещи ихъ настоящими именами, какъ это дѣлаетъ Толстой, вещь естественная и въ извѣстныхъ случаяхъ необходимая. У Рабле и Свифта вы найдете такіе глаголы, подробное описаніе такихъ предметовъ и дѣйствій, о которыхъ въ дамскомъ обществѣ не говорятъ. М. Арцыбашевъ въ смыслѣ наименованія предметовъ—сущій младенецъ передъ ними. Да и не за чѣмъ такъ далеко ходить. Его знаменитыя „кобылы“ въ сущности совершенные пустяки въ сравненіи съ той внутренней и наружной разнузданностью, которая входитъ въ обиходъ русской литературы. Его такъ называемая „порнографія“ лежитъ не здѣсь, а въ грубости и примитивности его стиля, въ его особенной способности огрублять и раздѣвать людей и дѣйствія ихъ до полной и ненужной наготы, въ его непобѣдимомъ стремленіи хвататься за щекотливыя вещи и рискованныя положенія при отсутствіи внутренней деликатности или той стихійной и всепокоряющей силы творчества, которая и самое безстыдство дѣлаетъ прекраснымъ. И его тѣла, бедра, груди, голыя ноги и многое прочее, которыя онъ тяжеловѣсно и усердно выворачиваетъ со смакомъ и напираніями и которыя положительно кишатъ на всемъ протяженіи романа, насыщаютъ воздухъ чѣмъ-то тяжелымъ до тошноты. У болѣе ловкаго стилиста иное словечко или сценка проскользнутъ незамѣтно и даже къ общему удовольствію. А у М. Арцыбашева то же самое бьетъ читателя по лбу.

И весь романъ сляпанъ грубо и неряшливо, гораздо неряшливѣе, чѣмъ большинство предыдущихъ произведеній того же автора. Деревянно и неуклюже движутся въ немъ его персонажи, и, что хуже всего, вездѣ и неизмѣнно видна рука автора, которая подталкиваетъ ихъ вкривь и вкось.

М. Арцыбашевъ усвоилъ себѣ дурной пріемъ—пояснять каждое слово, каждое движенье дѣйствующихъ лицъ, и отъ этого получается нескончаемая, надоѣдливая, прямо настырная повторяемость, которая всегда очень мало помогаетъ дѣлу, часто, наоборотъ, затемняетъ его и всегда вызываетъ раздраженіе.

Вотъ, напримѣръ, М. Арцыбашевъ занялся Соловейчикомъ.

"Они наткнулись на человѣка, сейчасъ же начавшаго дружелюбно и поспѣшно пожимать имъ руки".

Фонъ-Дейцъ пожималъ „холодную и черезчуръ трепетную ладонь невидимаго Соловейчика".

„Соловейчикъ смущенно и робко хихикалъ".

„...безтолково говорилъ, пятясь задомъ и не переставая пожимать руку Санина".

„Спиной толкнулъ Юрія и наступилъ на ногу фонъ-Дейцу".

„...вскрикнулъ, онъ, покидая Санина и цѣпляясь за фонъ-Дейца".

«стараясь говорить громко и весело, но болѣзненно и невѣрно напрягая голосъ, закричалъ Соловейчикъ, странно жестикулируя руками».

„...весь изогнувшись и осклабляя зубы, перебилъ самого себя".

„...смущенно захихикалъ Соловейчикъ".

„...опять заторопился Соловейчикъ и съ безсильнымъ напряженіемъ ухватился за край стола".

— „Пожалуйста,—такъ торопливо выговорилъ Соловейчикъ, что у него вышло: поджалушта"!

Это—на протяженіи полутора страницъ. Но и дальше идетъ все то же: захихикалъ, выскочилъ, и такъ далѣе до безконечности, вѣрнѣе сказать, до безчувствія.

Развѣ истинный художникъ можетъ такъ безтолково и такъ назойливо долбить читателя безъ всякой нужды и пощады.

Есть у М. Арцыбашева и еще одно качество, которое и назвалъ бы собирательностью. Я уже указывалъ на его заимствованія стиля у Толстого. И это дѣлается то же безъ пощады, на множествѣ страницъ, при чемъ сработанные имъ по-Толстому періоды такъ же похожи на толстовскіе, какъ, по удачному выраженію г. Тана, лицо великаго писателя похоже на свое отраженіе въ графинѣ съ водой.

Но вы, можетъ быть, желаете повстрѣчаться здѣсь съ М. Горькимъ? Сдѣлайте одолженіе. Въ концѣ 35-й главы (стр. 274), гдѣ Санинъ съ „счастливымъ лицомъ и блестящими глазами раскинулъ руки и счастливо закричалъ навстрѣчу грому", вы увидите въ графинѣ съ водой М. Горькаго во время грозы въ прикавказскихъ степяхъ („Мой спутникъ").

Перелистайте книжку до конца, и вы опять встрѣтите того же похожаго и непохожаго на себя М. Горькаго-Санина, который „веселыми глазами смотрѣлъ въ безконечную даль земли“, среди необычайно живописныхъ „зеленыхъ и голубыхъ далей“, и шелъ, конечно, „прямо къ солнцу“, которое взошло, разумѣется, „искрясь и сверкая“.

Если каждый писатель долженъ имѣть свой стиль, то про стиль „Санина“, надо сказать, что онъ не отвѣчаетъ даже среднему уровню средняго писателя, меньше всего способенъ доставить эстетическое наслажденіе и утомляетъ своей вычурностью, напряженностью и напоминаніемъ о многихъ авторахъ.

Съ такою слабостью художественнаго дарованія при отсутствіи внутренней глубины и силы, мудрено создать серьезный романъ, но можно написать модный. Таковъ и есть „Санинъ“. Пройдетъ мода, и „Санину“ отведутъ скромное мѣстечко, имя же ему забвеніе.

Веніаминъ Поповъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Отъ Ред. Въ данномъ сборникѣ мы помѣщаемъ лишь статью посвященную 60-лѣтнему юбилею „Кам. Ман.“ Совпадающему съ этимъ юбилеемъ 25-лѣтію со дня смерти его геніальнаго творца, Карла Маркса, будетъ посвященъ спеціальный сборникъ „Памяти Карла Маркса“, имѣющій войти къ 1-му Мая с. г.

Коммунистическій Манифестъ.

(По поводу 60-й годовщины).

„Теоретическія положенія коммунистовъ не основываются вовсе на идеяхъ, на принципахъ, изобрѣтенныхъ или открытыхъ тѣмъ или другимъ поцѣлителемъ міра. Онѣ являются лишь общимъ выраженіемъ дѣйствительныхъ условій существующей классовой борьбы, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія".

Манифъ. Коммунист. Партіи.

Исторія знаетъ не много такихъ документовъ, которые, подобно Манифесту Коммунистической Партіи, переживъ два поколѣнія, не только не устарѣли бы, но, напротивъ, стали бы настольной книгой всякаго мыслящаго рабочаго, воплотились бы въ программѣ громадныхъ партій, явились бы своего рода евангеліемъ новаго ученія. Когда писался Манифестъ,—еще не существовали многія изъ тѣхъ цивилизованныхъ обществъ, для которыхъ онъ намѣчалъ пути развитія, еще не было и въ поминѣ тѣхъ рабочихъ массъ молодыхъ народовъ, на которыя онъ возлагалъ міровыя задачи. Австрія и Германія только еще дѣлали первыя попытки стряхнуть иго абсолютизма, Россія прозябала во мракѣ крѣпостничества. Японія была извѣстна только своими чайными домиками, да писанными по шелку картинами. Вполнѣ развитыя капиталистическія отношенія существовали только въ Англіи; Франція была все еще страной, преобладающей мелкой промышленности; въ остальной Европѣ царило, главнымъ образомъ, ремесло.

Но, хотя даже самая передовая страна—Англія—не знала еще о томъ баснословномъ развитіи производительныхъ силъ, котораго должна была достигнуть она, а за ней и другія страны міра, черезъ полъ-вѣка,—все же геніальной наблюдательности творцовъ Манифеста, подкрѣпленной могучей теоретической мыслью, удалось, по дѣтскимъ формамъ капитализма, оцѣнить его грядущую силу.

„За время своего классоваго господства,—говоритъ Манифестъ,—длящагося едва сто лѣтъ, буржуазія создала бо-

лѣе многочисленныя и болѣе могущественныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествовавшія поколѣнія вмѣстѣ. Подчиненіе силъ природы, машинѣ, примѣненіе химіи къ промышленности и земледѣлію, пароходства, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, превращеніе въ пашни цѣлыхъ частей свѣта, приспособленіе рѣкъ для судоходства, цѣлыя населенія, какъ бы вызванныя изъ-подъ земли,— какое изъ прежнихъ столѣтій могло подозрѣвать, что такія производительныя силы дремлютъ въ лонѣ общественнаго труда?"

И это писалось въ началѣ 1848 года, когда въ большей части Западной Европы еще господствовали ремесленная мастерская и кустарная свѣтелка, когда въ Германіи и Австріи крестьянскій трудъ былъ еще на половину закрѣпощенъ, когда по малочисленнымъ желѣзнодорожнымъ путямъ континента медленно тянулись рѣдкіе, неуклюжіе поѣзда. Картина буржуазнаго строя, набросанная Манифестомъ на основаніи англійскаго опыта, представляетъ не столько реальную дѣйствительность Европы той эпохи, сколько геніальное провидѣніе глубокаго ума, сумѣвшаго проникнуть въ сокровенное „лоно общественнаго труда", гдѣ дремлютъ исполинскія производительныя силы.

Еще замѣчательнѣе сказалось это геніальное провидѣніе въ обрисовкѣ упадка капитализма и торжества пролетаріата. Въ то время, когда капитализмъ въ Европѣ только переходилъ изъ дѣтскаго возраста въ юношество, авторы Манифеста предуказали ходъ его развитія и причину неизбѣжной гибели. Они раскрыли въ основѣ общества внутреннее противорѣчіе между производительными силами и установившимися имущественными отношеніями, чреватое страшными потрясеніями всего общества. „Производительныя силы,—говорятъ они,—находящіяся въ его (т. е. общества) распоряженіи, не служатъ болѣе развитію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ слишкомъ могучи для этихъ отношеній; послѣднія являются имъ преградой, и, какъ только онѣ сносятъ эту преграду, онѣ приводятъ въ безпорядокъ все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія стали слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданныя ими богатства".

Эта растущая неустойчивость буржуазнаго общества сопровождается и растущей сознательностью и организованностью рабочихъ. „Прогрессъ промышленности, невольнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію, носителемъ котораго является буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированія рабочихъ конкурренціей революціонное объединеніе ихъ союзами. Такимъ образомъ, съ развитіемъ крупной промышленности изъ-подъ ногъ буржуазіи устраняется само

основаніе, на которомъ она производитъ и присваиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своего собственнаго могильщика".

Только полъ-вѣка спустя послѣ выхода въ свѣтъ Манифеста самые „лѣвые" элементы среди буржуазныхъ ученыхъ начали смутно догадываться, что буржуазный строй вовсе не вѣчный и не идеальный строй, какимъ онъ казался апологетамъ капитала, что ему грозитъ неминуемая гибель и что на смѣну ему идетъ строй соціалистическій. Какое же нужно было глубокое пониманіе хода развитія, какое проникновеніе въ подземную мастерскую общественныхъ силъ, чтобы раскрыть эти головокружительныя перспективы европейскому обществу 40-хъ годовъ, привыкшему смотрѣть на пролетарія, какъ на жалкаго, безпомощнаго, забитаго раба, а на буржуазное общество, какъ на лучшее, чего можетъ жаждать свободолюбивый духъ. Даже самые искренніе реформаторы—великіе утописты—видѣли въ рабочемъ только объектъ воздѣйствія добродѣтельныхъ и мудрыхъ людей, а не носителя переворота.

Но уже годъ появленія въ свѣтъ Манифеста заставилъ европейскую буржуазію измѣнить свой взглядъ на рабочаго. Коммуна окончательно развѣяла иллюзію доброжелательнаго реформизма, а въ годы, послѣдовавшіе за франко-прусской войной, вся европейская буржуазія—хотя и продолжала на словахъ возмущаться проповѣдью „классовой вражды"—заняла по отношенію къ пролетаріату такую позицію, какъ будто бы сама прониклась ученіемъ Манифеста о классовой борьбѣ и гибели капитализма и спѣшитъ отсрочить часъ своей гибели!

Громаднымъ вкладомъ въ развитіе соціалистической мысли явилось данное Манифестомъ обоснованіе теоріи „дѣйствительными условіями существующей классовой борьбы",—съ другой же стороны, освѣщеніе этой борьбы яркой теоретической мыслью. Съ рѣдкой ясностью и образностью удалось авторамъ нарисовать грандіозную картину *единства* историческаго процесса, въ которомъ все: и смѣлый порывъ философской мысли, и грубая повседневная борьба изъ-за куска хлѣба, и сухое творчество правовыхъ нормъ, и художественная фантазія — являются составными частями какого-то величественнаго цѣлаго, сложными производными одной какой то величины. Это цѣлое — сама жизнь общества въ ея безконечномъ разнообразіи; эта величина — борьба общества, какъ цѣлаго, за существованіе, знаменующая свое побѣдоносное шествіе постояннымъ развитіемъ производительныхъ силъ.

Каждая фаза этой борьбы за жизнь и процвѣтаніе общества характеризовалась въ исторіи опредѣленнымъ уровнемъ

развитія техники производства и организаціи общественныхъ силъ въ производственныхъ цѣляхъ; и каждой фазѣ развитія производительныхъ силъ соотвѣтствовала опредѣленная организація самого общества, его имущественныхъ отношеній. Общество не просто боролось съ силами природы, оно боролось съ ними посредствомъ своей внутренней борьбы — борьбы между отдѣльными классами. Классъ-побѣдитель превращалъ побѣжденнаго въ орудіе побѣды надъ внѣобщественнымъ міромъ, окрашивая каждую эпоху общественнаго развитія цвѣтомъ своего господства,—а это значило—своей культуры, своего мышленія, своего вѣрованія. И въ каждый данный моментъ всѣ разнородные, враждебные, борющіеся элементы общества были объединены тѣсной, органической связью, тѣмъ единствомъ историческаго бытія, которое создавалось единымъ первоисточникомъ общественной жизни — вѣчнымъ ростомъ производительныхъ силъ.

Великая теоретическая заслуга авторовъ Манифеста въ томъ, что они, вскрывъ внутреннія пружины современнаго капиталистическаго общества, дали яркую картину единаго процесса, связали въ этомъ единствѣ практическую повседневную борьбу рабочаго класса со столь далекой, казалось, отъ нея научной идеологіей. И борьба и идеологія оказались порожденіями одного и того же процесса, какъ бы листьями и цвѣтами одного и того же растенія.

Развитіе производительныхъ силъ, выражающееся въ прогрессѣ техники и организаціи труда, со стихійной неизбѣжностью создаетъ массу пролетаріата, превращаетъ въ пролетаріатъ все новые, все болѣе широкіе слои населенія, сплачиваетъ, организуетъ ихъ. Создается особый классъ, экономически и юридически подчиненный машинѣ, но, въ то же время, приводящій въ движеніе весь этотъ міръ машинъ и фактически все болѣе и болѣе захватывающій власть надъ производительными силами общества. Сама техника производства объединяетъ чуждыхъ другъ другу рабочихъ, сближаетъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, почтѣ, телеграфу, прессѣ, самые отдаленные углы страны, претворяетъ массу отдѣльныхъ рабочихъ въ компактную рабочую массу, озаряетъ ее единымъ классовымъ сознаніемъ, превращаетъ ее въ классъ, т. е. въ соціальную силу, сознающую себя и стремящуюся преобразовать общество, согласно своимъ классовымъ идеаламъ.

А въ то же время, тотъ же самый процессъ развитія производительныхъ силъ, расшатываетъ прочность идеологіи господствующей буржуазіи, отрываетъ отъ нея болѣе независимые, болѣе искренніе и альтруистическіе элементы и толкаетъ ихъ навстрѣчу требованіямъ пролетаріата. Они не только сами уходятъ изъ буржуазной среды, они уносятъ съ собою и всѣ пріобрѣтенія буржуазной науки и искусствъ.

Они несутъ ихъ въ рабочую массу. Но они не просто передаютъ ихъ въ ихъ классовой односторонности, они подходятъ къ нимъ съ тѣмъ скептицизмомъ, которымъ заразилъ ихъ ростъ пролетаріатъ, они критикуютъ эти унаслѣдованныя ученія, дѣлаютъ изъ нихъ выводы, передъ которыми остановилась буржуазная мысль. претворяютъ ихъ изъ идеологіи буржуазіи въ идеологію пролетаріата. Навстрѣчу пробуждающемуся въ массахъ сознанію идеологи несутъ ясную и конкретную формулировку классовыхъ потребностей и задачъ пролетаріата.

Но это сближеніе „теоретическихъ положеній“ съ существующей классовой борьбой“ совершается медленно, постепенно, рядомъ ошибокъ и промаховъ.

Первоначально слабое развитіе рабочаго класса соотвѣтствуетъ и слабому разложенію господствующаго класса и его идеологіи. Единичные отщепенцы буржуазіи, не захваченныя еще могучимъ дыханіемъ сформировавшагося класса пролетаріата, не въ силахъ дать вѣрную картину идеологіи рабочаго класса. Они сами—а въ значительной мѣрѣ и рабочая масса—еще находятся въ плѣну у буржуазнаго мышленія, и только искренняя жажда облегчить страданія массъ отдѣляетъ ихъ отъ буржуазіи. Но, параллельно съ ростомъ пролетаріата, растетъ и разложеніе буржуазіи, увеличивается общеніе между массами и идеологами, уменьшается разстояніе между теоріей и классовой борьбой, пока, наконецъ, обѣ сближающіяся линіи не сходятся въ гармоническомъ объединеніи идеологіи и практической борьбы. Единство историческаго процесса выступаетъ наглядно и ярко.

Но это единство не ограничивается сліяніемъ бытія и мышленія пролетаріата въ одно осмысленное бытіе, оно охватываетъ всю жизнь общества. Параллельно съ ростомъ численности, организованности и сознательности рабочихъ, идетъ постепенное разложеніе буржуазнаго общества. Старые, до-буржуазные, классы гибнутъ или превращаются въ новые классы, обостряется различіе между историческими классами капиталистическаго періода, вымираютъ промежуточные классы. Въ то же время капиталисты все болѣе превращаются изъ организаторовъ и руководителей производства, въ получателей девиденда, ихъ роль въ производствѣ переходитъ къ наемнымъ служащимъ, они становятся не нужны для производительной жизни общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ общественный смыслъ и само ихъ существованіе. При раскрытыхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, буржуазная наука, эстетика, религія не можетъ болѣе играть роль успокоителя и примирителя: имъ остается только встать открыто на защиту капитала. И господство буржуазіи, лишенное всякихъ идеологическихъ прикрасъ, превращается

въ простое насиліе. А господство насилія передъ лицомъ все растущей силы обречено на гибель.

Раскрывъ матеріальные корни всей общественной жизни, авторы Манифеста нашли прочный фундаментъ для построенія картины единаго, всеохватывающаго историческаго процесса. Благодаря этому ихъ, „теоретическія положенія" стоятъ прочно на базисѣ „существующей классовой борьбы", а сама эта борьба получаетъ въ освѣщеніи теоріи, болѣе глубокій смыслъ могучаго двигателя человѣческаго прогресса.

Манифестъ Коммунистической Партіи имѣлъ небывалый успѣхъ. Всюду, куда проникаетъ капитализмъ, завоевывая себѣ область дѣятельности,—проникалъ, какъ противовѣсъ ему, и Манифестъ пролетаріевъ. Естественно, что этотъ документъ, разоблачающій сущность капитализма и призывающій рабочихъ организоваться для борьбы съ буржуазіей, пользовался заслуженной ненавистью господствующихъ классовъ. Буржуазные „ученые" съ первыхъ же шаговъ объявили Манифестъ ненаучной, демагогической книженкой. Но когда это величественное презрѣніе оказалось безсильнымъ удержать хоть сколько нибудь распространенія идей Манифеста, тогда стали искать способовъ ослабить его вліяніе. И однимъ изъ этихъ способовъ было—провозглашеніе Манифеста плагіатомъ. Буржуазные писатели, для которыхъ покушеніе на право „авторской собственности" кажется уничтожающимъ аргументомъ, не въ силахъ были понять, что для массы важно получить здоровую умственную пищу каковую и давалъ ей Манифестъ, независимо отъ того, въ чьей кухнѣ она приготовлена. Плагіатные аргументы Антоновъ Менгеровъ и ему подобныхъ не возымѣли ровно никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что соціалдемократической критикѣ ничего не стоило разрушить карточный домикъ этой аргументаціи.

Впрочемъ, одно дѣйствіе возымѣли эти аргументы. Они поощрили нѣкоторыхъ анархистовъ продолжать изслѣдованія въ томъ же духѣ. И вотъ со стороны этихъ господъ выступилъ нѣкій Черкесовъ съ новыми обвиненіями въ плагіатѣ и—съ такимъ же успѣхомъ. Онъ лишній разъ подтвердилъ только своей „критикой", что мышленіе анархистовъ находится въ кровной связи съ мышленіемъ буржуа, что первые вполнѣ сходятся съ послѣдними въ своей ненависти къ организованной борьбѣ пролетаріата.

Однако недоброжелатели и „критики" Манифеста оказались не только въ указанномъ лагерѣ. Таковые нашлись и подъ самымъ бокомъ пролетаріата и даже въ рядахъ его партіи. Такъ, членъ германской соціалдемократіи, Э. Берн-

штейнъ „разнесъ“ въ пухъ и прахъ положенія Манифеста, признавъ ихъ „устарѣлой легендой“, плодомъ „бланкизма“ и т. п. Нѣсколько деликатнѣе и мягче обошелся французскій демократъ Ш. Андлеръ, написавшій весьма сочувственный комментарій къ манифесту. Онъ не называетъ манифестъ плагіатомъ, но путемъ историческихъ сопоставленій, старается доказать, что главнѣйшія положенія Манифеста уже раньше были высказаны французскими демократами и соціалистами.

Всѣ эти враждебныя и дружественныя попытки низвести Манифестъ съ занимаемаго ими въ исторіи мѣста, оказались, конечно, безплодными и напрасными. Сколько бы ни старались гг. комментаторы доказать, что то или другое положеніе уже было высказано тѣмъ или другимъ мыслителемъ, ихъ критика жалка и тщетна, пока они не докажутъ, что весь духъ Манифеста, все то грандіозное и цѣльное міросозерцаніе, которое онъ отражаетъ, не есть продуктъ мысли Маркса и Энгельса, оплодотворенной „дѣйствительными условіями существующей классовой борьбы“.

Досужіе „критики“ Манифеста, разумѣется,, проглядѣли его слабое мѣсто, его ахиллесову пяту. Въ концѣ 40-хъ годовъ, когда возникъ Манифестъ, авторы его были убѣждены, что конецъ капиталистическаго строя близокъ, что дни его сочтены. Имъ казалось, что буржуазно-демократическій переворотъ въ Германіи явится непосредственнымъ началомъ соціалистическаго переворота. Впослѣдствіи они сами открыто сознались въ своемъ заблужденіи. Но оно отразилось на Манифестѣ. Отразилось оно и на характеристикѣ гибели буржуазнаго общества, въ концѣ первой главы, гдѣ ясно чувствуется, такъ сказать, злободневность для авторовъ этого вопроса. Отразилось оно на опредѣленіи мѣропріятій, которыя сейчасъ же могутъ быть введены для подготовленія соціалистическаго уклада (конецъ второй главы). Отразилось и на взглядѣ на современное имъ положеніе дѣлъ въ Германіи.

Но такъ велика была теоретическая сила ума авторовъ Манифеста, что ихъ заблужденія не отразились на правильности общихъ представленій о ходѣ и исходѣ развитія капиталистическаго общества, о тенденціяхъ буржуазнаго строя, о задачахъ и будущемъ пролетаріата. Въ конкретной практической оцѣнкѣ своего времени авторы Манифеста ошиблись, но общее, теоретическое значеніе ихъ оцѣнки сохранилось полностью. Близкое паденіе капитализма не оправдалось, но схема его паденія пережила и ожиданія и самихъ авторовъ. Рекомендованныя ими мѣропріятія остались на бумагѣ, но идея этихъ мѣропріятій, мысль, что захватъ власти пролетаріатомъ дастъ только демократію, и что соціализмъ будетъ подготовленъ рядомъ мѣръ, направленныхъ на ускореніе развитія производительныхъ силъ,—

эта мысль и теперь сохранила громадный теоретическій интересъ.

Рѣдкій удѣлъ выпалъ на долю Манифеста. При своемъ рожденіи онъ встрѣтилъ восторженный пріемъ, онъ освѣщалъ путь двумъ поколѣніямъ, пережилъ своихъ творцовъ и своихъ критиковъ, и теперь—60 лѣтъ спустя—онъ такъ же молодъ, свѣжъ, жизнерадостенъ, также зоветъ на борьбу, такъ же манитъ къ счастью, такъ же ярко свѣтитъ блескомъ идеалъ!

Вотъ гдѣ—истинный „источникъ молодости"!

П. Орловскій.

Третья Государственная Дума

въ январѣ, февралѣ и началѣ марта.

Ни одно учрежденіе, въ частности, ни одно представительное учрежденіе, на какихъ бы началахъ оно ни было построено, нельзя оцѣнивать внѣ связи съ той общественной атмосферой, которая его окружаетъ. На этой точкѣ зрѣнія мы стояли въ обзорѣ дѣятельности 3-й Думы за первые полтора мѣсяца ея существованія, помѣщенномъ въ сборникѣ „Текущая жизнь". Изученіе дѣятельности Думы въ связи съ общественной атмосферой привело насъ тогда къ общему выводу, опредѣляющему роль Думы, въ связи съ нѣкоторыми политическими перспективами, и къ практическому заключенію, неизбѣжно слѣдующему изъ этого вывода.

Выводъ гласилъ:—третья Дума не въ состояніи разрѣшить объективныя задачи освободительнаго движенія; стало быть рисуется перспектива разрѣшенія этихъ задачъ помимо Думы.

Практическое заключеніе было таково: быть твердыми, послѣдовательными, стойкими до конца, не урѣзывать требованій.

И выводъ, и заключеніе подлежатъ провѣркѣ въ каждую данную минуту. Они должны быть провѣрены и на томъ матеріалѣ, какой даютъ „работы" третьей Думы за два слишкомъ первыхъ мѣсяца текущаго года. Вотъ одна изъ задачъ настоящаго нашего обзора. Это—главная задача, это—принципіальный вопросъ, на который нельзя не отвѣтить.

Но это—не единственная задача. Теперь, когда установлены общія предпосылки для ея рѣшенія, когда сдѣланъ выводъ, подлежащій лишь новой, дополнительной провѣркѣ необходимо конкретизировать и детализировать гораздо больше, чѣмъ прежде изученіе общественной атмосферы, чувствуется настоятельная потребность понять, уяснить себѣ каковы частныя задачи переживаемаго момента. Понявъ ихъ, легко будетъ представить себѣ съ совершенною ясностью, далеко или близко отъ Думы проходитъ та дорога, которою идетъ жизнь народа, и какую роль играетъ Дума въ этой жизни.

Объективныя задачи освободительнаго движенія—это, какъ было уже намъ указано, разрѣшеніе аграрнаго вопроса и осуществленіе политической свободы.

Разрѣшеніе аграрнаго вопроса объективно-необходимо въ смыслѣ, хотя бы и урѣзаннаго въ извѣстныхъ предѣлахъ, надѣленія землей сколько-нибудь широкихъ массъ крестьянства. Правительство и Дума подмѣняютъ эту объективно-необходимую мѣру созданіемъ при помощи имѣющагося уже земельнаго фонда, сравнительно небольшой группы „крѣпкаго крестьянства", консервативной сельской буржуазіи. Рептильная печать поставила въ этомъ отношеніи точку надъ і, заявивъ безъ всякихъ обиняковъ, что имѣющагося земельнаго фонда, составляющаго, по признанію землеустроительныхъ комиссій, едва четверть того, что необходимо для сколько-нибудь сноснаго утоленія земельнаго голода крестьянской массы, вполнѣ достаточно для разрѣшенія аграрной проблемы. Что-же? Откровенность прекрасная вещь. Этого достаточно по вашему мнѣнію, гг. помѣщики, капиталисты, бюрократы? Хорошо, запишемъ это, будемъ повторять это почаще и погромче, чтобы услышали и лучше себѣ усвоили крестьяне. Ихъ дѣло судить, дѣйствительно ли этого достаточно.

Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что за эти два слишкомъ мѣсяца объ этомъ жгучемъ вопросѣ, о которомъ надо неустанно говорить въ Думѣ, не было сказано почти ни слова немногочисленными имѣющимися тамъ дѣйствительными защитниками интересовъ широкихъ народныхъ массъ. Правда, предлоговъ для этого было мало, и это чрезвычайно характерно для третьей Думы: она не тревожится по поводу аграрнаго вопроса. Но все-таки предлогъ былъ: слѣдовало воспользоваться преніями по дополнительному ассигнованію 8,772,000 руб. на продовольственную помощь голодающему населенію, чтобы рѣзко подчеркнуть противорѣчія аграрной политики правительства и думскаго большинства объективно-устанавливаемому голодомъ, положенію дѣлъ въ деревнѣ. Въ самомъ дѣлѣ: на помощь голодающимъ правительство испросило сначала и получило отъ Думы 15,182,000 руб., затѣмъ еще 8,772,000 руб.; это составляетъ уже 23,954,000 руб.; въ тоже время по смѣтѣ правительство предполагало истратить въ теченіе 1908 г. на продовольственную помощь только 16,222,000 руб. Итакъ *годъ еще только начинается*, впереди весна и лѣто съ ихъ ужасами голодной смерти, цынги и тифа, за ними рисуется въ качествѣ грознаго призрака, осень, съ неизбѣжнымъ во многихъ мѣстахъ неурожаемъ, затѣмъ начало новой зимы съ безкормицей и безхлѣбьемъ, *а фактическій расходъ превысилъ сметную ассигновку уже на 50 процентовъ!* И онъ превыситъ ее по крайней мѣрѣ вдвое если не болѣе; вотъ грозъ-

ное memento mori для аграрной политики „побѣдителей“ освободительнаго движенія. Все это надо было сказать съ думской трибуны, разъяснивъ лишній разъ истинный смыслъ аграрныхъ рецептовъ, исходящихъ изъ ихъ кабинетовъ. Очень жаль, что этого не сдѣлано. *Остается пожелать, чтобы это было сдѣлано и постоянно дѣлалось въ будущемъ при маломъ удобномъ для того случаѣ*, хотя бы при новой продовольственной ассигновкѣ или при обсужденіи закона 9 ноября о выдѣлѣ изъ общины и т. под. Не надо забывать, что крестьянъ, обрабатывающихъ землю силами собственной семьи въ Россіи по, крайней мѣрѣ, 80 милліоновъ, и что они болѣе, чѣмъ какая-либо другая часть населенія, нуждаются въ постоянно и настойчиво повторяемыхъ и, конечно, не только съ думской трибуны, а и въ литературѣ и т. д. разъясненіяхъ того, что имъ необходимо понимать.

Впрочемъ справедливость требуетъ, чтобы къ сказанному сдѣлано было одно добавленіе: на необходимость разрѣшенія аграрнаго вопроса сдѣланы были въ общей формѣ указанія с.-д. депутатами Гегечкори въ рѣчи по поводу законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи и Покровскимъ, горячо и сильно обличившимъ политику карательныхъ экспедицій и репрессій по отношенію къ крестьянамъ въ рѣчи по поводу законопроекта правыхъ и октябристовъ объ ассигнованіи милліона на помощь пострадавшимъ отъ революціонныхъ партій и лицъ. Но, конечно, всего этого недостаточно и главное все это недостаточтно конкретно и оставляетъ безъ освѣщенія основную тенденцію правительства, о которой надо неустанно твердить.

Мы говорили сейчасъ объ экономическихъ интересахъ крестьянства, какъ о самомъ чувствительномъ нервѣ, котораго необходимо касаться въ Думѣ, какъ и въ литературѣ и т. д. Только такимъ путемъ можно связать крестьянскую массу неразрываемыми узами съ политическими задачами времени. Тоже самое справедливо и по отношенію къ рабочей массѣ.

Торжествующій станъ „побѣдителей“, какимъ является въ настоящее время Государственная Дума, проявляетъ и въ отношеніи къ экономическимъ нуждамъ рабочихъ такое же равнодушіе, какъ и по отношенію къ насущнымъ нуждамъ крестьянъ. Правда, боевые профессіональные рабочіе союзы, хорошо-организованные кооперативы, планомѣрная борьба рабочихъ за смягченіе ужасовъ безработицы могли бы при извѣстныхъ условіяхъ взволновать тѣхъ, кто покупаетъ на рынкѣ живой товаръ—рабочую силу. Но пока-что можно спать спокойно: генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники и чины полиціи—тайной и явной—дѣлаютъ свое дѣло достаточно хорошо. Профессіональные союзы не смѣютъ пикнуть, если не хотятъ быть уничто-

женными. А уничтожить ихъ часто легко, такъ какъ стоитъ только оффиціально закрыть союзъ и разогнать правленіе; причины ясны: не организованы профессіональные низы—профессіональныя группы на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ; будь онѣ на лицо,—никакимъ административно-полицейскимъ запрещеніемъ нельзя было бы въ конецъ уничтожить союзъ, волей-неволей снова пришлось бы его легализировать. Гдѣ теперь, напр., московскіе профессіональные союзы?

Попечительное начальство не спускаетъ своего ревниваго взора и съ кооперативовъ и не отводитъ отъ нихъ своей отеческой руки: оно просто запрещаетъ общія собранія ихъ членовъ или собранія делегатскихъ совѣтовъ, оставляя руководить необычайно сложнымъ, труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ одни правленія, какъ то сдѣлано недавно въ Петербургѣ съ „Трудовымъ союзомъ“. Результатъ ясенъ и неизбѣженъ: правленія не въ силахъ услѣдить за всѣмъ, не могутъ предупредить разрушительныя дѣйствія отдѣльныхъ хишническихъ элементовъ, проникающихъ въ кооперативы. И живое и здоровое дѣло подвергается опасности погибнуть при помощи отеческой руки попечительнаго начальства.

По отношенію къ безработнымъ наши администраторы и органы городского общественнаго самоуправленія, по соціальному своему составу худшіе, чѣмъ даже третья Госуд. Дума, соревнуютъ между собою въ похвальномъ усердіи. Примѣръ—тотъ же Петербургъ: полиція арестовала исполнительный комитетъ совѣта безработныхъ, а городскія дума и управа усердно сокращаютъ и готовы совершенно уничтожить общественныя работы.

Все это вполнѣ естественно и понятно. Естественно и понятно, что подъ вліяніемъ такого благопріятнаго сочетанія силъ и условій „побѣдители“ чувствуютъ себя вполнѣ успокоенными и, обольщая себя, опять-таки совершенно-естественной иллюзіей, происходящей оттого, что собственное душевное состояніе объективируется во внѣ, увѣряютъ, что во всей странѣ наступило полное успокоеніе.

А тамъ, внутри и въ глубинѣ, въ рабочихъ массахъ болѣютъ за безработныхъ братьевъ и мучатся вопросомъ, какъ имъ помочь; тамъ же жаждутъ защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ; тамъ, несмотря на всѣ невзгоды, строятъ кооперативы. И всѣ живыя организаціи, близкія рабочимъ, не могутъ, не должны стоять въ сторонѣ отъ этого жизненнаго движенія.

Интересы этого движенія требуютъ, однако, не только того, чтобы каждый работалъ въ своей сферѣ, въ своемъ уголкѣ. Надо и здѣсь возвысить свой голосъ, пользоваться всякимъ средствомъ, какъ бы оно ни было недостаточно.

А между тѣмъ этого нѣтъ. Есть ли запросы въ Думѣ по поводу преслѣдованій профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ, есть ли законопроектъ о мѣрахъ, облегчающихъ безработицу? Ихъ нѣтъ, и нѣтъ не всегда по винѣ депутатовъ—мы говоримъ, разумѣется, о томъ меньшинствѣ, которое готово защищать интересы народныхъ массъ. Для запросовъ и законопроектовъ нужны матеріалы,—не только факты, но, по нелѣпому требованію думской комиссіи по запросамъ, подлинные *документы*, подлинныя (напр., печатныя) распоряженія властей и т. д. Мы называемъ это требованіе нелѣпымъ, такъ какъ часто оно лишаетъ лѣвыхъ депутатовъ возможности внести запросъ, хотя онъ и обоснованъ на дѣйствительно-имѣвшихъ мѣсто фактахъ: не всегда можно достать даже на мѣстахъ подлинные документы. Ихъ не требуетъ и практика ззпросовъ въ западноевропейскихъ парламентахъ. Прецеденты первыхъ двухъ Думъ также не говорятъ въ пользу требованій комиссіи по запросамъ 3-ей Думы. Ясно, что въ основѣ ихъ требованій лежитъ опредѣленное черносотенное правило—„держать и не пущать.“ И пусть бы себѣ комиссія примѣняла это правило, но зачѣмъ же ей потакаютъ въ этомъ с.-д-ы? вѣдь имъ извѣстно, что фактъ распоряженія новороссійскаго генералъ-губернатора объ отобраніи паспортовъ у рабочихъ, перенумерованіи ихъ и выдачѣ имъ бляхъ съ номерами какъ собакамъ, вполнѣ достовѣренъ. Не зачѣмъ было и брать обратно свой запросъ. Пусть бы его отвергла комиссія. С.-д-ы здѣсь совершили крупную ошибку.

И при всемъ томъ по этимъ наболѣвшимъ вопросамъ все-таки временами слышится въ Думѣ правдивое и смѣлое слово. С.-д. депутатъ Гегечкори по поводу проекта условнаго досрочнаго освобожденія указалъ на борьбу съ безработицей, какъ основной соціальной причиной преступности. С.-д. депутатъ Покровскій отмѣтилъ жертвы рабочаго класса и преслѣдованія его организацій правительствомъ. И характерно, отнеслись къ этому разныя группы буржуазіи. Кадетская „Рѣчь“ не постыдилась заявить, что Гегечкори возвѣстилъ извѣстныя истины, которыя-де можно было-бы повторить по всякому поводу: ей не хотѣлось, очевидно, признать, что принципіальная, серьезно обоснованная рѣчь с.-д. депутата далеко оставили за собой, блѣдное и жалкое бормотанье кадетскихъ ораторовъ, выступавшихъ по тому-же вопросу. А когда Покровскій исчислилъ жертвы, понесенныя рабочими въ освободительной борьбѣ, черносотенно-октябристкое большинство, дойдя до полнаго озвѣрѣнія, дико кричало: мало! мало!

Отмѣтимъ еще, что с.-д. фракція, при обсужденіи законопроекта о промысловомъ обложеніи, внесла поправку, на-

правленную въ защиту кооперативовъ: они добивались освобожденія большей части изъ нихъ отъ налога. Разумѣется, думское большинство отвергло поправку.

Обращаясь къ чисто-политической сторонѣ дѣятельности Гос. Думы, мы остановимся на четырехъ главныхъ вопросахъ, сосредоточившихъ на себѣ за это время вниманіе 3-й Думы: это—вопросы о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы, о черносотенно-октябристкомъ проектѣ помощи пострадавшимъ отъ революціонеровъ, о закрытіи дверей комиссіи государственной обороны и о иностранной политикѣ.

Вопросъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы былъ возбужденъ кадетами, внесшими соотвѣтствующій законопроектъ. Соціалъ-демократы (деп. Покровскій) заявили себя сторонниками полноты бюджетныхъ правъ демократическаго народнаго представительства, ярко характеризовали бюджетное безправіе Думы и заявили, что поддерживаютъ кадетское предложеніе, хотя и считаютъ его недостаточнымъ, и оставляютъ за собой право дѣлать поправки и дополненія. Правительство, въ лицѣ министра финансовъ Коковцова пыталось отклонить Думу отъ практическаго шага въ сторону расширенія бюджетныхъ правъ въ данный моментъ, указывая на его „несвоевременность". Октябристы много говорили о необходимости реформы, но на дѣлѣ высказались за съуженіе ея. Они внесли формулу перехода, которою Дума передала законопроектъ въ комиссію, „не предрѣшая предѣловъ расширенія бюджетныхъ правъ". За эту формулу голосовали всѣ, въ томъ числѣ и соціалъ демократы, вложившіе въ нее, какъ показало ихъ выступленіе, только иное содержаніе: октябристы „не предрѣшили", въ смыслѣ съуженія, соціалъ демократы—въ смыслѣ расширенія кадетскаго предложенія.

При оцѣнкѣ этого выступленія возможна такая точка зрѣнія: наше законодательство о бюджетѣ, собственно, такъ наз. „основные законы", въ сущности отрицаетъ какія бы то ни было бюджетныя права Думы; если бы Дума не утвердила бюджета, правительству это было-бы неважно: оно можетъ обойтись безъ такого утвержденія; исполняется просто бюджетъ прошлаго года. Въ виду этого, ни о какихъ *частичныхъ* поправкахъ къ бюджетному безправію Думы не можетъ быть и рѣчи; безправіе такъ и останется безправіемъ. Стало быть, кадетскій законопроектъ носитъ лишь *фиктивно*-оппозиціонный характеръ, такъ что поддерживать его не слѣдовало. Слѣдовало поэтому голосовать и противъ передачи его въ комиссію, надо было прямо голосовать за его отклоненіе, разъяснивъ въ особой формулѣ бюджетное безправіе Думы.

Этотъ взглядъ—надо отдать ему справедливость—представляетъ собою весьма послѣдовательное развитіе того

положенія, изъ котораго онъ исходитъ,—положенія о бюджетномъ безправіи Думы по закону. Болѣе того: и самое это положеніе совершенно вѣрно: Дума *по закону, юридически*, дѣйствительно, нуль въ бюджетномъ отношеніи. И все-таки все построеніе въ цѣломъ, а, слѣдовательно, и въ отдѣльныхъ частностяхъ, ибо оно внутренне-едино, цѣльно, стройно,—не выдерживаетъ критики. Почему?

Потому что юридическая точка зрѣнія, имѣющая столь исключительную важность для кадетовъ, вовсе не такъ важна для соціалъ демократовъ. Это не значитъ, конечно, что с-д-ы должны ее игнорировать, но они ея и не игнорировали: депутатъ Покровскій съ безпощадною ясностью показалъ, насколько безправна Дума въ бюджетномъ отношеніи. Это значитъ только то, что юридической точкѣ зрѣнія должно быть отведено подобающее ей второе мѣсто, а на первое мѣсто должно быть выдвинута реалистическая точка зрѣнія, опредѣляющая не юридическое, а жизненное дѣйствительное значеніе 3-й Думы въ вопросѣ о бюджетѣ. *Это дѣйствительное значеніе равно не нулю, а нѣкоторой (и довольно значительной) положительной, величинѣ*, такъ какъ иностранные банкиры и капиталисты—крупныя и мелкія,—вожделѣющія новыхъ барышей насчетъ народныхъ русскихъ денегъ—чутко прислушиваются къ критикѣ бюджета, и ихъ отношенія къ будущему займу будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ бюджетной политики Думы. Слѣдовательно расширить хотя бы отчасти, поле приложенія думскаго вліянія на бюджетъ значитъ совершить оппозиціонный актъ, заслуживающіи поддержки с-д-іи. Мы не говоримъ уже о томъ, насколько даже частичное, расширеніе бюджетныхъ правъ Думы заостряетъ критику бюджета, усиливаетъ въ части вліянія с-д-іи. Необходимо только, чтобы с-д-ія, оговорили свою принципіальную точку зрѣнія, указала на недостаточность предлагаемаго увеличенія бюджетныхъ правъ Думы, разъяснила бюджетное безправіе Думы по закону и, голосуя за алгебраическую формулу о „непредрѣшеніи предѣловъ расширенія“ и т. д., раскрыла ея ариѳметическое содержаніе съ своей точки зрѣнія. Все эго с-д-іи по данному вопросу сдѣлала. Слѣдовательно, выступленіе было правильнымъ.

Но если еще здѣсь могутъ быть нѣкоторыя сомнѣнія и споры,—то уже совершенно несомнѣнно и безспорно, что по вопросу о черносотенно-октябристкой милліонной провокаціи, направленной противъ „разбойныхъ дѣйствій революціонныхъ партій и лицъ“, с.-д-ы въ 3-й Думы, дѣйствительно, остались твердыми, послѣдовательными, стойкими до конца, не урѣзали ни одного требованія. Прекрасная, сильная и смѣлая рѣчь Покровскаго, сорвала всѣ покрасы съ „истинно-русской политики—провокаціи“, заклеймила поли-

тику правительства, какъ разбойную, возложила на правительство отвѣтственность за такія нецѣлесообразные способы политической борьбы, какъ терроръ. Кузнецовъ напомнилъ „побѣдителямъ", что молчанье народа не означаетъ еще ни его равнодушія, ни его согласія съ ними, ни его безсилія. Косоротовъ убѣдительно показалъ, что черносотенно-октябристское большинство въ своемъ проектѣ имѣетъ въ виду одарить крупныхъ чиновниковъ и богачей, а мелкимъ сошкамъ удѣлить жалкіе гроши.

Къ сожалѣнію, все это нельзя повторить по поводу преній о закрытіи дверей думской комиссіи по государственной оборонѣ, предложенномъ г. Гучковымъ. Эти преніи дали удивительно-колоритную и яркую картину. Они съ замѣчательною откровенностью вскрыли классовую подкладку и реакціонный характеръ существующаго режима, какъ и пренія по поводу милліонной провокаціи, и дебаты о досрочномъ условномъ освобожденіи. Марксисту выступленія правыхъ, октябристовъ и представителей правительства по этимъ вопросамъ доставляютъ удовлетвореніе въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, они не прикрываютъ, а обнажаютъ истинную сущность фиктивно-конституціоннаго самодержавія, во вторыхъ, они наглядно иллюстрируютъ передъ народными массами природу буржуазныхъ партій. Въ этомъ отношеніи пропагандистко-агитаціонное значеніе третьей Думы до того велико, что пришлось бы пожалѣть, если бы ея *при данныхъ условіяхъ* не существовало. Въ самомъ дѣлѣ: не поучительно-ли, что правые и октябристы выступаютъ въ роли явныхъ провокаторовъ, обнаруживая при этомъ ненасытную кровожадность (крики „мало", „мало" при перечисленіи жертвъ, понесенныхъ пролетаріатомъ, крестьянствомъ, городской бѣднотой)? не могутъ ли лучше всего прояснить сознаніе самыхъ темныхъ людей поддакиванья этой провокаціи со стороны товарища министра внутреннихъ дѣлъ Макарова? А что можно изобрѣсти великолѣпнѣе того пассажа, который приключился съ министромъ юстиціи Щегловитовымъ: внесъ этотъ якобы „либеральный" бюрократъ законопроектъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи и вдругъ самъ же себя высѣкъ, громогласно заявивъ urbi et orbi, что такой законъ нуженъ для того, чтобы освободить побольше уголовныхъ и замѣстить очистившіяся мѣста тѣми новыми политическими, коихъ всѣхъ жаждетъ уловить въ свои сѣти и запрятать въ каменные мѣшки наше „конституціонное" правительство? И нельзя себѣ представить болѣе яркой картины, чѣмъ та, которую представляла Дума, когда черносотенно-октябристкіе „патріоты" иллюстрировали свою любовь къ отечеству тѣмъ, что отстаивали тайну отъ народа въ дѣлахъ, затрагивающихъ его кровные интересы.

С.-д.-ы, правда, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оказа-

лись на должной высотѣ, отрицая всякую возможность какихъ бы то ни было тайнъ отъ народа. Но они, къ сожалѣнію, не подвергли уничтожающей критикѣ позорнаго поведенія кадетовъ, которые унизились до того, что въ сущности просились въ комиссію тайнъ отъ народа, обѣщая соблюдать эти тайны. Г. Гучковъ былъ правъ, клеймя кадетовъ за то, что они помѣстились на запяткахъ революціонной колесницы, имѣя въ виду пробраться къ власти. С.-д-амъ слѣдовало бы къ этому прибавить, что они не просто помѣстились на запяткахъ колесницы, но всячески препятствовали ея быстрому ходу, а теперь готовы хотя бы пѣтушкомъ бѣжать за старымъ рыдваномъ „побѣдителей". Отсутствіе критики кадетской позиціи въ данномъ отношеніи и составляетъ ошибку с.-д. фракціи.

Туже готовность слѣдовать пѣтушкомъ за рыдваномъ побѣдителей обнаружили кадеты и въ дебатахъ объ иностранной, въ частности дальневосточной политикѣ Россіи, возникшихъ по поводу внесеннаго правительствомъ законопроекта о переименованіи въ посольство дипломатическаго представительства въ Токіо. Почтительные поклоны г. Милюкова г-ну Извольскому достаточно характерны; ихъ слѣдовало отмѣтить и оцѣнить. Этого не сдѣлали соціалъ-демократы. Мало того: при первомъ чтеніи законопроекта они даже не выступили съ рѣчами. Правда, тутъ есть серьезныя смягчающія обстоятельства: выступленіе министра оставалось тайной вплоть до дня засѣданія. Правда и то, что они попытались исправить свою ошибку при второмъ чтеніи, но, правильно указавъ въ своей рѣчи на одинъ изъ мотивовъ, вызывающихъ отрицательное голосованіе с.-д.-іи,—вліяніе камарильи—деп. Чхеидзе не остановился на соціалистической мотивировкѣ отрицательнаго отношенія с.-д-іи къ иностранной политикѣ Россіи, не говоря уже о томъ, что не былъ исчерпанъ весь матеріалъ и съ точки зрѣнія демократической критики этой политики, хотя бы даже и въ предѣлахъ одного только Дальнаго Востока.

Эта статья уже дописывалась, когда въ Думѣ начались пренія по поводу ассигнованія 6.900.000 руб. въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на помощь земствамъ и городамъ на нужды народнаго образованія. Отъ имени с.-д. фракціи выступилъ деп. Бѣлоусовъ съ хорошей, принципіально-выдержанной рѣчью, характеризующей точку зрѣнія с.-д-іи на вопросъ народнаго образованія. Къ сожалѣнію, однако, онъ возвѣстилъ съ трибуны, что с.-д. фракція будетъ голосовать за законопроектъ.

Мы считаемъ такое рѣшеніе ошибочнымъ. Конечно, с.д-ія сочувствуетъ ассигнованіямъ на народное образованіе, и потому голосовать противъ законопроекта было бы неудобно. Такое голосованіе всегда могло бы быть ложно истолковано,

какія бы объясненія ему не давались. Но текстъ законопроекта даетъ основанія къ тому, чтобы отказаться отъ голосованія за него. Дѣло въ томъ, что министерство почти ничѣмъ не связано въ распоряженіи ассигнуемыми деньгами: онѣ ассигнуются на жалованье учителямъ и на постройку школьныхъ зданій, но въ законопроектѣ не указано никакихъ основаній, по которымъ министерство должно распредѣлить поступающія въ его распоряженіе суммы между городами и земствами. Правда, въ объяснительной запискѣ министерства есть списокъ земствъ съ примѣрнымъ распредѣленіемъ денегъ между ними, но, во первыхъ, онъ не прокритикованъ ни думской комиссіей, ни Думой, во вторыхъ, онъ не обязателенъ тѣмъ болѣе, что самый проектъ комиссіей измѣненъ. Между тѣмъ нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія во главѣ съ г. Шварцемъ по своей реакціонности далеко оставляетъ за собою даже министерство гг. Кауфмана и Герасимова: г. Шварцъ уже наложилъ свою руку на факультетскихъ старостъ въ Петербургскомъ университетѣ и возстановилъ переходные экзамены въ средней школѣ. Эти факты даютъ серьезное основаніе предполагать, что министерство будетъ раздавать деньги пристрастно, щедрою рукою одаряя одни только особо черносотенные земства и города. Уже это препятствуетъ голосованію за проектъ министерства. Но этого мало: законопроектъ не обязываетъ земства и города, которымъ будетъ оказана помощь, употреблять освободившіяся въ ихъ бюджетѣ суммы на школы-же, а выражается очень неопредѣленно („на прочія нужды народнаго образованія"). Конечно, внѣшкольное образованіе прекрасная вещь, заслуживающая сугубаго поощренія и горячей поддержки. Но нельзя-же въ данномъ конкретномъ случаѣ смотрѣть на вопросъ „съ птичьяго дуазо"; надо считаться съ конкретными условіями и не забывать, что черносотенныя земства подъ флагомъ внѣшкольнаго образованія насадятъ рядъ читаленъ, библіотекъ и чайныхъ союза русскаго народа, архистратига Михаила и tutti quanti: съ „Русскимъ Знаменемъ", „Колоколомъ", „Вѣчемъ". брошюрами генерала Богдановича и прочими перлами россійской патріотической литературы. Ясно, что при такихъ возможностяхъ соціалъ-демократы ни въ какой степени не должны были брать на себя, хотя бы долю отвѣтственности за употребленіе, какое будетъ сдѣлано изъ ассигнуемыхъ денегъ. Необходимо было воздержаться, тщательно мотивировавъ свое воздержаніе.

Скептики изъ породы тѣхъ, что пишутъ въ сборникѣ „Наша трибуна", не говоря уже объ обывателяхъ изъ покойнаго „Товарища" и о ренегатахъ, подвизающихся на столбцахъ „Рѣчи", будутъ, конечно, все-таки, несмотря на

всѣ доводы и убѣжденія, пожимать плечами и пѣть отходную великому движенію. Переубѣждать ихъ мы вовсе не имѣемъ охоты. Но тѣмъ колеблющимся, тѣмъ искренно ищущимъ твердой увѣренности и прочной почвы, которыхъ очень много и которые дѣйствительно представляютъ собою цѣнный элементъ въ освободительномъ движеніи, мы напомнимъ объ историческихъ примѣрахъ, наглядно доказывающихъ, что безъ великихъ общественныхъ катастрофъ—въ видѣ-ли войны или въ видѣ революціи—не рѣшались нигдѣ указанныя нами двѣ объективныя задачи движенія, даже сведенныя къ минимуму при ихъ разрѣшеніи.

Въ самомъ дѣлѣ: вспомнимъ прежде всего Англію. Въ силу особенностей хозяйственнаго развитія, превратившаго эту страну почти въ чисто-индустріальную, аграрная проблемма въ ней не сыграла опредѣляющей роли въ XIX в.: ея вліяніе сказалось раньше. Но задача завоеванія политической свободы была разрѣшена не мирнымъ путемъ, такъ какъ чартисткое движеніе и его позднѣйшіе отголоски представляли собою несомнѣнныя проявленія революціонной борьбы, безъ которыхъ надолго задержалось бы проведеніе избирательнаго закона 1867 года съ его дальнѣйшими дополненіями.

Еще болѣе убѣдителенъ примѣръ Франціи. Аграрная проблемма тамъ была разрѣшена *революціоннымъ* путемъ,—посредствомъ двухъ конфискацій—церковныхъ и монастырскихъ земель національнымъ собраніемъ и эмигрантскихъ земель конвентомъ—и посредствомъ послѣдовательной распродажи этихъ земель. Но демократическій политическій строй скоро потерпѣлъ крушеніе. И что-же? Онъ былъ пріобрѣтенъ мирнымъ, реформисткимъ путемъ?

Отнюдь нѣтъ: понадобились три революціи—іюльская, февральская и коммуна, чтобы завоевать его. Ибо мы утверждаемъ, что коммуна, раздавленная и потопленная въ крови, этой самой кровью закрѣпила торжество всеобщаго избирательнаго права во Франціи. *Одной* объективно-необходимой задачи оказалась опять-таки достаточно, чтобы произвести взрывы, даже рядъ взрывовъ.

Но взрывъ взрыву рознь. Иногда революція замѣняется войной, заставляющей правящіе классы итти на уступки. Примѣръ—Германія. И въ ней аграрная проблемма была почти совершенно разрѣшена въ 1848 г. Демократическая проблема была разрѣшена послѣ войнъ 1866 г. и 1870—71 г.г. Конечно, такой способъ разрѣшена задачи наложилъ свою печать на степень полноты этого разрѣшена,—обезпечивъ меньшіе, чѣмъ въ другихъ странахъ при другихъ обстоятельствахъ, результаты. Но фактъ остается фактомъ.

У насъ не одна, а обѣ объективныя задачи движенія остаются нерѣшенными. И въ то-же время экономическое

развитіе далеко опередило существующія политическія формы, а соціальныя противорѣчія очень рѣзко обозначились въ полномъ соотвѣтствіи съ экономическимъ строемъ. Сознаніе всего этого внушаетъ нѣкоторымъ мысль о дилеммѣ: или взрывъ или судьба Турціи—вотъ будущее Россіи. Мы эту дилемму отвергаемъ, мы отвергаемъ второй ея членъ,—Росссіи не грозитъ участь Турціи уже потому только, что въ ней есть здоровый, героическій и многочисленный пролетаріатъ и широкія и глубокія основы хозяйственнаго развитія. Но ясно, что внѣ всѣхъ сомнѣній остается первый членъ этой дилеммы: взрывъ. Въ какой формѣ? Это покажетъ будущее.

И потому еще и еще разъ повторимъ: надо быть твердыми, послѣдовательными, стойкими до конца, не надо урѣзывать свои требованія. С.-д. фракція 3-й Думы слѣдовала этому правилу въ теченіе послѣднихъ двухъ слишкомъ мѣсяцевъ чаще, чѣмъ въ первые полтора. И, однако, дѣлила это далеко не всегда. Необходимо, чтобы она дѣлала это всегда.

Н. Рожковъ.

Нейтральность профессіональныхъ союзовъ.

„Нашъ Вѣкъ", сообщая читателямъ объ резолюціи ц. к. с.-д. партіи о проф. союзахъ добавилъ, что она была принята въ Ц.К.единогласно, ибо меньшевики голосовали за нее въ виду сдѣланныхъ въ ней уступокъ по сравненію съ первоначальнымъ большевистскимъ проектомъ. Если это сообщеніе вѣрно (покойная газета „Нашъ Вѣкъ" отличалась обыкновенно исключительно хорошей освѣдомленностью во всемъ, что касается меньшевизма), то намъ остается только отъ всей души привѣтствовать крупный шагъ къ объединенію с.-д. работъ въ такой важной области, какъ профессіональные союзы. Тѣ уступки, о которыхъ говорилъ „Нашъ Вѣкъ", совершенно незначительны и нисколько не измѣняютъ основныхъ принциповъ большевистскаго проекта.

Вся наша партія признала теперь, слѣдовательно, что работу въ профессіональныхъ союзахъ надо вести не въ духѣ нейтральности союзовъ, а въ духѣ возможно болѣе тѣснаго сближенія ихъ с.-д. партіей.

Признано и то, что партійность союзовъ должна быть достигаема исключительно работой с. д. внутри союзовъ, что с. д. должны образовать сплоченныя ячейки въ союзахъ, что слѣдуетъ основывать нелегальные союзы, разъ невозможны легальные. Несомнѣнно, что на это сближеніе обѣихъ фракцій нашей партіи по вопросу о характерѣ работы въ проф.союзахъ сильнѣйшимъ образомъ повліялъ Штугартъ. Резолюція штутгартскаго конгресса, какъ отмѣтилъ Каутскій въ своемъ докладѣ передъ Лейпцигскими рабочими, кладетъ конецъ принципіальному признанію нейтральности. Высокая степень развитія классовыхъ противорѣчій, обостреніе ихъ въ послѣднее время во всѣхъ странахъ, многолѣтній опытъ Германіи,—гдѣ политика нейтральности усилила оппортунизмъ въ профес. союзахъ, нисколько не помѣшавъ возникновенію особыхъ христіанскихъ и либеральныхъ союзовъ,—расширеніе той области пролетарской борьбы, которая требуетъ совмѣстнаго и единодушнаго дѣйствія и союзовъ и политической партіи (массовая стачка и вооруженное воз-

станіе въ русской революціи, какъ прообразъ вѣроятныхъ формъ пролетарской революціи на Западѣ),—все это отняло окончательно почву у теоріи нейтральности. Среди пролетарскихъ партій вопросъ о нейтральности не обѣщаетъ вызывать теперь особенно большихъ споровъ. Иное дѣло—непролетарскія квази-соціалистическія партіи, въ родѣ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ, на дѣлѣ представляющихъ изъ себя крайнее лѣвое крыло революціонно-буржуазной партіи интеллигентовъ и передовыхъ крестьянъ. Въ высшей степени характерно, что съ защитой идеи нейтральности послѣ Штутгарта у насъ выступили только соціалисты-революціонеры и Плехановъ. И выступили очень неудачно. Въ послѣднемъ номерѣ центр. органа партіи соц.-рев. „Знамени Труда" (№ 8, дек. 1907 г.) находимъ двѣ статьи, посвященныя вопросу о проф. движеніи. С.-р. пробуютъ тамъ прежде всего посмѣяться надъ заявленіямъ с.-д. газеты „Впередъ", что Штутгартская резолюція рѣшила вопросъ объ отношеніи партіи къ профес. союзамъ именно въ томъ смыслѣ, какъ это и намѣтила и лондонская, въ духѣ большевизма. Мы скажемъ на это, что сами с.-р. въ томъ же самомъ номерѣ „Зн. Тр." привели факты, доказывающіе неоспоримо правильность именно такой оцѣнки. „Къ этому же времени", пишетъ „Знамя Труда" про осень 1905 г.—„и это характерный фактъ—относится первая встрѣча лицомъ къ лицу трехъ русскихъ соціалистическихъ фракцій: с.-д. меньшевиковъ, с.-д. большевиковъ и с. р., съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на проф. движеніе. Московское Бюро, которому поручено было выдѣлить изъ своей среды и центральное бюро для созыва съѣзда (профес. союзовъ), организовало большой митингъ входящихъ въ проф. союзы рабочихъ въ театрѣ Олимпія *). Меньшевики выступили съ классически-марксисткимъ, строго-ортодоксальнымъ разграниченіемъ цѣлей партіи и проф. союза. „Задача с.-д. партіи—установленіе соціалистическаго строя, съ уничтоженіемъ капиталистическихъ отношеній; задача профес. союзовъ—учучшеніе условій труда въ предѣлахъ капиталистическаго строя, чтобы добиться выгодныхъ для интересовъ труда условій продажи рабочихъ рукъ; отсюда выводилась непартійность проф. союзовъ и охватъ ими „всѣхъ рабочихъ данной профессіи". **) Большевики доказывали, что въ настоящее время раздѣленіе по-

*) На митингѣ было около полуторы тысячи человѣкъ. Отчетъ см. въ Бюллютенѣ Музея содѣйствія Труда". № 2 отъ 26 нояб. 1905 г. (цитата „Знамени Труда").

**) Надо сказать, однако, что эту „нейтральность" г. г. меньшевики понимали довольно своеобразно: такъ, ихъ докладчикъ, иллюстрировалъ свои положенія слѣд. образомъ: „правильное рѣшеніе вопроса о партійности состоялось въ моск. типографскомъ союзѣ, который предлагаетъ товарищамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, вступать въ ряды с.-д. партіи. (примѣчаніе „Знамени Труда").

литики отъ профессіи не можетъ быть проведено строго и отсюда приходили къ выводу, „что должно быть тѣсное единеніе между с.-д. партіей и профес. союзами, которые оно должно руководить". Наконецъ, с.-р.ы требовали строгой безпартійности союзовъ во избѣжаніе раскола въ пролетаріатѣ, но отвергали всякое ограниченіе задачъ и дѣятельность профес. союзовъ какой либо узкой сферой и, формулируя эту задачу, какъ борьбу съ капиталомъ во всемъ ея объемѣ, слѣдовательно равно какъ экономическую, такъ и политическую борьбу".

Такъ описываетъ факты само „Зн. Тр."! И только слѣпой или совсѣмъ неспособный думать человѣкъ можетъ отрицать, что изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія именно та, которая говоритъ о „тѣсномъ единеніи между с.-д. партіей и союзами" подтверждена Штутгартской резолюціей, рекомендующей „тѣсную связь между партіей и профессіональными союзами". *)

Чтобы запутать этотъ до нельзя ясный вопросъ, с. р-ы смѣшали самымъ забавнымъ образомъ самостоятельность профес. союзовъ въ экономической борьбѣ съ безпартійностью ихъ. „Штутгартскій съѣздъ, пишутъ они, опредѣленно сталъ и за самостоятельность (безпартійность) союзовъ, т. е. отвергъ точку зрѣнія и бе—ковъ и ме—ковъ". Это выводится изъ слѣдующихъ словъ Штутгартской резолюціи. „У каждой изъ этихъ двухъ организацій (партіи и профес. союза) есть соотвѣтствующая ея природѣ область, въ которой она должна дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Но на ряду съ этимъ существуетъ все расширяющая область" и т. д., какъ цитировано выше. Нашлись же такіе шутники, которые это требованіе „самостоятельности" профес. союзовъ въ „соотвѣтствующей ихъ природѣ области" *смѣшали* съ вопросомъ о безпартійности союзовъ или о тѣсномъ сближеніи ихъ съ партіей въ области политики и задачъ соціалистической революціи!

Такимъ то образомъ наши с. р. совершенно замяли основной принципіальный вопросъ объ оцѣнкѣ теоріи „нейтральности", которая на дѣлѣ служитъ укрѣпленіемъ вліянія буржуазіи на пролетаріатъ. Вмѣсто этого принципіальнаго вопроса они предпочли говорить только о русскихъ спеціально отношеніяхъ, когда есть на лицо нѣсколько соціалистическихъ партій и притомъ говорить съ *ложнымъ* освѣщеніемъ того, что было въ Штутгартѣ. „Ссылаться здѣсь на туманность Штутгартской резолюціи не приходится.— пишетъ „Знамя труда",—ибо всякую туманность и всякое сомнѣніе разрушилъ г. Плехановъ, выступившій на между-

*) Ме-ки излагали въ октябрѣ 905 г. не ортодоксальные, а *вульгарные* взгляды на нейтральность, пусть запомнятъ это гг. с-р-ы!

народномъ съѣздѣ, въ качествѣ оффиціальнаго представителя партіи, и пока мы еще не имѣемъ соотвѣтствующаго заявленія центральнаго с. д. комитета, что такое выступленіе тов. Плеханова дезорганизуетъ ряды единой партіи". Г.г. с. р.! Вы, конечно, вправѣ иронизировать надъ тѣмъ, что нашъ Ц. К. призывалъ къ порядку Плеханова. Вы вправѣ думать, что можно уважать, къ примѣру скажемъ, партію, не осуждающую оффиціально кадетолюбіе своихъ виднѣйшихъ членовъ. Но зачѣмъ же говорить прямую неправду? Плехановъ не былъ на Штутг. конгрессѣ представителемъ с. д. партіи, а былъ лишь однимъ изъ 33 делегатовъ ея. И представлялъ онъ взгляды не партіи с. д., а теперешней меньшевистской оппозиціи по отношенію къ с. д. партіи и къ ея Лондонскимъ рѣшеніямъ. С-р-ы не могутъ не знать этого и говорятъ они, значитъ, завѣдомую неправду... „Въ коммисіи, разсматривавшей вопросъ о взаимоотношеніяхъ профес. союзовъ и политической партіи, онъ (Плехановъ) сказалъ буквально слѣдующее: „Въ Россіи 11 революціонныхъ организацій, съ какой же изъ нихъ должны проф. союзы вступать въ связь? Внесеніе въ проф. союзы политическихъ разногласій было бы въ Россіи вреднымъ". На это всѣ члены коммисіи единогласно заявили, что такъ и нельзя понимать резолюцію конгресса, что они, „отнюдь не вмѣняютъ проф. союзамъ и ихъ членамъ въ обязанность состоять членами с. д. партіи", т. е. они, какъ и указано въ резолюціи, требуютъ „совершенной самостоятельности" ихъ (курсивъ „Знамени Труда") Путаете вы, господа, изъ „Знамени труда". Въ коммисіи одинъ бельгійскій товарищъ спросилъ, можно ли обязывать членовъ проф. союзовъ вступать въ с. д. партію, и ему всѣ отвѣтили, что нельзя. А, съ другой стороны, Плехановъ внесъ въ резолюцію поправку: „причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду единство профессіональной организаціи", и эта поправка была принята, но не единогласно (тов. Воиновъ, представлявшій взгляды Р. С. Д. Р. П., голосовалъ за поправку и голосовалъ, по нашему мнѣнію, правильно). Вотъ какъ было дѣло. Соціалъ-демократы никогда не должны упускать изъ виду единство профессіональной организаціи, это совершенно справедливо. Но это относится и къ с. р.-амъ, которыхъ мы приглашаемъ подумать объ этомъ „единствѣ профессіональной организаціи", когда она провозгласитъ свою тѣсную связь съ с. д.! О томъ, чтобы „вмѣнять въ обязанность" членамъ союзовъ входить въ партію с. д., никто никогда и не думалъ: это с. р-амъ отъ страха померещилось. Но чтобы Штутгартскій съѣздъ запретилъ проф. союзамъ объявлять о своей тѣсной связи съ с. д. партіей или проводить на дѣлѣ, въ жизни, такую связь,—это сказки. „Русскіе с-д. — пишетъ Знамя Труда — ведутъ самую неуклонную и энергичную кампанію для заво-

еванія проф. союзовъ и подчиненію ихъ своему парт. руководству. Большевики это дѣлаютъ прямо и открыто... Меньшевики избрали болѣе окольный путь»...

Вѣрно, г.г. с.-р-ы! Во имя авторитета рабочаго интернаціонала, вы вправѣ требовать отъ насъ, чтобы мы вели эту кампанію тактично и выдержанно, «не упуская изъ виду единства проф. организацій».

Мы со всей охотой признаемъ это и требуемъ отъ васъ признанія того же, но отъ компаніи мы не откажемся!

Но вѣдь Плехановъ сказалъ, что вредно вносить въ союзы политическія разногласія... Да, Плехановъ сказалъ эту глупость и г.г. с.-р-ы., естественно, должны были уцѣпиться за нее, какъ всегда цѣпляются они, за все, наименѣе заслуживающее подражанія.

Но руководствомъ должны служить не слова Плеханова, а резолюція конгресса, примѣненіе которой невозможно безъ „внесенія политическихъ разногласій". Вотъ вамъ маленькій примѣръ. Резолюція конгресса говоритъ, что проф. союзы не должны руководиться „теоріей гармоніи интересовъ между трудомъ и капиталомъ".

Мы, с. д., утверждаемъ, что аграрная программа, требующая въ буржуазномъ обществѣ уравнительности распредѣленія земли, построена на теоріи гармоніи интересовъ труда и капитала *). Мы всегда выскажемся противъ того, чтобы изъ-за такого разногласія (или даже изъ-за разногласія съ рабочими-монархистами) раскалывать единство стачки и т. п., но мы всегда будемъ „вносить это разногласіе" въ рабочую среду вообще, во всѣ рабочіе союзы въ частности.

Такъ же не умна ссылка Плеханова на 11 партій. Во 1-хъ, не въ одной Россіи есть разныя соціалистическія партіи. Во 2-хъ, въ Россіи только двѣ, сколько-нибудь серьезно конкуррирующія соціалистическія партіи, с.-д. и с. р., ибо націоналистическія партіи валить въ общую кучу совсѣмъ нелѣпо.

Въ 3-хъ, вопросъ объ объединеніи дѣйствительно соціалистическихъ партій, совсѣмъ особый вопросъ; примѣшивая его, Плехановъ запутываетъ дѣло. Мы должны всегда и всюду отстаивать сближеніе союзовъ съ соціалистической партіей рабочаго класса, а какая партія въ той или иной странѣ, среди той или иной національности является дѣйствительно соціалистической и дѣйствительно партіей раб. класса это вопросъ особый, и рѣшаютъ его не резолюціи междун. съѣздовъ, а ходъ борьбы между національными

*) Теперь даже нѣкоторые с. р. сознали это, и сдѣлали такимъ образомъ рѣшительный шагъ къ марксизму. См. очень интересную новую книгу г.г. Фирсова и Якобія.

партіями. До какой степени ошибочны въ этомъ вопросѣ разсужденія Плеханова, это особенно наглядно показываетъ его статья въ № 12 «Совр. Міра» за 1907 г. На ст. 5 тов. Плехановъ приводитъ указаніе Луначарскаго на то, что нейтральность союзовъ отстаивается нѣмецкими ревизіонистами. Плехановъ отвѣчаетъ на это указаніе: «Ревизіонисты говорятъ: союзы должны быть нейтральными, а разумѣютъ подъ этимъ: союзы надо использовать для борьбы съ ортодоксальнымъ марксизмомъ». И Плехановъ заключаетъ: Устраненіе нейтральности проф. союзовъ ничему тутъ не поможетъ. Если мы поставимъ союзы даже въ тѣсную формальную зависимость отъ партіи, а въ партіи восторжествуютъ «идеологія» ревизіонистовъ, то устраненіе нейтральности союзовъ будетъ лишь новой побѣдой «критиковъ Маркса». Это разсужденіе представляетъ изъ себя образчикъ столь обычнаго у Плеханова пріема увернуться отъ вопроса и замять существо спора. Если въ партіи дѣйствительно восторжествуетъ идеологія ревизіонистовъ, то это не будетъ соціалистическая партія рабочаго класса.

Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, какъ складывается такая партія, какая борьба и какіе расколы при этомъ бываютъ. Рѣчь идетъ о томъ, что въ каждой капиталистической странѣ существуетъ соціалистическая партія и союзы, и наше дѣло: опредѣлить основныя отношенія между ними. Классовые интересы буржуазіи неизбѣжно порождаютъ стремленіе ограничить союзы мелкой и узкой дѣятельностью на почвѣ существующаго строя, отдалить ихъ отъ всякой связи съ соціализмомъ, и теорія нейтральности есть идейное облаченіе этихъ буржуазныхъ стремленій. Ревизіонисты внутри с.-д. партіи всегда проложатъ себѣ дорогу такъ или иначе въ капиталистическомъ обществѣ. Конечно, въ началѣ политическаго и профессіональнаго рабочаго движенія въ Европѣ можно было отстаивать нейтральность союзовъ, какъ средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы въ эпоху ея сравнительной неразвитости и отсутствія систематическаго буржуазнаго воздѣйствія на союзы. Въ настоящее время, съ точки зрѣнія международной соціальдемократіи, отстаивать нейтральность союзовъ совсѣмъ уже не умѣстно. Можно только улыбнуться, читая увѣренія Плеханова, что «Марксъ и теперь стоялъ бы въ Германіи за нейтральность союзовъ», особенно, когда такой аргументъ строится на одностороннемъ толкованіи одной „цитаты“ изъ Маркса, при игнорированіи всей совокупности заявленій Маркса и всего духа его ученія. „Я стою за нейтральность, понимаемую въ Бебелевскомъ, а не въ ревизіонистскомъ смыслѣ“, — пишетъ Плехановъ. Говорить такъ, значитъ креститься съ Бебелемъ, и при этомъ все же лѣзть въ болото. Словъ нѣтъ, Бебель такой круп-

ный авторитетъ въ международномъ движеніи пролетаріата, такой опытный практическій вождь, такой чуткій къ запросамъ революціонной борьбы соціалистъ, что онъ въ девяносто девяти случаевъ изъ ста вылѣзалъ самъ изъ болота, когда ему случалось отступаться, и вытаскивалъ тѣхъ, кто хотѣлъ итти за нимъ. Бебель ошибался и тогда, когда въ Бреславлѣ (въ 1895 году) отстаивалъ вмѣстѣ съ Фольмаромъ аграрную программу ревизіонистовъ, и тогда, когда настаивалъ (въ Эссенѣ) на принципіальномъ развитіи оборонительной и наступательной войны, и тогда, когда готовъ былъ возвести въ принципъ „нейтральность“ союзовъ. Мы охотно вѣримъ, что, если Плехановъ будетъ залѣзать въ болото только вмѣстѣ съ Бебелемъ, то это будетъ случаться съ нимъ не часто и не надолго.. Но мы все же думаемъ, что подражать Бебелю слѣдуетъ не тогда, когда Бебель ошибается. Говорятъ — и Плехановъ особенно напираетъ на это,—что нейтральность нужна для объединенія всѣхъ рабочихъ, приходящихъ къ мысли о необходимости улучшить свое матеріальное положеніе. Но говорящіе это забываютъ, что современная ступень развитія классовыхъ противорѣчій неизбѣжно и не минуемо вноситъ „политическія разногласія“ даже въ вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ добиваться этого улучшенія въ предѣлахъ современнаго общества. Теорія нейтральности союзовъ въ отличіе отъ теоріи о необходимости тѣсной связи ихъ съ революціонной соціальдемократіей ведетъ неминуемо къ предпочтенію такихъ средствъ этого улучшенія, которыя означаютъ притупленіе классовой борьбы пролетаріата. Наглядный примѣръ тому (связанный, кстати, съ оцѣнкой одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ новѣйшаго рабочаго рдвиженія) даетъ намъ та самая книжка „Сов. Міра“, въ которой Плехановъ защищаетъ нейтральность. Рядомъ съ Плехановымъ мы видимъ здѣсь г-на Э. П., восхваляющаго извѣстнаго вождя англійскихъ жел. дор. рабочихъ, Ричарда Белла, который покончилъ компромиссомъ конфликтъ рабочихъ съ директорами кампаніи. Беллъ объявляется „душой всего жел. дор. рабочаго движенія“. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, пишетъ г. Э. П., что, благодаря своей спокойной обдуманной и выдержанной тактикѣ Беллъ завоевалъ безусловное довѣріе ассоціаціи ж. д. служащихъ, члены которой готовы, безъ колебанія, всюду послѣдовать за нимъ“. (75 ст. № 12 Сов. М.) Такая точка зрѣнія не случайна, а по существу дѣла связана съ нейтрализмомъ, который на первый планъ выдвигаетъ объединеніе рабочихъ для улучшенія ихъ положенія, а не объединеніе для борьбы, способной принести пользу дѣлу освобожденія пролетаріата. Но эта точка зрѣнія совсѣмъ не соотвѣтствуетъ взглядамъ англійскихъ соціалистовъ, которые навѣрное очень удивились бы, узнавъ, что

хвалители Белла пишутъ, не встрѣчая возраженій, въ одномъ журналѣ съ видными „меньшевиками“ вродѣ Плеханова, Іорданскаго и Ко Англійская соц.-дем. газета „Justice“, въ передовицѣ 16 ноября писала по поводу соглашенія Белла съ жел.-дор. компаніями: „Мы вполнѣ согласны съ почти всеобщимъ тредъ-юніонистскимъ осужденіемъ этого, такъ называемаго мирнаго договора“... „онъ совершенно разрушаетъ самый смыслъ существованія тредъ-юніона“.... „Это нелѣпое соглашеніе.... не можетъ связывать рабочихъ и они хорошо сдѣлаютъ, если отвергнутъ его“. А въ слѣдующемъ номерѣ, отъ 23 ноября, Бернетъ писалъ объ этомъ соглашеніи въ статьѣ, озаглавленной: „Опять продали“. „Три недѣли тому назадъ соединенное общество жел. дор. служащихъ было однимъ изъ самыхъ могущественныхъ тредъюніоновъ въ Англіи; теперь оно сведено на уровень общества взаимопомощи“. „И перемѣна эта произошла не потому, что желѣзно-дорожники боролись и потерпѣли пораженіе, а потому, что ихъ вожди умышленно или по тупоумію своему продали ихъ капиталистамъ до борьбы“. И редакція газетъ добавляетъ, что аналогичное письмо прислалъ ей одинъ „наемный раб. жел. дор. компаніи Мидландъ“.

Но можетъ быть, это „увлеченіе“ „слишкомъ революціонныхъ“ эдековъ? Нѣтъ. Органъ умѣренной партіи „Независимой рабочей партіи“ (S. L. P.), которая не хочетъ даже назвать себя соціалистической, Labour Leader отъ 15 ноября помѣстилъ письмо желѣзнодорожника тредъ-юніониста, заявляющаго въ отвѣтъ на похвалы, расточаемыя капиталистической прессой (начиная отъ радикальной „Reynolds Newspaper“ и кончая консервативной „Times“) Беллу, что, проведенное имъ соглашеніе есть самое презрѣнное какое только было въ исторіи тредъ-юніонизма, и называющаго Ричарда Белла „маршаломъ Базеномъ тредъ-юніонистскаго движенія“. Рядомъ другой желѣзнодорожникъ требуетъ „призвать къ отвѣту Белла“ за это „злосчастное соглашеніе, осудившее рабочихъ на семилѣтнюю каторгу“ И редакція умѣреннаго органа въ передовицѣ того же номера называетъ соглашеніе „Седаномъ британскаго тредъ-юніонистскаго движенія“. Никогда не было такого удобнаго случая, чтобы показать, въ національномъ масштабѣ, силу организованнаго труда,—среди рабочихъ царилъ „невиданный энтузіазмъ“ и желаніе борьбы. Статья заканчивается ѣдкимъ сопоставленіемъ рабочей нужды и торжества „господина Ллойда Джорджа (министръ, съигравшій роль лакея капиталистовъ) и господина Белла, готовящихъ банкеты“. Только самые крайніе оппортунисты, фабіанцы, чисто интеллигентская организація, одобрила эго соглашеніе, вызвавъ этимъ краску стыда даже въ сочувствующемъ фабіанцами журналѣ „The New Age“, который вынужденъ былъ признать, что

если буржуазно-консервативная „Times“ цѣликомъ перепечатала соотвѣтственное заявленіе Ц. К-та фабіанцевъ, то кромѣ этихъ господъ „ни одна соціалистическая организація, ни одинъ тредъ-юніонъ, ни одинъ выдающійся вожакъ рабочихъ“ (стр. 101, номеръ отъ 7 декабря) не высказался за соглашеніе.

Вотъ вамъ образчикъ примѣненія нейтральности Плехановскимъ сотрудникомъ, г-номъ Э. П. Вопросъ касался не политическихъ разногласій, а улучшенія положенія рабочихъ въ данномъ обществѣ. За „улучшеніе“ цѣной отказа отъ борьбы и сдачи на милость капиталу высказалась вся буржузія Англіи, фабіанцы и г. Э. П., за коллективную борьбу рабочихъ всѣ соціалисты и тредъ-юніонисты рабочіе. И Плехановъ будетъ продолжать теперь проповѣдывать „нейтральность“, а не тѣсное сближеніе союзовъ съ соціалистической партіей?

Вл. Ильинъ.

О двухъ путяхъ въ профессіональномъ движеніи.

I.

Быстро развившееся профессіональное движеніе является бѣльмомъ на глазу торжествующихъ реакціонныхъ силъ. Вырвавшееся изъ подъ льда до-октябрскихъ порядковъ оно не улеглось и въ томъ жолобѣ, который ему былъ подставленъ въ видѣ временныхъ правилъ 4-го марта 1906 г. Потребовалось этотъ жолобъ сдѣлать еще болѣе узкимъ, а кое-гдѣ и совсѣмъ заколотить его. Усиленныя гоненія на профессіональныя организаціи отняли у профессіональнаго движенія нормальныя условія жизни.

Всякій организмъ можетъ развиваться и крѣпнуть только въ томъ случаѣ, если его члены исполняютъ соотвѣтствующія функціи и не обречены на бездѣйствіе. Всякая организація дѣлается популярной и могучей только тогда, когда она на дѣлѣ добивается той пѣли, которую она провозгласила. Лишить возможности дѣйствовать—вотъ способъ, къ которому прибѣгаютъ въ борьбѣ съ союзами, когда не рѣшаются ихъ просто закрыть.

Запрещеніе руководить забастовками, объявлять бойкотъ, вести просвѣтительную дѣятельность обрекало профессіональныя организаціи на полумертвое существованіе и постепенно обращаетъ ихъ въ регистраціонныя конторы. Союзъ не можетъ развиться въ сплоченное ядро, могущее постоять за себя и вынести на своихъ плечахъ всѣ невзгоды, разъ члены его не участвуютъ въ защитѣ своихъ интересовъ и не имѣютъ возможности жить жизнью организаціи. Союзы, поставленныя въ такія условія не успѣли въ глазахъ широкихъ массъ стать учрежденіями, дѣятельное существованіе которыхъ необходимо во что-бы то ни стало отстаивать. Въ результатѣ создались союзы, члены которыхъ были „бумажные“ и которые оказалось очень легко стереть съ лица земли.

Отъ той картины, бившей ключемъ жизни профессіональныхъ союзовъ, которая была такъ ярка до весны 1907 г., осталось теперь одно воспоминаніе. Особенно сильная волна

репрессій прокатилась лѣтомъ прошлаго года въ Московскомъ промышленномъ районѣ, гдѣ союзы передъ этимъ пытались проявлять самую энергичную дѣятельность.

Изъ 52 союзовъ, возникшихъ за все время въ Москвѣ, распалось къ сентябрю 1907 г. 22 союза. Въ наиболѣе крупныхъ изъ нихъ, число членовъ уменьшилось, что видно изъ слѣд. таблицы.

	Число платящихъ членовъ къ маю 1907.	Число платящихъ членовъ къ сент. 1907.
Союзъ раб. печ. дѣла . . .	4000	1000 ум. на 75%
„ „ по металлу . . .	2000	200 „ 90%
„ текстильщиковъ . .	1500	200 „ 86%
„ портныхъ	1500	150 „ 90%
„ чаеразвѣсчиковъ .	1000	250 „ 75%
„ сапожниковъ . .	300	150 „ 50%*)

Положеніе дѣлъ въ Московской области достаточно ярко иллюстрируется слѣдующими данными о текстильныхъ союзахъ: на 1-ой конференціи текстильныхъ рабочихъ, бывшей въ февралѣ 1907 г. присутствовали представители отъ десяти тысячъ человѣкъ, на второй—въ іюнѣ, уже отъ 30 тысячъ, а въ сентябрѣ, число членовъ союзовъ едва достигаетъ пяти, шести тысячъ человѣкъ; въ ноябрѣ въ Москвѣ нѣтъ уже ни одного текстильнаго союза. Въ другихъ профессіяхъ дѣло обстоитъ ни чуть не лучше. Всѣмъ союзамъ приходилось вести работу въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ. На собраніяхъ не позволялось говорить даже о заводскихъ дѣлахъ. Градоначальникъ Рейнботъ заявилъ представителямъ союза рабочихъ по металлу: „разсужденіе о просвѣтительной дѣятельности—не дѣло союза.“ Сильно тормозится дѣятельность и изъ-за отсутствія квартиръ. Домовладѣльцы не сдавали ихъ, а съ случайно найденныхъ квартиръ выселяла, полиція придираясь къ тому что ей придетъ въ голову. Такъ рогожское отдѣленіе союза рабочихъ по металлу было выселено изъ квартиры потому, что, „близко рѣка Яуза“ Трудно перечислить безчисленные обыски, аресты, конфискаціи, сыпавшіеся на союзы какъ изъ рога изобилія. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ происходила ликвидація уцѣлѣвшихъ союзовъ. Въ январѣ этого года закрытъ московскій союзъ низшихъ служащихъ и рабочихъ въ городскихъ предпріятіяхъ, причемъ было объявлено, что городское присутствіе закрываетъ его потому, что „хотя въ дѣятельности союза оно но усматриваетъ ничего явно

*) Мартынъ. Нѣкот. дан. о состоянiи проф. движ. въ Москов. пром район. Проф. Вѣст. № 14, стр. 11.

преступнаго, но въ тоже время замѣчаетъ въ ней тенденціи къ этому.“ Не закрытые союзы не проявляютъ себя, члены изъ нихъ бѣгутъ, кассы ихъ пустѣютъ.

Положеніе въ другихъ городахъ не лучше. Вотъ что писали въ сентябрѣ изъ Одессы. За исключеніемъ двухъ, трехъ, самое большее, пяти союзовъ, остальные влачатъ самое жалкое существованіе. Есть союзы, помѣщенія которыхъ закрыты на замокъ. О собраніяхъ правленцевъ и делегатовъ въ такихъ союзахъ говорить не приходится: никогда не бываютъ. Союзы закрываютъ по ничтожному поводу *). Въ январѣ этого года дѣло не улучшилось, вновь пишутъ: „недавно закрыты нѣсколько крупныхъ союзовъ“: печатниковъ, портныхъ, торговыхъ служащихъ. Положеніе остальныхъ жалкое **).

Въ Тифлисѣ и окрестностяхъ было около 40 союзовъ, въ сентябрѣ-же Цент. Бюро объединяло не болѣе 29.

Изъ Астрахани въ октябрѣ писали: „союзы влачатъ жалкое существованіе; нѣкоторые значатся только въ регистраціонныхъ спискахъ, дѣятельности не проявляютъ никакой.“ ***)

Изъ Нижняго-Новгорода раздаются прямо вопли:

„Трудно передать гнетуще-тяжелое впечатлѣніе отъ положенія профессіональныхъ дѣлъ въ Н.-Новгородѣ. Все закрыто, все придавлено. Словно кошмаръ, мучитъ безпрестанно мысль, что вотъ, не сегодня-завтра, по распоряженію администраціи будетъ закрытъ и послѣдній „союзъ рабочихъ по металлу.“ ...Было одинадцать союзовъ съ количествомъ отъ 200 до 600 членовъ и вдругъ... Вдругъ одни за другими они начали закрываться администраціей. Репрессіи начались еще съ лѣта. Запрещались собранія, лекціи, спектакли, не разрѣшались уставы. ...Обыски и аресты въ союзы вошли за послѣднее время въ обычный порядокъ; арестовывались цѣликомъ правленія союзовъ, напр. печатниковъ, половина портныхъ..... Уцѣлѣвшіе союзы влачатъ жалкое существованіе, и, того гляди, закроются сами.“ ****)

Изъ Кіева, Риги, Самары, Смоленска, Двинска, Екатеринбурга, Екатеринослава, Ковно, Минска, Витебска и другихъ городовъ сообщаютъ о цѣломъ рядѣ закрытій союзовъ. Изъ Ковно пишутъ, что въ виду невозможности вдохнуть жизнь въ оставшіеся союзы рѣшено *временно ихъ распустить*. *****)

Въ Симферополѣ въ октябрѣ и ноябрѣ закрыты союзы мельничныхъ рабочихъ, конфетчиковъ, сапожниковъ, портныхъ.

---

*) „Пр. Вѣст.“ № 14 стр. 14.
**) „Пр. Вѣст.“ № 17—18 стр. 19.
***) „Пр. Вѣст.“ № 15, стр. 13.
****) „Пр. Вѣст.“ № 16, стр. 12.
*****) „Пр. Вѣст.“ № 16, стр. 14.

Въ теченіе прошлаго года происходилъ цѣлый рядъ конференцій, на которыхъ намѣчались планы созыва съѣздовъ всероссійскаго обще-профессіональнаго, а также по отдѣльнымъ профессіямъ. Всѣ эти планы оказались неосуществимы. Организаціонная коммиссія по созыву съѣзда проф. союзовъ объявляетъ, что созывъ съѣзда въ ближайшемъ будущемъ представляется ей невозможнымъ. Къ тому-же выводу пришла и Орг. коммиссія по созыву съѣзда рабочихъ по металлу. Какъ на причину такого рѣшенія металлисты указываютъ главнымъ образомъ на то, что *„значительная часть союзовъ въ крупныхъ центрахъ находится въ состояніи разгрома и упадка."**)

Нѣсколько въ болѣе лучшемъ положеніи находятся союзы въ Петербургѣ. Но и въ немъ изъ 36 зарегистрованныхъ союзовъ большинство не можетъ проявлять почти никакой дѣятельности. Большинство издающихся въ Петербургѣ проф. журналовъ закрыто; съ квартиръ гонятъ и т. д. Сокращеніе штата на казенныхъ заводахъ, которое вызывается съ одной стороны плохимъ финансовымъ положеніемъ казны, а съ другой желаніемъ поддержать въ рабочихъ угнетенное настроеніе, не позволяетъ развить дѣятельность такимъ союзомъ, какъ союзъ рабочихъ по металлу. При такихъ условіяхъ изъ союзовъ члены уходятъ, и сами союзы дѣлаются очень неустойчивыми.

Чуть-ли не единственнымъ свѣтлымъ пунктомъ является—Баку, гдѣ почти непрекращающееся стачечное движеніе поставило союзы на должную высоту, давъ имъ прочную опору въ широкихъ массахъ, повело къ оффиціальному ихъ признанію правительствомъ и нефтепромышленниками и позволило имъ развернуть широкую дѣятельность.

Почти изъ всѣхъ городовъ, гдѣ происходили гоненія на союзы, сообщаютъ о безучастномъ отношеніи членовъ къ судьбѣ своихъ организацій. Нигдѣ не было попытокъ отстоять организацію, да и попытки продолжать дѣло, не считаясь съ закрытіемъ, тоже въ большинствѣ случаевъ не удавались. Неустойчивость союзовъ, малая сплоченность членовъ ярко обнаруживается какъ-только появляется необходимость дружнаго, дисциплинированнаго выступленія или въ случаѣ какого-либо столкновенія, или же во время репрессій. Причины этой неустойчивости, помимо того, что сдавленныя полицейскими рамками союзы не смѣли развить должной тактики, коренится въ исторіи организаціи нашихъ союзовъ. Предшественниками современныхъ союзовъ, стоящихъ на классовой точкѣ зрѣнія, были общества рабочихъ, организованные Зубатовымъ въ Москвѣ, Одессѣ и Западномъ краѣ и Гапономъ въ Петербургѣ. Эти организаціи

*) „Проф. Вѣст." стр. 10.

пріучали массы дѣйствовать исключительно въ рамкахъ законности и мало сплачивали ихъ.

Событія 1905—1906 г.г. смели съ лица земли эти организаціи и создали новыя. Всколыхнутая этими событіями, рабочая масса цѣлыми сотнями, а иногда тысячами бросилась въ профессіональные союзы. Митинговые ораторы легко создавали громадныя организаціи. Въ нѣсколько недѣль число членовъ союзовъ достигало тысячъ. На молодыя организаціи нахлынуло масса дѣлъ, которыя онѣ не успѣвали исполнять: такъ, напр., даже выдача членскихъ книжекъ задерживалась иногда на нѣсколько мѣсяцевъ. Каждый организаторъ старался захватить какъ можно шире массу; жизнь союзовъ проявлялась главнымъ образомъ на общихъ собраніяхъ. Но организуясь профессіонально, массы не сплачивались *на самыхъ низахъ*—на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ и т. д. Даже выборы делегатовъ отъ предпріятій часто происходили не на особыхъ, а на обще-союзныхъ собраніяхъ, по окончаніи засѣданій, когда прислуга гасила огонь, а администрація выгоняла присутствовавшихъ изъ помѣщенія. Объ отчетности и обсужденіи непосредственныхъ нуждъ на отдѣльныхъ предпріятіяхъ не приходится почти и говорить.

Между тѣмъ, такъ называемыя „общія" собранія далеко не были, дѣйствительно, *общими* собраніями всѣхъ членовъ союза: на нихъ присутствовало обыкновенно небольшая часть членовъ; часто на общее собраніе союза съ нѣсколькими тысячами членовъ приходилось нѣсколько сотенъ, а иногда и десятковъ человѣкъ. Въ результатѣ границы организаціи терялись: *массы проходили черезъ союзы* сперва записываясь въ нихъ, потомъ постепенно отставая отъ нихъ.

Не имѣя возможности, не смотря на все свое желаніе, вести непосредственную борьбу съ предпринимателями, союзы не могли создать и прочныхъ подсобныхъ организацій. Лихорадочно создавались всякіе бюро—юридическіе, медицинскіе, статистическіе и другіе, но быстро исчезали, такъ какъ одна ихъ дѣятельность не могла сплотить массы и они оставались безъ поддержки. Если сравнить ихъ ростъ съ медленнымъ ростомъ подобныхъ учрежденій на Западѣ, то станетъ понятнымъ ихъ быстрое уничтоженіе у насъ.

Погоня за широтой организаціи, за многочисленностью членовъ, безъ соотвѣтствующаго упроченія организаціи на низахъ, сказалась. Періодъ 1905—1907 г.г. въ русскомъ профессіональномъ движеніи напоминаетъ собою періоды 1833—34 и 1872—74 г.г. въ англійскомъ движеніи, когда эфимерные союзы также быстро пропадали, какъ возникали.

Въ большинствѣ союзовъ потребность въ организаціяхъ сплачивающихъ членовъ союза по предпріятіямъ, чувствовалось давно, но сдѣлано было въ этомъ отношеніи очень

мало. Союзы, которые за время своего легальнаго существованія успѣвали сплотить своихъ членовъ по предпріятіямъ, союзы, члены которыхъ еще до образованія легальныхъ профессіональныхъ обществъ, были сплочены и вели организованную борьбу за свои интересы — такіе союзы были исключеніемъ, но за то они оказались болѣе устойчивыми.

Тотъ фактъ, что союзы не успѣли создать по предпріятіямъ достаточно сильныя и авторитетныя ячейки и сознаніе необходимости сплоченія рабочихъ по предпріятіемъ, заставилъ рабочихъ двухъ крупныхъ петербургскихъ заводовъ— Невскаго и Обуховскаго—взяться за возстановленіе совѣта старостъ на основаніи закона 1903 г. о старостахъ, въ свое время бойкотировавшагося рабочими чуть не повсемѣстно. Не создавъ лучшаго, — приходится браться за худшее.

II.

Такое положеніе профессіональныхъ союзовъ совсѣмъ не оправдавшее тѣхъ преувеличенныхъ ожиданій, которыя были у рабочихъ массъ при ихъ возникновеніи, должно быть принято во вниманіе, когда возникаетъ вопросъ, что же дѣлать? Какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда союзы закрыты? Какъ обезопасить существующіе союзы отъ распада и отъ полнаго разрушенія? Какъ сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми?

Необходимость отвѣтить на всѣ эти вопросы усиливается тѣмъ, что общее экономическое положеніе страны вообще и положеніе рабочаго класса въ частности, при обостреніи экономической нужды и классовой борьбы безусловно таково, что пролетаріатъ не можетъ оставаться бездѣятельнымъ и для проведенія стачечной борьбы ему необходимы организаціи, достаточно приспособленныя для руководства ею.

Самымъ простымъ отвѣтомъ на вопросъ, что дѣлать, если союзъ закрытъ?—является предложеніе зарегистрироваться подъ-какимъ нибудь другимъ названіемъ. Это и стали дѣлать закрытые союзы, но ихъ попытки въ большинствѣ случаевъ, перестали удаваться. На прошеніе о регистраціи получались недвусмысленные отвѣты: „все я ни подъ какимъ названіемъ не легализую". Изъ Москвы, Нижняго, Одессы и цѣлаго ряда другихъ городовъ сообщаютъ о томъ какъ нѣкоторыя организаціи подавали самые урѣзанные уставы по три, по четыре раза и все безрезультатно. Въ такихъ случаяхъ вопросъ встаетъ вновь.

Первая попытка дать отвѣты на всѣ эти вопросы была сдѣлана въ сентябрѣ прошлаго года московской областной конференціей (соц.-дем. партіи). Но резолюція этой конференціи вызвала противъ себя цѣлый походъ. Сигналъ къ

походу былъ по обыкновенію поданъ „Товарищемъ“, который, *напечатавъ эту резолюцію съ грубыми ошибками, благодаря чему резолюція была извращена*, помѣстилъ статью г. В. Р., разбирающую резолюцію *).

Вслѣдъ за г. В. Р. московской резолюціи посвятили свои статьи гг.: В. Гриневичъ, въ „Проф. Вѣстникѣ“, К. Дмитріевъ и Н. Шлямовъ, въ „Рабочемъ по металлу“. Всѣ эти лица приписываютъ резолюціи, многое такое, что въ ней не заключается и толкуютъ ее совершенно не правильно, чѣмъ подчеркиваютъ необходимость отвѣтить имъ.

В. Гриневичъ **) говоритъ, что резолюція „вмѣсто легальныхъ профессіональныхъ союзовъ рекомендуетъ устраивать нелегальныя“. Это звучитъ такъ, какъ будто бы москвичи, имѣя полную возможность устраивать легальные союзы, предлагаютъ ихъ не устраивать, а зовутъ организоваться нелегально. Но вѣдь въ московской резолюціи (относящейся къ *московской* области) говорится вполнѣ ясно: „непрекращающіяся правительственныя репрессіи создаютъ полную невозможность легальнаго существованія организацій, обслуживающихъ и объединяющихъ экономическую борьбу пролетаріата“. Гриневичъ, правда, цитируетъ этотъ аргументъ, обѣщаетъ его разобрать, но... этого почему-то не дѣлаетъ.

Но за него разбираетъ его г. Н. Шлямовъ въ своемъ „Письмѣ изъ Москвы“ ***). Онъ говоритъ, что это „бойкотистская отрыжка“. Просто, оказывается, дѣло разрѣшается: сторонники нелегальной формы организаціи, находясь, по словамъ г. В. Р. изъ „Товарища“, подъ давленіемъ большевиковъ, не хотятъ признавать закона 4-го марта. Н. Шлямовъ очень усиленно рекомендуетъ использовать законъ 4-го марта и приводитъ цѣлую гору справокъ о томъ, какъ на Западѣ пролетарій пользовался законами, правда лучшими, чѣмъ законъ 4-го марта, но все-же плохими.

Но развѣ споръ идетъ объ этомъ? Развѣ кто-либо отказывается организовываться на основаніи этого закона? Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что безчисленныя закрытія союзовъ, отказы въ регистраціи, аресты правленій, обыски въ союзныхъ помѣщеніяхъ, конфискаціи денежныхъ средствъ и конторскихъ книгъ не выдуманы, а являются фактомъ, ясно говорящимъ, что правительство беретъ законъ 4-го марта обратно, что *оно* (а не москвичи) съ ними не считается; что *оно* находитъ его уже достаточно *использованнымъ*.

Всѣ и В. Р., и Гриневичъ, и К. Дмитріевъ и И. Шлямовъ напоминаютъ, что открытое существованіе профессіональныхъ организацій является необходимымъ условіемъ даль-

*) См. газ. „Товарищъ“ № 371 отъ 14 сен. 1907 г. Статья В. Р. „Московская резолюція о проф. союзахъ“.
**) В. Гриневичъ. «Два Пути» Пр. В. № 14. стр. 1.
***) Раб. по Мет. № 24 стр. 7.

нѣйшихъ успѣховъ и развитія нашего профессіональнаго движенія. Но неужели они думаютъ, что кто-либо изъ сторонниковъ московской резолюціи сомнѣвается въ томъ, что полная свобода союзовъ есть наиболѣе подходящее условіе для развитія профессіональнаго движенія?! Ну, а если свободы союзовъ нѣтъ и открыто развивать свою дѣятельность нельзя—а вѣдь мы переживаемъ именно такое время—то, что-же дѣлать?—прекратить свою дѣятельность, дабы сохранить свое существованіе? Вѣдь дѣло не просто въ *открытомъ* существованіи, а въ дѣятельности. Мы видимъ изъ сообщеній многочисленныхъ корреспондентовъ, что незакрытыя, слѣдовательно *открыто существующіе* союзы, влачатъ жалкое существованіе. Напрасно Гриневичъ и другіе съ ними стараются подмѣнить свободу союзовъ—просто легальнымъ существованіемъ ихъ: это не одно и тоже.

Считая московскую резолюцію психологически понятной, г. Гриневичъ говоритъ, что „глубоко ошибаются тѣ активные элементы, которые, терроризованные репрессіями, призываютъ рабочихъ на путь, уготованный авторами самихъ репрессій". Но кто-же идетъ по этому пути: Гриневичъ съ своими единомышленниками, или сторонники московской резолюціи? Тѣ-ли кто, прыгая со ступеньки на ступеньку, входятъ въ рамки все болѣе и болѣе тѣсныя, или тѣ, кто, не слушая пѣсенъ реакціонныхъ сиренъ, продолжаютъ строить свое зданіе, надѣясь своей работой заставить считаться съ собой, какъ съ неустранимымъ фактомъ?...

Какъ появились наши профессіональные союзы: въ силу-ли закона или иначе? Вѣдь всѣми давно признано, что законъ 4-го марта есть попытка ввести въ легальныя рамки то, что создалось до него.

Въ Россіи нѣтъ свободы союзовъ и она можетъ быть завоевана ими не путемъ безконечныхъ просьбъ о регистраціи и не урѣзываніями своихъ функцій и смирнымъ поведеніемъ. Это-то и учитываетъ московская резолюція, но изъ нея отнюдь нельзя заключить, что не слѣдуетъ легализовать свою дѣятельность, если къ тому представляется возможность. Резолюція эта основана на недовѣріи къ политикѣ русскаго правительства и хочетъ создать такую организацію, которая обезпечила-бы профессіональное движеніе отъ случайностей. Но если есть возможность легальнаго существованія организацій руководящихъ экономической борьбой пролетаріата никто изъ сторонниковъ московской резолюціи, вѣроятно, не оставитъ эту возможность втунѣ. *Дѣло идетъ лишь о тѣхъ профессіяхъ и мѣстахъ, гдѣ всѣ попытки использовать эту возможность потерпѣли крахъ.*

Гриневичъ признаетъ, что въ переходное время отъ закрытія союза до регистраціи новаго союза необходимо, пользуясь уже богатымъ опытомъ русскаго профессіональнаго

движенія, „поддерживать непремѣнно существованіе союзнаго ядра". Но къ сожалѣнію это „переходное время" тянется очень долго—для нѣкоторыхъ союзовъ цѣлые годы. *) При такихъ условіяхъ нельзя, чтобы ядромъ союза было только правленіе—нужно нѣчто иное, а именно организаціонныя ячейки по всѣмъ предпріятіямъ, входящимъ въ союзъ.

Г. Гриневичъ видитъ для пролетаріата, желающаго создать свои профессіональныя организаціи, „только одинъ испытанный уже путь: объединить рабочихъ въ открытыя легальныя организаціи". Онъ не говоритъ о томъ могутъ-ли наши организаціи развивать должную дѣятельность на этомъ пути, не придется-ли имъ итти со сложенными руками? Не окажется-ли его призывъ организоваться *только* легально реакціоннымъ призывомъ, обрекающимъ массы не на борьбу съ давящими ихъ рамками, а на приспособленіе къ нимъ, путемъ обрубанія тѣхъ членовъ организаціи, которые своими движеніями распираютъ эти рамки?

Разбирая далѣе резолюцію, Гриневичъ старается доказать полное невѣжество Московской Конференціи, будто-бы незнавшей, что наши профессіональные союзы являются организаціями для руководства экономической борьбой пролетаріата, и смѣшавшей ихъ съ простыми обществами взаимопомощи. Для доказательства этой... „оригинальной" мысли онъ приводитъ одинъ абзацъ резолюціи въ такомъ *искаженномъ* „Товарищемъ" видѣ: „использованіе легальныхъ возможностей путемъ организаціи обществъ взаимопомощи и т. д. не только *не можетъ* въ какой-бы то ни было степени удовлетворить эту потребность (въ организаціяхъ для руководства экономической борьбой), *но привело* къ приниженію рабочаго движенія, способствуя развитію въ массахъ узко-корпоративнаго духа и обслуживанію интересовъ наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ пролетаріата". Въ подлинникѣ это мѣсто резолюціи гласитъ иначе: „использованіе легальныхъ возможностей путемъ организаціи обществъ взаимопомощи и т. п. не только *не смогло-бы*, въ какой-бы то ни было степени удовлетворить эту потребность, *но привело-бы* къ приниженію рабочаго движенія и т. д.". Причемъ Гриневичъ прибавляетъ: „несомнѣнно, что подъ „обществами взаимопомощи" резолюція подразумѣваетъ профессіональные союзы, зарегистрированные на основаніи закона 4 марта 1906 г.".

Цитата Гриневича—плодъ извращенія подлиннаго текста... но даже извращенная цитата не даетъ права дѣлать такіе выводы, убѣдительные только для лицъ, совершенно невѣжественныхъ по вопросамъ практики московскаго профессіональнаго движенія.

---

*) Напр. союзъ булочниковъ въ Москвѣ, не легализуется администраціей съ лѣта 1906 г.

Всѣ выводы, дѣлаемые Гриневичемъ на основаніи этого мѣста резолюціи, должны отпасть, т. к. не Московская Конференція дала явно невѣрную оцѣнку результатовъ нашего профессіональнаго движенія", а Гриневичъ привелъ явно искаженную „Товарищемъ" цитату, очевидно, забывъ все то, что ему извѣстно о работѣ москвичей въ профессіональныхъ союзахъ.

Въ чемъ-же заключается дѣйствительный смыслъ этого мѣста резолюціи?

Очевидно, что конференція имѣла въ виду предложеніе организовывать вмѣсто *закрытыхъ профессіональныхъ союзовъ—общества взаимопомощи*,—лишенныя возможности открыто руководить экономической борьбой пролетаріата. Конференція полагала, что при отсутствіи организацій, ведущихъ активную дѣятельность, простыя общества взаимопомощи, *не имѣя возможности* вести таковую дѣятельность, безусловно будутъ способствовать приниженію рабочаго движенія, развивая тѣ тредъ-юніонистскія тенденціи, съ которыми наши профессіональные союзы почти всегда вели борьбу и о которыхъ такому знатоку профессіональнаго движенія, какъ Гриневичу, толковать, вѣроятно, не приходится. Дѣло не въ вывѣскѣ, подъ которой существуетъ организація, а въ томъ, какую дѣятельность она сможетъ развить.

Нельзя спорить съ тѣмъ, что въ различныхъ обществахъ, по своему названію ничего общаго съ борьбой неимѣющихъ, можно вести пропаганду, способствовать организаціи массъ, но руководить *открыто* при ихъ помощи борьбой—это другое дѣло.

Когда не разрѣшается даже упоминать слово „стачка", какъ можно разсчитывать, что открытое послѣ долгихъ усилій общество взаимопомощи не будетъ немедленно закрыто, если оно захочетъ расширить рамки своей дѣятельности и попытается руководить забастовкой? Правда, среди гг. губернаторовъ и градоначальниковъ можетъ найтись въ видѣ исключенія такой, который поступитъ иначе, но вѣдь въ такихъ случаяхъ не возникаетъ и вопроса о созданіи другихъ союзовъ, взамѣнъ существующихъ.

Какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда малѣйшій намекъ на активную защиту интересовъ ведетъ къ закрытію организаціи, а положеніе пролетаріата заставляетъ вести борьбу съ предпринимателями? Строить ли немедленно организацію, небоящуюся, что ее закроютъ за подготовку и руководство борьбой рабочихъ, или, какъ рекомендуютъ Гриневичъ, Дмитріевъ и Шлямовъ организовывать общества гимнастовъ, пѣвцовъ, общества взаимопомощи или какъ совѣтуютъ тульскіе дѣятели—общества трезвости?

Очень можетъ быть, что какое нибудь общество взаимопомощи сможетъ записать въ число своихъ членовъ больше

лицъ, чѣмъ какая либо незарегистрированная организація, но какова будетъ цѣнность этихъ членовъ? будутъ ли они вести борьбу? будутъ ли они дѣйствительно сплочены?

Сторонники легализаціи „во что-бы то ни стало“ любятъ ссылаться на отношеніе германскихъ с.-д. къ вспомогательнымъ кассамъ въ эпоху закона противъ соціалистовъ; это дѣлаютъ и Гриневичъ, и Шлямовъ.. Но что-же мы видѣли въ эту эпоху въ Германіи? Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ изданія закона организаціонная связь между рабочими данной профессіи поддерживалась исключительно профессіональной газетой; связь эта была очень слабой. Несомнѣнно, никто не будетъ отрицать пользы изданія такихъ профессіональныхъ газетъ и у насъ въ Россіи, но можемъ-ли мы возлагать на такой способъ большія надежды, помня о томъ, какъ закрываются наши газеты? Послѣ того, какъ къ 1880 г. въ Германіи началось оживленіе промышленности, германскіе рабочіе почувствовали отсутствіе *всякой* организаціи и это способствовало усиленію стремленій къ возрожденію профессіональнаго движенія. Вотъ тутъ-то и сыграли свою роль свободныя вспомогательныя кассы, носившія профессіональный характеръ. „Вопреки закону противъ соціалистовъ начались разъѣзды агитаторовъ въ цѣляхъ распространенія свободныхъ вспомогательныхъ кассъ. Созывались собранія, основывались отдѣленія.“ Вся эта кампанія была развернута послѣ знаменитаго императорскаго рескрипта отъ 17 ноября 1881 г. и закона, вводившаго страхованіе рабочихъ и учреждавшаго спеціальныя принудительныя кассы. Необходимо было противодѣйствовать правительству и *не итти въ созываемыя имъ учрежденія*. „Въ качествѣ главнаго преимущества центральныхъ кассъ взаимопомощи на случай болѣзни указывалось то, что участіе въ нихъ освобождаетъ рабочихъ отъ навязываемой имъ „благодати“ принудительныхъ кассъ“ *)

Обученные въ организаціи взаимопомощи ораторы и администраторы, сослужили потомъ большую службу при новомъ распространеніи профессіональнаго движенія. *)

И такъ, мы видимъ, что участіе с.-д. въ вспомогательныхъ кассахъ способствовало профессіональному движенію тѣмъ, что оно его подготовляло, но никоимъ образомъ нельзя утверждать, что вспомогательныя кассы замѣняли собою профессіональные союзы, уничтоженные закономъ о соціалистахъ. Лишь послѣ того, какъ въ началѣ 1882 г. берлинскій позолотчикъ Эвальдъ началъ кампанію за профессіональную организацію и въ эту кампанію взошли такіе с.-д., какъ Кайзеръ, Газенклеверъ, Фроме и Конрадъ и начались массовыя собранія рабочихъ, стали появляться новыя профессіональ-

*) Шмеле. „Соц.-дем. проф. союзы въ Германіи.“ стр. 131—132.

ныя организаціи, которыя правительство уже не могло уничтожить *).

Учитывая опытъ Германіи, никто изъ защитниковъ московской резолюціи не станетъ отрицать необходимости вступать во всякія общества взаимопомощи, курительныя и другія для опредѣленной работы въ нихъ, но развѣ можно этимъ ограничиться? При современномъ положеніи пролетаріата въ Россіи нельзя ограничиться одной агитаціей въ пользу организаціи, какъ нельзя строить организацію только для того, чтобы быть организованнымъ—нужно вести активную дѣятельность; поэтому форма организаціи должна быть приспособлена къ борьбѣ, а не къ выжидательному положенію.

К. Дмитріевъ также высказывается „за предпочтительность легальнаго существованія даже въ видѣ обществъ взаимопомощи, передъ нелегальнымъ“ Онъ признаетъ, однако, что „чисто профессіональная дѣятельность можетъ осуществляться въ обществахъ взаимопомощи съ гораздо большимъ трудомъ“. Съ другой стороны, говоритъ К. Дмитріевъ, задачи взаимопомощи, увлеченіе которыми наблюдается сейчасъ въ союзахъ, скорѣе могутъ въ нихъ выдвинуться на первый планъ и помѣняются мѣстами съ боевыми задачами союза **). Но онъ обращаетъ вниманіе на другой фактъ: „*Уже* существующія общества взаимопомощи, сохраняя свой старый уставъ, фактически не разъ превращались въ боевые союзы,“ говоритъ онъ. И вотъ онъ думаетъ, что и новыя общества взаимопомощи обратятся на дѣлѣ въ боевые союзы — „*необходимо только съ сугубой осторожностью выработать уставъ общества исключивъ изъ него все, что можетъ стѣснить его дѣятельность въ желательномъ направленіи*“ ***). Очевидно, факты отказа въ регистраціи обществъ съ уставами обществъ взаимопомощи, которые пытались сохранить условія, предлагаемыя Дмитріевымъ, какъ это было напр. съ петербургскими фотографами, ему ничего не говорятъ, равно какъ и факты закрытія тѣхъ обществъ взаимопомощи, которые дѣйствительно развивали боевую дѣятельность.

Погоня за легальностью заставляетъ ея сторонниковъ терять всѣ свои принципіальныя предпосылки. Для примѣра можно указать слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно громаднымъ большинствомъ работниковъ профессіональнаго движенія въ Россіи признана вредной организація по цехамъ и отдѣльнымъ профессіямъ и всегда выдвигается принципъ организаціи по отраслямъ производства. Московскій союзъ рабочихъ по металлу стоялъ въ моментъ расцвѣта своей дѣя-

*) Шмеле, стр. 134—137.
**) «Раб. по Метал» № 23, стр. 6.
***) Тамъ же.

тельности на одинаковой съ большинствомъ точкѣ зрѣнія. Теперь нѣкоторые изъ его членовъ, сторонники, „открытаго“ существованія начинаютъ подавать на регистрацію, правда, не достигая успѣха, уставы обществъ, охватывающихъ рабочихъ одной узкой профессіи.

IV.

Излагая даже московскую резолюцію, Дмитріевъ, по совершенно непонятной причинѣ, приписываетъ ей слѣдующее предложеніе: „На заводѣ образуется *текучая неоформленная* организація вокругъ партійной заводской ячейки. Эта неоформленная организація напримѣръ, фабричная касса, сохраняетъ полную автономію. Связываются и объединяются лишь партійныя ячейки въ партійные профессіональные центры, которые фактически и руководятъ профессіональной борьбой“ *). Гдѣ это вычиталъ г. Дмитріевъ такую вещь? Даже въ „Товарищѣ“ ничего подобнаго не сообщалось! Въ дѣйствительности конференція ничего подобнаго не рекомендовала; она лишь совѣтовала при постройкѣ союза начинать съ укрѣпленія низовъ: на всѣхъ предріятіяхъ, входящихъ въ союзъ, партійныя организаціи должны являться тѣми первыми ядрами, вокругъ которыхъ должны сплачиваться широкіе слои рабочихъ.

Мы думаемъ, что какъ въ зарегистрированныхъ, такъ и въ незарегистрированныхъ союзахъ къ участію слѣдуетъ привлекать отнюдь не только партійные элементы, но *и всѣхъ способныхъ къ организаціи пролетаріевъ*. Все, на чемъ мы настаиваемъ, это чтобы опредѣленные въ партійномъ отношеніи элементы дѣйствовали бы и въ тѣхъ и въ другихъ союзахъ не въ разбродъ, а *сплоченно*.

Объединеніе рабочихъ, среди которыхъ обыкновенно дѣлаются сборы на безработныхъ, на бастующихъ и т. д., въ подобную организацію, ставящую себѣ цѣлью борьбу съ предпринимателями, возможно. Если заводскія и фабричныя партійныя ячейки проявятъ достаточно энергіи въ дѣлѣ созданія такихъ организацій широкихъ слоевъ рабочихъ и, пользуясь своимъ налаженнымъ аппаратомъ, объединятъ всѣ такія части профессіональнаго союза въ единое цѣлое, то они сильно облегчатъ дѣло созданія крѣпкихъ союзовъ. При такомъ положеніи дѣлъ какъ разъ будетъ уничтожена существующая текучесть профессіональныхъ организацій, а вовсе не создана. И не разбивать на кружки существующіе союзы рекомендуетъ московская резолюція, какъ это хочетъ навязать ей В. Р. изъ „Товарища“, а сплотить рабочихъ членовъ союза на низахъ.

---

*) Тамъ-же, стр. 4.

Московская резолюція, считая необходимымъ созданіе устойчивыхъ профессіональныхъ организацій предлагало всѣмъ членамъ партіи взяться за эту работу. Она хочетъ, что-бы отъ этого дѣла не уклонялись члены партіи, какъ замѣчалось ранѣе, а всѣ сплотившись пошли въ союзы; резолюція дальше предлагаетъ что бы дѣломъ объединенія занялись высшія учрежденія. Значитъ ли это, что они рекомендуютъ устранить спеціальныя союзныя учрежденія? Ничего подобнаго, она хочетъ ихъ создать и лишь конкретно указываетъ, кто, главнымъ образомъ, долженъ помочь эту работу выполнить. Какъ иначе могла поступить организація политической партіи пролетаріата, всегда участвовавшая въ руководствѣ его экономической борьбой, когда громадное большинство спеціальныхъ организацій разрушено или разрушается?

Громадное большинство профессіональныхъ союзовъ Россіи организовано членами этой партіи: кромѣ нихъ повести дѣло организаціи новыхъ союзовъ некому.

Гриневичъ говоритъ, что профессіональное движеніе выдвинуло цѣлый рядъ вождей изъ рабочей массы, которые руководили движеніемъ. Но гдѣ они теперь! Развѣ Гриневичъ думаетъ, что репрессіи послѣдняго времени не разбили этотъ рядъ?

Существуя безъ посторонней помощи, остатки правленій профессіональныхъ союзовъ оказываются безсильными вести работу и сами закрываютъ свои союзы. Будетъ ли вредно для профессіональнаго движенія, если дѣломъ созданія прочныхъ союзовъ займутся всѣ члены партіи, а къ этому-то и призываетъ резолюція конференціи. Несомнѣнно, что выдержка членовъ партіи позволитъ имъ вести работу во время гоненій продуктивнѣе, чѣмъ могутъ дѣлать это лица, не имѣющія этой выдержки.

В. Р. и Гриневичъ видятъ въ московскомъ планѣ попытку создать партійные союзы и это ихъ страшно пугаетъ, пугаетъ настолько, что В. Р. подъ конецъ своей статьи, начинаетъ защищать лондонскую резолюцію о профессіональныхъ союзахъ, которую москвичи будто-бы совсѣмъ позабыли, хотя органъ, въ которомъ пишетъ В. Р., раньше съ особеннымъ удовольствіемъ ругалъ эту резолюцію. Гриневичъ не сомнѣвается въ томъ, что такіе союзы не привлекутъ не только несознательныхъ и членовъ другихъ партій, но даже и соціалъ-демократовъ. Произойдетъ это потому, что с.-д. ячейкамъ будто-бы не достаетъ широкаго довѣрія массъ. Такое мнѣніе можетъ составиться только у людей, которые ни какъ ни хотятъ признать въ с.-д. партіи дѣйствительно политическую партію пролетаріата и остаются слѣпы даже при такихъ фактахъ, какъ выборы с.-д. въ государственную думу, въ различныя депутаціи, въ члены правленій союзовъ.

Гриневичъ далѣе увѣряетъ, что рабочая масса ввѣритъ свои сбереженія скорѣе отдѣльнымъ извѣстнымъ ей лицамъ, чѣмъ партійной организаціи. Но вѣдь партію, какъ таковую, *никто* и *никогда* не обвинялъ въ растратѣ чьихъ-либо денегъ, а изъ среды „отдѣльныхъ извѣстныхъ массѣ лицъ", попавшихъ въ казначеи союзовъ, къ сожалѣнію, нашлось очень много людей, растратившихъ или скрывшихся съ союзными средствами. Если это не извѣстно Гриневичу, то масса давно это знаетъ и превосходно учитываетъ. Въ Польшѣ въ партійныхъ союзахъ, нѣтъ никакихъ растратъ и никакихъ нареканій на партію, въ смыслѣ плохого отношенія къ матеріальнымъ средствамъ.

Напрасны страхи Гриневича...

По мнѣнію Гриневича болѣе яркій партійный характеръ поведетъ къ нарушенію единства профессіональнаго движенія и отпугнетъ отъ такихъ союзовъ и с.-р-овъ, и сознательно-безпартійныхъ.

Гриневичъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ отожествленія с.-р-овъ и сознательно безпартійныхъ съ широкими массами и поэтому въ ущербъ главной цѣли, которая должна преслѣдоваться при организаціи какъ политической партіи, такъ и профессіональныхъ организацій,—а именно, *единства борьбы пролетаріата*,—старается, во чтобы то ни стало создать союзъ, примиряющій всѣ разногласія, забывая при этомъ, что этого не было ни въ одной странѣ.

Онъ ссылается на Штудтгартскую резолюцію, выхватываетъ одну изъ ея оговорокъ, предостерегающую отъ нарушенія *единства профессіональнаго движенія* и забываетъ объ основной ея мысли—необходимости достиженія единства рабочаго движенія. Эта основная мысль штудтгартской резолюціи заставляетъ насъ теперь, когда передъ нами стоитъ задача созданія новыхъ профессіональныхъ организацій, взамѣнъ разрушенныхъ, строить ихъ такъ, чтобы было обезпечено единство дѣйствій политической партіи пролетаріата и его экономическихъ организацій, а для этого между ними должна быть создана самая близкая связь, которая обезпечила бы въ будущемъ образованіе единой организаціи пролетаріата, вѣдающей всѣми сторонами его движенія. При закладываніи фундамента мы не должны забывать о томъ, какой куполъ будетъ выситься надъ зданіемъ. На заложенной такимъ образомъ основѣ будетъ возможно при первомъ же смягченіи реакціи создать въ Россіи грандіозныя профессіональныя организаціи, которыя новому приливу реакціи будетъ уже не такъ легко смести, какъ это происходитъ теперь. Напрасно Гриневичъ увѣряетъ, что очень легко разбить и тѣ организаціи, которыя рекомендуетъ московская резолюція: партійныя организаціи вынесли больше гоненій, чѣмъ профессіональныя, съ ними расправляются болѣе сурово,

рѣмъ съ легальными союзами, но все же онѣ существуютъ...

При политическихъ превратностяхъ, при постоянныхъ репрессіяхъ только подобная прочная основа обезпечиваетъ устойчивость организаціи.

Рабочее профессіональное движеніе, вызываемое объективными условіями развитія капиталистическаго общества, требуетъ при выступленіяхъ извѣстной дисциплины. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ закрытыхъ и прекратившихъ свое существованіе союзовъ дисциплина почти отсутствовала. Въ своей организаціонной работѣ профессіональные союзы должны озаботиться о ея насажденіи; она будетъ достигнута лишь, опять-таки, при сплоченіи членовъ союза на низахъ.

Въ существующихъ еще союзахъ необходимо немедленно же начать работу объединенія членовъ союза по предпріятіямъ:—только, когда жизнь союза будетъ происходить не исключительно въ правленіяхъ и на делегатскихъ собраніяхъ, только тогда рабочій, записавшійся въ союзъ, изъ члена митинга превратится въ члена союза. Новыя организаціи должны учесть недостатки старыхъ.

Очень можетъ быть, что при томъ планѣ, который предлагаетъ московская конференція, союзы не будутъ разрастаться такъ быстро, какъ это было въ только что пережитый періодъ, но смущаться этимъ не приходится: исторія профессіональнаго движенія во всѣхъ странахъ учитъ насъ, что дѣйствительно прочныя организаціи создавались не въ одну недѣлю и даже не въ одинъ годъ, а значительно медленнѣе. Главная задача пролетаріата—это достиженіе соціалистическаго строя: съ точки зрѣнія борьбы за него, а не съ точки зрѣнія современнаго момента, должно смотрѣть на дѣло организаціи союзовъ.

Итакъ передъ нами два пути, на которые рекомендуютъ вступить профессіональнымъ организаціямъ.

Гриневичъ и другіе совѣтуютъ во что бы ни стало дорожить открытымъ существованіемъ и считаетъ другую форму организаціи вредной. Центръ тяжести ими переносится исключительно на *форму организаціи*. Московская организація, а за ней и резолюція центральнаго учрежденія партіи, недавно принятая единогласно, указываютъ, на необходимость строить организацію, которая позволила бы немедленно развить активную дѣятельность и не такъ легко могла быть уничтожена репрессіями: слѣдовательно, центръ тяжести переносится *не только на форму организаціи, но и на тактику*.

Но говорятъ, что организаціи рекомендуемыя московской резолюціей не смогутъ развить нужной дѣятельности. Это невѣрно. Мнѣ эта дѣятельность представляется въ слѣдующемъ видѣ: зная, о постоянныхъ нуждахъ пролетаріата, орга-

низація должна стоять на стражѣ его интересовъ и подготовлять массу къ активной защитѣ своихъ интересовъ путемъ устройства хотя-бы небольшихъ собраній и главное *путемъ печати*. Въ послѣдней положеніе дѣлъ должно освѣщаться болѣе опредѣленно, чѣмъ это дѣлалось погибшими профессіоньными союзами, которые существовали подъ страхомъ быть закрытыми. Организаціи объединяющія союзы, должны будутъ озаботиться оборудованіемъ техническихъ средствъ. Освѣщая съ соціалистической точки зрѣнія современное положеніе рабочихъ и становясь во главѣ ихъ въ важные моменты, помогая политической партіи пролетаріата завоевывать свободу союзовъ, такія организаціи скоро пріобрѣтутъ необходимую популярность и поддержку массъ. Что касается культурно-просвѣтительной работы, то можно надѣяться, что такія организаціи выполнятъ ее не хуже, чѣмъ открытыя организація, которымъ ,какъ таковымъ, такая дѣятельность не разрѣшается.

Но вѣдь это старый путь, скажутъ намъ; да, а вотъ Гриневичъ говоритъ, что—новый, да притомъ политически ошибочный и вредный.

Такъ ли это?

М. Новосѣловъ.

„Строго-научный“ методъ.

А. А. Кизеветтеръ «Царствованіе Александра I въ новомъ освѣщеніи» (Русская Мысль 1908 г. январь).

„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“, издаваемая товариществомъ „Бр. А. и И. Гранатъ и К° “ давно уже пользуется завиднымъ вниманіемъ критики. Почти всѣ крупные газеты и журналы имѣли любезность сказать о ней „свое слово“— и тѣмъ дали книгѣ популярность, далеко большую той, на какую смѣли разсчитывать ея составители. За рѣдкими исключеніями *) всѣ рецензіи единодушны въ своемъ приговорѣ объ „Исторіи“, до того единодушны, что иногда начинаетъ казаться, что всѣ отзывы составлены однимъ и тѣмъ же кружкомъ лицъ, вполнѣ между собою спѣвшихся. Это, конечно, иллюзія, обманъ чувствъ своего рода: ибо, что общаго можетъ быть между г. В. В-вымъ, рецензентомъ „Столичной Почты“, съ одной стороны—и авторомъ рецензіи въ народническомъ „Русскомъ Богатствѣ“, съ другой? Между г. Мельгуновымъ, не такъ давно торжественно отрекавшимся отъ всякой солидарности съ кадетской партіей (ему принадлежитъ отзывъ объ „Исторіи“ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“), и рецензентами центральнаго органа этой партіи, газеты „Рѣчь“? И, при всемъ томъ, въ основныхъ положеніяхъ всѣ они до трогательности совпадаютъ, такъ что начинаешь даже ихъ путать и не отдаешь себѣ яснаго отчета, гдѣ кончается „Русская Мысль“ и начинается „Русское Богатство“ или „Вѣстникъ Воспитанія“. Повторяются даже больше, чѣмъ основныя положенія—повторяются отдѣльные эпитеты и сравненія, отдѣльныя ссылки **). Мы ни на минуту не сомнѣваемся, скажемъ еще разъ, что это только иллюзія, но нельзя не признать ее въ высшей степени характерной. Такъ хорошо выглядываетъ *одно* общественное міросозерцаніе—и, стало быть, *одна* классовая подоплека изъ-подъ пестрой кучи различныхъ „партій“ и „безпартійностей“, репрезентируемыхъ перечисленными выше органами печати.

*) Мы пока можемъ указать только одно—журналъ «Современный Міръ» 1908, январь.

**) Избавляя читателя отъ очень скучныхъ въ данномъ случаѣ цитатъ, мы не отказываемся привести кое-какіе примѣры въ случаѣ надобности.

Это поразительное единодушіе тѣмъ болѣе удивительно, что, собственно, *оцѣнка* книги различными критиками дается различная—отъ почти безусловно отрицательнаго перваго отзыва „Русскихъ Вѣдомостей“ до почти похвальнаго отзыва „Столичной Почты“. Исходя изъ однихъ и тѣхъ же общихъ положеній, одни рецензенты признаютъ книгу никуда негодной, тогда какъ другіе считаютъ возможнымъ даже рекомендовать ее публикѣ. Уже это одно заставляетъ думать, что дѣло, собственно, не въ книгѣ—и что къ ея судьбѣ большинство критиковъ относится довольно равнодушно, а иные и благодушно. Присматриваясь къ этимъ однородно-разнороднымъ отзывамъ ближе, вы начинаете замѣчать, что въ нихъ чаще всего мелькаетъ одно имя, около котораго и сосредоточивается вся „критика“. Истощивъ свой полемическій жаръ на статьи, подписанныя этимъ именемъ, рецензентъ уже лѣниво и равнодушно, наскоро, раздаетъ направо и налѣво похвалы и порицанія,—видимо, спѣша кончать. Такъ придирчивый учитель на экзаменѣ, утомившись на истязаніи своего главнаго „врага“, легко и быстро пропускаетъ остальныхъ, черезъ пень колоду спрашивая ихъ кое-что и кое-какъ. Если бы носитель этого имени былъ сколько-нибудь расположенъ къ самомнѣнію, онъ могъ бы совсѣмъ испортиться отъ такого исключительнаго вниманія.

Всего откровеннѣе поступилъ рецензентъ „Русской Мысли“—прямо посвятившій всю свою, довольно длинную, замѣтку именно этому одному лицу—пишущему эти строки, почему мы для краткости и будемъ обозначать это лицо просто мѣстоимѣніемъ. Честь, которой удостоилъ меня А. А. Кизеветтеръ, уже сама по себѣ побуждаетъ отвѣтить именно ему. А кромѣ этого внѣшняго повода есть къ этому и внутреннее основаніе. Всѣ другіе критики—отчасти, вѣроятно, по недостатку мѣста—или вовсе не мотивировали своего суроваго приговора, или мотивировали лишь общими соображеніями, не касаясь конкретныхъ фактовъ. Впрочемъ, одинъ попытался коснуться: но для него лучше было бы, по правдѣ сказать, если бы онъ этого не дѣлалъ. Къ этому случаю мы еще вернемся: какъ бы то ни было, одно исключеніе не опровергаетъ правила,—не колеблетъ того общаго положенія, что, кромѣ проф. Кизеветтера, никто не поставилъ своей задачей научной критики моихъ статей въ „Исторіи Россіи“.

Приговоръ, получившійся въ результатѣ научнаго анализа моихъ писаній, оказался, какъ и можно было ожидать, не менѣе суровымъ. Благодаря своей обоснованности онъ производитъ даже далеко болѣе уничтожающее впечатлѣніе, чѣмъ, напримѣръ, бранчливый, но бездоказательный отзывъ „Русскихъ Вѣдомостей“. И не напрасно А. А. Кизеветтеръ, по свойственной ему сердечной добротѣ, старается сгладить,

нѣсколько, впечатлѣніе усиленнымъ комплиментомъ литературной стороны разбираемыхъ имъ статей и нѣкоторымъ ихъ частностямъ. Въ общемъ эти главы носятъ „чисто-памфлетный характеръ". „Солнце строго научнаго метода" не бросило на нихъ ни одного живительнаго луча. „Авторъ вмѣсто анализа историческихъ документовъ предпочитаетъ либо полемизировать съ ними, либо по своему усмотрѣнію реформировать ихъ содержаніе" (стр. 113). Словомъ, онъ „поддался искушенію превратить науку въ служанку партійной полемики, и наука отомстила за себя" (стр. 118). Чего ужъ хуже! А что тутъ же рядомъ говорится о „солидной эрудиціи и яркомъ литературномъ талантѣ", такъ, вѣдь, когда хотятъ похвалить безголосую пѣвицу, то обыкновенно говорятъ, что она хорошая актриса, или имѣетъ очень сценическую наружность, или что-нибудь другое въ этомъ же родѣ.

Я очень радъ, что „партійная полемика" не окончательно отучила меня отъ нѣкоторыхъ методологическихъ привычекъ,—и что хотя разъ за послѣдніе годы у А. А. Кизеветтера и меня оказывается общая почва. По мнѣнію моего уважаемаго критика первое требованіе научной исторіи заключается въ строгомъ, щепетильномъ уваженіи къ тексту историческихъ документовъ. Одна мысль о томъ, что авторъ хотя бы популярной статьи не знакомъ въ подлинникѣ съ тѣми документами, содержаніе которыхъ ему приходится передавать, приводитъ А. А. Кизеветтера въ ужасъ (см. стр. 112). Мы вполнѣ раздѣляемъ это настроеніе—и спѣшимъ представить доказательства. Для самаго почтеннаго критика „историческимъ документомъ" являются тѣ главы „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ", которымъ онъ посвятилъ такъ много мѣста въ своей статьѣ. Съ хорошей научной привычкой онъ любитъ цитированіе разбираемаго автора въ подлинникѣ. Присмотримся немного къ этимъ цитатамъ. Мы увидимъ, что „солнце строго-научнаго метода" даетъ иногда совершенно неожиданные свѣтовые эффекты.

Разобравъ, на стр. 106 и 107, мою характеристику царствованія Павла Петровича, А. А. Кизеветтеръ находитъ, что я запутался въ „безвыходныхъ противорѣчіяхъ", которыхъ, яко-бы, „благополучно избѣгли столь презираемые" мною, „либеральные историки". Къ слову сказать я, конечно, никогда и не думалъ „презирать" буржуазно-либеральныхъ историковъ. Всякій общественный классъ имѣетъ свою идеологію и имѣетъ полное право ее отстаивать. Презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кто пытается поддѣлать, фальсифицировать идеологію чуждаго имъ класса для какихъ-либо постороннихъ цѣлей. Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ, что я съ полнымъ уваженіемъ относился къ трудамъ представителей буржуазной науки, когда эти труды заключали въ себѣ что-либо цѣнное, и даже воспользовался этими тру-

дами въ гораздо большой мѣрѣ, чѣмъ можетъ показаться читающему статью А. А. Кизеветтера. Но возвратимся къ этому послѣднему. Въ чемъ же онъ усмотрѣлъ „безвыходныя противорѣчія“ характеристики Павла I? Узелъ этой характеристики имъ намѣченъ вполнѣ правильно и относящееся сюда мѣсто „Исторіи“ онъ приводитъ дословно. Вотъ оно: „Павелъ, конечно, ни на минуту не думалъ о „классовыхъ противорѣчіяхъ“, когда издавалъ свои указы. Онъ руководился исключительно минутнымъ капризомъ или инстинктивнымъ отвращеніемъ ко всякому стѣсненію своей личной воли...“ (дальше, въ пропущенныхъ А. А. Кизеветтеромъ строчкахъ, идутъ конкретныя иллюстраціи къ этому положенію). „И тѣмъ не менѣе, помимо и даже противъ своей воли... *Павелъ не могъ измѣнить законовъ исторіи* (курс. А. А. Кизеветтера) и, сдѣлавшись врагомъ господствующаго класса, сталъ воплощеніемъ надеждъ и чаяній классовъ угнетенныхъ“. Мысль этого отрывка, повидимому, совершенно ясна: всякая политика есть классовая политика и иной быть не можетъ. Если политику начнетъ дѣлать сумасшедшій ребенокъ, ловкій шарлатанъ, — какіе бы колѣна не выкидывалъ первый, какъ бы ни старался послѣдній всѣмъ угодить и всѣхъ обмануть, въ каждый отдѣльный моментъ каждый изъ нихъ вынужденъ будетъ занять опредѣленную *классовую* позицію, *за* одинъ классъ и *противъ* другого. Внѣклассовой политики быть не можетъ. Павелъ, въ припадкѣ личной злобы и мстительности пошелъ противъ правящаго класса — и жестоко поплатился за это, потому что угнетенные классы не сумѣли и не смогли его поддержать. Болѣе его благоразумные, его предшественница и его преемникъ старались ладить именно съ господствующимъ классомъ, съ дворянствомъ. „Мы думаемъ, что и М. Н. Покровскій не будетъ отрицать того, что соціальное законодательство русской имперіи XVIII в., включая и царствованіе Екатерины II, было опредѣленно окрашено отнюдь не въ демократическій цвѣтъ, а было послѣдовательно дворянскимъ“. Тѣмъ не менѣе я могу это отрицать, что этотъ самый фактъ я неоднократно указываю и на страницахъ „Исторіи“ (см., напр., стр. 7 и 11 и мн. др.). Но въ чемъ же тутъ противорѣчіе? спроситъ читатель. Одинъ стоялъ на точкѣ зрѣнія одного класса, другой отстаивалъ интересы другого, но всѣ, одинаково, вели классовую политику. А это только и утверждается.

Противорѣчій въ *моемъ* текстѣ, въ текстѣ „Исторіи“, дѣйствительно, нѣтъ: но въ изложеніи моихъ взглядовъ А. А. Кизеветтеромъ, дѣйствительно есть противорѣчія, грубыя, бьющія въ глаза: и есть всѣ основанія думать, что у читающаго бѣгло статью „Русской Мысли“, т. е. у обыкновеннаго журнальнаго читателя, только это грубое противорѣчіе въ памяти и останется. Достигается

этотъ результатъ очень просто: въ промежуткѣ между двумя, дѣйствительно, моими мыслями, которыя другъ другу нисколько не противорѣчатъ, вставлена третья, мнѣ вовсе не принадлежащая: будто „демократическій характеръ императорскаго законодательства не составлялъ личной черты Павла I, а помимо его воли и сознанія *былъ ему навязанъ общей тенденціей историческаго процесса*“ (курсивъ мой). Итакъ, политика русскаго самодержавія всегда была демократической! Это, конечно, явная чепуха и стоитъ въ противорѣчіи не только съ моими характеристиками Екатерины II и Александра I, но со всѣмъ моимъ представленіемъ о ходѣ русскаго историческаго процесса. Нигдѣ въ „Исторіи“ я ничего подобнаго не говорю. Съ позволенія сказать, это просто выдумано. Но на этой выдумкѣ держится вся убійственная оцѣнка даннаго мѣста моей работы, сдѣланная А. А. Кизеветтеромъ: если устранить изъ моей характеристики Павла это произвольно введенное въ нее „инородное тѣло“, то не только что „безвыходнаго“, а вовсе никакого противорѣчія не останется.

Я не остановился бы такъ долго на этомъ эпизодѣ, не будь онъ, къ сожалѣнію, типическимъ для всей манеры нашего уважаемаго критика. Берется ясная и простая мысль изъ какого-нибудь мѣста „Исторіи“, запутывается при помощи произвольныхъ вставокъ (и не менѣе произвольныхъ умолчаній) до неузнаваемости—и въ такомъ видѣ подносится читателю. Тотъ, глядя на эту неразбериху, конечно, подумаетъ: „ну, и наворотили же эти марксисты! И туда же ученыя книжки суются писать“. Неужели достиженіе такихъ результатовъ входитъ въ область „строго-научнаго метода“?

Чтобы читатель не подумалъ, что я произвольно выхватилъ самое слабое мѣсто изъ статьи А. А. Кизеветтера, я долженъ привести еще одинъ пассажъ,—гдѣ описанная выше „манера“ проявила себя съ еще большею яркостью. Рѣчь идетъ о характеристикѣ декабристовъ, „гвоздѣ“ чуть ли не всѣхъ рецензій объ „Исторіи“. Одного изъ московскихъ критиковъ эта глава довела до чего-то въ родѣ нервнаго припадка (см. рецензію „Вѣстника Воспитанія“),—а газета „Рѣчь“ прямо-таки обозвала меня „вандаломъ“, вѣроятно, вспомнивъ, что Репетиловъ считалъ это слово особенно страшнымъ. А. А. Кизеветтеръ, разумѣется, прекрасно понимаетъ, что репетиловской терминологіей отъ классовой точки зрѣнія не отобьешься, а только себя скомпрометируешь, и потому начинаетъ съ признанія относительной правильности характеристики декабристовъ, данной въ „Исторіи“. „Опять таки я не буду спорить противъ того“, говоритъ онъ, (стр. 115) „что соціальная часть преобразовательной программы декабристовъ составляетъ дѣйствительно

ихъ ахиллесову пяту". Но ему нужно показать, что если даже „марксистъ" случайно говоритъ правду, то онъ такъ все перепутываетъ, такъ грубо кромсаетъ темную и нѣжную ткань историческаго процесса, что представителямъ „строго-научнаго метода" остается только утирать слезы".

Достигаетъ онъ этого, можно сказать, классически просто. Въ нашей популярной литературѣ стала теперь утверждаться характеристика идеологіи декабристовъ, какъ „буржуазной" *). Признавая ее неправильной, но считаясь съ нею, я начинаю свою характеристику съ попытки выяснить, насколько и въ какомъ смыслѣ терминъ „буржуазный" приложимъ къ декабристамъ? Въ результатѣ анализа я, вѣрно или невѣрно, другой вопросъ, прихожу къ выводу, что „буржазность" въ программѣ декабристовъ была лишь литературнымъ налетомъ, такъ сказать, а по существу ихъ идеологія была ближе къ феодальной, дворянской. Декабристовъ, „можетъ быть, скорѣе поняли бы враги французскаго буржуазнаго либерализма 20-хъ годовъ—духовные вожди феодальной реакціи" (стр. 103 „Исторіи"). Итакъ, характеристика декабристской идеологіи, какъ *буржуазной*, вѣрна лишь весьма условно, поскольку слово „буржуазный" понимается въ широкомъ смыслѣ—какъ равнозначащее слову „не-пролетарскій". Что я самъ такъ понимаю это слово, объ этомъ у меня нѣтъ ни звука: просто я „отгораживаюсь" отъ весьма близкаго къ моему взгляду, котораго я, однако, не раздѣляю. „Противорѣчіе", столь любимое А. А. Кизеветтеромъ, здѣсь есть, но не у меня съ самимъ собою, а у меня съ другими авторами.

Теперь посмотрите, что дѣлаетъ изъ этого, опять-таки вполнѣ яснаго и простого, пассажа уважаемый критикъ. „Весь свой очеркъ онъ (Покровскій) строитъ на той мысли, что декабристы были представителями не буржуазной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а феодально-дворянской оппозиціи самодержавію", говоритъ А. А. Кизеветтеръ (стр. 114). „Впрочемъ, это поправка не лишаетъ его возможности затѣмъ изобличать въ лицѣ декабристовъ „русскую либеральную буржуазію„ (II т. е. выпускъ 2-й, а не томъ II — стр. 113). Эту возможность онъ оставляетъ за собою при помощи пріема, которымъ стоитъ позабавить читателя: хотя декабристское движеніе, по мнѣнію нашего автора, есть всецѣло движеніе помѣщичье, но „если (?!) *буржуазный* значится *не-пролетарскій*, то едвали можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазнаго міросозерцанія" (II, стр. 102). Итакъ, декабристы М. Н. Покровскаго—весьма занимательные историческіе персонажи: они бунтовщики-феодалы во вкусѣ Колиньи (II, стр. 104),

*) См. напр. брошюру К. Левина, „Декабристы".

и они же типичные представители буржуазнаго міросозерцанія; словомъ, все, что угодно, лишь бы не соціалъ-демократы большевики. Вся характеристика декабристской идеологіи, вышедшая изъ-подъ пера нашего автора, соткана изъ подобныхъ внутреннихъ противорѣчій".

Я нарочно выписалъ все это, довольно длинное мѣсто: „имъ стоитъ позабавить читателя". Итакъ, если вы кого-нибудь цитируете, излагаете чье-нибудь мнѣніе, то, значитъ, вы сами держитесь того же мнѣнія. Если я цитирую указы императора Павла Петровича, значитъ я солидаренъ съ Павломъ Петровичемъ; если А. А. Кизеветтеръ цитируетъ меня, значитъ онъ солидаренъ со мной. Если въ положеніи современной русской буржуазіи вы находите черты сходства съ французской буржуазіей 1789 года, значитъ для васъ то и другое—одно и то же. Я, конечно, не стану, однако же, утверждать, что между декабристами и современной русской либеральной буржуазіей существуетъ только нѣкоторое сходство въ исторической ситуаціи, и не существуетъ никакой преемственной связи. И А. А. Кизеветтеръ, прежде чѣмъ рисовать своихъ „занимательныхъ персонажей" могъ бы вспомнить, что есть на свѣтѣ нѣкоторая чудодѣйственная сила (зовутъ ее эволюціей), которая способна превращать одну въ другую весьма не схожія вещи: обезьяну, напримѣръ, въ человѣка. Между буржуа и феодаломъ, взятыми въ процессѣ исторической эволюціи, нѣтъ непереходимой пропасти—и есть даже эпоха въ исторіи, когда тотъ и другой сплошь и рядомъ мѣняются ролями и заимствуютъ другъ у друга пріемы и тенденціи борьбы. Это—эпоха такъ называемаго первоначальнаго накопленія, когда предприниматель сплошь и рядомъ проникнутъ феодальнымъ духомъ и дѣйствуетъ, опираясь на феодальные порядки (безправіе рабочихъ, монополіи и т. под.), а феодалъ рыщетъ по свѣту и переворачиваетъ небо и землю въ поискахъ предпринимательской прибыли (дѣятели типичной „колонизаціи" XVI вѣка и наши помѣщики-плантаторы первой половины XIX-го вѣка). Эволюція передовыхъ слоевъ дворянства въ просвѣщенную либеральную буржуазію и „лѣвыхъ земцевъ" конца XIX и начала XX вѣка, составляетъ одну изъ основныхъ тенденцій русскаго соціальнаго развитія за прошлое столѣтіе.

Но объ этомъ мы подождемъ спорить съ А. А. Кизеветтеромъ до выхода слѣдующихъ выпусковъ „Исторіи". Во всякомъ случаѣ, и А. А. Кизеветтеръ и менѣе его осторожный критикъ „Рѣчи" были въ правѣ принять кое-что въ главѣ о декабристахъ на счетъ современныхъ защитниковъ „народной свободы": „здѣсь есть обида, принцъ"... Но всего ошибочнѣе было бы видѣть здѣсь „памфлетный" пріемъ: напротивъ, я счелъ своимъ долгомъ предостеречь читателей

отъ буржуазно-либеральныхъ памфлетовъ, изображавшихъ декабристовъ внѣ-классовыми радѣтелями о благѣ народномъ. И я не безъ удовлетворенія могу констатировать, на примѣрѣ А. А. Кизеветтера, что моя аргументація заставила нѣсколько поддаться, въ направленіи къ исторической истинѣ, даже моихъ противниковъ.

Какъ видимъ, когда А. А. Кизеветтеръ писалъ объ авторахъ, „вмѣсто анализа историческихъ документовъ предпочитающихъ либо полемизировать съ ними, либо по своему усмотрѣнію реформировать ихъ содержаніе", онъ говорилъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Лучше нельзя охарактеризовать его обращеніе съ тѣмъ „документомъ", который попалъ ему въ руки—главами объ Александрѣ I и декабристахъ въ „Исторіи Россіи XIX вѣка". Но является вопросъ: что же заставило уважаемаго критика прибѣгать къ такимъ, мягко выражаясь, сомнительнымъ, и даже небезопаснымъ, пріемамъ въ борьбѣ съ этой „Исторіей"? Почему онъ не ограничился просто обѣщаннымъ имъ научнымъ анализомъ? Что же, эта „Исторія" такъ таки совершенно неуязвима съ „строго-научной" точки зрѣнія? О, конечно, нѣтъ. Всякая популяризація представляетъ собою всегда огромное поле для всевозможныхъ „строго-научныхъ" нападокъ. Написать хорошую популярную исторую несравненно труднѣе, чѣмъ дѣльную диссертацію. Всякая популяризація есть упрощеніе, всякое упрощеніе состоитъ въ отбрасываніе деталей; и нужно огромное научное чутье, чтобы вѣрно угадать, какія детали можно отбросить безъ ущерба для цѣлаго, какія нѣтъ. Приписываютъ ли себѣ составители „Исторіи Россіи" такое безошибочное чутье? Они не настолько самоувѣренны. Дружеской критикой уже были указаны нѣкоторые дефекты изложенія „Исторіи" *) и число этихъ указаній со временемъ должно, несомнѣнно, еще возрасти. Враждебной—но не утратившей связи съ подлинной наукой—критикѣ оставалось только рѣзче подчеркнуть эти дефекты—и матеріалъ для „строго-научнаго" обвинительнаго акта противъ „Исторіи" былъ бы готовъ. Но для того, чтобы научно разбить хотябы очень слабую книгу, надъ ней все-таки нужно поработать—порыться въ источникахъ, освѣжить въ памяти литературу предмета. А. А. Кизеветтеръ, очевидно, слишкомъ дорожилъ своимъ временемъ, чтобы потратить его подобнымъ образомъ ради какой-то „марксистской" популяризаціи. Довольно того, что онъ удостоилъ прочесть хоть самый текстъ этой послѣдней. А. А. Кизеветтеръ уже былъ однажды наказанъ за подобное пренебреженіе къ „марксизму" (правда, не въ литературѣ, а на митингѣ: но развѣ такая литература, какъ та, образчикомъ которой является разби-

*) См. рецензію въ „Совр. Мірѣ" 1908 г., январь.

раемая нами статья „Русской Мысли", не напоминаетъ до послѣдней степени митинга?). Уважаемый профессоръ въ своей рѣчи подвергъ нѣкоторому „реформированію" текстъ одной брошюры Маркса. Сочувственно внимавшая ему публика, конечно, этого не замѣтила. Но на бѣду въ залѣ оказался переводчикъ именно этой брошюры (вѣдь можетъ же случиться такое несчастье!): онъ поспѣшилъ возстановить подлинный текстъ. Мы не помнимъ, что отвѣтилъ на это А. А. Кизеветтеръ: кажется, онъ ничего не отвѣтилъ. Но ему едва ли пришлось быть на митингѣ, болѣе счастливомъ для его политическихъ противниковъ. Такъ жестоко подвела уже одинъ разъ талантливаго московскаго профессора надежда на свою память—и на полное невѣжество публики. Читая статью А. А. Кизеветтера мы съ самаго начала опасались, что „митинговые" пріемы не доведутъ его до добра: и страницы 112—113 вполнѣ оправдали наше опасеніе. Инцидентъ съ брошюрой Маркса повторяется здѣсь почти буква въ букву.

Описывая возникновеніе русскаго государственнаго совѣта (стараго, до-революціоннаго типа), я строю его характеристику на той мысли, что въ 1810 году совѣтъ былъ „пробной конституціей"—почему въ его устройство вкрался цѣлый рядъ чертъ, общихъ ему не съ обычными „совѣтами" бюрократическаго состава, а съ собраніями народныхъ представителей. Совѣтъ былъ своего рода „парламентомъ по назначенію" императора. Освѣдомленный читатель скажетъ, конечно, мнѣ, что тутъ нѣтъ ничего новаго—и что указываемыя мною черты отмѣчались давнымъ-давно. Я нимало не думаю этому прекословить. Я писалъ не изслѣдованіе — которое только тогда и имѣетъ цѣну, когда въ немъ есть что-нибудь оригинальное, а популярный очеркъ, и имѣлъ полное право воспользоваться тѣми хорошими мыслями, которыя находилъ въ старой, „буржуазной" литературѣ. Называть же въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ свои пособія, вообще говоря, не принято въ нашей „Исторіи": обыкновенному читателю этотъ „нижній этажъ" не нуженъ и только напрасно будетъ развлекать ею вниманіе, а ученому спеціалисту нечему у насъ учиться. Итакъ, я заимствовалъ чужую идею здѣсь *безъ оговорки*, что именно, повидимому, и было ближайшимъ источникомъ несчастія А. А. Кизеветтера. Идея ему показалась чрезвычайно оригинальной, новой, дерзкой и смѣшной: хорошъ „парламентъ" нашъ старый государственный совѣтъ! И онъ даетъ волю своему гнѣву и своему остроумію. „Итакъ, учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 году въ Россіи уже было ограничено самодержавіе?" запальчиво спрашиваетъ онъ. „Историкъ-новаторъ (!), открывшій никогда не существовавшую русскую конституцію 1810 года" кажется ему заслуживающимъ злой

иронiи. Мало того — мысль показалась А. А. Кизеветтеру такъ дика, что онъ колеблется между двумя чрезвычайно радикальными подозрѣнiями: что я или никогда не читалъ „Образованiе государственнаго совѣта“ 1810 года, или намѣренно ввожу въ заблужденiе своего читателя.

„Увы“, должны сказать мы вмѣстѣ съ А. А. Кизеветтеромъ, весь этотъ шумъ обязанъ своимъ возникновенiемъ только тому, что мой почтенный критикъ основательно позабылъ какъ текстъ „Образованiя“, такъ и ту ученую контроверзу, которая связана съ различнымъ пониманiемъ этого текста. И, понадѣявшись на то, что публика все равно ничего не знаетъ, справокъ не навелъ. „Образованiе“ 1810 года, дѣйствительно, ограничило самодержавную власть,—конечно, только *на бумагѣ*: „парламентъ“, всѣ члены котораго назначались и увольнялись императоромъ, *реально* ограничить власть этого императора, конечно, не могъ Но, вѣдь, и рѣчь идетъ только о бумагѣ, объ „Образованiи“. Согласно этому послѣднему, съ 1810 года, *ни одинъ законъ не могъ быть изданъ помимо государственнаго совѣта* (отдѣлъ I, „Коренные законы Государственнаго Совѣта“): то-есть императоръ (на бумагѣ) отказывался отъ права издавать „высочайшiя повелѣнiя“, имѣющiя силу закона. Мало того: ни одинъ законъ не могъ быть изданъ безъ прямого *согласiя* совѣта: ибо только то, что получило большинство голосовъ въ совѣтѣ, поступало на утвержденiе императора (§§ 127 и 129 „Образованiя“). Правило, согласно которому на утвержденiе представляются мнѣнiя не только большинства, но и меньшинства и даже отдѣльныхъ членовъ, причемъ императоръ можетъ согласиться съ любымъ изъ нихъ, это правило не знакомо „Образованiю 1810 года“ и составляетъ, какъ всѣмъ, впрочемъ, хорошо извѣстно, позднѣшее нововведенiе. Что „Образованiе“ именно такъ понимало дѣло, свидѣтельствуетъ и форма изданiя законовъ по этому „Образованiю“: по этой формѣ въ заголовкѣ закона должно было писаться, что онъ издается согласно съ мнѣнiемъ государственнаго совѣта, гарантiей чего было „контролированiе“ манифеста о законѣ предсѣдателемъ совѣта (§ 73 „Освобожденiя“). Эта форма примѣнялась, какъ извѣстно, очень недолго.

Я прекрасно знаю, что нѣкоторымъ изъ приведенныхъ фактовъ можетъ быть дано и иное толкованiе: такъ, формулу „внявъ мнѣнiю государственнаго совѣта постановляемъ etc.“ Коркуновъ объяснялъ, просто, какъ плохой переводъ съ французскаго: «Conseil d'Etat entendu“,—т. е. „*выслушавъ* мнѣнiе Г. С.“; причемъ, конечно выслушать мнѣнiе и согласиться съ нимъ двѣ вещи разныя. Тутъ, такимъ образомъ, есть матерiалъ для спора, для контроверзы. Въ этомъ спорѣ, всякiй въ правѣ занять ту позицiю, какая ему кажется наиболѣе правильной: и я, конечно, ничуть не оспариваю права

А. А. Кизеветтера раздѣлять взгляды Коркунова или Ивановскаго. Но утверждать, что защита противнаго взгляда можетъ быть продуктомъ только или полнаго невѣжества, или недобросовѣстности можетъ лишь человѣкъ, которому совершенно неизвѣстны ни литература вопроса, ни главный первоисточникъ. И мнѣ съ грустью приходится предположить, что А. А. Кизеветтеръ или совсѣмъ никогда не читалъ „Образованія 1810 года", или читалъ его такъ давно, что онъ успѣлъ совершенно изгладиться у него изъ памяти.

Но чего я никакъ не могу допустить даже предположительно, это, чтобы А. А. Кизеветтеръ никогда не читалъ Градовскаго, Ибо первоисточникъ „моего" взгляда именно и есть Градовскій: и если кто заслуживаетъ ироническаго названія „историка-новатора", то это именно знаменитый авторъ „Началѣ русскаго государственнаго права". Первообразъ развиваемаго въ „Исторіи Россіи" взгляда на Государственный Совѣтъ 1810 года, какъ на quasi-конституцію и можно легко найти въ этихъ самыхъ „Началахъ" классическаго, образцово-осторожнаго — и притомъ безусловно „буржуазнаго"—историка-юриста *).

Повторяемъ, допустить, что А. А. Кизеветтеръ не знакомъ съ Градовскимъ,—на которомъ воспитывались и воспитываются, цѣлыя поколѣнія русскихъ студентовъ, нѣтъ никакой возможности. И остается лишь одинъ выходъ предположить, что мой уважаемый критикъ такъ цѣнитъ неприкосновенность моего марксизма, что постѣснился упомянуть о моихъ буржуазныхъ предшественникахъ, благо я и самъ ихъ не назвалъ. Я очень благодаренъ ему за любезность—но я не вижу никакой опасности въ томъ, чтобы пользоваться данными настоящей, серьезной буржуазной науки, и очень сожалѣю, если забота о моихъ интересахъ заставила А. А. Кизеветтера „ввести въ глубокое заблужденіе" читателей „Русской Мысли". Я долженъ оговорится, что таково мое *личное* мнѣніе о происхожденіи „недоразумѣній" на стр. 112—113 статьи А. А. Кизеветтера, но я очень боюсь, что моихъ читателей мнѣ очень трудно будетъ убѣдить въ „нечаянности" всего этого пассажа. И что, вспомнивъ о разсказанной мною исторіи на митингѣ, они рѣшили, что авторъ просто хотѣлъ ловко „реформировать" факты,—понадѣявшись на то, что никто изъ читателей его статьи никогда не возьметъ въ руки ни „Образованія государственнаго совѣта", ни сочиненій Градовскаго. И какъ тогда на митингѣ— былъ наказанъ. Какъ мнѣ оградить А. А. Кизеветтера отъ такого злорѣчія,—я ужъ не могу и придумать...

*) См. Сочиненія Градовскаго, т. VIII, стр. 215.

Приведенныхъ примѣровъ, думается, достаточно, чтобы читатель могъ видѣть, что такое „строго-научный“ методъ А. А. Кизеветтера и чѣмъ онъ отличается отъ метода просто научнаго, котораго придерживаются составители „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“. Различіе, приблизительно, такое же, какъ между просто русскими людьми и людьми „истинно-русскими“. Свой спеціальный методъ А. А. Кизеветтеръ успѣлъ уже блестяще примѣнить къ дѣлу въ изданномъ партіей народной свободы руководствѣ къ веденію политическихъ дебатовъ. Новая его статья представляетъ дальнѣйшій шагъ по тому же пути—и быть можетъ мы скоро дождемся руководства къ тому, какъ вести споры съ марксистскими историками. Что въ такомъ руководствѣ чувствуется острая нужда, объ этомъ свидѣтельствуютъ многія изъ рецензій на „Исторію Россіи“. Благороднаго негодованія у рецензентовъ сколько угодно—но именно нѣтъ метода. Такъ, напримѣръ рецензентъ „Столичной Почты“ очень хотѣлъ бы доказать, что написанная мною глава о Павлѣ I никуда не годится. Но, от- пра вляясь отъ обычнаго представленія о Павлѣ, какъ о тиранѣ и извергѣ, и не имѣя никакого понятія объ источникахъ для его исторіи, рецензентъ набрасывается на мое утвержденіе, что низшіе классы общества и, въ частности, солдаты любили Павла. Ему это утвержденіе кажется „грубымъ насиліемъ надъ фактами“: какъ же это тирана и изверга да вдругъ „любили“?! Но какъ разъ этотъ фактъ, конечно, не дѣлающій чести сознательности тогдашнихъ русскихъ солдатъ, къ сожалѣнію, такъ хорошо засвидѣтельствованъ современниками, что съ нимъ ничего не подѣлаешь никакимъ негодованіемъ. И рецензентъ „Столичной Почты“ своей діатрибой грубо и ясно расписался въ томъ, что онъ никогда въ глаза не видалъ ни записокъ Беннигсена, ни мемуаровъ Лантерана и Чарторыжскаго—словомъ ни одного изъ главныхъ источниковъ для исторіи катастрофы 11 марта 1801 года. А владѣй онъ „строго научнымъ“ методомъ,—онъ бы безъ всякихъ рискованныхъ ссылокъ на факты, путемъ однихъ операцій подъ текстомъ „Исторіи“, такъ запуталъ бы дѣло,—что его не только что на десяти строкахъ, а и на десяти страницахъ распутать бы не удалось. Наука великая вещь...

М. Покровскій.

Регрессивныя теченія въ современномъ капитализмѣ.

Незадолго до начала президентской избирательной кампаніи 1900 г. Маркъ Ханна, главный заправила (boss) республиканской партіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и одинъ изъ ея кандидатовъ на постъ президента, произнесъ на собраніи политическихъ дѣятелей и финансистовъ очень поучительную, предостерегающую рѣчь.

„Милостивые государи,—сказалъ онъ, обращаясь къ финансистамъ,—вы очень хорошо сдѣлаете, если заранѣе приведете въ порядокъ паруса, такъ какъ есть всѣ основанія предполагать, что, въ недалекомъ будущемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ разразится одна изъ величайшихъ бурь, какія когда-либо видѣлъ свѣтъ... Рабочіе недовольны своею судьбой... Положеніе мнѣ рисуется далеко не въ розовомъ свѣтѣ; напротивъ, я замѣчаю, что политическій горизонтъ заволакивается зловѣщими тучами. Рабочіе быстро проникаются революціоннымъ духомъ, который въ нихъ вдохнули соціалисты. Соціалистическая пропаганда разлилась по всей странѣ и скоро принесетъ свои плоды въ средѣ рабочаго класса. Мы, капиталисты, не должны оставлять безъ вниманія эти факты, несущіе бурю; напротивъ, намъ слѣдуетъ попытаться овладѣть этой бурей, отвести ея электричество въ наши политическія партіи".

„Обращая ваше вниманіе на эти многозначительные факты, я приглашаю васъ употребить всѣ усилія, чтобы остановить движеніе, которое—я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ—*приведетъ насъ къ соціальной революціи*, если мы будемъ продолжать нашу тактику послѣдняго десятилѣтія...

„Мы сами во многомъ виноваты. Все, что Валь-Стритъ (финансовый центръ Нью-Іорка) въ состояніи былъ сдѣлать, чтобы разжечь волненіе, онъ имѣлъ неосторожность сдѣлать. Изъ средняго класса мы выжали всѣ соки... Покупательная сила рабочихъ значительно уменьшилась; наши ошибки дали рабочимъ всѣ основанія для возмущенія. И когда наступитъ день возстанія,—а онъ приближается,—

я мѣднаго гроша не дамъ за голову Пирпонта Моргана *), потому что именно онъ, по мнѣнію рабочихъ, является отъѣтственнымъ за многія бѣдствія, свалившіяся на ихъ голову..," **).

Удастся ли политикамъ и финансистамъ овладѣть грядущей соціальной бурей и использовать ее въ своихъ интересахъ, покажетъ будущее; во всякомъ случаѣ, какъ это признаетъ и самъ ораторъ, американскіе капиталисты сдѣлали за послѣднее время рядъ шаговъ въ противуположномъ направленіи. Въ этомъ смыслѣ признанія Марка Ханны глубоко поучительны и какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость тѣхъ положеній, которыя уже издавна выдвигаются соціалистами различныхъ странъ противъ современнаго капитализма..

Въ одномъ только отношеніи М, Ханна серьезно ошибается. По его мнѣнію успѣхи соціалистической пропаганды въ С.-Штатахъ объясняются *ошибками* капиталистовъ. Онъ думаетъ, что исправленіе этихъ ошибокъ во власти представителей современной промышленности, и призываетъ ихъ къ выполненію этой важной задачи.

Въ дѣйствительности же то, что кажется ему ошибкой есть логическое завершеніе противорѣчій капиталистическаго строя, и исправленіе ея возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ то же время будетъ реорганизованъ весь современный строй и при томъ на такихъ основаніяхъ, при которыхъ не только для „ошибокъ" со стороны капиталистовъ, но и для самого существованія этого общественнаго класса не будетъ мѣста. Выясненію этого вопроса посвященъ предлагаемый читателю очеркъ.

Прибавимъ здѣсь же, что затронутая нами тема имѣетъ для русскаго читателя далеко не одинъ только теоретическій интересъ. За послѣдніе годы наши отечественные капиталисты съ такимъ усердіемъ начали примѣнять пріемы американской капиталистической „тактики", что выясненіе ея пріобрѣтаетъ для насъ важное практическое значеніе.

I.

Въ основѣ современнаго капиталистическаго строя лежитъ свободная конкуренція отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій, являющихся клѣточками всемірнаго промышленнаго организма. Каждое изъ этихъ предпріятій, руко-

*) Пирпонтъ Морганъ—одинъ изъ вліятельнѣйшихъ милліардеровъ С.-А. Соед. Штатовъ, организаторъ знаменитаго стальнаго треста, океаническаго треста и ряда аналогичныхъ предпріятій. Въ 1902 году этотъ Наполеонъ современной промышленности получилъ 41,840,000 долларовъ прибыли.

**) Paul Lafargue. Les Trust Américains. Paris. 1903, p. 133—4.

водимое своимъ владѣльцемъ, производитъ товары, не имѣя возможности считаться съ тѣмъ, каковъ на нихъ спросъ на міровомъ или даже на національномъ рынкѣ. Поэтому современное производство носитъ анархическій характеръ, а руководители его обречены на жалкую роль слѣпыхъ исполнителей производственнаго и мѣнового процесса.

Съ того момента, какъ товаръ выходитъ изъ предѣловъ промышленнаго предпріятія, ему предстоитъ ожесточенная борьба съ другими товарами, одновременно появляющимися повсюду, гдѣ только можно расчитывать на ихъ сбытъ. И главнымъ оружіемъ его въ этой борьбѣ является наибольшая дешевизна, для достиженія которой предприниматель *вынужденъ* вводить самыя усовершенствованныя машины, пользоваться послѣднимъ словомъ прикладной науки.

А такъ какъ примѣненіе новыхъ методовъ въ производствѣ неизбѣжно влечетъ за собою иногда постепенные, а въ извѣстныхъ случаяхъ и прямо революціонные перевороты не только въ чисто экономическихъ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ, то классъ капиталистовъ и окристаллизировавшаяся вокругъ него промышленная, финансовая и торговая буржуазія въ опредѣленные историческіе моменты выступаютъ въ роли носителей прогрессивныхъ и революціонныхъ общественныхъ стремленій, хотя и противъ своей собственной воли.

Политическій и общественный расцвѣтъ буржуазнаго общества совпадаетъ съ высшей формой необузданной конкурренціи. Подгоняемая ея безпрестанными ударами, буржуазія безпощадно разрушаетъ всѣ препятствія, мѣшающія ей „свободно“ эксплуатировать наемный трудъ и осуществлять задачи неограниченной конкурренціи; отжившія патріархальныя отношенія феодальной эпохи она замѣняетъ новыми, дающими болѣе широкій просторъ личной иниціативѣ, при чемъ господство феодаловъ замѣняется владычествомъ капиталистовъ.

Постоянное пониженіе цѣнъ на всевозможные товары и удешевленіе жизни, какъ результатъ безграничной конкурренціи—съ одной стороны, и революціонная роль буржуазіи въ дѣлѣ преобразованія отжившихъ общественныхъ формъ съ другой, объ эти „заслуги“ капитала создали въ умахъ малоразвитой массы, не участвующей непосредственно въ процессѣ производства, глубокое преклоненіе предъ капиталистическимъ строемъ; а современная буржуазная наука возвела законы конкурренціи въ вѣчную и не подлежащую оспариванію норму человѣческихъ отношеній. Легенда о благотворной соціально-экономической миссіи капитала является въ настоящее время самой живучей изъ всѣхъ общественныхъ легендъ, невидимой, но крѣпкой сѣтью охватывающихъ человѣческій разсудокъ. А буржуазные экономисты

и соціологи, прямо или косвенно состоящіе на жалованіи у капитала, систематически поддерживаютъ эту легенду, изображая капиталистовъ природными руководителями современнаго производства, искусно проводящими въ жизнь великій принципъ обезпеченія общества предметами потребленія. И только за послѣднее время среди огромной массы потребителей начинаютъ проявляться нѣкоторые признаки недовѣрія къ этой безусловно вредной легендѣ. Причина этого пробужденія кроется въ глубокомъ экономическомъ переворотѣ, охватившемъ въ настоящее время всѣ культурныя страны и неудержимо влекущемъ за собою тѣ „соціальныя бури", о которыхъ говорилъ въ своей рѣчи вождь республиканской партіи Маркъ Ханна.

Чѣмъ сильнѣе развиваются капиталистическія отношенія, тѣмъ ожесточенѣе становится борьба между владѣльцами промышленныхъ предпріятій. Анархическое наводненіе рынковъ товарами каждый разъ приводитъ къ перевѣсу предложенія надъ спросомъ и создаетъ тѣ ужасныя катастрофы, которыя получили въ экономической наукѣ характерныя названія „кризисовъ". За послѣдніе 30 лѣтъ эти кризисы приняли настолько длительный характеръ, что капиталисты уже не могутъ утѣшаться надеждой на пышный расцвѣтъ послѣ кратковременнаго потрясенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальное развитіе кредита, являющагося характерной чертой современнаго производства, придало послѣднему характеръ гигантской всемірной спекуляціи, создающей всеобщую необезпеченность и приводящей народное хозяйство къ самымъ тяжелымъ разстройствамъ и потрясеніямъ, часто въ зависимости отъ ничтожныхъ причинъ. Никогда еще банкротства не охватывали съ такою силой самыя крупныя и повидимому самыя устойчивыя предпріятя, никогда въ кругу промышленниковъ и финансистовъ не господствовала такая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ за послѣднія десятилѣтія.

И тотъ фактъ, что сами капиталисты начинаютъ задумываться надъ несоотвѣтствіемъ между гигантскимъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ и законами обмѣна, въ предѣлахъ которыхъ онѣ вынуждены проявляться,— этотъ фактъ является едва ли не самымъ характернымъ для того глубокаго переворота, который происходитъ на нашихъ глазахъ въ сферѣ экономической и общественной жизни.

Естественнымъ выходомъ изъ отмѣченнаго выше противорѣчія является для капиталистовъ освобожденіе ихъ отъ анархіи производства, или замѣна конкурренціи, не поддающейся никакому регулированію, такой системой хозяйства, при которой производство и обмѣнъ были бы подчинены извѣстному контролю и приведены въ возможно большее соотвѣтствіе другъ съ другомъ.

Насколько такая задача вообще по силамъ классу капиталистовъ, сказать трудно. Вѣрнѣе всего,—всѣ попытки-которыя осуществляются ими за послѣднее время съ удивительной энергіей, лишь приблизятъ наступленіе соціальнаго переворота. Во всякомъ случаѣ эти попытки чрезвычайно характерны для оцѣнки новой „тактики“ капиталистовъ и уже теперь приводятъ къ глубокимъ измѣненіямъ въ различныхъ сферахъ соціальной жизни.

Первые опыты въ этомъ направленіи были сдѣланы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь буржуазное общество никогда не было стѣснено пережитками феодальнаго строя и являлось господиномъ положенія съ самаго же основанія государственной жизни; соединяя въ себѣ (по выраженію К. Маркса) всѣ продуктивныя силы стараго свѣта съ обширными природными средствами новаго, оно развилось въ неслыханныхъ до сихъ поръ размѣрахъ и съ невиданной до сихъ поръ свободой движенія. Вотъ почему развитіе капитализма сдѣлало въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ исключительные успѣхи, а необходимость избавиться отъ взаимной конкурренціи и ея тяжелыхъ послѣдствій стала ясной для американскихъ капиталистовъ раньше, чѣмъ для ихъ европейскихъ собратьевъ.

Впервые они проявили эту тенденцію въ широкомъ масштабѣ въ нефтяной промышленности и именно послѣ грандіознаго краха 1872 г. Слѣдующій годъ оказался роковымъ для принципа свободной торговли и промышленности въ различныхъ странахъ Стараго Свѣта. Жестокій кризисъ, разразившійся въ 1873 году и затянувшійся на долгое время, вызвалъ среди германскихъ, австрійскихъ и даже англійскихъ промышленниковъ сильное стремленіе къ борьбѣ съ тѣми великими принципами промышленной свободы, которые до сихъ поръ они были склонны считать вѣчными и ненарушимыми. Наконецъ, въ Россіи стремленіе предпринимателей избавиться отъ взаимной конкурренціи и замѣнить ее совмѣстною дѣятельностью на почвѣ договора проявляется въ отчетливой формѣ лишь съ 1900—1901 г. подъ вліяніемъ остраго промышленнаго кризиса, особенно въ металлургической промышленности, чрезвычайно быстрый ростъ которой былъ въ значительной степени вызванъ искусственно и мало соотвѣтствовалъ покупательной силы населенія.

Другой не менѣе важной причиной, побуждающей капиталистовъ спѣшно объединяться въ могучія организаціи, является быстрый ростъ профессіональнаго и соціалистическаго движенія среди пролетарскихъ массъ. Эта сторона вопроса, къ сожалѣнію слишкомъ мало изслѣдованная даже въ соціалистической прессѣ, является тѣмъ болѣе серьезной, что за послѣднее время среди предпринимателей различ-

ныхъ странъ совершенно ясно обнаружилась тенденція къ объединенію *исключительно для борьбы съ рабочими организаціями* независимо отъ того, подсказывается ли это объединеніе условіями товарнаго обмѣна, или нѣтъ.

Первыя же столкновенія организованнаго труда съ отдѣльными, вѣчно конкуррирующими между собой предпринимателями, показали, что у объединенныхъ рабочихъ есть одно чрезвычайно важное преимущество, которое дѣлало ихъ во многихъ случахъ гораздо сильнѣе и устойчивѣе ихъ противниковъ. Этимъ преимуществомъ является организація главнаго нервнаго центра любого профессіональнаго союза—боевой кассы, составляющей предметъ самыхъ заботливыхъ попеченій со стороны дѣятелей профессіональнаго движенія.

Разъ въ профессіональную организацію входитъ широкая масса рабочихъ, ей не трудно при извѣстной дисциплинированности и сознательности членовъ въ короткое время накопить значительныя суммы, которыя даютъ возможность рабочимъ въ случаѣ забастовки занять выжидательную позицію. Именно эта возможность и является самой опасной для предпринимателя, все благополучіе котораго цѣликомъ построено на *непрерывности процесса производства и обмѣна*. Рабочіе, сорганизованные въ союзъ и располагающіе накопленной энергіей сопротивленія въ формѣ денегъ, могутъ ждать, но не могутъ ждать машины, не можетъ ждать сырье и, что важнѣе всего, не можетъ ждать потребитель, который немедленно обращается къ другому производителю необходимыхъ ему товаровъ.

Постоянно подталкиваемые конкуренціей предприниматели *вынуждены* поэтому уступать рабочимъ одну позицію за другой и этотъ процессъ продолжается съ тѣмъ большею интенсивностью, чѣмъ шире и разностороннѣе развивается соперничество между отдѣльными промышленными предпріятіями, чѣмъ глубже капиталистическія отношенія внѣдряются въ народное хозяйство.

Насколько эти уступки значительны, мы можемъ судить хотя бы по тому, что среди организованныхъ рабочихъ въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ выросла даже глубокая увѣренность въ возможности радикально улучшить положеніе пролетаріата исключительно путемъ профессіональной борьбы, и понадобились жестокіе уроки послѣднихъ лѣтъ, чтобы увѣренность эта была подорвана, а англійскіе и американскіе рабочіе пришли къ сознанію необхидимости принять непосредственное участіе въ политической борьбѣ.

Безпримѣрная въ лѣтописяхъ всемірнаго рабочаго движенія Чикагская стачка 1894 года и результаты знаменитой стачки англійскихъ желѣзнодорожниковъ въ долинѣ Таффъ

въ 1900 году сыграли роль поворотнаго пункта въ исторіи рабочаго движенія обѣихъ странъ. Въ первый разъ организованный въ профессіональные союзы пролетаріатъ натолкнулся на организованный капиталъ и потерпѣлъ жестокое пораженіе. Предприниматели нашли, наконецъ, дѣйствительный способъ борьбы съ рабочими организаціями и, замѣняя взаимную убійственную конкурренцію объединеніемъ силъ, отбрасываютъ въ сторону старую покладистость въ сношеніяхъ съ профессіональными союзами.

Таковы двѣ главныя причины возникновенія объединительной тенденціи среди капиталистовъ различныхъ странъ; кризисы съ одной стороны и мощный ростъ рабочаго движенія—съ другой, порожденные развитіемъ и обостреніемъ капиталистическихъ отношеній на почвѣ неупорядоченнаго соперничества отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, привели промышленную и торговую буржуазію къ отрицанію самаго священнаго устоя капиталистическаго общества—конкурренціи. Капитализмъ вступаетъ въ новую стадію своего развитія, характеризующуюся стремленіемъ крупной промышленной, финансовой и торговой буржуазіи овладѣть производствомъ и обмѣномъ, подчинить ихъ своему контролю, ввести планомѣрность въ область до сихъ поръ стихійныхъ отношеній и въ то же время разрушить тѣ враждебныя капиталу организаціи труда, которыя успѣли развиться и стать на прочную ногу въ эпоху господства неограниченной конкурренціи.

II.

Какимъ же путемъ капиталисты разсчитываютъ осуществить эту гигантскую задачу? Въ какія формы отливается этотъ новый процессъ, подготовленный въ эпоху безграничнаго господства конкурренціи и теперь изгоняющій ее изъ всѣхъ областей промышленной жизни? Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо остановиться на подготовительной стадіи объединительнаго процесса, охватившаго въ настоящее время уже значительную часть міровой промышленности и торговли.

Въ своей глубоко интересной книгѣ „Промысловые синдикаты“ Бруно Шенланкъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что строительнымъ матеріаломъ для объединительной работы среди капиталистовъ послужили акціонерные общества. Они были первой школой, въ которой капиталъ научился пріемамъ кооперативной дѣятельности. Компанейскій капиталистъ, выступающій въ анонимномъ товариществѣ, сбросилъ съ себя индивидуальную оболочку; индивидуальность совершенно исчезла въ этомъ объединеніи средствъ производства, которыя въ такомъ видѣ могутъ выполнять свою

задачу въ экономическомъ процессѣ съ большей интенсивностью и большимъ успѣхомъ, чѣмъ отдѣльные разрозненные капиталы. „Образованіе акціонерныхъ обществъ, — говоритъ К. Марксъ: — привело къ превращенію фактически дѣйствующаго капиталиста въ простого управителя, распоряжающагося чужимъ капиталомъ, а собственника капитала въ простого собственника—денежнаго капиталиста... Въ акціонерныхъ обществахъ функція отдѣляется отъ владѣнія капиталомъ; слѣдовательно, также трудъ совершенно отдѣляется отъ владѣнія средствами производства и отъ прибавочнаго труда *).

Такимъ образомъ, образованіе акціонерной формы промышленныхъ и торговыхъ предпріятій ведетъ къ глубокимъ измѣненіямъ въ соціально-экономическомъ положеніи капиталистовъ и, естественно, — къ соотвѣтственнымъ перемѣнамъ въ ихъ психикѣ.

Принципъ конкурренціи еще не затрагивается непосредственно ростомъ хозяйственныхъ ячеекъ и превращеніемъ ихъ въ акціонерныя предпріятія, но въ нѣдрахъ послѣднихъ уже назрѣваютъ условія, которыя рано или поздно дадутъ возможность капиталу перешагнуть незамѣтную грань, отдѣляющую индивидуалистическое хозяйство, основанное на конкурренціи, отъ синдикалистическаго, построеннаго на отрицаніи послѣдней. Ростъ акціонерныхъ компаній настолько ограничиваетъ количество соперничающихъ предпріятій, что часто бываетъ достаточно какого-нибудь сравнительно незначительнаго толчка, вродѣ экономическаго или финансоваго потрясенія или упорной забастовки рабочихъ, чтобы руководители этихъ предпріятій сдѣлали попытку согласовать свои дѣйствія и изъ конкуррентовъ превратиться въ союзниковъ по производству и обмѣну.

Такимъ образомъ, органическое накопленіе капиталовъ во все убывающемъ числѣ капиталистическихъ предпріятій приводитъ въ концѣ концовъ къ качественному измѣненію всей структуры современной промышленности. Въ объединенныхъ предпріятіяхъ современнаго типа проявляется тотъ же принципъ акціонерныхъ обществъ; разница лишь въ томъ, что новѣйшія организаціи охватываютъ такое количество капиталовъ, которое необходимо для подчиненія значительной части или всего производства волѣ объединенныхъ капиталистовъ. Съ этого момента принципъ конкурренціи теряетъ свое значеніе, и капиталъ пріобрѣтаетъ общественно-монополистическую форму.

Осуществляется ли такое объединеніе капиталистическихъ предпріятій добровольно, или же болѣе сильныя промышленныя единицы заставляютъ своихъ слабѣйшихъ

*) К. Марксъ. Капиталъ, III т., стр. 356—8.

собратьевъ примкнуть къ соглашенію съ помощью насильственныхъ мѣръ,—это вопросъ второстепенный: оба процесса одинаково представлены въ современной промышленной жизни и одинаково подсказываются желѣзной экономической необходимостью.

Формы этихъ соглашеній и союзовъ очень разнообразны. Обыкновенно въ экономической литературѣ различаютъ слѣдующіе главные типы такихъ организацій: 1) Конвенціи, 2) ринги, корнеры и Schwänze, 3) пулы (pools) картели или синдикаты, 4) тресты (консолидаціи).

Конвенціи представляютъ собой первичный типъ предпринимательскихъ соглашеній; онѣ заключаются на опредѣленный срокъ, вполнѣ сохраняютъ самостоятельность договаривающихся сторонъ и касаются второстепенныхъ условій въ области товарнаго обращенія. Подобно акціонернымъ компаніямъ конвенціи лишь косвенно вліяютъ на сокращеніе размаха конкурренціи и являются скорѣе подготовительной школой для капиталистовъ, пріучая послѣднихъ къ согласованію интересовъ и къ кооперативной дѣятельности.

Не менѣе случайный и временный характеръ носятъ соглашенія второй группы—*ринги, корнеры и Schwänze*, устраиваемые исключительно въ спекулятивныхъ цѣляхъ и охватывающіе опять таки сферу товарнаго обмѣна, а не производства. Эти союзы торговцевъ, биржевыхъ дѣятелей, финансистовъ и прочихъ любителей легкой наживы занимаются массовой скупкой товаровъ для перепродажи ихъ по повышенной цѣнѣ и существуютъ лишь до окончанія сдѣлки, въ рѣдкихъ случаяхъ переживая ее. Излюбленная область для подобныхъ организацій—это торговля зерномъ и биржевая игра.

Ринги, корнеры и Schwänze мало типичны для современной промышленной жизни, типиченъ лишь размахъ, который пріобрѣтаетъ ихъ дѣятельность, благодаря *громадному* развитію кредита. Поэтому подробно останавливаться на ихъ характеристикѣ мы не будемъ.

Третья группа—*пулы* (*pools*), *картели или синдикаты*—характеризуются значительной прочностью соглашеній и предполагаютъ существованіе крѣпкихъ организаціонныхъ связей между предпринимателями, главнымъ образомъ въ области сбыта товаровъ. Самостоятельность отдѣльныхъ членовъ пула или синдиката въ дѣлѣ управленія производствомъ формально еще не нарушена, но продажа товаровъ окончательно изъята изъ ихъ компетенціи. Эта функція переходитъ въ руки особаго комитета, который зорко слѣдитъ за коньюнктурой національнаго и международнаго рынка, опредѣляетъ количество и качество товаровъ, подлежащихъ выработкѣ, назначаетъ цѣны, разграничиваетъ районы и т. д.

Въ большинствѣ европейскихъ странъ, а отчасти и въ

Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, эта форма предпринимательскихъ союзовъ является наиболѣе распространенной. Типичнымъ образцомъ развитого синдиката можетъ служить синдикатъ рейнско-вестфальскихъ угольныхъ копей, состоящій изъ 15 крупныхъ и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ предпріятій и фактически объединяющій въ своихъ рукахъ почти всю угольную промышленность въ Германіи. Механизмъ этого синдиката настолько точенъ, что ни одна тонна угля, добываемаго въ рейнско-вестфальскихъ копяхъ, не ускользаетъ отъ его контроля. Районы сбыта между отдѣльными участниками рейнско-вестфальскаго синдиката строго разграничены, цѣны устанавливаются центральнымъ комитетомъ, и владѣльцы копей точно придерживаются ихъ.

Отличительной особенностью пуловъ является *общая продажа продуктовъ при общемъ раздѣленіи прибылей*, пропорціонально размѣрамъ предпріятія и выработкѣ. Подъ именемъ pools въ Америкѣ уже давно существовали синдикатныя соглашенія преимущественно между желѣзными дорогами и судовладѣльцами, но въ настоящее время такія организаціи встрѣчаются въ различныхъ отросляхъ промышленности. Въ общемъ пулъ можетъ считаться переходною ступенью между синдикатомъ обычнаго типа и трестомъ. Еще не затрагивая самостоятельности предпринимателя въ дѣлѣ управленія фабрикой или заводомъ, пулъ однако дерзко вторгается въ „Святую Святыхъ“ капиталистическаго храма, роется въ приходо-расходныхъ книгахъ капиталиста, заглядываетъ въ его кассу и подчиняетъ своему контролю прибыль, до сихъ поръ ревниво оберегавшуюся отъ посторонняго взгляда. Вступленіе единичнаго предпринимателя въ пулъ приводитъ его еще больше, чѣмъ вступленіе въ акціонерное общество, къ окончательной утратѣ распорядительныхъ функцій и *низводитъ* его прибыль къ простому проценту или къ вознагражденію за владѣніе капиталомъ.

Полное „освобожденіе“ предпринимателя наступаетъ, однако, лишь съ того момента, когда объединительный процессъ капитала переходитъ въ свою послѣднюю стадію развитія и завершается образованіемъ *трестовъ*. Эта форма промышленной организаціи окончательно обезличиваетъ владѣльца орудій производства и превращаетъ его въ простого получателя ренты, совершенно утратившаго всякое обличіе „общественно-необходимаго“ элемента.

Вступленіе предпринимателя въ трестъ сопровождается передачей послѣднему всѣхъ распорядительныхъ функцій: съ этого момента предприниматель окончательно устраняется отъ всякаго участія въ процессѣ производства. *Противорѣчіе между частной индивидуальной формой присвоенія и общественнымъ характеромъ производства, свойственное вообще капиталистическому строю, находитъ въ трестахъ самое полное*

и всестороннее выраженіе и раскрывается съ удивительной простотой *).

Впервые тресты появились въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ началѣ 80-хъ гг. Сущность этихъ организацій сводится къ слѣдующему. Акціонеры отдѣльныхъ компаній и частные предприниматели, рѣшившіе объединиться въ союзъ, передаютъ свое имущество уполномоченнымъ или довѣреннымъ лицамъ (trustees) и получаютъ взамѣнъ его сертификаты треста (trust certificates). Съ этого момента вершителями дѣлъ предпріятій треста являются эти довѣренные, состоящіе обыкновенно на жалованіи. При такой системѣ возможность расторженія договора совершенно исчезаетъ, и организація вполнѣ обезпечивается отъ недобросовѣстныхъ поступковъ отдѣльныхъ членовъ,—явленіе, обычное въ картеляхъ и синдикатахъ и въ значительной степени содѣйствующее появленію трестовъ.

Ставъ на прочную ногу и завладѣвъ наиболѣе крупными предпріятіями, трестъ продолжаетъ свою объединительную работу до тѣхъ поръ, пока производство въ опредѣленной отрасли промышленности не попадаетъ окончательно подъ его контроль. Для достиженія этой цѣли трестъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, не останавливаясь передъ подкупомъ, прямымъ насиліемъ и т. д.; но главнымъ оружіемъ его въ борьбѣ за господство надъ рынкомъ является боевое пониженіе цѣнъ, почти всегда сопровождающее первые шаги въ дѣлѣ завоеванія рынка и дающіе поводъ сторонникамъ новой формы производства доказывать, что отъ введенія ея потребитель только выигрываетъ. Ошибочность этого взгляда будетъ показана нами въ дальнѣйшемъ изложеніи; здѣсь же мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что тактика „боевыхъ цѣнъ“ далеко не ограничивается рамками національнаго производства и легко переносится на международный рынокъ. Съ этого момента національная политика трестовъ принимаетъ интернаціональный характеръ, и сами тресты изъ національныхъ организацій превращаются въ международныя.

Опасаясь вторженія иностранныхъ трестовъ, болѣе отсталыя въ промышленномъ отношеніи страны спѣшно мобилизируютъ свои силы и пытаются оградить себя отъ грядущей опасности съ помощью охранительнаго тарифа. Такимъ образомъ и здѣсь создается благопріятная обстановка для образованія національныхъ синдикатовъ и трестовъ, такъ какъ ничто въ такой степени не содѣйствуетъ объединенію

*) Характерно, что наиболѣе крупные тресты въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ эти организаціи вообще получили наиболѣе сильное развитіе, были организованы финансистами, стоявшими въ сторонѣ отъ производства и даже мало знакомыми съ нимъ, а не самими предпринимателями, какъ этого слѣдовало ожидать.

капиталистовъ, какъ защита ихъ отъ иностранной конкурренціи путемъ охранительной системы, всегда таящей въ себѣ зачатки монополіи. Интернаціональные тресты,—образуются ли они путемъ насильственнаго утвержденія гегемоніи одной страны надъ остальными, или же путемъ добровольнаго сліянія трестовъ, господствующихъ въ различныхъ странахъ въ одну организацію,—эти тресты являются увѣнчаніемъ капиталистической системы. Они играютъ роль послѣдняго этапа на тяжеломъ пути современнаго общества къ соціалистическому строю и совершенно ясно намѣчаютъ международный характеръ грядущаго соціальнаго переворота.

III.

Количество синдикатовъ и трестовъ, господствующихъ въ современномъ производствѣ, учету не поддается. Съ одной стороны многіе изъ нихъ существуютъ тайно и совершенно ускользаютъ отъ правительственнаго контроля, съ другой въ оффиціальной статистикѣ синдикаты и тресты часто смѣшиваются съ обыкновенными акціонерными предпріятіями. Особенно трудно учесть количество постоянно образующихся и разрушающихся синдикатовъ первичнаго типа, которое иногда превращаются въ организаціи высшаго порядка.

Приведемъ нѣсколько цифръ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, классической странѣ синдикатовъ и трестовъ, въ 1900 г. насчитывалось свыше 180 синдикатовъ высшаго типа (включая въ это число и тресты), въ рукахъ которыхъ находилось 2.150 заводовъ и фабрикъ съ капиталомъ въ 7 милліардовъ рублей. Къ этой цифрѣ необходимо еще прибавить около 500 различныхъ соглашеній, имѣющихъ болѣе или менѣе временный характеръ. Всѣ эти организаціи охватывали 25—30% всей американской промышленности и располагали колоссальной арміей рабочихъ въ 500.000 человѣкъ при 20.000 высшихъ служащихъ. Съ этого времени количество трестовъ и ихъ вліяніе сильно возросло, и теперь подъ контролемъ только пяти „финансовыхъ королей“ (Рокфеллера, Гарримана, Пирпонта Моргана, Вандербильта и Гульда) находится капиталъ въ 16 милліардовъ рублей. Въ 1904 г., по даннымъ извѣстнаго знатока американскихъ трестовъ I. Moody, общій капиталъ, находящійся въ рукахъ трестовъ, исчислялся въ 20.379.512 т. долл.

Богатства, принадлежащія отдѣльнымъ трестамъ, достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, напр., помощникъ контролера нью-джерсіанской „The Standard Oil Company“ подъ присягою показалъ, что валовой активъ этого предпріятія, составлявшій 200.791.623 долл. въ 1899 г., достигъ 371.664.531 долл. въ 1906 г. За этотъ семилѣтній періодъ

времени чистая прибыль компаніи составила 490.315.934 долл., изъ коихъ 308.359.430 долл. были распредѣлены въ видѣ дивиденда *).

Въ Германіи объединительное движеніе въ различныхъ отрасляхъ промышленности начинается съ 1860 года, но настоящій его ростъ датируется 1893 г. Преобладающимъ типомъ организаціи здѣсь является картель, достигающій высокой степени совершенства. По даннымъ Лифмана, извѣстнаго изслѣдователя германскихъ синдиктовъ, въ 1865 г. въ Германіи существовало 4 картеля, въ 1885 г.—90, въ 1896 г.—260. Въ памятной запискѣ о картеляхъ, представленной въ германскій рейхстагъ, и содержащей въ себѣ статистику картелей до 30 сент. 1905 г., насчитывается 385 организацій, приближающихся къ этому типу. Эти организаціи объединяютъ приблизительно 12.000 предпріятій. За исключеніемъ синдиката бѣлой жести, содоваго синдиката и конвенціи производителей брома всѣ эти организаціи основаны послѣ 1880 года. Самымъ крупнымъ и вліятельнымъ среди нихъ является Рейнско-Вестфальскій угольный синдикатъ, основанный въ 1870 году **).

Въ Австро-Венгріи число синдикатовъ едва ли превышаетъ 100, при чемъ по развитію они значительно отстаютъ отъ синдикатовъ германскихъ. Наиболѣе крупнымъ синдикатомъ въ Австріи является желѣзный синдикатъ, образовавшійся въ 1878 году подъ вліяніемъ сильнаго паденія цѣнъ.

Въ Бельгіи подавляющее большинство картелей относится къ первичному типу, причемъ значительное количество ихъ возникло спеціально для борьбы съ рабочими организаціями (Arbeits kartelle). Наибольшихъ успѣховъ процессъ картеллированія достигъ въ угольномъ производствѣ, цементномъ производствѣ, стальной промышленности и пр. Общее количество синдикатовъ по даннымъ 1901 года не превышало 100 ***).

Процессъ картеллированія промышленности въ Англіи, благодаря особымъ условіямъ ея международнаго положенія, идетъ значительно медленнѣе, чѣмъ можно было бы предполагать, принимая во вниманіе высокую степень развитія капитализма въ этой странѣ. Лѣтъ 5—6 тому назадъ здѣсь насчитывалось, впрочемъ, около 900 различныхъ кар-

---

*) При оцѣнкѣ этихъ цифръ необходимо имѣть въ виду, что американскіе тресты почти всегда прибѣгаютъ къ преувеличенію своихъ капиталовъ посредствомъ „разводненія ихъ".

**) См. Dr. Ferdinand Baumgarten und Dr. Arthur Meszlény. Kartelle und Trusts. Berlin. 1906. Стр. 84 и слѣд.

***) См. *De Leener*. Les Syndicats Industriees en Belgique. 2-e Edition 1904. Troisieme partie. Resultats de l'enquête sur les syndicats industriels en Belgique. p. 231—292.

тельныхъ организацій, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли характеръ трестовъ и располагаютъ значительнымъ капиталомъ. Такъ, напр., еще недавно 5 самыхъ крупныхъ организацій (трестовъ) въ текстильномъ производствѣ обладали капиталомъ приблизительно въ 500.000.000 рублей *).

Въ *Россіи* первая попытка капиталистовъ объединиться въ союзъ относится къ началу 70-хъ годовъ, когда нѣсколько страховыхъ обществъ заключили между собою договоръ и установили обязательные *конвенціонные тарифы*, пониженіе которыхъ по договору не допускалось. Въ 1887 году образовался синдикатъ сахарозаводчиковъ, объединившій 183 завода съ производствомъ въ 18 милл. пудовъ; въ 1894 году возникъ синдикатъ нефтепромышленниковъ. Однако появленіе синдикатовъ въ то время не было еще характернымъ для русской промышленности.

Начало массоваго процесса объединенія русскихъ промышленниковъ долженъ быть отнесенъ къ концу 90-хъ годовъ. Съ этого времени подъ вліяніемъ различныхъ экономическихъ причинъ, къ числу которыхъ прежде врего приходится отнести усиленіе кризисовъ въ Россіи и цѣлый рядъ голодовокъ, охватившихъ населеніе въ 1898—1900 гг., многіе предприниматели пришли къ сознанію необходимости сплотиться въ союзы для регулированія производства и удержанія цѣнъ на достаточно высокомъ уровнѣ. Колоссальный ростъ рабочаго движенія въ періодъ 1905—1906 гг. далъ новый толчекъ развитію предпринимательскаго „синдикализма“ въ Россіи. Картеллированіе производства принимаетъ широкій размахъ, россійскіе капиталисты обзаводятся центральнымъ „представительнымъ“ органомъ въ лицѣ „Совѣта Съѣздовъ представителей промышленности и торговли“ и охватываютъ всю Россію сѣтью всевозможныхъ организацій, начиная отъ ринговъ и кончая настоящими синдикатами европейскаго типа.

Статистика синдикатовъ въ Россіи находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Вотъ нѣсколько цифръ, лишь въ слабой степени характеризующихъ состояніе картельнаго дѣла у насъ.

„Союзъ заводчиковъ и фабрикантовъ“ въ 1897 году объединялъ 98 фирмъ съ 54.537 рабочими, а въ 1906 году 167 фирмъ съ 109.340 раб.

По подсчету центральнаго органа россійскихъ синдикатовъ, „Совѣта Съѣздовъ“ въ настоящее время, т. е. въ 1907 году. въ Россіи зарегистрировано около 120 предпринимательскихъ союзовъ различныхъ отраслей промышленности

*) Подробныя и весьма интересныя данныя о состояніи картелей и трестовъ въ Англіи читатель найдетъ въ книгѣ І. М. Гольдштейна. Экономическая политика, ч. І. М. 1908.

Наконецъ, авторъ доклада *). „Первому съѣзду промышленныхъ и торговыхъ предпріятій Россійской Имперіи", горный инженеръ А. Вольскій, состоящій нынѣ секретаремъ „Совѣта Съѣздовъ" и редакторомъ его органа „Промышленность и торговля", утверждаетъ, что цѣлая треть россійской фабрично-заводской промышленности имѣетъ въ настоящее время организованное „представительство"; а теперь уже ни для кого не составляетъ тайны, что подъ этимъ неопредѣленнымъ и деликатнымъ терминомъ скрывается очень опредѣленное и мало склонное къ деликатности отношеніе организованнаго капитала къ государственной власти. Сила этого капитала въ Россіи уже настолько велика, что дѣло идетъ не столько о „представительствѣ", сколько о прямомъ давленіи на правительство.

IV.

Начиная обыкновенно съ захвата наиболѣе концентрированныхъ отраслей производства, синдикаты и тресты постепенно переносятъ свою дѣятельность въ другія отрасли промышленности и вовлекаютъ ихъ въ процессъ объединенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами по себѣ они не въ состояніи были бы приступить къ осуществленію этой задачи. Разъ начавшись этотъ процессъ уже не имѣетъ предѣловъ и легко преодолѣваетъ всѣ препятствія, которыя могли бы ему поставить наиболѣе отсталыя категоріи промышленности.

V. Collier въ своей книгѣ **) приводитъ длиннѣйшій списокъ различныхъ товаровъ, производство которыхъ находится подъ контролемъ американскихъ трестовъ; перечисливъ свыше 100 названій, онъ теряетъ терпѣніе и ставитъ etc. И, дѣйствительно, достаточно посмотрѣть этотъ списокъ, чтобы убѣдиться, что буквально вся жизнь американцевъ находится въ зависимости отъ этихъ могучихъ организацій. „Скоро, говорила недавно одна американская газета, нельзя будетъ ни пить, ни ѣсть, ни одѣваться безъ того, чтобы не заплатить дани какому нибудь тресту. Предположимъ, напримѣръ, что вы обѣдаете въ какомъ нибудь нью-іорскомъ или филадельфійскомъ ресторанѣ. Гарсонъ подаетъ вамъ рюмочку передъ обѣдомъ: напитокъ, въ который главной составной частью входитъ виски, состоитъ подъ контролемъ Whisky trust (капиталъ — 35 милл. долларовъ); бульонъ зависитъ отъ чикагскаго Beef Trust (100 милл. долл.); устрицы—недавно основаннаго Oysther Trust (5 милл.

*) «Представительство русской промышленности и торговли и основы представительства, необходимаго въ ближайшемъ будущемъ».

**) W M Collier «The Trust. What can ve do vith them What can they do for us?» Nev Jork 1900 p. 53

долл.). Вы требуете закусокъ—редиски, сельдерею, маслинъ—приготовьте толику для Faun and Daily Product trust (15 милл. долл.); съ рыбой приходитъ Tish Trust (10 милл. долл.), съ жаркимъ—Fovls Trust (20 милл. долл.)... Идетъ десертъ: пуддингъ—это продуктъ American Tlour Co. (12 милл. долл.); фрукты—American Trust Co., бисквитъ Nationale Biscuit Trust; взбитыя сливки—American Ice cream Co.—Вамъ хочется выпить кофе или выкурить сигару: не забывайте Coffee syndicate (60 милл. долл.) и Tobacco Trust (60 милл. долл.). Какъ видите, здѣсь очень много трестовъ сразу *).

Подчиняя своей волѣ различныя отрасли производства, синдикаты и тресты неуклонно стремятся къ установленію *монополіи*, такъ какъ только такимъ путемъ эти организаціи могутъ защитить себя отъ конкурренціи со стороны „независимыхъ" предпринимателей и разъ на всегда опредѣленный уровень цѣнъ, ниже котораго они не должны спускаться. Монополизированіе промышленности заступаетъ мѣсто анархической конкурренціи, до нынѣ господствовавшей на рынкѣ, регулированіе и фиксированіе цѣнъ замѣняетъ свободную игру послѣднихъ къ вящему озлобленію потребителей.

Американскій мясной трестъ „Meat" или Beef-Trust регулируетъ около 60% всего производства свѣжаго мяса въ Соед. Штатахъ, нефтяной трестъ (the staudart oie Trust), въ рукахъ котораго находится 90—95% всего производства и обработки нефти въ С. А. Соед. Штатахъ ежедневно опредѣляетъ цѣны на очищенный керосинъ.**) Стальной трестъ держитъ въ своихъ рукахъ около 75% всего желѣзнаго и и стального производства, синдикатъ писчей бумаги контролируетъ отъ 75 до 80%, водочный—около 80%, сахаро-рафинадный отъ 80 до 90% (въ разное время) и т. д. и т. д.

Синдикатъ стальныхъ издѣлій въ Германіи (Stahlwerkerswerband) объединяетъ въ настоящее время около 90% всего производства и является такимъ образомъ полнымъ властелиномъ на внутреннемъ рынкѣ.

Комбинація англійскихъ ситцепечатныхъ фабрикъ, основанная въ концѣ 1899 года („Calico Printers' Association") и охватившая при самомъ зарожденіи 46 ситцепечатныхъ фабрикъ и 13 крупныхъ торговыхъ фирмъ, уже въ то время держала въ своихъ рукахъ 85% всего производства.

„Для характеристики громаднаго значенія англійскихъ комбинацій въ области желѣзнодорожнаго дѣла (не слѣдуетъ забывать, что *желѣзныя дороги находятся въ Англіи цѣликомъ въ рукахъ частной компаніи*) здѣсь достаточно упомянуть,—говоритъ г. І. Гольдштейнъ,—сообщенныя мнѣ въ 1900 г.

*) Вандервельдъ. Промышленное развитіе и коллективизмъ Спб. 1906, стр 53.

**) E. Herr. Der Zusammenbruch der Wirtschafs freihelt und der sieg des staatssozi alssum in den Veremigsen ssaaten von Amerika. Iena 1906 s. 16.

генеральнымъ секретаремъ ассоціаціи англійскихъ желѣзнодорожныхъ компаній, сэромъ Генгу Oakley, данныя, изъ которыхъ видно, что уже къ началу нынѣшняго столѣтія общій капиталъ желѣзнодорожныхъ компаній Соединеннаго Королевства достигалъ громадной суммы въ 12 милліардовъ рублей. Несмотря на временныя несогласія, доводившія иногда отдѣльныя компаніи до жестокой борьбы, въ общемъ за послѣднее время на этомъ поприщѣ, благодаря созданію вышеупомянутыхъ картелей, создалась почти полная монополія, вредное вліяніе которой на англійскую промышленность теперь настолько ясно проявилось, что вопросъ о выкупѣ государствомъ желѣзнодорожныхъ линій будетъ рѣшенъ въ Англіи, быть можетъ, уже въ ближайшемъ будущемъ". *)

Число такихъ фактовъ можно было бы увеличить до безконечности, но и приведенныхъ вполнѣ, на нашъ взглядъ, достаточно, чтобы читатель могъ убѣдиться въ томъ, что синдикаты и тресты въ различныхъ странахъ не безъ успѣха проводятъ свою политику монополизированія производства и рынковъ. Насколько эта политика совпадаетъ съ интересами потребителя мы увидимъ ниже.

Монополизація рынковъ есть завершеніе объединительнаго процесса въ современномъ капитализмѣ. Вводя монополію въ сферу производства и обмѣна капиталисты получаютъ полную возможность произвольно устанавливать цѣны на товары, опредѣлять ихъ качество и количество, регулировать потребленіе широкихъ общественныхъ слоевъ и т. д. Такимъ образомъ уже не только рабочій классъ, но и все почти общество неизбѣжно наталкивается на очень важный, жгучій вопросъ: что берутъ у насъ синдикаты и тресты и что они намъ даютъ? И съ того момента, какъ этотъ вопросъ, навязываемый практикой союзовъ предпринимателей, возникаетъ въ умахъ потребителей, весь капиталистическій строй, со всѣми традиціями и предразсудками, выросшими и укрѣпившимися за долгій періодъ господства конкурренціи, начинаетъ подвергаться всесторонней критикѣ и переоцѣнкѣ. Именно на эту опасность и указывалъ лидеръ республиканской партіи Маркъ Ханна въ своей предостерегающей рѣчи, которую мы привели въ началѣ статьи.

Къ чему не прикоснутся синдикаты и тресты, на всемъ они оставляютъ отпечатокъ регресса. Неспособные управлять производствомъ въ интересахъ всего населенія, они съуживаютъ его предѣлы въ своихъ интересахъ и къ жестокимъ испытаніямъ, порождаемымъ стихійными кризисами, прибавляютъ „соціальный голодъ", вызываемый ихъ монополистической политикой. „Благодѣтели человѣчества", „ор-

*) І. Гольштейнъ. Экономическая политика. Ч. І 1908 г. стр. 131.

ганизаторы производства" превращаются въ обыкновенныхъ хищниковъ, и мы можемъ понять президента Рузвельта, заявившаго въ своей рѣчи, произнесенной въ Индіанополисѣ (30-го мая 1907 года), что „анархисты и соціалисты угрожаютъ *праву собственности* въ гораздо меньшей степени, чѣмъ эти богатые разбойники и грабители".

При господствѣ свободной конкурренціи широкая масса потребителей ставила въ заслугу капитализму систематическое пониженіе цѣнъ на товары. Буржуазные экономисты захлебывались отъ восторга, преподнося читателямъ безконечные столбцы цифръ, доказывающихъ съ полной убѣдительностью отрадный фактъ удешевленія жизни, *) а вѣчно недовольныхъ соціалистовъ они хотѣли побивать сравнительной оцѣнкой матеріальныхъ удобствъ, которыми располагали самые знатные люди въ XVII - XVIII вѣкахъ и которыми пользуется въ настоящее время средній англійскій рабочій.

Съ возпареніемъ въ производствѣ синдикатовъ и трестовъ картина рѣзко мѣняется. Введеніе монополіи, прежде всего, приводитъ къ повышенію цѣнъ на различные товары и во многихъ случаяхъ къ ухудшенію ихъ качествъ, причемъ сокращеніе производства является однимъ изъ самыхъ испытанныхъ средствъ для болѣе успѣшнаго проведенія этой „тактики", какъ выразился Маркъ Ханна.

Приведемъ нѣсколько иллюстрацій.

По отмѣткамъ нью-іоркской биржи за промежутокъ времени отъ 1901 по 1902 годъ цѣна свинины поднялась на 9—15%, говядины на 16—20%, яицъ на 16—28%, масла на 22—28%. Это было время лихорадочной дѣятельности всевозможныхъ соглашеній въ области производства и сбыта пищевыхъ продуктовъ.

Наилучшимъ показателемъ благосостоянія любой страны является количество потребляемаго въ ней желѣза. Въ этомъ отношеніи С.-А. Соед. Штаты до послѣдняго времени шли быстрыми шагами впередъ, оставляя за собой самыя передовыя страны Стараго Свѣта. Но, начиная съ 1896 года, благодаря усиленной „регуляторской" дѣятельности синдиката гвоздей С.-А. Соед. Штаты начинаютъ регрессировать:

*) Теперь дѣла обстоятъ нѣсколько иначе. Парвусъ въ своей книгѣ „Die Kolonialpolitik und der Zusammenbruch" Leipzig 1907 s. 30) приводитъ слѣд. число-показатель", цѣнъ, заимствованное имъ изъ Лондонскаго „Экономиста".

Конецъ Декабря	Число
1901	1948
1902	2003
1903	2197
1904	2136
1905	2342

установленіе высокихъ цѣнъ на гвозди въ этомъ году привело къ значительному сокращенію ихъ потребленія; причемъ значительное количество гвоздей было вывезено заграницу по цѣнамъ ниже половины цѣнъ на американскомъ рынкѣ. Тоже самое проявляется и въ потребленіи стальныхъ рельсовъ, каменнаго угля, табаку и т. д., и т. д. Еще въ 1886 году „Иллинойская газета“ писала: „Каменноугольная монополія—это нахальный грабежъ. Угольные ростовщики грабятъ публику съ такимъ безстыдствомъ, какъ нѣкогда, во времена небезопаснаго провоза, грабили хлѣбные ростовщики. Они устанавливаютъ цѣны совершенно произвольно, внѣ всякой соразмѣрности съ издержками производства: сколько хотятъ, столько и берутъ...“

Американскіе милліардеры грабятъ американскую публику, нѣмецкіе промышленные бароны грабятъ нѣмцевъ, всюду одно и то же. Когда въ Германіи образовался синдикатъ сахаро-заводчиковъ, учредители его успокаивали населеніе, обѣщая, что надбавка на сахаръ внутренняго потребленія составитъ ничтожную сумму. Какъ и слѣдовало ожидать, обѣщанія сахаро-заводчиковъ оказались наглымъ обманомъ. Со времени возникновенія синдиката цѣна на сахаръ поднялась на 5,25 марокъ за центнеръ, а потребленіе сахара съ 13,7 киллогр. въ 1899—1900 гг. упало до 11,6 киллогр. въ 1900—1901 гг. Неслыханный угольный голодъ 1899—1900 гг. былъ вызванъ нѣмецкимъ угольнымъ синдикатомъ. Характерно, что какъ разъ въ этомъ году, когда все населеніе и вся промышленность испытывали безпримѣрную нужду въ топливѣ, рейнско-вестфальскій угольный синдикатъ продавалъ уголь за-границу на 8,2% дешевле, причемъ этотъ уголь былъ по качеству гораздо выше, чѣмъ продававшійся въ Германіи. Цѣны на бумагу, табакъ, мясо, уголь и другіе предметы потребленія растутъ безостановочно, и берлинская торговая палата (Handelskammer) съ огорченіемъ констатируетъ пониженіе покупательной силы страны, благодаря возмутительной дѣятельности синдикатчиковъ.

Русскіе синдикаты стараются не отстать отъ своихъ европейскихъ и американскихъ собратьевъ. За послѣдніе нѣсколько лѣтъ они успѣли поднять цѣны на самые разнообразные предметы потребленія: мыло, керосинъ, хлѣбъ, спички, бутылки, кровельное желѣзо, резиновыя издѣлія, цементъ, сахаръ, шоколадъ и т. д. Не проходитъ и дня, чтобы газеты не отмѣтили того или иного проявленія дѣятельности нашихъ отечественныхъ „синдикалистовъ“ въ области нормировки цѣнъ. Къ хроническому голоду, созданному вѣковымъ господствомъ россійской бюрократіи, они присоединяютъ обнищаніе, вызываемое ихъ монополистическимъ хозяйничаньемъ въ производствѣ и сбытѣ товаровъ.

Но систематическое повышеніе цѣнъ является лишъ однимъ изъ проявленій господства современныхъ промышленныхъ монополій. На ряду съ этимъ синдикаты и тресты практикуютъ усиленную фальсификацію товара и открытое ухудшеніе ихъ качества.

При господствѣ конкурренціи потребитель тоже былъ знакомъ съ этимъ пріемомъ капиталистовъ, но не слѣдуетъ забывать, что наиболѣе солидныя фирмы всегда предпочитали завоевывать рынокъ и привлекать къ себѣ покупателя какъ разъ улучшеніемъ качества вырабатываемыхъ товаровъ, что общераспространенный принципъ: „не обманешь—не продашь“ скорѣе отвѣчаетъ отжившимъ, азіатскимъ торгово-промышленнымъ, чѣмъ западно-европейскимъ традиціямъ.

Фальсификація товаровъ является однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ отсталости и некультурности производителей и въ широкомъ масштабѣ примѣняется лишь на первыхъ стадіяхъ капиталистическаго производства. Поэтому, примѣненіе такого пріема увеличенія прибыли современными организаціями капиталистовъ свидѣтельствуетъ объ ихъ регрессѣ въ экономическомъ отношеніи и совершенно ясно вскрываетъ всю противоположность между интересами синдикатовъ и трестовъ съ одной стороны, и широкой массы съ другой.

Наглость, съ которой эти организаціи продѣлываютъ свои эксперименты надъ здоровьемъ милліоновъ потребителей, прямо поразительна. Фальсификація превращается ими въ систему, процвѣтаніе которой построено на полнѣйшей невозможности бороться съ нею законодательнымъ путемъ.

Въ 1905 году мало извѣстный американскій романистъ Уптонъ Синклеръ выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „Дебри“. Впечатлѣніе, произведенное этой книгой, нѣсколько страницъ которой посвящены описанію вопіющихъ продѣлокъ американскаго мясного треста, было потрясающе. Широкая публика съ изумленіемъ и негодованіемъ узнала, что ее систематически, въ теченіе долгихъ лѣтъ отравляли разложившимся мясомъ, гнилою колбасой, испорченными консервами, приведенными въ надлежащій видъ путемъ обработки различными, часто ядовитыми, химическими веществами. Трупы отравленныхъ крысъ, всевозможные отбросы, даже грязь, остававшаяся послѣ отскребыванія деревянныхъ половъ,—все попадало въ чаны, гдѣ изготовлялось рубленое мясо для изготовленія колбасъ. Общественное мнѣніе было настолько возмущено, что правительство немедленно назначило слѣдствіе. Заправилы мясного треста попали подъ судъ, были оштрафованы и... благополучно продолжаютъ свою благотворную дѣятельность по сію пору.

Въ докладѣ, опубликованномъ въ 1906 году директоромъ центральной лабораторіи Соед. Штатовъ, эта тенденція оха-

рактеризована въ слѣдующемъ весьма категорическомъ заключеніи: „мы приближаемся къ моменту, когда великая американская республика станетъ просто гигантской фабрикой ядовъ". Насколько эта характеристика отвѣчаетъ дѣствительности, видно изъ того поразительнаго факта, что многіе химическія предпріятія въ Америкѣ заняты спеціально выработкой различныхъ веществъ для поддѣлки и существуютъ исключительно благодаря колоссальному спросу на эти вещества со стороны фабрикантовъ-фальсификаторовъ. Ежедневно современный потребитель проглатываетъ громадныя дозы буры, мышьяку, салициловой кислоты, анилина, солей, мѣди, сахарину и проч., не подозрѣвая даже, какимъ ужаснымъ испытаніямъ подвергается его организмъ. По утвержденію Поля Пирса, главнаго докладчика по секціи гигіены питательныхъ веществъ на выставкѣ въ Санъ-Луи, въ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно умираетъ отъ отравленія пищевыми продуктами 350.000 дѣтей. Молохъ капитализма всегда отличался своимъ пристрастіемъ къ нѣжному дѣтскому мясу, но такія обильныя гекатомбы ему стали доставляться лишь съ того момента, какъ населеніе подпало подъ власть новоявленной промышленной династіи.

Фальсификація продуктовъ или замаскированное отравленіе потребителей есть все-таки послѣдняя дань, которую объединенный капиталъ воздаетъ конкурренціи. Захвативъ окончательно въ свои руки производство и установивъ монополистическую систему, капиталъ окончательно сбрасываетъ съ себя маску „благодѣтеля человѣчества" и превращаетъ *скрытую фальсификацію въ явное пониженіе* качества товара, причемъ цѣны остаются все-таки на прежнемъ уровнѣ или даже повышаются. Въ этомъ пріемѣ третированія потребителя опять-таки проявляется вся регрессивная сущность современнаго монополистическаго хозяйства, вся противоположность между интересами широкихъ народныхъ массъ и группы монополистовъ-эксплуататоровъ, а также вся неспособность послѣднихъ раціонально управлять тѣми производительными силами, которыя имъ удалось подчинить своей власти.

Г. Гольдштейнъ въ своей поучительной книгѣ „Синдикаты и тресты" сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ какъ нельзя лучше иллюстрирующій это положеніе.

„Не довольствуясь повышеніемъ цѣнъ и искусственнымъ поддерживаніемъ ихъ на высокомъ уровнѣ на внутреннихъ рынкахъ, угольный и коксовый синдикаты причиняли, впрочемъ, германской промышленности еще очень крупные убытки вслѣдствіе вызваннаго ихъ тактикой *значительнаго ухудшенія качествъ ихъ продуктовъ* (курсивъ нашъ Г. Ц.) при продажахъ внутреннимъ потребителемъ, тогда какъ лучшіе

сорта, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ вывозились заграницу *).

Не останавливаясь на подробностяхъ, здѣсь достаточно констатировать, что по сообщеніямъ владѣльца крупныхъ машиностроительныхъ заводовъ въ Берлинѣ — коммерціи совѣтника Борзига, отказъ коксоваго синдиката поставлять коксъ на основаніи анализовъ, какъ это практиковалось раньше въ Германіи и практикуется еще теперь въ другихъ странахъ, сильно затрудняетъ успѣшное развитіе дѣятельности литейныхъ заводовъ" **).

А къ чему приводитъ этотъ отказъ на практикѣ, видно, хотя бы изъ откровеннаго признанія директора коксоваго синдиката Simmersbach, что въ эпохи хорошей коньюнктуры качество поставляемаго многими углепромышленниками угля дѣлается до-нельзя плохимъ.

Къ такой же тактикѣ ограбленія потребителей прибѣгнулъ и русскій синдикатъ клея. „Со времени созданія этого синдиката, добившагося, между прочимъ, почти что запретительныхъ пошлинъ на ввозимый изъ-за границы клей, заводчики совершенно перестали заботиться о качествѣ производимаго ими продукта, тогда какъ прежде каждый заводъ удѣлялъ этому вопросу усиленное вниманіе въ надеждѣ усилить такимъ образомъ сбытъ".

Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ истинное содержаніе „тактики" американскихъ и иныхъ капиталистовъ, о которой говорилъ въ своей рѣчи Маркъ Ханна, вскрывается совершенно ясно. Захватъ современной промышленности и торговли объединенными капиталистами и замѣна конкурренціи монополіей приводятъ къ повышенію цѣнъ на предметы потребленія и къ ухудшенію качества послѣднихъ. Въ этомъ кроется причина озлобленія бѣдныхъ слоевъ населенія, и на этомъ въ значительной степени основаны успѣхи соціалистической пропаганды въ С.-А. Соед. Штатахъ.

Но этимъ дѣло далеко не ограничивается. Въ предчувствіи надвигающейся соціальной бури объединенный капиталъ принимаетъ рѣшительныя мѣры оборонительнаго и наступательнаго характера, укрѣпляетъ свои позиціи, усиленно старается надъ „обработкой" общественнаго мнѣнія въ своихъ интересахъ, словомъ — какъ выражается Маркъ Ханна—„приводитъ въ порядокъ свои паруса". Не ограни-

---

*) Фактъ, прекрасно характеризующій „патріотичность" нѣмецкихъ заводчиковъ. Точно также „патріотичные" американскіе капиталисты продаютъ своимъ соотечественникамъ рельсы вдвое дороже, чѣмъ иностраннымъ потребителямъ, а русскіе сахарозаводчики еще до послѣднихъ дней откармливали дешевымъ сахаромъ англійскихъ свиней и заставляли русскаго мужика пить чай „въ наглядку".

**) І. Гольдштейнъ. „Синдикаты и тресты и современная экономическая политика" т. I, Москва 1907, стр. 55.

чиваясь подчиненіемъ своему контролю производства и обмѣна, объединенный капиталъ шагъ за шагомъ вторгается въ различныя области общественной жизни, вступаетъ въ ожесточенную борьбу со всѣми прогрессивными теченіями въ современномъ обществѣ и напрягаетъ всѣ силы для того, чтобы задержать, если не повернуть въ обратную сторону его развитіе.

Если въ области производства фальсификація можетъ служить однимъ изъ надежнѣйшихъ показателей регрессивныхъ тенденцій капитала, то въ области общественныхъ отношеній такимъ показателемъ является фальсификація соціально-политическихъ учрежденій, надъ которой усердно работаютъ синдикаты и тресты. Открыто посягнуть на драгоцѣннѣйшія завоеванія демократіи они еще не осмѣливаются, но зато они успѣшно подтачиваютъ ихъ, внося повсюду деморализацію, возводя въ систему подкупъ, развращая прессу и науку, прибирая къ своимъ рукамъ законодательную и исполнительную власть въ лицѣ наиболѣе податливыхъ ея представителей.

„Безполезно увѣрять,—говоритъ извѣстный американскій *филантропъ* и членъ конгресса, милліардеръ Джэксонъ,—безполезно увѣрять будто бы выборы въ этой странѣ могутъ происходить безъ денегъ. Вообще избирателямъ хочется что-нибудь получить, и они не станутъ голосовать, если ихъ чѣмъ-нибудь не задобрить. Вы можете покупать ихъ голоса деньгами или водкой—это безразлично, но все-таки что-нибудь дать имъ необходимо. Демократы въ этомъ году давали деньги и водку, я же давалъ только деньги“...

И въ руки такого преступника попадаетъ законодательная власть одной изъ величайшихъ современныхъ республикъ! Неудивительно, что американскій конгрессъ считается синонимомъ подкупности и что могущественные финансовые и промышленные короли пользуются громаднымъ вліяніемъ среди народныхъ представителей.

Абсолютизмъ всегда и всюду прибѣгалъ къ подкупамъ и синекурѣ для завоеванія симпатій своихъ подданныхъ, и не даромъ наиболѣе отсталыя въ политическомъ отношеніи страны сильнѣе всего поражены этой ужасной язвой; крупный объединенный капиталъ, стремясь подчинить демократическое общество своей волѣ дѣлаетъ попытку воскресить эту систему и пускаетъ въ ходъ испытанное средство, которымъ пользуются всѣ азіатскія деспотіи для порабощенія народа. Объ успѣшномъ дѣйствіи этого средства могъ бы многое разсказать самъ президентъ американской республики Рузвельтъ, который получилъ для поддержки своей кандидатуры въ 1904 г. нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ отъ Гарримана, Вандербильта, Рокфеллера, Пирпонта Моргана и др. милліардеровъ.

Подкупъ—для судей, администраторовъ и депутатовъ, журналистовъ и ученыхъ; благотворительность—для тѣхъ, кто слишкомъ бѣденъ для подкупа и не заслуживаетъ такой роскоши... Филантропическая дѣятельность Андрью Карнеджи и прочихъ американскихъ милліардеровъ сдѣлалась за послѣдніе годы притчей во языцѣхъ, буржуазная пресса воспѣваетъ на тысячу ладовъ этихъ новоявленныхъ „святыхъ“, отлично сознавая, что главная задача этихъ „святыхъ“ филантроповъ заключается исключительно въ „обработкѣ“ общественнаго мнѣнія.

Въ 1901 году Андрью Карнеджи, владѣлецъ громадныхъ стальныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ и одинъ изъ организаторовъ стального треста, сдѣлалъ въ теченіе двухъ недѣль пожертвованіе въ 10.000.000 долларовъ на религіозныя, педагогическія и благотворительныя нужды. По поводу этого великаго событія извѣстный въ Америкѣ духовникъ баптистской церкви Мадиссонъ Портерсъ заявилъ, что Андрью Корнеджи предстоитъ великая роль примирителя между трудомъ и капиталомъ и что его идеямъ предстоитъ великая міровая будущность. „Можетъ быть,—сказалъ онъ,—было бы лучше, если бы огромныхъ капиталовъ вовсе не было, но они существуютъ и умножаются. Эти колоссальные капиталы создали желѣзныя дороги, пароходныя и телефонныя линіи, фабрики и заводы; они создали большія образовательныя и учебныя учрежденія. Но въ то же время масса настроена тревожно, и только, когда богачи послѣдуютъ примѣру Карнеджи, на землѣ воцарится миръ“.

Другой проповѣдникъ независимой англійской церкви выдалъ этому милліардеру-благотворителю слѣдующій аттестатъ: „Карнеджи—мессія новаго времени. Онъ предтеча новаго типа американскихъ богачей, на головы которыхъ благодарная народная масса съ восторгомъ надѣнетъ корону... Привѣтствую тебя, святой Андрей XX-го столѣтія, котораго не можетъ канонизировать ни одна церковь, ибо онъ человѣкъ безъ церкви, но котораго простой народъ признаетъ своимъ благодѣтелемъ!“

Признаетъ ли? Удастся ли современнымъ королямъ промышленности опутать народъ невидимыми, но крѣпкими сѣтями религіознаго ханжества и подкупить его подачками, какъ подкупаютъ они депутатовъ, судей и журналистовъ? Вѣдь американскіе рабочіе хорошо помнятъ стачку 1890 г. на стальныхъ заводахъ „святого Андрея XX-го вѣка“. Они помнятъ, что эта стачка была вызвана рѣшительнымъ отказомъ Карнеджи принимать на работу тѣхъ рабочихъ, которые имѣли несчастье состоять членами профессіональнаго союза; они помнятъ хорошо, что для подавленія этой стачки союзное правительство, пляшущее подъ дудку американскихъ милліардеровъ, мобилизовало армію, ко-

торая „возстановила порядокъ“, уничтоживъ 125 рабочихъ жизней...

Они хорошо это помнятъ, и когда Карнеджи 9 лѣтъ спустя заявилъ о своемъ желаніи пожертвовать крупную сумму на открытіе публичныхъ библіотекъ въ различныхъ городахъ Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ, рабочіе Санъ-Франциско высказали на митингахъ и въ петиціяхъ суровое порицаніе городскому совѣту за то, что онъ согласился принять деньги отъ „безчеловѣчнаго врага“ рабочаго класса.

Синдикаты и тресты напрягаютъ всѣ свои силы въ погонѣ за общественными симпатіями, но они слишкомъ полагаются на всемогущество доллара и возлагаютъ слишкомъ много надеждъ на невѣжество и ослѣпленность широкихъ народныхъ массъ. А между тѣмъ уже и теперь не только въ Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Западной Европѣ назрѣваетъ чувство глубокаго народнаго протеста противъ хищнической политики организованнаго капитала. Идея націонализаціи желѣзныхъ дорогъ, каменноугольныхъ копей и рудниковъ пускаетъ глубокіе корни въ той массѣ потребителей, которая еще недавно вполнѣ сочувственно относилась къ принципу невмѣшательства со стороны государства въ область производства и обмѣна и подчинялась господству капиталистовъ. Соціалистическое движеніе захватываетъ все большіе круги, увлекая попутно и тѣхъ, кто въ силу своего соціальнаго положенія не можетъ примириться съ существующимъ порядкомъ вещей, но въ то же время не въ состояніи выдвинуть самостоятельную программу и подъ собственнымъ знаменемъ вступить въ борьбу съ организованнымъ капиталомъ.

Шагъ за шагомъ формируется гигантская армія недовольныхъ, естественнымъ руководителемъ которыхъ въ грядущей соціальной борьбѣ долженъ выступить организованный пролетаріатъ, способный взять управленіе производствомъ въ свои руку.

Современный капитализмъ нашелъ своихъ могильщиковъ...

Г. Цыперовичъ.

Максимализмъ въ русской революціи.

I.

Максимализмъ, въ качествѣ самостоятельнаго, болѣе или менѣе оформленнаго и организованнаго теченія революціонной мысли, появился въ Россіи очень недавно. Всего годъ тому назадъ состоялась конференція, положившая основаніе *„Союзу соціалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ"*. Но тѣ идеи, которыя составляютъ сущность максимализма, зародились въ Россіи задолго до этой конференціи. Эти идеи жили въ своеобразномъ синдикалистскомъ движеніи среди ремесленниковъ Западнаго Края, въ сомнѣніяхъ нѣкоторыхъ соціалистовъ-революціонеровъ въ законченности ихъ программы, въ томъ особомъ содержаніи, которое вкладывали многіе рабочіе-соціалисты въ смыслъ происходящихъ вокругъ нихъ революціонныхъ событій. Но эти идеи не были ясно высказаны, не были оформлены, не были связаны никакимъ политическимъ дѣломъ, никакой организаціей. Да и число ихъ послѣдователей было очень ограничено. „Союзъ максималистовъ" попытался формулировать эти идеи, формулировать программу максимализма, обосновать его идеологію, опредѣлить его тактику, установить его отношеніе къ другимъ партіямъ. И хотя „Союзу" не удалось объединить вокругъ себя всѣ теченія, всѣ ручейки максимализма, но въ короткое время онъ успѣлъ сдѣлать очень многое для популяризаціи максималистскихъ идей въ широкихъ рабочихъ кругахъ.

Большее значеніе имѣла для успѣховъ максимализма его *пропаганда дѣйствіемъ*. Въ частности, его первыя выступленія были настолько эффектны, что на время максималисты стали „героями дня". Московскій банкъ, Фонарный переулокъ, покушеніе на Аптекарскомъ Островѣ, рядъ смѣлыхъ экспропріацій и покушеній въ провинціи... Позднѣе длинный рядъ казней и разстрѣловъ безъ суда, причемъ, максималисты доказали умѣнье умирать героями... Въ моментъ упадка революціонной волны, при отсутствіи массоваго выступленія, массоваго революціоннаго дѣйствія эти подвиги „одиночекъ-героевъ" производили на „толпу" неотразимое впечатлѣніе, дѣйствовали на нее почти гипнотическимъ образомъ. И послѣ каждаго такого „подвига" являлись послѣдователи новаго

ученія, не усвоившіе совершенно его сущности, его цѣлей, его программы, но готовые подражать поразившему ихъ воображеніе „герою". Въ самыхъ различныхъ городахъ Россіи сами собой стали возникать кружки максималистовъ. Въ частности максимализмъ въ короткое время пріобрѣлъ прочныя симпатіи среди нѣкоторыхъ группъ революціонной рабочей молодежи.

Все это должно было бы заставить противниковъ нарождающагося новаго теченія отнестись къ нему съ серьезнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ соціалъ-демократическая печать до послѣдняго времени обходила максималистовъ полнымъ молчаніемъ. Буржуазная печать, напротивъ того, не забывала ихъ и не упускала случая пустить по ихъ адресу ругательство при каждомъ „обнаруженіи бомбъ". Но всего курьезнѣе оказалось отношеніе къ максимализму со стороны оффиціальныхъ учрежденій партіи соціалистовъ-революціонеровъ и со стороны ея оффиціальной печати. Совѣтъ партіи предалъ максимализмъ анаѳемѣ, печать объявила его измышленіемъ 2—3 безграмотныхъ литераторовъ, вульгаризаторовъ соціализма. А между тѣмъ максимализмъ, пробиваясь съ низовъ, захватывалъ всѣ лучшіе пролетарскіе элементы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, подчиняя себѣ и ея рядовыхъ работниковъ-практиковъ. И партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ таковая, даже не попыталась уяснить себѣ грозный для нея смыслъ этого явленія.

Такое невнимательное отношеніе къ максимализму объясняютъ иногда убогостью его литературы, которая, дѣйствительно, вся состоитъ изъ дюжины тощихъ брошюрокъ и изъ пары сборничковъ болѣе или менѣе сомнительнаго содержанія. Но убогость и наивность максималистской литературы не уменьшаетъ, а, быть можетъ, увеличиваетъ ея историческій интересъ. Ибо, если эта наивная литература пользуется успѣхомъ даже среди болѣе или менѣе сознательныхъ слоевъ рабочаго класса, значитъ она даетъ отвѣты на какіе-то глубокіе, волнующіе запросы. И ни политикъ, ни историкъ не можетъ игнорировать эти отвѣты только потому, что они кажутся ему наивными.

Вотъ почему, приступая къ изученію максимализма въ русской революціи, мы должны заранѣе отказаться отъ употребленія противъ него тѣхъ пріемовъ, которыми пользуется соціалъ-революціонная и легальная буржуазная печать. Мы не будемъ стараться путемъ искуснаго подбора цитатъ доказывать, что максималисты плохіе діалектики, путаются въ понятіяхъ, противорѣчатъ сами себѣ и пр. и пр.—заниматься этимъ не труднымъ, но и неблагодарнымъ дѣломъ мы предоставимъ Виктору Чернову съ учениками. Мы не будемъ также путемъ подбора агентскихъ телеграммъ и хроникерскихъ замѣтокъ доказывать, что максималисты являются

простыми убійцами, грабителями, мародерами революціи— этимъ пусть занимаются гг. Струве, Меньшиковы, Изгоевы, Булацели, прокуроры судебныхъ палатъ. Мы же постараемся лишь *понять* максимализмъ, какъ историческое явленіе, уяснить себѣ его сущность, опредѣлить тѣ общія историческія условія и особенности русской революціи, которыя породили максимализмъ. Мы постараемся выяснить, какъ отвѣчаетъ на выдвигаемые русской революціей вопросы соціалъ-демократическое міровоззрѣніе, и почему при попыткѣ отвѣтить на нихъ рабочій соціалистъ-революціонеръ приходитъ къ максимализму. Такое изученіе максимализма позволитъ намъ опредѣлить его положительное или отрицательное значеніе въ ходѣ русской революціи, и дастъ намъ въ руки оружіе противъ него, если мы признаемъ вліяніе максималистскихъ идей на рабочее движеніе не соотвѣтствующимъ интересамъ пролетаріата.

II.

Въ чемъ же сущность русскаго максимализма, какъ теоретическаго и практическаго теченія въ русскомъ революціонномъ морѣ?

Сколько бы противорѣчій ни содержалось въ максималистской литературѣ, *три* мысли проходятъ красными нитями сквозь всѣ писанія максималистовъ. Этихъ трехъ мыслей никогда не забываютъ ни теоретики максимализма, ни даже его поэты, украшающіе плодами своего вдохновенія почти каждое максималистское изданіе. Вотъ эти три мысли:

1) Провозглашеніе немедленнаго соціальнаго переворота.

2) Признаніе лишь непосредственно-революціонной, насильственной борьбы за этотъ переворотъ.

3) Безусловное отрицаніе парламентской борьбы въ предѣлахъ капиталистическаго строя.

Эти мысли выражены въ максималистской литературѣ съ ясностью и опредѣленностью, не оставляющими мѣста ни для какихъ сомнѣній и недоразумѣній.

„Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ ставитъ своей практической задачей немедленный соціальный переворотъ“ заявляетъ „Извѣщеніе“ учредительной конференціи „Союза“. Позднѣйшія произведенія максималистской литературы пестрятъ не менѣе рѣшительными заявленіями: „Мы, соціалисты-революціонеры-максималисты, налагаемъ на себя обязанность добиваться своихъ цѣлей революціоннымъ путемъ. Иныхъ способовъ борьбы... для достиженія нашихъ цѣлей нѣтъ и быть не можетъ“. („Сущность Максимализма“) „До момента рѣшительнаго и категорическаго поворота нашей жизни въ ту или другую сторону, мы находимъ цѣлесообразной слѣдующую систему

боевыхъ актовъ: экономическій и политическій терроръ, аграрный и фабричный, взрывы цѣлыхъ гнѣздъ, правительственныхъ или капиталистическихъ учрежденій, экспропріаціи, партизанскую войну и, наконецъ, всеобщую стачку". (Сборникъ „Воля Труда", стр. 70). „Соціалисты-революціонеры-максималисты относятся безусловно отрицательно ко всякаго рода представительнымъ учрежденіямъ въ предѣлахъ буржуазнаго строя". („Сущность Максимализма").

„Всякимъ представительнымъ учрежденіямъ въ рамкахъ буржуазнаго строя мы объявляемъ бойкотъ, ибо они являются всегда органами буржуазнаго господства и подчиненія трудовыхъ массъ". (Сборникъ „Воля труда", стр. 71).

Эти цитаты настолько характерны, что уже на основаніи ихъ однихъ мы можемъ опредѣлить максимализмъ, какъ *революціонно-анархическое теченіе, отрицающее возможность парламентской борьбы въ предѣлахъ капиталистическаго строя и стремящееся превратить происходящую въ Россіи революцію въ соціалистическій переворотъ.* И, хотя максималисты энергично протестуютъ противъ отождествленія ихъ съ анархистами, но косвенно они сами подтверждаютъ правильность нашего опредѣленія, признавая, что анархизмъ (въ частности, анархо-синдикализмъ) имъ ближе, чѣмъ соціализмъ, въ томъ видѣ, какъ проявляется онъ у русскихъ соціалъ-революціонеровъ, не говоря уже о соціалъ-демократахъ. (Сборникъ „Воля труда", стр. 116).

Итакъ, мы видимъ въ максимализмѣ своеобразное *анархическое направленіе русской революціонной мысли.*

До послѣдняго времени среди русской интеллигенціи большимъ успѣхомъ пользовались различныя мирно-анархическія теоріи, какъ, напр., ученіе Льва Толстого. Но въ рабочихъ кругахъ эти теоріи не находили никакого отзвука. Революціонный анархизмъ вплоть до 1905 г. тоже не интересовалъ рабочихъ: онъ имѣлъ въ Россіи кое-какихъ генераловъ, но не имѣлъ арміи, и попытки немногихъ анархистовъ привлечь къ себѣ сторонниковъ кончались плачевной неудачей.

Въ эпоху октябрьскихъ митинговъ анархисты-коммунисты пытались выступить съ открытымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, но всѣ ихъ попытки представляли изъ себя рядъ скандаловъ, рядъ взрывовъ веселаго смѣха въ перемежку съ не менѣе веселыми свистками. Аудиторія, которая жаждала получить отъ ораторовъ указанія насчетъ техники вооруженной борьбы, тѣмъ не менѣе неизмѣнно приходила въ игривое настроеніе, лишь только подымались на каѳедру анархисты-коммунисты и начинали излагать свои теоріи захвата всѣхъ имуществъ буржуазіи вмѣстѣ со своими рецептами изготовленія македонскихъ бомбъ, изъ обрѣзковъ водопроводныхъ трубъ и какихъ-то особыхъ снадобій для сожже-

нія „шпиковъ, провокаторовъ, офицеровъ, полицейскихъ, мастеровъ и вообще враговъ рабочаго класса". Въ это время революціонный анархизмъ былъ такъ же чуждъ рабочему движенію, какъ мирная христіанская проповѣдь Льва Толстого.

Такъ было еще въ 1906 г.

Мирный анархизмъ среди интеллигенціи и непонятые проповѣдники революціоннаго анархизма передъ рабочей толпой, отвѣчающей имъ на ихъ проповѣдь смѣхомъ и свистомъ.

И въ сравнительно короткій промежутокъ картина рѣзко перемѣнилась.

Мирный анархизмъ русской интеллигенціи въ лучахъ возсіявшаго надъ страной солнца конституціи оказался самымъ пошленькимъ, самымъ дешевенькимъ либерализмомъ. Но въ рабочей массѣ вдругъ проявилось извѣстное сочувствіе новому революціонно-анархическому движенію, и это движеніе захватило не только почти всѣ слои пролетаріата, находившіеся подъ вліяніемъ соціалистовъ-революціонеровъ, но даже сказалось и среди рабочихъ соціалъ-демократовъ.

Вотъ этотъ поворотъ рабочаго движенія къ анархизму и является наиболѣе существеннымъ въ вопросѣ о максимализмѣ.

Каковы тѣ причины, которыя вызвали тяготѣніе рабочей мысли къ анархизму? Почему подъ вліяніемъ этихъ причинъ къ анархизму обернулись прежде всего соц.-революціонные, но не соціалъ-демократическіе элементы пролетаріата?

Таковы главные стоящіе передъ нами вопросы. Чтобы отвѣтить на нихъ мы должны, прежде всего, разобрать условія переживаемаго Россіей революціоннаго переворота и тѣ вопросы, которые выдвигаетъ этотъ переворотъ передъ рабочими, а затѣмъ тѣ отвѣты, которые даютъ на эти вопросы матеріалистическое марксистское міровоззрѣніе соціалъ-демократовъ съ одной стороны, и идеалистическое міровоззрѣніе соціалистовъ-революціонеровъ, съ другой стороны.

III.

Согласно съ даннымъ выше опредѣленіемъ сущности максимализма, мы можемъ характеризовать *настроеніе* рабочей массы, которое дѣлаетъ ее наиболѣе воспріимчивой къ анархо-синдикалистской проповѣди, тремя чертами:

1) Крайнее недовольство своимъ положеніемъ и отсутствіе вѣры въ возможность улучшенія его въ предѣлахъ капиталистическаго строя.

2) Вѣра въ возможность немедленнаго сверженія капиталистическаго строя, въ возможность немедленнаго соціальнаго переворота.

3) Готовность употребить всѣ силы, принести всѣ жертвы ради осуществленія этого переворота.

И если всмотрѣться внимательно въ природу капиталистическаго классоваго государства, то ясно будетъ, что каждая политическая революція, происходящая въ рамкахъ буржуазнаго строя *должна* создать среди пролетаріата это настроеніе, благопріятствующее развитію максимализма. Ибо не случайность, что со времени появленія рабочаго класса на аренѣ исторіи онъ при всѣхъ политическихъ революціяхъ пытался зажечь пламя соціальнаго переворота. Не случайно въ 1848 г. «Союзъ коммунистовъ» со дня на день ждалъ зари всемірной соціальной революціи, не случайно въ 1871 г. парижскій пролетаріатъ своей «коммуной» направился по этому пути.

Въ самомъ дѣлѣ.

Что такое *буржуазное государство*? Буржуазное государство—это форма политическаго господства буржуазіи, закрѣпляющаго собою ея экономическое господство надъ пролетаріатомъ. Буржуазное государство—это совокупность всѣхъ орудій организованнаго насилія, совокупность судовъ, полиціи, чиновничьей іерархіи, разсадниковъ умственнаго и нравственнаго отупленія народа въ видѣ казенной школы и казенной церкви, а главнымъ образомъ, военныхъ силъ всѣхъ видовъ оружія,—совокупность всѣхъ этихъ орудій насилія, отданныхъ на служеніе буржуазіи, посвященныхъ укрѣпленію и охранѣ ея классоваго господства. *Власть* въ такомъ буржуазномъ государствѣ можетъ принадлежать не всей буржуазіи, а лишь тѣмъ или другимъ высшимъ слоямъ ея, но существуетъ она постольку, поскольку защищаетъ господство буржуазіи, *какъ таковой*.

Что же такое *политическая революція* въ рамкахъ капиталистическаго строя? Это переходъ власти изъ рукъ одного класса, въ руки другихъ классовъ или новое распредѣленіе политической власти между тѣми классами, которые и раньше участвовали въ управленіи страной. Этотъ переходъ, это перераспредѣленіе власти происходятъ обыкновенно въ результатѣ открытаго столкновенія тѣхъ классовъ, которымъ былъ выгоденъ старый строй, съ другими классами, для которыхъ этотъ старый строй былъ оковами, и которые жаждали отъ него избавиться. И т. к. старый строй имѣетъ на своей сторонѣ всю государственную организацію насилія, то политическій переворотъ въ рамкахъ капиталистическаго строя обыкновенно осуществляется, какъ *низверженіе старой власти возставшими противъ нея массами населенія*.

Посмотримъ теперь, каково положеніе пролетаріата въ такой политической революціи.

Въ капиталистическомъ государствѣ рабочій классъ является самымъ угнетеннымъ, у него всегда имѣется болѣе основаній для недовольства существующимъ строемъ, чѣмъ у какого бы то ни было другого общественнаго класса. И потому во всѣхъ революціяхъ со времени своего появленія на аренѣ исторіи пролетаріатъ игралъ наиболѣе активную роль. Но причины угнетеннаго положенія пролетаріата въ буржуазномъ строѣ настолько глубоки, что, лишь поднявшись на значительную высоту классоваго соціалистическаго сознанія, пролетаріатъ приходитъ къ ясному ихъ пониманію и къ пониманію тѣхъ путей, которые ведутъ къ устраненію капиталистическаго наемнаго рабства. До тѣхъ поръ ближайшее зло слишкомъ легко представляется пролетаріату первоисточникомъ всѣхъ его страданій, освобожденіе отъ ближайшаго гнета слишкомъ легко принимаетъ въ его глазахъ значеніе осуществленія полной свободы. И потому *наканунѣ* политическаго переворота и *въ началѣ* политической революціи рабочій классъ склоненъ *скорѣе переоцѣнивать чѣмъ недооцѣнивать* значеніе для него измѣненія политическаго строя. И этимъ объясняется, между прочимъ, почему такъ холодно и враждебно рабочая *масса* принимала въ октябрьскіе дни анархическую проповѣдь отказа отъ борьбы за учредительное собраніе, во имя сосредоточенія всѣхъ силъ на *непосредственной* борьбѣ за соціализмъ. Этимъ и объясняется та легкость, съ которой столько разъ буржуазія „использовала“ силы пролетаріата для собственныхъ цѣлей, и тѣ усилія, которыя приходилось всегда прилагать соціалъ-демократіи для того, чтобы въ революціонное время сохранить чистоту своей классовой позиціи.

Но по мѣрѣ развитія революціонной борьбы слабѣетъ вѣра рабочихъ въ то значеніе, которое имѣетъ для нихъ происходящій на ихъ глазахъ политическій переворотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и крѣпнетъ вѣра въ возможность немѣдленнаго сверженія капиталистическаго строя, немедленнаго осуществленія соціальной революціи.

Въ самомъ дѣлѣ.

Народъ возсталъ, народъ вступилъ въ открытую борьбу со старымъ государственнымъ строемъ, бывшимъ всегда стражемъ интересовъ буржуазіи, охранявшимъ отъ дерзкихъ поползновеній пролетаріата неприкосновенность капиталистической собственности, капиталистической эксплоатаціи. И этотъ строй оказывается ужъ не такимъ непоколебимымъ, какимъ онъ казался издали. Онъ дрожитъ и шатается подъ напоромъ народныхъ волнъ, эти волны сметаютъ старые законы и старый судъ, сметаютъ старыя полицейскія и государственныя власти, вырываютъ, наконецъ, изъ рукъ враговъ самое острое, самое жестокое оружіе капитала — армію.

Пройдетъ короткій промежутокъ времени, и окажется, что въ ряду силъ, снесшихъ старый строй, далеко не *всѣ* были направлены въ сторону полнаго уничтоженія господствующаго въ современномъ обществѣ рабства, что къ этой цѣли стремился *только* пролетаріатъ, что для другихъ классовъ, участвовавшихъ въ революціи, рѣчь шла *только* объ измѣненіи *формъ* господства буржуазіи, а вовсе не объ уничтоженіи основъ капиталистическаго строя. Пройдетъ промежутокъ времени, и аппаратъ государственнаго насилія будетъ возстановленъ и снова будетъ стоять на пути движенія пролетаріата къ соціализму, и ясно станетъ рабочимъ что пройденный ими во время революціи путь былъ не открытыми воротами въ царство соціализма, а лишь одной изъ ступеней длинной лѣстницы.

Это такъ... Но въ самый *моментъ* переворота рабочій классъ чувствуетъ себя главной революціонной силой, видитъ смятеніе и междуусобную войну въ станѣ своихъ враговъ капиталистовъ, видитъ, какъ ломается стоявшая передъ нимъ въ его борьбѣ съ гнетомъ эксплоатаціи преграда... И естественно, если въ такой моментъ передъ рабочимъ классомъ съ наибольшей яркостью встанетъ его историческая задача полнаго освобожденія человѣчества отъ гнетущаго его рабства, съ наибольшей яркостью встанетъ его задача— завоеванія *соціализма*. И рядомъ съ этой задачей такими ничтожными, такими незначительными кажутся возможные плоды парламентской борьбы въ предѣлахъ буржуазнаго строя, при условіи сохраненія господства буржуазіи и рабства труда, что хочется отвернуться отъ этихъ задачъ, махнуть рукою на нихъ... „Если у насъ достаточно силъ, чтобы свергнуть вооруженное съ ногъ до головы правительство, то неужели послѣ сверженія его мы остановимся передъ безоружными хищниками—капиталистами, для которыхъ до сихъ поръ правительство былъ главнымъ оплотомъ противъ насъ? Зачѣмъ станемъ мы проливать свою кровь за какую-то политическую свободу, при которой мы останемся такими же рабами, и по прежнему безработица, нищета и голодъ грозными призраками будутъ неотступно всю жизнь преслѣдовать насъ? Если бороться—такъ за полную свободу, за сверженіе всякаго рабства! Если пасть въ борьбѣ— такъ въ борьбѣ за соціализмъ!“

Вотъ тѣ мысли, которые подсказываетъ рабочему революціонная борьба, происходящая въ рамкахъ буржуазнаго строя. И требуется значительное развитіе классоваго самосознанія рабочихъ, глубокое пониманіе ими противорѣчія ихъ классовыхъ интересовъ съ интересами даже самой мелкой „трудовой“ буржуазіи, чтобы устояли они противъ обманнаго шепота этихъ мыслей...

И такимъ образомъ революція создаетъ среди рабочихъ

то настроеніе, которое больше всего благопріятствуетъ развитію анархическаго максимализма.

И если революція создаетъ почву, воспріимчивую къ *ученію* максимализма, то не менѣе благодарную почву подготовляетъ она и для развитія его *дѣйствія*, его *тактики*. Ибо тактика максимализма—насильственныя партизанскія дѣйствія, а возможны они лишь при дезорганизованности правительства, при накопленіи огромнаго озлобленія, граничащаго съ отчаяніемъ, на сторонѣ возставшихъ, при сочувствіи къ нимъ со стороны широкихъ массъ населенія, при глубокомъ паденіи авторитета старой власти. Революція создаетъ всѣ эти условія. А эти условія питаютъ практическій анархизмъ.

IV.

Мы видѣли, что всякая политическая революція въ предѣлахъ капиталистическаго строя вызываетъ передъ рабочимъ классомъ вопросъ о соціализмѣ, какъ вопросъ непосредственнаго революціоннаго дѣйствія. Таково положеніе, вытекающее изъ самаго характера буржуазнаго государства, таковъ историческій законъ, въ подтвержденіе котораго можно привести всѣ бывшія въ Западной Европѣ, въ теченіе XIX-аго вѣка, революціи.

Это положеніе, этотъ законъ остается въ силѣ и для Русской Революціи. Но *этой* революціи свойственны, кромѣ того, *особыя* черты, которыя заставляютъ пролетаріатъ съ особенной чуткостью прислушиваться, не раздастся-ли сквозь шумъ ея призывный громъ начинающагося соціальнаго переворота.

Какъ очень тонко отмѣтилъ К. Каутскій, въ Русской Революціи пролетаріатъ играетъ роль, которой до сихъ поръ онъ не игралъ ни въ одной революціи: „здѣсь пролетаріатъ не представляетъ болѣе собой простого придатка и орудія буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ буржуазныхъ революціяхъ, но является самостоятельнымъ классомъ съ самостоятельными революціонными цѣлями“. Больше того: „буржуазія даже не принадлежитъ къ движущимъ силамъ настоящаго революціоннаго движенія въ Россіи“. (К. Каутскій, „Движущія силы и перспективы русской революціи“). Главной движущей силой его является рабочій классъ. Рабочій классъ своей кровью запечатлѣлъ 9-го января начало русской революціи. Рабочій классъ сорвалъ Булыгинскую Думу, которою правительство пыталось остановить потокъ революціоннаго движенія. Въ дни великой октябрской забастовки рабочій классъ, грозно скрестивъ руки на груди, потрясъ все зданіе старой Россіи. Въ декабрѣ рабочій классъ своей кровью запечатлѣлъ переходъ революціи въ послѣдній фазисъборь бы, въ фазисъ вооруженныхъ возстаній. Пролета-

ріатъ далъ Русской Революціи и основной демократическій лозунгъ ея—требованіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Рабочій классъ идетъ въ Русской Революціи впереди *всѣхъ* другихъ классовъ, переноситъ на своихъ плечахъ жесточайшіе удары врага. По *его* призыву, вслѣдъ за *нимъ* выступаютъ на борьбу другіе классы, другія силы.

При такихъ условіяхъ сама революція подсказываетъ пролетаріату мысль о непосредственномъ, немедленномъ осуществленіи въ процессѣ ея своей полной программы, о превращеніи ея въ соціальную революцію.

Эта мысль молчала въ то время, когда у пролетаріата въ его революціонной борьбѣ было безчисленное множество союзниковъ и, когда самъ пролетаріатъ вѣрилъ, что политическая свобода дастъ ему могущественное оружіе для дальнѣйшей борьбы за соціализмъ.

Но явилась „конституція", явилась „политическая свобода"... Въ тоже время отхлынули отъ пролетаріата назадъ всѣ его прежніе союзники. Онъ остался одинокимъ на своемъ революціонномъ посту, одинокимъ, съ тѣломъ покрытымъ язвами, съ глубокой ненавистью противъ своихъ торжествующихъ враговъ въ груди...

Такимъ застало пролетаріатъ развитіе въ Россіи анархомаксималистскаго движенія.

Почва для этого движенія была хорошо подготовлена. Сѣмена максималистскаго ученія частью сѣяла сама жизнь, частью они были посѣяны раньше въ видѣ той идеологіи, которую распространяли среди пролетаріата соціалисты-революціонеры. При такихъ условіяхъ движеніе имѣло всѣ данныя для быстраго роста и развитія. И, дѣйствительно, оно растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ это можетъ казаться издали. Его силы не ограничиваются нѣсколькими брошюрками и двумя десятками кружковъ, которые носятъ оффиціальное клеймо „Союза соціалистовъ-революціонеровъ максималистовъ". Вліяніе этого движенія сказывается въ замѣчаемомъ повсюду охлажденіи къ политикѣ рабочихъ, остающихся по прежнему соціалистами; въ томъ, что пролетарскія массы, признающія по-прежнему политическое руководство соціалъ-демократіи, перестаютъ интересоваться ея политической литературой, ея политическими лозунгами. Это движеніе сказалось отчасти и въ отношеніи рабочихъ массъ къ выборамъ въ третью Думу, сказалось въ томъ, что этими выборами даже сознательные рабочіе почти не интересовались.

Вопросъ о томъ, къ чему рабочимъ политика, къ чему рабочимъ всѣ Государственныя Думы, къ чему имъ ихъ политическая партія, — съ небывалой остротой стоитъ въ настоящее время передъ пролетаріатомъ Въ этомъ вопросѣ быть можетъ, скрывается сущность того явленія, которое многіе ошибочно принимаютъ за кризисъ въ нашей партіи.

А этотъ вопросъ рѣшается лишь отчетливымъ выясненіемъ отношенія происходящей теперь въ Россіи революціи къ тому перевороту, къ которому устремлены всѣ помыслы пролетаріата, къ соціальному перевороту.

Принимая обычное дѣленіе рабочей программы на *программу-минимумъ* (всѣ требованія, осуществимыя въ рамкахъ капиталистическаго строя) и *программу-максимумъ* (уничтоженіе капиталистическаго строя и установленіе соціализма), мы можемъ сказать: съ небывалой остротой стоитъ теперь передъ пролетаріатомъ вопросъ объ отношеніи повседневной работы его партіи къ ея программѣ-максимумъ.

Это и есть вопросъ о максимализмѣ.

Посмотримъ же, какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ соціалъ-демократическое міровоззрѣніе.

V.

Каково отношеніе происходящаго въ Россіи революціоннаго переворота къ освобожденію труда изъ-подъ гнета капитала, съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи?

Среди соціалъ-демократовъ найдется не мало людей, которые считаютъ, что они *отвѣтили* на этотъ вопросъ, когда, презрительно пожавъ плечами, произнесли 4 хорошо заученныхъ слова: „Россія переживаетъ *буржуазную* революцію". Въ этихъ словахъ для нихъ все—„законъ и пророки". Этими словами разрѣшаютъ они всѣ тактическіе вопросы, опредѣляютъ отношеніе соціалъ-демократіи къ кадетамъ и прочимъ партіямъ на выборахъ, этими словами побиваютъ они большевиковъ и „родственныхъ" имъ соціалистовъ-революціонеровъ, этими же 4-мя магическими словами вскрываютъ они всю тщетность безсмысленныхъ мечтаній максимализма.

Къ сожалѣнію, эти слова совсѣмъ не отвѣчаютъ на волнующій рабочихъ вопросъ, къ чему *имъ* проливать свою кровь въ происходящей теперь въ Россіи революціи, которая не дастъ имъ ничего, кромѣ новыхъ цѣпей. Ибо не можетъ же соціалистъ расписывать рабочимъ тѣ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, которыя потекутъ въ „обновленной" Россіи, при установленіи въ ней вполнѣ современнаго *буржуазнаго* строя на манеръ Пруссіи или Австріи.

Посему, какъ ни хорошъ своей простотой и лаконичностью приведенный отвѣтъ изъ 4 словъ, намъ представляется болѣе близкимъ къ вопросу и болѣе правильнымъ то опредѣленіе сущности и характера русской революціи, которое далъ К. Каутскій въ своей цитированной выше работѣ о движущихъ силахъ и перспективахъ Русской Революціи.

„Представляется", пишетъ онъ, немыслимымъ, чтобы переживаемая Россіей революція привела теперь же къ водворенію въ Россіи соціалистическаго способа производства... Но на этомъ пути насъ, можетъ быть, ждутъ нѣкоторыя неожиданности. Мы не знаемъ, какъ долго еще будетъ продолжаться русская революція, а по тѣмъ формамъ, которыя она въ настоящее время приняла, революція, повидимому, еще далека отъ своего конца. Мы не знаемъ, далѣе, какое вліяніе окажетъ она на Западную Европу, и какъ оплодотворитъ она тамъ пролетарское движеніе. Наконецъ, мы уже вовсе не можемъ знать, какъ обусловленныя русской революціей завоеванія западно-европейскаго пролетаріата обратно отразятся на русскомъ пролетаріатѣ. Мы поступимъ правильно, поэтому, если освоимся съ мыслью, что мы идемъ тутъ навстрѣчу совершенно новымъ положеніямъ и новымъ проблемамъ, къ которымъ нельзя подходить ни съ однимъ изъ старыхъ шаблоновъ. Мы можемъ лучше всего оцѣнить правильно русскую революцію..., если мы будемъ ее разсматривать, какъ совершенно своеобразный процессъ, который свершается на рубежѣ буржуазнаго и соціалистическаго общества, способствуетъ разрушенію перваго и подготовленію второго, и, во всякомъ случаѣ, заставляетъ современное капиталистическое общество сдѣлать на пути его дальнѣйшаго развитія громадный шагъ впередъ" *).

Въ русской соціалъ-демократической печати не было сдѣлано сколь-нибудь серьезныхъ попытокъ опровергнуть или развить этотъ взглядъ вдумчиваго и глубокаго теоретика марксизма на историческій смыслъ происходящаго въ Россіи процесса.

Размѣры статьи не позволяютъ и намъ остановиться на этой характеристикѣ происходящаго въ Россіи переворота съ тѣмъ вниманіемъ, какою она заслуживаетъ. Мы отмѣтимъ лишь характерную особенность отзыва К. Каутскаго о характерѣ Русской Революціи: К. Каутскій опредѣляетъ Русскую Революцію *двумя отрицательными признаками*. Онъ считаетъ одинаково несомнѣннымъ: 1° что происходящая въ

*) Максималисты отмѣтили появленіе книжки К. Каутскаго, какъ доказательство двухъ положеній: „1) что соціалъ-революціонеры максималисты не бѣлые вороны въ средѣ соціалистовъ, и 2) что теченіе максимализма глубоко заложено въ русской революціи". (Книгоиздательство „Молодое Теченіе", „Воля Труда" (Сборникъ статей). „Библіографія", стр. 120). Въ дѣйствительности же совпаденіе взгляда К. Каутскаго на русскую революцію съ нѣкоторыми положеніями русскаго есеровскаго максимализма доказываетъ не два положенія, а только одно: что марксистъ, отвѣчая на серьезнѣйшій вопросъ, поставленный русской революціей, не перестаетъ быть соціалъ-демократомъ и марксистомъ, а соціалистъ-революціонеръ, пытаясь отвѣтить на тотъ же вопросъ, приходитъ къ анархическому максимализму.

Россіи революція *не является соціалистическимъ переворотомъ*; 2⁰ что эта революція *не является только политическимъ переворотомъ*.

Эти два отрицательных признака, какъ намъ кажется, должны быть безпорными для каждаго соціалъ-демократа.

Въ самомъ дѣлѣ. Русская Революція не можетъ привести непосредственно къ установленію въ Россіи соціалистическаго способа производства, и не можетъ сдѣлать этого по 3 причинамъ:

1⁰ Въ Россіи еще далеко не созрѣли въ достаточной мѣрѣ необходимыя *объективныя матеріальныя предпосылки* соціальнаго переворота. Эти предпосылки имѣются лишь на лицо въ крупной индустріи, въ горной, металлообрабатывающей и текстильной промышлености. Но совершенно отсутствуютъ въ сельско-хозяйственной промышленности и, главнымъ образомъ, въ взаимоотношеніи между городскимъ и деревенскимъ хозяйствомъ.

2⁰ Въ Россіи не подготовлены еще и *субъективныя, идеологическія предпосылки* соціальнаго переворота. Не говоря уже о темной крестьянской массѣ, которой идея соціализма совершенна чужда и не понятна, даже пролетаріатъ, не прошедшій еще необходимой школы профессіональной борьбы, не способенъ взять въ свои руки управленіе общественнымъ производствомъ.

3⁰ Силы, дѣйствующія въ Русской Революціи, *не соціалистичны*. Въ этой революціи противъ стараго самодержавнаго строя выступаетъ пролетаріатъ вмѣстѣ съ огромными массами городской и деревенской бѣдноты. Какъ показалъ 1905 г. безъ поддержки этихъ союзниковъ пролетаріатъ не можетъ побѣдить своего врага. А эти союзники поддержатъ рабочихъ лишь до сверженія самодержавія, до установленія послѣдовательнаго народовластія, но пойдутъ противъ него при его попыткѣ низвергнуть самыя основы капиталистическаго строя.

Но, не приводя непосредственно къ установленію соціалистическаго способа производства, Русская Революція не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ остаться *только* политическимъ переворотомъ, ибо въ ней, по самому характеру движущихъ силъ ея, заложено множество элементовъ *соціальнаго* сдвига и въ области земельныхъ отношеній, и въ области муниципальнаго и государственнаго хозяйства и въ области взаимоотношеній между трудомъ и капиталомъ въ промышленности.

1⁰ Участіе въ ряду движущихъ силъ Русской Революціи многомилліонный массы крестьянства дѣлаетъ неизбѣжной при побѣдѣ революціи грандіозную мобилизацію земельной собственности, которая кореннымъ образомъ повернетъ соціальныя отношенія въ сельскомъ хозяйствѣ. И поворотъ

этотъ произойдетъ *не только* въ направленіи замѣны феодальнаго землевладѣнія капиталистическимъ, но такъ же и и въ направленіи сосредоточенія земельной собственности въ рукахъ демократически избранныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

2⁰ Огромныя экономическія средства, сосредоченныя теперь въ рукахъ правительства, при побѣдѣ революціи перейдутъ въ руки народа, и это повлечетъ за собой націонализацію цѣлаго ряда отраслей народнаго хозяйства, желѣзныхъ дорогъ, крупнѣйшихъ горныхъ и лѣсныхъ промысловъ, громадныхъ металлургическихъ, механическихъ и другихъ заводовъ. А стачки, являющіяся основнымъ методомъ Русской Революціи, кризисъ и безработица заставятъ правительство, вынесенное на гребнѣ побѣдоносной революціи, еще болѣе расширить сферу народнаго хозяйства, которую государство, въ лицѣ его центральнаго и мѣстныхъ органовъ возьметъ въ свои руки.

3⁰ Господствующее положеніе пролетаріата въ ряду движущихъ силъ русской революціи въ моментъ побѣды, несомнѣнно, позволитъ рабочимъ добиться многого въ ихъ соціально-экономической борьбѣ съ капиталомъ. И если не соціалистическія, но до поры до времени союзныя пролетаріату силы Русской Революціи не дадутъ рабочимъ осуществить всѣ ихъ стремленія, они не помѣшаютъ глубокому измѣненію соціальныхъ отношеній въ области индустріи. Возможно, что царящія въ промышленности безправіе труда и самодержавіе капитала уступятъ мѣсто той или иной формѣ ихъ конституціоннаго взаимодѣйствія (въ видѣ заводскихъ комиссій изъ рабочихъ, контроля профессіональныхъ союзовъ надъ производствомъ и т. п.). И т. к. въ процессѣ политической революціонной борьбы соціалистическая зрѣлость пролетаріата растетъ безконечно быстрѣе, чѣмъ въ мирное, не революціонное время, то невозможно предсказать заранѣе, на какой чертѣ остановится его вторженіе въ ту область, гдѣ нынѣ безраздѣльно царитъ капиталъ.

Такъ отвѣчаетъ соціалъ-демократическій анализъ на вопросъ о соціалистическихъ элементахъ Русской Революціи, объ отношеніи ея къ конечнымъ задачамъ рабочаго движенія, къ установленію соціалистическаго строя.

И изъ этого пониманія природы Русской Революціи исходитъ революціонная соціалъ-демократія при опредѣленіи своей тактики.

VI

Соціалъ-демократу, стоявшему на послѣдовательно революціонной точкѣ зрѣнія, ясно, что Русская Революція принесетъ пользу рабочему классу лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ доведена до своего логическаго конца, до уста-

новленія въ странѣ послѣдовательнаго народовластія. Полупобѣда Русской Революціи принесетъ полу-свободу народу. Полная побѣда Русской революціи не приведетъ съ собою царства соціализма, но на значительную часть пути приблизитъ рабочихъ къ соціалистическому строю.

И отсюда, именно, вытекаетъ стремленіе революціонной соціалъ-демократіи на протяженіи всего хода Русской Революціи сохранить за пролетаріатомъ роль вождя революціи, роль руководителя революціонныхъ массъ городской и деревенской бѣдноты.

При такомъ пониманіи революціонныхъ задачъ пролетаріата нелѣпымъ представляется призывъ максимализма отказаться отъ извѣстныхъ методовъ борьбы въ предѣлахъ еще не разрушеннаго буржуазнаго общества для того, чтобы сосредоточить всѣ силы на непосредственной борьбѣ за соціальный переворотъ. Русская Революція идетъ въ рамкахъ буржуазнаго строя и непосредственно не посягаетъ на основы капитализма. На протяженіи развитія этой революціи, борющіяся въ ней силы сталкиваются на всевозможныхъ позиціяхъ,—на митингахъ, въ словесныхъ схваткахъ, на баррикадахъ съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга, подъ сводами парламентскихъ учрежденій въ борьбѣ за вліяніе на умы народныхъ массъ. Соціалъ-демократіи нужно, чтобы революція, которая не выдумана ею, но реально происходитъ въ Россіи, была доведена до конца, и къ этой цѣли она идетъ путемъ использованія *всѣхъ* представляющихся ей возможностей: митинги—такъ митинги, баррикады—такъ баррикады, Государственная Дума—такъ Государственная Дума. Всякое средство, которое можетъ упрочить положеніе пролетаріата во главѣ Русской Революціи, можетъ углубить признаніе за нимъ этого положенія въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ, всякое такое средство должно быть использовано соціалъ-демократіей во имя ея конечныхъ цѣлей, во имя ея стремленія къ соціализму.

За какую же часть своей программы призываютъ бороться рабочихъ соціалъ-демократы въ Русской Революціи? За программу—*минимумъ* или за программу—*максимумъ?* Какую изъ этихъ *двухъ* программъ надѣются осуществить они путемъ своего участія въ этой революціи?

Для соціалъ-демократіи, стоящей на послѣдовательно-революціонной точкѣ зрѣнія, этихъ вопросовъ не существуетъ, т. к. для нея нѣтъ противоположенія программы—минимумъ и программы- максимумъ, какъ *двухъ* различныхъ цѣлей рабочаго движенія. Для нея программа — *максимумъ* — это не максимальныя требованія пролетаріата, а изображеніе объективнаго хода историческаго процесса, ведущаго къ смѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ. Для нея программа—*минимумъ* — это не минимальныя требованія проле-

таріата, до выполненія которыхъ онъ не желаетъ успокоиться, а мѣстныя, временныя требованія, изъ которыхъ пролетаріатъ черпаетъ дѣйственные практическіе лозунги сегодняшняго выступленія. А повседневная борьба пролетаріата противъ буржуазіи является для соціалъ-демократіи именно тѣмъ процессомъ, развитіе котораго закаляетъ силы рабочаго класса, подтачиваетъ силы капиталистовъ и приближаетъ такимъ образомъ время соціальнаго переворота.

Этой борьбѣ посвящены всегда всѣ силы соціалъ-демократіи. Этой борьбѣ отдаетъ она свои силы и въ Русской Революціи. Но она не можетъ при этомъ опредѣлить заранѣе, какую часть своей программы удастся ей осуществить въ этой революціи: это опредѣлится въ самомъ ходѣ борьбы, опредѣлится не указкой теоретика, а реальнымъ соотношеніемъ борющихся силъ.

Во всякомъ случаѣ мы не отказываемся заранѣе отъ побѣды. Во всякомъ случаѣ, мы возьмемъ отъ революціи все, что она сможетъ дать намъ.

Если въ результатѣ Русской Революціи пролетаріатъ и массы городской и деревенской бѣдноты окажутся у власти, то только реальныя преграды смогутъ помѣшать рабочимъ предпринять тѣ мѣры, направленныя противъ капитализма, которыя были, напр., предприняты Парижской Коммуной.

Никакого добровольнаго ограниченія своихъ задачъ и цѣлей—„одной только“ программой-*минимумъ* или „одной только“ программой-*максимумъ* (какъ предлагаютъ соціалисты-революціонеры максималисты) революціонная соціалъ-демократія не знаетъ, какъ не зналъ ихъ и основатель ея—Карлъ Марксъ.

На вопросъ о томъ, какія мѣры должны предлагать рабочіе при ближайшемъ революціонномъ подъемѣ, К. Марксъ отвѣчалъ въ 1850 г. въ извѣстномъ обращеніи Центральнаго Комитета Союза Коммунистовъ:

„Рабочіе, разумѣется, въ началѣ движенія еще не могутъ предлагать никакихъ коммунистическихъ мѣръ, но они могутъ:

„ 1) Принуждать демократовъ возможно всестороннѣе вторгаться въ существующій общественный порядокъ..., а также сконцентрировать возможно больше производительныхъ силъ, перевозочныхъ средствъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. въ рукахъ государства.

„2) Они должны предложенія демократовъ... превращать въ прямыя нападенія на частную собственность; такъ напримѣръ, если мелкіе буржуа предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, то рабочіе должны требовать, чтобъ эти желѣзныя дороги и фабрики, какъ собственность реакціонеровъ, просто и безъ вознагражденія были конфискованы государствомъ. Если демократы предлагаютъ

пропорціональный налогъ, рабочіе требуютъ прогрессивнаго; если демократы сами вносятъ предложеніе умѣреннаго прогрессивнаго налога, рабочіе настаиваютъ на такомъ налогѣ, ставки котораго возрастаютъ такъ быстро, что крупный капиталъ при этомъ гибнетъ; если демократы хотятъ реализованья государственныхъ долговъ, рабочіе хотятъ государственнаго банкротства.

„ ...(Рабочіе больше всего должны сдѣлать) для своей конечной побѣды тѣмъ, что будутъ просвѣщаться относительно своихъ классовыхъ интересовъ, займутъ... свою самостоятельную позицію, и ни на одно мгновеніе не дадутъ отвлечь себя отъ независимой организаціи партіи пролетаріата лицемѣрными фразами демократическихъ мелкихъ буржуа. Ихъ боевымъ кличемъ должно быть; непрерывная революція (Revolution in Permanenz)". (К. Марксъ, „Кельнскій процессъ коммунистовъ", изданіе „Молотъ", стр. 116—117).

VII.

Для того, чтобы опредѣлить взглядъ соціалъ-демократіи на возможность осуществленія въ ходѣ Русской Революціи соціалъ-демократической программы—максимумъ, мы должны были начать съ выясненія взгляда соціалъ-демократіи на сущность и характеръ происходящаго въ Россіи революціоннаго процесса.

Соціалисты-революціонеры, какъ извѣстно, идутъ съ другого конца и выводятъ свою программу и тактику не изъ изученія историческихъ силъ, а изъ глубины духа. Этимъ же путемъ идутъ и максималисты. И, прослѣдивъ внимательно ходъ мысли максималистовъ, мы увидимъ, что ихъ ученіе является лишь послѣдовательнымъ приложеніемъ эсэровскаго идеалистическаго ученія къ тѣмъ конкретнымъ условіямъ, въ которыя поставила Русская Революція рабочихъ.

Во главѣ угла всей теоріи максималистовъ, какъ и у всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ, стоитъ идея человѣческой индивидуальности. „Краеугольнымъ камнемъ соціально философскаго ученія максимализма является трудовая *личность*", говорится въ „Извѣщеніи" объ образованіи Союза максималистовъ. „Если можно подвести историческій процессъ къ одному фактору, то только къ *человѣку*, къ его борьбѣ за *индивидуальность*", пишетъ главный теоретикъ максимализма г. Таг—инъ. „*Личность*, ея интересы, ея полное, всестороннее и гармоническое развитіе ставятся нами выше всего", говоритъ основатель Союза максималистовъ М. Соколовъ въ первыхъ же строкахъ своего доклада учредительной конференціи Союза.

Идеалистически возвеличивая *личность*, максималисты

столь же идеалистически отрицаютъ *исторію*. Т. к. *исторія* полна примѣровъ униженія *личности*, то максималисты ни чуть ей, исторіи, не вѣрятъ, призываютъ и рабочихъ не вѣрить ей, не полагаться на нее, а на мѣсто соціалъ-демократическаго объясненія *историческаго процесса* ставятъ идеалистическій порывъ *человѣческой воли*. „Вся исторія въ сущности есть исторія плутней и насилія эксплуататоровъ“ пишетъ Таг—инъ: „Вся культура пропитана потомъ и кровью трудового класса... Ростъ соціальнаго неравенства—это ужасная петля. Тѣ же, кто мечтаетъ на этомъ ростѣ обосновать и съ нимъ соразмѣрять борьбу, или глупцы или плуты... Бойтесь ихъ, рабочіе и крестьяне. Это волки въ овечей шкурѣ, если они дѣйствуютъ сознательно, это слѣпые вожди, увлеченные нелѣпой идеей, которые самые первые попадутъ въ яму и другихъ увлекутъ, если они искренни. Спѣшите, торопитесь, пока не ушло время, сбросить съ себя всѣ формы, уничтожить всѣ орудія эксплуатаціи. Не предавайтесь обманчивымъ иллюзіямъ. Въ нихъ могила не для буржуазіи, а для труда... Рабочему классу нѣтъ надежды на помощь стихійнаго процесса, т. к. нѣтъ никакого стихійнаго процесса, есть лишь процессъ, созидаемый эксплуататорами. Не „содержаніе“ прорветъ „оболочку“, а классъ эксплуатируемыхъ, сознавши себя и свое положеніе, свернетъ могучей рукою гнетъ вѣковой навсегда и водрузитъ надъ землею царство Святого труда“. („Принципы трудовой теоріи“.)

И если такъ „раздѣлываетъ“ исторію и историческій процессъ главный теоретикъ максимализма въ своей „капитальной“ работѣ, то можно представить себѣ, какъ обращается съ исторіей болѣе мелкая максималистская литература.

Впрочемъ, въ оцѣнкѣ „личности“ и „исторіи“ максималисты не даютъ ничего новаго: они лишь повторяютъ въ болѣе выпуклой и яркой формѣ то, что ужъ давно до нихъ говорили соціалисты-революціонеры и всѣ вообще сторонники, т. н. „народническаго“, субъективно-идеалистическаго міровоззрѣнія.

Путь максималистовъ не расходится ничуть съ путемъ теоретиковъ соціалистовъреволюціонеровъ и тогда, когда они подходятъ къ изученію тѣхъ силъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являются движущими силами соціалистическаго переворота. Такъ же, какъс оціалисты-революціонеры, максималисты рекомендуютъ не преувеличивать соціалистической сознательности рабочаго класса. Вполнѣ игнорируя исторію, слѣдуя больше указанію чувства, максималисты большія надежды возлагаютъ на крестьянство: „Не только степень эксплуатаціи крестьянина выше, но и формы выколачиванія грубѣя, оскорбительнѣе, циничнѣе“, пишетъ Таг—инъ, и

сейчасъ въ доказательство своего презрѣнія къ исторіи прибавляетъ: „Именно этимъ отчасти, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить большую революціонность крестьянства въ Венгріи, Италіи, Испаніи, Россіи, чѣмъ пролетаріата“...

Но вѣря въ стремленіе каждой человѣческой личности къ совершенному и гармоническому развитію, максималисты, вслѣдъ за другими идеалистами, приходятъ къ включенію въ соціалистическую армію и множества промежуточныхъ элементовъ, какъ-то: домашней прислуги, босяковъ, всевозможныхъ паразитовъ, интеллигенціи, вообще—всѣхъ группъ „трудового“ класса: „Правильно понятые интересы человѣческой индивидуальности, общность основныхъ интересовъ труда“, пишетъ Таг—инъ, „могутъ спаять всѣ трудовыя группы и лучшихъ (очень немногихъ) людей другого класса въ единую могучую соціалистическую армію—огромное большинство въ населеніи каждой страны“.

Все дѣло только въ томъ, чтобы „человѣческія личности“ *поняли* свои „основные“ интересы... Въ дѣйствительности этого нѣтъ. Но такъ какъ идеалисты въ исторію и дѣйствительность вѣрятъ меньше, чѣмъ въ личность, то понятно, что ничто не можетъ заставить ихъ усумниться въ надежности ожидаемой ими „единой могучей соціалистической арміи“.

При болѣе детальномъ перечисленія и соціалистическихъ силъ Русской Революціи максималисты точно такъ же почти слово въ слово повторяютъ обычныя самовосхваленія соціалистовъ-революціонеровъ. Развѣ не изъ эсэровской литературы взяты, напримѣръ, такія черты перечисленія силъ Русской Революціи: „На сторонѣ соціалистическихъ партій находится и всероссійскій желѣзнодорожный союзъ. Это—сила огромная, могучая, сослужившая уже службу дѣлу революціи. Какъ политическая сила, желѣзнодорожный союзъ при крѣпкой организаціи и сильной сплоченности непобѣдимъ„. (Это писано въ 1907 г., когда отъ союза, по признанію его бывшихъ дѣятелей, оставалось только полузабытое названіе, да печать, затерявшаяся между синими папками въ какомъ то правленскомъ шкафу!). „На лицо имѣется трудовое крестьянство, часть котораго организована партіей с.-р., всероссійскимъ крестьянскимъ союзомъ и трудовой группой“ (это написано въ томъ же 1907 г., когда всероссійскій крестьянскій союзъ существовалъ только на бумагѣ, а трудовая группа сама утверждала, что у нея не только нѣтъ никакой *массовой организаціи*, но нѣтъ даже сколько-нибудь надежныхъ *связей* съ крестьянами!) Или вотъ еще: „Нѣтъ сомнѣнія, что стихійность, неорганизованность въ крестьянскомъ движеніи велика, но съ каждымъ днемъ партія с.-р. и другія, работающія въ деревнѣ, вносятъ все больше сознательности и планомѣрности въ ходъ событій; число организованныхъ все

растетъ, они будятъ и увлекаютъ массу, они вдыхаютъ въ движеніе революціонный духъ, который охватываетъ все большія и большія массы; они распространяютъ получаемыя отъ партій дерективы и подчиняютъ все движеніе руководству партій, и т. д., и т. д.". *) (Писано все въ томъ же 1907 г., когда крестьянское движеніе переживало глубокій упадокъ и было такъ стихійно и безсознательно, какъ никогда!).

Таково отношеніе соціалистовъ-революціонеровъ максималистовъ:

1) къ человѣческой личности,
2) къ исторіи,
3) къ движущимъ силамъ соціалистическаго переворота,
и 4) къ движущимъ силамъ Русской Революціи.

Таковы предпосылки, на которыхъ строятъ максималисты программу своей дѣятельности въ Русской Революціи и свою тактику Эти предпосылки у нихъ общія съ соціалистами-революціонерами, которыхъ они называютъ *минималистами*. Но выводы, которые дѣлаютъ тѣ и другіе изъ этихъ общихъ предпосылокъ, получаются различныя.

VIII.

Максималисты считаютъ, что условія Русской Революціи крайне благопріятны для совершенія соціальнаго переворота. „Сколько силъ разовьетъ революція, ни одинъ мудрецъ не можетъ предсказать заранѣе. Не забота борцовъ намѣчать, ставить заранѣе предѣлы возможнаго, достижимаго, заниматься такъ называемой реальной политикой... Не наше дѣло звать на борьбу за возможное, хотя бы и желательное въ цѣляхъ достиженія должнаго", говоритъ Таг—инъ, и дальше поясняетъ: „Должное—это программа—максимумъ, возможное и желательное—программа-минимумъ". И изъ глубины духа почерпая оцѣнку „должнаго", съ одной стороны, „возможнаго и желательнаго", съ другой, онъ, вполнѣ послѣдовательно съ идеалистической точки зрѣнія, приходятъ къ полному отрицанію программы-минимумъ: программа-минимумъ оказывается не только ненужной для максималиста, но ненавистной ему: „Было бы легкомысленнымъ и измѣной, буржуазнымъ предательствомъ требовать *частичнаго* урѣзыванья всѣхъ орудій эксплуатаціи..., ограничиваться частичными требованіями, когда силы даже еще не выяснились: было бы чудовищно гибельнымъ для дѣла революціи требовать полнаго уничтоженія одного или двухъ орудій эксплоатаціи и оставлять остальныя... Программа-минимумъ, какъ платформа,—обманъ и измѣна, когда весь трудъ вынужденъ

*) Сборникъ „Воля Труда", стр. 14, 18, 10—11.

поднять тяжелый свой кулакъ противъ всѣхъ эксплуататоровъ".

Въ этомъ и заключается первое значительное расхожденіе максималистовъ и прочихъ соціалистовъ-революціонеровъ: соціалисты-революціонеры признаютъ и *должное* (программу-максимумъ) и *желательное и возможное* (программу-минимумъ); максималисты считаютъ выставленіе программы-минимумъ „обманомъ и измѣной" и ограничиваются выставленіемъ одной только программы-максимумъ.

Вмѣсто лозунга—„Демократическая республика", подъ которымъ выступаютъ въ русской революціи соціалисты-революціонеры, максималисты выдвигаютъ свой лозунгъ—„Трудовая республика".

„Трудовая республика" характеризуется тѣмъ, что въ ней „вся власть, вся земля, всѣ фабрики, заводы, все, что служитъ въ рукахъ частныхъ лицъ источникомъ порабощенія, должно перейти въ руки всего трудящагося народа для общаго пользованія, для общаго блага" („Прямо къ цѣли"). Это еще не соціализмъ, такъ какъ въ рамкахъ Трудовой республики необходимо будетъ еще организовать на соціалистическихъ началахъ производство и распредѣленіе. Но это первоначальная форма осуществленія соціализма, и изъ нея соціализмъ долженъ развиться естественнымъ путемъ, безъ дальнѣйшихъ революціонныхъ переворотовъ.

Обосновать свое требованіе „Трудовой республики" максималистамъ нетрудно. Максималистъ для обоснованія своей программы обращается не къ исторіи, а къ личности. „Демократическая или трудовая республика?" прямо вопрошаетъ авторъ агитаціонной брошюрки „Прямо къ цѣли". „Скажи, трудовая, автономная личность, что тебѣ болѣе по сердцу?" И, само собой разумѣется, что каждый рабочій, чувствующій свои интересы и стоящій на соціалъ-революціонной субъективно-идеалистической точкѣ зрѣнія, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отказомъ отъ демократической республики, такъ какъ для него должно быть ясно, что трудовая республика во всѣхъ отношеніяхъ ему выгоднѣе и удобнѣе.

Но, можетъ быть, трудовая республика сейчасъ недостижима? Ничуть! Вѣдь буржуазія, классъ эксплуататоровъ, все равно, будетъ напрягать всѣ свои силы въ борьбѣ противъ урѣзанныхъ требованій „трудового народа" точно такъ же, какъ противъ его полныхъ и неурѣзанныхъ требованій! Вѣдь на сторонѣ требованія Трудовой республики стоитъ все тотъ же „трудовой народъ", который теперь, подъ руководствомъ своихъ слѣпыхъ вождей требуетъ демократической республики! Вѣдь на сторонѣ соціализма въ русской революціи стоятъ пролетаріатъ, интеллигенція и трудовое крестьянство, „часть котораго организована пар-

тіей с.-р., крестьянскихъ союзомъ, трудовой группой!" Вѣдь на сторонѣ соціализма стоитъ, наконецъ, и такая могущественная сила, какъ Всероссійскій желѣзнодорожный союзъ!

При такихъ условіяхъ бороться *только* за демократическія требованія и упустить возможность водворить въ Россіи Трудовую республику было бы верхомъ нелѣпости. И вполнѣ послѣдователенъ максималистскій поэтъ, когда онъ обращается ко всѣмъ своимъ братьямъ, ко всему трудовому народу съ „Призывомъ пѣвца":

„Какъ? Кровь свою пролить, чтобъ послѣ торжествуя
Надъ міромъ властвовалъ упитанный банкиръ?
И царскій гнетъ сломить, братья, призову я,
Чтобъ торгашамъ отдать, завоевавши, міръ?"

Такой призывъ съ точки зрѣнія максимализма былъ бы безуміемъ и измѣной. И максималистъ бѣжитъ отъ всего, что похоже на такое безуміе, на такую измѣну. Онъ отвергаетъ все, что не есть непосредственно борьба за программу-максимумъ, за соціальный переворотъ. Въ частности, онъ рѣшительно отвергаетъ какую бы то ни было парламентскую дѣятельность въ рамкахъ буржуазнаго строя. Вѣдь „эта дѣятельность, не принося никакихъ положительныхъ результатовъ рабочему классу, не приближаетъ момента освобожденія труда, а служитъ лишь разрядникомъ сгущающейся атмосферы недовольства и злобы, накопляющейся въ рабочемъ классѣ". Такимъ образомъ максималисты приходятъ къ объявленію бойкота всѣмъ парламентскимъ учрежденіямъ въ рамкахъ буржуазнаго строя и, само собою понятно, къ объявленію бойкота всѣмъ Россійскимъ Государственнымъ Думамъ.

Таковы главныя особенности максималистской программы, главныя особенности пониманія максималистами своихъ задачъ въ Русской Революціи.

1) Отрицаніе программы — минимумъ и признаніе, что только программа — максимумъ (соціальный переворотъ) можетъ быть выставлена знаменемъ революціонной борьбы.

2) Отказъ отъ „демократической республики", какъ лозунга Русской Революціи, и постановка вмѣсто нея новаго лозунга—„трудовой республики" (соціальнаго переворота).

3) Отказъ отъ участія въ какихъ бы то ни было парламентскихъ учрежденіяхъ въ рамкахъ буржуазнаго строя вообще и во время Русской Революціи, въ особенности.

Этимъ программнымъ особенностямъ максимализма соотвѣтствуютъ и особенности его тактики.

Учредительная Конференція Союза максималистовъ вынесла довольно расплывчатую резолюцію о тактикѣ максималистовъ, введя въ нее и стачки, и бойкотъ, и терроръ, и пропаганду, и организацію союзныхъ группъ и т. д. и т. д. Короче, въ эту резолюцію вошли *всѣ* методы борьбы—отъ

самыхъ мирныхъ до самыхъ революціонныхъ. Но это не значитъ, чтобы у максимализма не было своей излюбленной тактики, тѣсно спаянной со всей его программой, со всѣмъ его міровоззрѣніемъ.

Центральное мѣсто въ идеалистическомъ міровоззрѣніи максималистовъ занимаетъ активная личность, борющаяся за развитіе своей индивидуальности. И, въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, основой максималистской тактики являются *активныя индивидуальныя* выступленія. Лучшей формой борьбы съ правительствомъ и съ эксплуататорами максималисты считаютъ безпощадную и слѣпую *партизанскую войну*. „Партизанская война, обращеніе страны въ непріятельскій лагерь, гдѣ не дается ни минуты покоя эксплуататорамъ (а не ихъ слугамъ по невѣжеству) и, прежде всего, наиболѣе виднымъ представителямъ ихъ—лучшій способъ борьбы", говоритъ Таг—инъ: „Когда началась война, когда вся страна раздѣляется на два воюющихъ лагеря, не время разсуждать. Нужно, наоборотъ, уничтожить все, что стоитъ на пути, используя каждый случай, уничтожая всякую живую или мертвую опору эксплуатаціи и то, что служитъ базисомъ для ея дѣйствій или можетъ пригодиться эксплуататору въ его борьбѣ съ трудомъ".

Это наиболѣе крайняя формула практическаго анархизма. И рядомъ съ ней уже менѣе характернымъ представляется сочувственное отношеніе максималистовъ ко всевозможнымъ казеннымъ и частнымъ экспропріаціямъ „въ цѣляхъ пополненія кассъ" революціоннаго народа.

Нужно отмѣтить еще, что проявленіе русскаго максимализма въ рядѣ разрозненныхъ выступленій „одиночекъ—героевъ", производившихъ столь яркое впечатлѣніе на любовавшуюся ими „толпу", не было случайностью. Не случайно вся дѣятельность максималистовъ вылилась въ покушенія и экспропріаціи, а практическимъ лозунгомъ максималистовъ стало не „Прямо къ цѣли!", а „Руки вверхъ!" Индивидуальныя выступленія всего больше соотвѣтствовали индивидуалистическому міровоззрѣнію максимализма. А тѣ условія Русской Революціи, которыя создали почву для развитія анархическаго *ученія*, создали вмѣстѣ съ тѣмъ почву для пышнаго расцвѣта анархическаго *дѣйствія*.

IX.

Мы познакомились теперь съ тѣми выводами, которые дѣлаютъ максималисты изъ предпосылокъ своего идеалистическаго міровоззрѣнія. Но эти предпосылки у нихъ общія съ соціалистами-революціонерами. Почему-же соціалисты-революціонеры „минималисты", исходя изъ того же пониманія роли личности, значенія исторіи и пр. и пр., приходятъ къ другимъ выводамъ.

Какъ извѣстно, соціалисты-революціонеры рядомъ съ программой-максимумъ признаютъ такъ же программу—минимумъ. Русскую Революцію они *не* считаютъ возможнымъ превратить въ соціальный переворотъ и лозунгомъ ея выставляютъ *демократическую*, а не *трудовую* республику. Соціализаціи фабрикъ и заводовъ соціалисты-революціонеры не требуютъ, ограничиваясь лишь требованіемъ соціализаціи земли. Отъ участія въ парламентахъ въ рамкахъ буржуазнаго строя они не отказываются и даже участвовали (правда, крайне неудачно, но все же участвовали) во второй Государственной Думѣ. Наконецъ, при всей своей склонности къ индивидуальнымъ активнымъ выступленіямъ, они не ограничиваются только этимъ, но признаютъ такъ же необходимость развитія массовой и не только партизанской борьбы.

Таковы главныя пункты разногласія соціалистовъ-революціонеровъ-минималистовъ и соціалистовъ - революціонеровъ-максималистовъ. И эти пункты разногласія настолько существенны, что максималисты и минималисты стоятъ другъ противъ друга непримѣримыми врагами, и полемика между ними носитъ далеко не товарищескій характеръ. Обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ грубой демагогіи, въ измѣнѣ, въ предательствѣ, въ попыткахъ сбить рабочихъ съ ихъ вѣрнаго и прямого пути. Но самый горячій споръ идетъ въ минималистско-максималистской полемикѣ вокругъ вопроса о томъ, которое изъ этихъ двухъ развѣтвленій соціалъ-революціонной мысли послѣдовательнѣе и правильнѣе развиваетъ идеи народническаго міровоззрѣнія. Минималисты (Черновъ, Вадимовъ и др.) доказываютъ, что максималисты ничего не поняли въ ученіи Михайловскаго и Лаврова, что они кощунственно вульгаризируютъ и компрометируютъ его, что ихъ взгляды заимствованы ими изъ совершенно чуждаго міровоззрѣнія и являются лишь блѣдной и уродливой копіей съ западно-европейскаго анархизма. Максималисты не остаются въ долгу и заявляютъ, что именно они являются прямыми послѣдователями школы активнаго прогресса, субъективной телеологіи, а с.-р. внесли сюда обильную дозу марксизма, отчего и получилась у нихъ весьма противорѣчивая философская помѣсь. (Сбор. „Воля Труда“, стр. 73).

Кто правъ въ этомъ спорѣ максималистовъ съ минималистами?

Намъ представляется, что правы въ этомъ спорѣ максималисты. И не даромъ ихъ полемика противъ соціалистовъ-революціонеровъ столь выгодно отличается отъ статей ихъ противниковъ, сдержаннымъ, серьезнымъ характеромъ, стремленіемъ спорить по существу, а не препираться о словахъ и названіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Стоя на субъективной, идеалистической точкѣ зрѣнія, нельзя не признать, что максималисты своей критикой „должнаго“ и „возможнаго“, какъ платформъ активной борьбы. свели къ абсурду эсеровскую программу-минимумъ. Если все зависитъ отъ творческихъ силъ личности и отъ активной воли ея, то, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ основаній урѣзывать и ограничивать программу борьбы какими-ибы то ни было временными и мѣстными соображеніями „возможнаго и достижимаго“.

Если принять эсеровскую теорію соціалистичности „трудового крестьянства“, то приходится согласиться съ максималистами въ ихъ требованіи превратить Русскую Революцію въ соціальный переворотъ. Ибо, если на сторонѣ революціи всѣ „трудящіяся массы“, и если эти массы всѣ заинтересованы въ соціальномъ переворотѣ и проникнуты стремленіемъ къ соціализму, то безсмысленно останавливаться на половинѣ дороги и вводить демократическую республику, когда такъ же легко воздвигнуть на развалинахъ самодержавія трудовую республику.

Если личность свободно творитъ свои идеалы и выбираетъ цѣль, за которую ей бороться, то, конечно она должна предпочесть трудовую республику демократической.

Если можно дать крестьянамъ соціализацію земли, то нельзя привести ни одного сколько нибудь серьезнаго довода противъ соціализаціи фабрикъ и заводовъ. Выставивъ почти полу-соціалистическую *аграрную* программу, нельзя ничего серьезнаго возразить противъ соціалистической программы преобразованія *промышленности*.

Наконецъ, признавъ всѣ программные выводы, которые дѣлаетъ максимализмъ изъ эсеровскихъ философскихъ предпосылокъ, придется согласиться и съ тактическими его выводами, придется отказаться отъ половинчатости эсеровскаго отношенія къ парламентаризму вообще и къ Государственнымъ Думамъ въ частности, придется довести до логическихъ предѣловъ и эсеровскую партизанскую тактику.

Необходимо, слѣдовательно, признать, что въ спорахъ максималистовъ съ минималистами, правда и логика на сторонѣ первыхъ. Больше того: пытаясь отвѣтить на наиболѣе острые вопросы Русской Революціи, соціалистъ-революціонеръ неминуемо долженъ придти къ анархическому максимализму. Если онъ останавливается на полъ-дорогѣ, то болѣе послѣдовательный максималистъ можетъ легко уличить его въ измѣнѣ интересамъ рабочаго класса. Ибо какъ же иначе опредѣлить *нежеланіе* человѣка бороться за Трудовую Республику? Какъ иначе опредѣлить *нежеланіе* его допустить соціализацію фабрикъ и заводовъ послѣ того, какъ будетъ произведена соціализація земель?

И можно отчасти отмѣтить *классовый* характеръ споровъ между максималистами и минималистами.

Эсэровская идеологія, лежащая въ основаніи обоихъ теченій, была создана задолго до начала Русской Революціи промежуточными слоями русской интеллигенціи. Въ интеллигенціи былъ всегда главный оплотъ мелко-буржуазной идеалистической философіи. Но, пытаясь связать свою историческую судьбу съ судьбой другихъ болѣе прочныхъ общественныхъ классовъ, интеллигенція всегда старалась среди этихъ классовъ распространить свою идеологію. Русская эсэрствующая интеллигенція понесла свои идеалы въ „народъ", въ крестьянскую и рабочую среду. Въ деревнѣ эта идеологія довольно хорошо правилась мѣстнымъ болѣе развитымъ въ политическомъ отношеніи элементамъ, такимъ же междуклассовымъ, какъ русская интеллигенція. Въ рабочей средѣ эта идеологія не нашла отклика, и только въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ, благодаря усиленной работѣ эсэровской учащейся молодежи соціалистамъ-революціонерамъ удалось пріобрѣсти извѣстное вліяніе на рабочее движеніе.

Но, опираясь, главнымъ образомъ, на интеллигенцію, соціалисты-революціонеры не переставали все время мечтать объ объединеніи трехъ различныхъ элементовъ: *пролетаріата, трудового крестьянства и интеллигенціи*. И можно было заранѣе предсказать, что это объединеніе будетъ не долговременно, т. к. у каждой изъ этихъ трехъ группъ была своя дорога въ Русской Революціи. Для *пролетаріата* на первомъ планѣ стояли его *соціальныя* требованія: Русская Революція должна была расчистить ему путь къ *соціализму*. Для *крестьянства* важнѣе всего были его *экономическія* требованія: Русская Революція должна дать ему столь необходимую для правильнаго веденія хозяйства *землю*. Наконецъ, *интеллигенція* наибольшее значеніе придавала своимъ *политическимъ* требованіямъ: Русская Революція должна была дать ей столь необходимую для развитія культуры *свободу*.

Итакъ, классовые интересы намѣчали 3 различныя дороги пролетарскимъ, крестьянскимъ и интеллигентскимъ группамъ, объединеннымъ эсэровской идеологіей. До извѣстнаго пункта они могли идти вмѣстѣ, но рано или поздно они должны были придти на распутье и пойти въ разныя стороны.

На такое распутье и пришли соціалисты-революціонеры въ 1906 г. Различные классовые элементы, примыкавшіе къ нимъ, разъѣзжались въ разныя стороны. Эсэровская интеллигенція оказалась вовсе не эсэровской, а *народно-соціалистической*. Эсэровское крестьянство оказалось ничуть не эсэровскимъ, а *трудовическимъ*. Эсэровскіе пролетаріи оказались совсѣмъ не эсэрами, а *максималистами*.

И каждое теченіе передѣлало субъективно-идеалистиче-

ское эсэровское міровоззрѣніе на свой ладъ, сдѣлало изъ него тѣ выводы, которые диктовались его классовыми интересами.

Мирная, культурная *интеллигенція*, шедшая когда-то за эсэрами, сохранила свой политическій радикализмъ въ рамкахъ легальности—и жиденькій, прежиденькій соціализмъ въ духѣ французскихъ соціалистовъ-радикаловъ. Таковы русскіе соціалъ-народники.

Темное, измученное *крестьянство*, на руководство которымъ когда-то претендовали эсэры, отчетливо подчеркнуло лишь свое требованіе земли, обнаруживъ во всемъ остальномъ безнадежную путаницу самыхъ противорѣчивыхъ лозунговъ и настроеній. Таковы трудовики.

А *рабочіе*, которымъ эсэровская интеллигенція привила когда-то свою мелко-буржуазную субъективную идеологію, оказались безсильными въ свѣтѣ ея выяснить себѣ вопросъ о соціализмѣ въ Русской Революціи, и были подхвачены анархическимъ теченіемъ. Таковы максималисты.

X.

Мы можемъ теперь *оцѣнить* значеніе максималистскаго движенія въ Русской Революціи и опредѣлить наше отношеніе къ нему.

Наибольшее практическое значеніе имѣютъ двѣ особенности максимализма: его отказъ отъ парламентской дѣятельности и его своеобразная партизанская тактика.

Отказъ максимализма отъ парламентской дѣятельности является отказомъ отъ использованія арены, которая можетъ быть использована пролетаріатомъ и въ интересахъ происходящей въ Россіи революціи, и въ интересахъ удержанія за собой необходимаго руководящаго положенія въ этой революціи, и въ интересахъ сплоченія своихъ силъ для классовой борьбы за соціализмъ. Поэтому, къ этой чертѣ максимализма необходимо отнестись такъ же отрицательно, какъ отрицательно относится *всегда* соціалъ-демократія къ анархической проповѣди отказа отъ использованія парламентовъ. Нужно помнить при этомъ, что слишкомъ часто отказъ рабочихъ отъ *парламентаризма* означаетъ отказъ отъ *политики*, а отказъ отъ *политики* въ революціонный періодъ часто превращается въ отказъ отъ *революціи*. Русская Революція, которая идетъ подъ лозунгомъ демократической республики не нравится максималистамъ, какъ вообще не нравится исторія послѣдователямъ субъективно-идеалистическаго міровоззрѣнія. Но пролетаріатъ долженъ идти во главѣ этой революціи, и соціалъ-демократы должны энергично бороться съ попытками максималистовъ помѣшать ему идти этимъ путемъ.

Такъ же энергично должна бороться соціалъ-демократія и съ партизанской тактикой, рекомендуемой максималистами.

Революціонная соціалъ-демократія сама не отказывается отъ методовъ партизанской войны. И тамъ, гдѣ всего успѣшнѣе примѣнялась до сихъ поръ эта тактика (въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ), она примѣнялась именно подъ руководствомъ соціалъ-демократіи. Употребленіе силы, употребленіе оружія, когда является въ томъ надобность, такъ же мало пугаетъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ, какъ и максималистовъ.

Но когда максималисты предлагаютъ уничтожать „всякую (!) живую или мертвую (!) опору эксплуатаціи и то, что служитъ базисомъ для ея дѣйствій или можетъ (!) пригодиться (!) эксплуататору въ его борьбѣ съ трудомъ", соціалъ-демократы должны энергичнѣйшимъ образомъ протестовать противъ подобной проповѣди, ибо она является не революціонной тактикой, а бредомъ человѣка, утратившаго душевное равновѣсіе. Такому человѣку необходимо настойчиво напомнить старую истину: „Кулакъ—вещь хорошая, но нужно, чтобъ и въ головѣ было ясно".

Когда максималисты, подражая въ мелочахъ своимъ „героямъ", превращаютъ партизанскую войну въ грабежи, мародерство по лавкамъ и т. п., соціалъ-демократы должны энергичнѣйшимъ образомъ бороться противъ отождествленія подобнаго рода подвиговъ съ революціонной борьбой. Ибо подобныя дѣйствія компрометируютъ революцію, деморализуютъ революціонную армію, укрѣпляютъ положеніе реакціи.

Когда максималисты стараются превратить безработныхъ въ своихъ партизанскихъ борцовъ, толкая ихъ, такимъ образомъ, на путь практической анархіи, путь, на которомъ они неминуемо должны погибнуть, соціалъ-демократы должны съ этимъ бороться. Ибо этой тактикой максималисты губятъ безплодно тѣ силы, которыя могутъ быть употреблены на пользу революціи.

Когда максималисты выступаютъ со своей проповѣдью подвиговъ „одиночекъ-героевъ", этой проповѣди соціалъ-демократы должны противопоставить свою революціонную идеологію. Ибо проповѣдь максималистовъ способна, быть можетъ, превратить въ „героевъ" десятокъ—другой сознательныхъ пролетаріевъ, но за то остальную массу она стремится превратить въ „толпу",—пассивную, не способную ни къ какому выступленію, поглощенную любованіемъ подвигами и страданіемъ „героя".

И во всѣхъ случаяхъ максималистскому пониманію партизанской борьбы революціонная соціалъ-демократія должна противопоставить свое пониманіе этой тактики, Максималистскому идеалистическому культу красоты подвига геро-

ческой личности соціалъ-демократы должны противопоставить свою идею цѣлесообразности массоваго революціоннаго дѣйствія.

Резюмируемъ:

Максимализмъ есть революціонно-анархическое теченіе рабочаго движенія, порожденное тѣмъ, что Русская революція ребромъ ставитъ передъ рабочими вопросъ о максимализмѣ, вопросъ, на который соціалъ-революціонное міровоззрѣніе не можетъ отвѣтить вовсе или же отвѣчаетъ, превращаясь въ идеологію анархизма.

По своимъ практическимъ результатамъ максимализмъ представляетъ изъ себя въ Русской Революціи явленіе отрицательное, противъ котораго революціонная соціалъ-демократія должна энергично бороться.

Какъ должна вестись эта борьба?

Соціалъ-демократы должны углублять въ сознаніи пролетаріата пониманіе соціалистическихъ элементовъ происходящаго въ Россіи революціоннаго переворота и тѣхъ революціонныхъ задачъ, въ этомъ перевортѣ, которыя стоятъ передъ пролетаріатомъ.

Максималистскому отрицанію парламентарской борьбы соціалъ-демократы должны противопоставлять свою теорію использованія парламентскихъ учрежденій въ интересахъ революціи. Максималистской проповѣди слѣпой анархической партизанской войны соціалъ-демократы должны противопоставлять свое пониманіе революціонной тактики.

А главнымъ образомъ и прежде всего:

Разсматривая максималистское ученіе, какъ лучшее доказательство того, что субъективно-идеалистическое міровоззрѣніе соціалистовъ-революціонеровъ не можетъ служить идеологіей соціалистическаго пролетаріата, не приводя его къ анархизму, соціалъ-демократы должны усилить свою борьбу съ соціалистами-революціонерами въ средѣ пролетаріата.

Сергѣй Петровъ.

Потомки Митрофана Простакова

Г-жа Простакова. Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и недавно.

Прибалт. Вральманъ. Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ серѣтъ авансировать пезъ россиской краматъ!

Давно уже въ Россіи не было такой ясности отношеній между правящими и управляемыми, между „командующими" классами и „народомъ". Теперь мы знаемъ—и знаемъ изъ самыхъ авторитетныхъ источниковъ,—что государство россійское существуетъ ради пользы и удобства 130.000 привилегированыхъ благорожденныхъ собственниковъ; что для ихъ удовольствія свѣтитъ солнце, поютъ птички, а, главное, собираются народныя деньги и содержатся сонмъ солдатъ, пулеметовъ, пушекъ и прочихъ даровъ культуры. Непреложные законы природы выдѣлили изъ всероссійскаго подойника наверхъ благородные сливки, и этотъ естественно-историческій фактъ былъ закрѣпленъ „конституціей 130.000", утвержденной 3 іюня 1907 г. послѣ Р. Хр.

Но не подумайте, что какіе нибудь низменные страсти, или коварство, или насиліе вознесли надъ „народомъ" сей командующій классъ—о нѣтъ! Единственное, что поставило его въ главу угла россійской государственности, что сдѣлало его солью земли, это—его высокая культурность. Дворянство—исконный носитель культуры на Руси. Такъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, господинъ Столыпинъ, представитель правительственной власти, но такъ же говоритъ и представитель „народной свободы"—депутатъ 1-й Думы господинъ Бородинъ*). А если россійская культура держится на дворянахъ,

*) Государственная Дума въ цифрахъ. СПБ. 1906 г.

то у какого патріота повернется языкъ для протеста противъ льготъ, субсидій, вспомоществованій, поддержекъ, поощреній и прочихъ мѣръ, коимъ заботливое о культурности народа правительство осыпало и осыпаетъ это избранное сословіе?

И мы не позволимъ себѣ протестовать. Мы только попытаемся присмотрѣться, въ чемъ заключается эта особая культурность истинно-русскаго дворянства, каково ея содержаніе, чтобы тѣмъ болѣе укрѣпиться въ уваженіи къ первенствующему сословію, а, слѣдовательно, и къ охраняющему его правительству.

Культурность — понятіе весьма широкое; но въ основѣ его лежитъ распространенность *знаній*, а знанія предполагаютъ *образованіе*. И мы думаемъ, что близко подойдемъ къ оцѣнкѣ культурности нашего дворянства, если ознакомимся съ его образовательнымъ уровнемъ. Матеріалъ для этого можно было бы набрать изъ многихъ источниковъ, но было бы верхомъ нелегальности, если бы мы позволили себѣ пользоваться произведеніями людей неблагомыслящихъ, охотно клевещущихъ на благородное дворянство. Это было бы не патріотично, а мы не хотимъ быть заподозрѣны въ недостаткѣ патріотизма. Нѣтъ, мы будемъ считаться только съ оффиціальными документами, мы воспользуемся исключительно матеріалами оффиціальной переписи 1897 г., именно двутомнымъ „Общимъ Сводомъ", изданнымъ въ С.-Петербургѣ въ 1905 г. подъ редакціей сенатора Тройницкаго (лица вполнѣ благонадежнаго) и напечатаннымъ по распоряженію „господина министра внутреннихъ дѣлъ" (лица абсолютно благонадежнаго).

Итакъ, къ дѣлу. Но сначала мы должны извиниться передъ уважаемыми дворянами земли русской—намъ очень неловко, но мы даже обязаны сдѣлать сперва опросъ по части... грамотности, простой элементарной грамотности, вплоть до умѣнья расписаться въ полученіи казеннной субсидіи. Въ указанномъ „Сводѣ" имѣется такая графа, и мы никакъ не можемъ обойти ее. Таблица IX-а даетъ свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу; но, къ сожалѣнію, лица, составлявшія эту таблицу пожалѣли мѣста (а, можетъ быть чувствовали нѣкоторую неловкость) и слили въ одинъ разрядъ „дворянъ потомственныхъ" и „чиновниковъ" *). Эта подмѣсь чиновниковъ весьма сбиваетъ съ толку и приводитъ къ тому, что % грамотныхъ въ этой рубрикѣ достигаетъ 75,2 для мужчинъ и 69,17 для женщинъ. Чтобы разъединить эти двѣ, совершенно разнородныя въ соціальномъ отношеніи, группы, мы продѣлаемъ слѣдующее вычисленіе.

*) Въ эту графу входятъ, собственно говоря, „личные дворяне и чиновники не изъ дворянъ"; но такъ какъ это все служилые люди, то мы и объединяемъ ихъ въ дальнѣйшемъ подъ общимъ названіемъ „чиновниковъ"

Въ табл. VIII-ой, гдѣ показано распредѣленіе населенія по сословіямъ, потомственные дворяне и чиновники сосчитаны отдѣльно. Это позволяетъ вычислить отношеніе между обѣими группами. Прилагая данныя къ табл. IX-а, говорящей объ образовательномъ уровнѣ разныхъ сословій, мы сможемъ приблизительно раздѣлить тѣхъ и другихъ. Трудность, въ сущности, заключается въ томъ, чтобы распредѣлить тѣхъ и другихъ по возрастнымъ группамъ, ибо таблица грамотности даетъ дѣленіе по 10 лѣтіямъ. Зная изъ этой таблицы число потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ въ каждой возрастной группѣ, а также зная изъ табл. VIII общее отношеніе между количествомъ первыхъ и вторыхъ въ Европейской Россіи, мы сможемъ, прилагая то же отношеніе къ отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ, раздѣлить, приблизительно, потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ. Это вычисленіе основано на предположеніи, что семейный составъ дворянства и чиновничества одинаковъ; это не совсѣмъ точно. Дворянство, особенно въ уѣздахъ (землевладѣльческое) болѣе многолѣтно, чѣмъ чиновничество, среди котораго большой процентъ холостой молодежи. Слѣдовательно, нашъ разсчетъ преуменьшаетъ семейный составъ у дворянъ и преувеличиваетъ у чиновниковъ; другими словами, что общей суммы потомственныхъ дворянъ большій процентъ приходится на малолѣтнихъ, чѣмъ получится въ нашемъ разсчетѣ. Количество взрослыхъ потомственныхъ дворянъ у насъ нѣсколько больше дѣйствительности; запомнимъ это.

Итакъ, мы собираемся произвести анкету о грамотности среди дворянъ — настоящихъ потомственныхъ дворянъ. Прежде всего, конечно, не слѣдуетъ забывать, что среди сего благороднаго сословія имѣются дѣти, коимъ до извѣстнаго возраста безспорно полагается быть неграмотными. Принимая во вниманіе историческія традиціи — Митрофана Простакова и прочихъ—мы устранимъ изъ нашихъ разсчетовъ дѣтей обоего пола, ниже 20-тилѣтняго возраста. Далѣе, въ этомъ сословіи есть женщина... pardon, дамы,—очень много дамъ. Было бы верхомъ неделикатности, если бы мы стали допытывать ихъ относительно грамотности, да притомъ еще въ связи съ возрастомъ. Мы устранимъ и ихъ. Будемъ имѣть дѣло только съ мужчинами—съ мужчинами старше 20 лѣтъ.

Всего потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ, старые 20 лѣтъ, насчитывается въ Европейской Россіи 388.337. Если мы распредѣлимъ ихъ на двѣ группы, соотвѣтственно общему количественному отношенію между обѣими группами, получится.

Потомственныхъ дворянъ . . .	249.872
Чиновниковъ	138.443

И вотъ оффиціальная перепись утверждаетъ, что среди этихъ 388.337 столбовъ отечества имѣется не менѣе 38.564 человѣка *неграмотныхъ*, т. е. совершенно таки неграмотныхъ. 10% неграмотныхъ! Гм.! Но позволите, вѣрно ли, что только 10%? Какъ распредѣлить эти почти сорокъ тысячъ неграмотныхъ между обѣими группами? Мы, конечно, весьма невысокаго мнѣнія о „грамотности" (въ переносномъ смыслѣ) нашего чиновничества отъ писца въ полицейскомъ участкѣ до самыхъ полныхъ генераловъ; но все же, думаемъ, элементарной грамотностью они обладаютъ *). Правда, въ группу чиновниковъ входитъ не мало лицъ, не состоящихъ на службѣ—родственниковъ чиновниковъ или просто личныхъ дворянъ. Однако, весьма вѣроятно предположеніе, что эти лица въ подавляющемъ большинствѣ все же грамотны, ибо даже послѣдняя канцелярская чернильница въ наше время старается дать своимъ дѣтямъ хоть самое элементарное образованіе. Во всякомъ случаѣ, процентъ неграмотныхъ среди мужчинъ старше 20 лѣтъ въ этой группѣ самый ничтожный, и 38 тысячъ неграмотныхъ всей своей тяжестью падаютъ на соль земли—на потомственное дворянство. А тогда процентъ неграмотныхъ въ этой группѣ поднимается уже до 15,4. 15 процентовъ неграмотныхъ среди привилегированнаго, благороднаго, командующаго класса, — класса, носителя культуры! Гм., гм.!

Однако, насъ могутъ упрекнуть въ недобросовѣстности, въ желаніи смѣшать въ одну кучу разнородные элементы—въ ущербъ самому подлинному дворянству. Помилуйте,—скажутъ,—развѣ вы не знаете, что подъ именемъ потомственныхъ дворянъ скрываются самыя разношерстныя общественныя группы. Здѣсь и деклассированная—нѣкогда дворянская, нынѣ ставшая уже совершенно разночинской—интеллигенція; здѣсь и крупное чиновничество, получившее вмѣстѣ съ чиномъ и званіе потомственныхъ дворянъ; здѣсь, наконецъ, вы найдете и „потомственныхъ дворянъ", опустившихся до кабака и ночлежки. Неужели всю эту публику думаете вы записать на счетъ истиннаго, столбового, благороднаго, а главное, землевладѣльческаго дворянства? Посмотрите на то, что *въ городахъ* именуется потомственнымъ дворянствомъ, и вы увидите, что истинное дворянство, то самое, о которомъ ради его культурности такъ печется правительство, составляетъ ничтожный процентъ. Настоящее дворянство надо искать не здѣсь, а въ деревнѣ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ оно широко раскинулось по необъятному простору, утопая ногами въ заложенныя-перезаложен-

*) Исключеніе составляютъ нѣмецкіе бароны, но зато они грамотны по-нѣмецки и даже весьма успѣшно ругаютъ Россію и русскій народъ въ нѣмецкихъ берлинскихъ газетахъ.

ныя сто милліоновъ десятинъ, а руками въ крестьянскіе карманы. Здѣсь ищите дворянство, а не въ растлѣнныхъ, развращенныхъ западнической гнилью, городахъ. Здѣсь колыбель благороднаго сословія; здѣсь колыбель русской культуры.

Это возраженіе безспорно, и мы поспѣшимъ исправить ошибку, исключивъ изъ нашего вычисленія города. Тогда, по даннымъ переписи, получится у насъ въ уѣздахъ:

потомственныхъ дворянъ . . . 130,828
чиновниковъ 32,118

130 тысячъ истинныхъ дворянъ—провиденціальное число!—а среди этой благородной рати, ни болѣе ни менѣе, какъ 34,046 неграмотныхъ (см. „Общій Сводъ“, т. I, стр. 190)! Т. е. изъ 130 тысячъ самыхъ достовѣрныхъ дворянъ, получившихъ по „конституціи 3-го іюня“ больше власти, чѣмъ все остальное населеніе, 26% совершенно неграмотно, т. е. абсолютно неграмотно. И это все мужчины старше 20 лѣтъ! Но мы видѣли выше, что, при нашемъ способѣ вычисленія, число этихъ дворянскихъ мужчинъ нѣсколько преувеличено; слѣдовательно дѣйствительный процентъ неграмотныхъ еще больше, быть можетъ достигаетъ 30! *)

Ну что же, въ семьѣ не безъ урода. Набралось 26% неграмотныхъ изъ какихъ нибудь захолустныхъ дикихъ помѣщиковъ. Нельзя же этого обобщать; нельзя изъ за этого бросать тѣнь на все благородное, а, главное, господствующее сословіе! Быть можетъ образовательный уровень остальныхъ 74% настолько высокъ, что сторицей покроетъ недочетъ по части грамотности.

Это вѣрно. Не будемъ же ни плакать, ни смѣяться, а заглянемъ въ рубрику образованности дворянства. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы уже совершенно лишены возможности опредѣлить, какая часть обучавшихся въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ къ числу потомственныхъ дворянъ *и какая часть къ числу чиновниковъ*. Это придется впослѣдствіи опредѣлить „на глазъ“. По даннымъ переписи изъ общаго числа 162.946 потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ, живущихъ въ уѣздахъ 13.112, т. е. 8% обучалось въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и 36.537, т. е. 22.3% въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь, правда, можно возразить, что высшія учебныя заведенія находятся въ городахъ, а потому и учащаяся помѣщичья молодежь была причислена во время переписи къ городскому

*) Для сравненія довольно указать, что среди потомственныхъ дворянъ въ уѣздахъ Царства Польскаго всего 3,1% неграмотныхъ. Правда, наши дворяне могутъ утѣшать себя тѣмъ, что зато на Кавказѣ неграмотныхъ дворянъ 51,2%. Что же, быть можетъ «лицомъ повернемся къ Обдорамъ»?

населенію. Пусть такъ. Возьмемъ тогда изъ рубрики „въ городахъ“ все количество потомственныхъ дворянъ и чиновниковъ, въ возрастѣ отъ 20 до 29 лѣтъ, обучавшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и выдѣлимъ отсюда часть приходящуюся на уѣзды. Чтобы опредѣлить эту часть, мы вычислимъ, въ какомъ отношеніи приходятся потомственные дворяне и чиновники старше 30 лѣтъ въ уѣздахъ и въ городахъ. Отношеніе это равно одному къ четыремъ, т. е. уѣздное дворянство составляетъ одну пятую среди дворянъ съ высшимъ образованіемъ. Тогда на долю уѣздовъ придется дополнительная цифра въ 4345; всего же лицъ съ высшимъ образованіемъ получится 17.57.

Но среди этихъ 17 тысячъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, а также среди 36 тысячъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія значительный процентъ приходится на чиновниковъ. Опредѣлить точно этотъ процентъ мы не имѣемъ возможности. Но если мы предположимъ, что процентъ лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ среди чиновниковъ вдвое выше, чѣмъ среди потомственныхъ дворянъ, мы, думается сдѣлаемъ предположеніе весьма благопріятное для послѣднихъ. Тогда на долю потомственныхъ дворянъ придется 35996 лицъ съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, изъ нихъ 11.638 съ высшимъ (8,9%) и 24358 со среднимъ (18,6%).

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія. Но и эти свѣдѣнія достаточно краснорѣчивы. Сведя ихъ вмѣстѣ, получимъ

Среди потомственныхъ Дворянъ, живущихъ въ уѣздѣ:

Неграмотныхъ	26%
со среднимъ образованіемъ	18,6%
съ высшимъ образованіемъ	8,9%
остальныхъ	46,5%

Но что же это за „остальные“? Въ былое время дворянскихъ дѣтей воспитывали дома, нанимая имъ цѣлый штатъ гувернеровъ и педагоговъ; теперь эта мода вывелась, а если иной титулованный зубръ и обучаетъ сына дома, то лишь съ тѣмъ, чтобы потомъ онъ сдалъ экзаменъ въ какое-нибудь богоугодное заведеніе. Слѣдовательно, среди лицъ старше 20-ти-лѣтняго возраста лишь нѣкоторый процентъ, быть можетъ, еще получаетъ болѣе или менѣе серьезное образованіе дома. Главная же масса „остальныхъ“ удовлетворяется, повидимому, тѣмъ, что въ наше время принято называть „домашнимъ образованіемъ“, т. е. простой грамотой, да начатками кое-какихъ несложныхъ „наукъ“, сдобренныхъ, пожалуй, французско-нижегородскимъ діалектомъ. Къ этимъ же „остальнымъ“, разумѣется, слѣдуетъ отнести и

всѣхъ тѣхъ недорослей изъ дворянъ, кои за лѣность и полную неспособность къ наукамъ были удалены изъ 2-го, 3-го, рѣдко изъ 4-го класса гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній и докончили свое образованіе на папенькиномъ конномъ дворѣ.

Такимъ образомъ, благонамѣренная оффиціальная статистика—(а кто жъ заподозритъ въ неблагонамѣренности сенатора Тройницкаго и „господина министра внутреннихъ дѣлъ?“) дала безжалостно-объективныя свѣдѣнія объ образованности—этой основѣ культурности—господствующаго сословія. Изъ каждыхъ ста членовъ потомственнаго землевладѣльческаго дворянства, перешедшихъ 20-ти-лѣтній возрастъ, 9 человѣкъ получило высшее образованіе, 19—среднее, 46 получило „образованіе“ ниже средняго, а 26 совершенно неграмотно. А такъ какъ въ настоящее время даже чисто формальнымъ мѣриломъ образованности является, по крайней мѣрѣ, окончаніе средняго учебнаго заведенія, то подъ это мѣрило подойдетъ только 28% потомственныхъ дворянъ, а подъ понятіе необразованныхъ придется подвести остальныхъ 72%, да еще съ оговоркой, что изъ нихъ 26% не умѣетъ читать и дѣловыя бумаги подписываютъ „тремя крестами“. Не правда ли, высокая культура! По крайней мѣрѣ, доподлинно русская культура, ибо всецѣло основанная на безграмотности. Неудивительно, что это благородное сословіе такъ крѣпко держится за старый порядокъ, идейной основой котораго всегда являлось всеобщее, равное, но совершенно явное невѣжество. Неудивительно, что и правительственная власть, съ своей стороны, холитъ и лелѣетъ этихъ привилегированныхъ дикарей, ибо въ нихъ однихъ видитъ оно соціальную силу, способную еще кое-какъ поддержать его шатающееся благополучіе.

Цѣлыя столѣтія катались, какъ сыръ въ маслѣ, благородныя семейства Простаковыхъ и Скотининыхъ, цѣлыя столѣтія накопляли они, при благосклонной помощи власти, громадныя богатства; они безпредѣльно господствовали въ обществѣ, осыпаемыя привилегіями и милостями, имѣя къ своимъ услугамъ всю европейскую культуру. И что же? Теперь, въ XX-мъ вѣкѣ, когда даже самый бѣдный крестьянинъ наровитъ послать въ школу своихъ дѣтей, когда чернорабочіе учатся другъ у друга грамотѣ—богатѣйшее, командующее „благородное“ сословіе, оказывается, состоитъ на половину изъ недоучковъ и на четверть изъ людей совершенно неграмотныхъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что на всѣ запросы общественной жизни изъ рядовъ этого сословія раздается только нечленораздѣлительное мычанье, напоминающее, правда, скотный дворъ, но мало говорящее о русской „культурѣ“. Можно ли удивляться, что, когда дѣло

доходитъ до отвѣтственной дѣятельности на высшихъ государственныхъ постахъ, благородное дворянство вынуждено принимать истинно-русскихъ нѣмцевъ изъ прибалтійскихъ бароновъ, которые, правда, мало думаютъ о „культурѣ“ russischer Ochsen, но зато побили рекордъ по части сдиранья шкуръ съ этихъ покорныхъ воловъ. Когда же благородному сословію, волей-неволей, приходится выдвинуть своихъ доморощенныхъ политиковъ, какъ это было во второй, а будетъ еще и въ третьей Думѣ, тогда, при всеобщемъ хохотѣ, на сцену являются каррикатурные гоголевскіе типы, вродѣ пресловутаго графа Бобринскаго изъ Франъ-Сосиски!

П. Орловскій.

Всероссійскій кооперативный съѣздъ и профессіональные союзы*).

Вопросъ объ участіи представителей профессіональныхъ союзовъ въ съѣздѣ кооперативовъ уже былъ однажды затронутъ мимоходомъ въ профессіональной прессѣ. Но, къ сожалѣнію, надо указать, что ни одно изъ правленій или делегатскихъ собраній нашихъ союзовъ до сихъ поръ не ставило этого вопроса на спеціальное обсужденіе и не выносило какихъ-либо рѣшеній. Даже самый порядокъ дня съѣзда и условія участія въ немъ остаются по большей части, неизвѣстными работникамъ профессіональныхъ союзовъ.

Между тѣмъ достаточно, хотя бы бѣгло взглянуть на программу занятій съѣзда, чтобы увидѣть, какое значеніе имѣло бы широкое представительство на съѣздѣ нашихъ профессіональныхъ союзовъ.

Потребительно-кооперативное движеніе (а профессіональные союзы должны имѣть прежде всего въ виду именно потребительные союзы), датируется у насъ въ Россіи съ 63—64 года прошлаго столѣтія. Но какъ *рабочее* движеніе, оно возникаетъ не ранѣе 903—4 года, со времени демократизаціи и преобразованія рабочими Сормовскаго потребительнаго общества. Сейчасъ большую половину всѣхъ потребительныхъ обществъ составляютъ общества съ рабочимъ составомъ членовъ; но это большею частью „коопера-

*) *Отъ редакціи.* Въ виду серіознаго значенія подготовляющагося съѣзда кооперативныхъ обществъ и въ виду естественнаго къ нему интереса среди чит. редакція считаетъ нужнымъ въ качествѣ матеріала для дискуссіи дать мѣсто статьѣ Георгія Ерва, хотя далеко не раздѣляетъ всѣхъ соображеній въ ней развитыхъ. Мнѣніе ред. сборника выражена въ ст. г. Линдова (сб. Текущая Жизнь.

тивы" стараго типа, „грабиловки", „истребиловки" и т. д., находящіеся въ рукахъ заводской или желѣзно-дорожной администраціи и не имѣющіе ничего общаго съ рабочимъ движеніемъ. *Дѣйствительно-рабочее* кооперативное движеніе еще впереди. Теперь оно еще въ процессѣ броженія, обсужденія первыхъ организаціонныхъ шаговъ, первыхъ попытокъ устройства и дѣятельности, въ стадіи теоретическихъ и практическихъ блужданій. И здѣсь, въ этихъ блужданіяхъ должны на помощь рабочимъ-кооператорамъ прійти ихъ товарищи изъ профессіональныхъ союзовъ. Совмѣстное обсужденіе встающихъ предъ рабочими кооперативами вопросовъ поможетъ освѣтить эти вопросы въ духѣ общаго направленія всего классоваго движенія. Конечно, область дѣятельности кооперативовъ достаточно отличается отъ поля работы профессіональныхъ союзовъ, и въ такихъ вопросахъ какъ, напр., учетъ товаровъ или постановка кооперативной отчетности, опытъ, вынесенный изъ работы профессіональнаго союза, не подскажетъ новыхъ для кооператора соображеній. Но совершенно иной характеръ имѣютъ большинство вопросовъ, поставленныхъ въ программу секціи потребительныхъ обществъ (см. въ хроникѣ). Внутренняя постановка дѣлъ въ потребительномъ обществѣ, условія членства, распредѣленіе прибылей, организація управленія, культурно просвѣтительная работа кооперативовъ, объединеніе ихъ, желательный типъ ихъ и т. д. Это та область кооперативизма, въ которой, прежде всего, сознательно или безсознательно, проводится участниками движенія та или иная линія классовой политики; здѣсь прежде всего опредѣляется классовый характеръ даннаго кооператива. Пролетарскій демократизмъ—то новое, что вносится вновь возникающими рабочими кооперативами въ наше россійское потребительно-кооперативное движеніе—именно въ этихъ, прежде всего, вопросахъ явится лозунгомъ, объединяющихъ однихъ и отталкивающихъ другихъ при встрѣчѣ многообразныхъ кооперативныхъ теченій на всероссійскомъ съѣздѣ.

Участіе въ обсужденіи этихъ вопросовъ профессіональныхъ союзовъ имѣетъ большое значеніе, подкрѣпляя на съѣздѣ позиціи рабочаго кооперативизма, усиливая его вліяніе на болѣе широкія и неопредѣлившіяся массы кооператоровъ, сближая кооперативное и профессіональное рабочее движеніе.

Но кромѣ того, рядъ вопросовъ программы секцій потребительныхъ обществъ, а также и всего съѣзда, отчасти и секціи производительныхъ товариществъ уже непосредственно касается профессіональныхъ союзовъ, представляя ту область, въ которой дѣятельность кооперативовъ (прежде всего потребительныхъ) и профессіональныхъ союзовъ встрѣчается, гдѣ эти организаціи взаимно дѣйствуютъ, гдѣ то или иное

рѣшеніе кооперативовъ отзывается на интересахъ профессіональнаго движенія и наоборотъ *).

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ этого городка является вопросъ объ общедоступности или корпоративности потребительныхъ обществъ (вопросъ XI 2 программы секціи потребительныхъ обществъ). Надо сказать, что вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, почти совершенно не обсуждался въ нашей профессіональной прессѣ, да и въ кооперативной печати нашей можно встрѣтить только одну - двѣ статьи въ журналѣ „Союзъ Потребителей". Между тѣмъ этотъ вопросъ прежде всего встаетъ передъ рабочими, рѣшившими основать потребительный кооперативъ и обсуждающими формы своей будущей организаціи. Не обсуждая здѣсь, въ виду недостатка мѣста и задачъ нашей статьи, этого вопроса во всей его широтѣ, мы здѣсь лишь подчеркнемъ вкратцѣ, какъ отзовется то или иное его рѣшеніе на интересахъ нашихъ профессіональныхъ союзовъ. Долженъ ли, съ точки зрѣнія профессіональнаго движенія, потребительный кооперативъ быть общедоступнымъ или объединять лицъ, занятыхъ только въ опредѣленной профессіи или отрасли производства. Необходимо указать, что тенденціи къ устройству именно такихъ „профессіональныхъ" потребительныхъ обществъ имѣются на лицо какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Уже при образованіи, напр., потребительнаго общества „Приказчикъ" по этому вопросу велись горячіе дебаты. Нѣкоторая часть учредителей предполагала въ этомъ кооперативѣ объединить лишь приказчиковъ, на крайній случай всѣхъ служащихъ торговыхъ предпріятій—и только послѣ долгихъ обсужденій и подъ косвеннымъ вліяніемъ профессіональнаго союза приказчиковъ этотъ „профессіональный принципъ кооперативнаго строительства" былъ отвергнутъ. Новое, возникающее въ Петербургѣ общество „Кузнецъ" до сихъ поръ не опредѣлило еще въ этомъ отношеніи своей физіономіи и среди его учредителей (см. № 3—4 журнала „Кузнецъ", 20 декабря 1907г.) существуетъ вполнѣ опредѣленное стремленіе образовать „Кооперативъ подъ названіемъ общество потребителей-кузнецовъ" (здѣсь, впрочемъ, играютъ роль и производительно-кооперативныя пожеланія). О подобныхъ же намѣреніяхъ есть свѣдѣнія и изъ другихъ городовъ.

*) Вообще говоря, даже въ вопросахъ кооперативнаго строительства заинтересованы профессіональные союзы, какъ таковые, какъ наприм., въ вопросахъ объ условіяхъ членства кооператива: принимать ли въ потребительное общество „всѣхъ желающихъ" (уставъ „трудового союза" или только „труженниковъ" (уставъ общества „труженикъ" въ СПБ.), или же лишь, рабочихъ и служащихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій даннаго города (уставъ Харьковскаго общества „Трудъ"), но въ указываемыхъ дальше вопросахъ эта заинтересованность *непосредственна* и взаимозависимость наглядна.

Обычно сторонники этого теченія указываютъ, что подобный кооперативъ изъ лицъ, занятыхъ лишь въ одной какой-нибудь профессіи или отрасли производства, будетъ болѣе прочнымъ въ силу однородности своего состава и, вмѣстѣ съ тѣмъ, связывая рабочихъ данной профессіи въ одну организацію, будетъ лишь способствовать укрѣпленію профессіональнаго союза. Рабочіе данной профессіи будутъ связаны между собою не только профессіонально, но также поперечными нитями кооперативной организаціи, ихъ взаимное сближеніе и общеніе увеличится, ихъ увеличившаяся сплоченность усилитъ ихъ экономическую борьбу. Благодаря подобному построенію потребительный кооперативъ явится будто бы опорной точкой развитія профессіональнаго союза.

Всѣ эти соображенія безусловно недостаточны, даже если онѣ справедливы. Это лишь благопожеланія, а „благими намѣреніями весь адъ вымощенъ“. Объективная дѣйствительность независимо отъ воли учредителей, превратитъ подобный „потребительный кооперативъ на профессіональной основѣ“ въ серьезное препятствіе успѣшному развитію соотвѣтствующаго профессіональнаго союза. Для рабочаго лишь пробудившагося къ совмѣстной съ товарищами дѣятельности, различіе между отдѣльными формами борьбы рабочаго класса еще неясно, часто даже не существуетъ. „Вступить въ союзъ“ въ его сознаніи часто тоже, что „вступить въ партію“, хотя, казалось бы, условія членства въ союзѣ и партіи достаточно различны, и различіе это широкія массы видѣли въ теченіе всего времени дѣятельности партіи и союзовъ—и, однако, подобное смѣшеніе можно встрѣтить у сѣраго массовика даже въ Петербургѣ, не говоря уже о провинціи. Тѣмъ болѣе возможно такое смѣшеніе относительно союза и кооператива, двухъ *экономическихъ организацій*. И намъ часто самимъ приходилось слышать отъ рабочихъ: „я вѣдь вступилъ уже въ одно общество (въ однихъ случаяхъ, подразумѣвается союзъ, въ другихъ—кооперативъ), такъ зачѣмъ же мнѣ вступать еще и въ другое“. Разъ кооперативъ будетъ объединять рабочихъ лишь данной профессіи, такое смѣшеніе его союзомъ неизбѣжно. Но вступленіе членомъ въ кооперативъ, требующій лишь единовременнаго вступительнаго взноса и взноса одного на все время пая, требуетъ отъ рабочаго несравненно меньше средствъ, усилій и жертвъ, чѣмъ членство въ профессіональномъ союзѣ, съ его ежемѣсячными членскими взносами, съ его экстренными взносами на случай стачки и т. п.

Подобный кооперативъ будетъ расти *за счетъ профессіональнаго союза*. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяя элементарную потребность рабочихъ въ объединеніи, организуя ихъ на профессіональной основѣ, подобный кооперативъ неиз-

бѣжно вызоветъ у многихъ и многихъ мысль что другого объединенія на профессіональной почвѣ и не нужно. Борьба рабочаго, какъ потребителя, заслонитъ въ сознаніи рабочихъ интересы пролетарія, какъ производителя, какъ продавца своей рабочей силы.

Пусть гг. Поссе и Тотоміанцы толкуютъ о томъ, что интересы „рабочаго, какъ потребителя стоятъ выше его интересовъ, какъ производителя, и поэтому послѣдніе должны быть подчинены первымъ",—всякій, заботящійся о будущности нашего профессіональнаго движенія, долженъ бороться противъ попытокъ провести подобное подчиненіе въ теоріи или на практикѣ. И какъ бы ни были при теперешней „запрещенности" профессіональныхъ союзовъ, заманчивы напѣвы импрессіонистовъ профессіональнаго движенія о „кооперативахъ въ качествѣ легальныхъ прикрытій",—корпоративный, профессіональный принципъ кооперативнаго строительства долженъ быть рѣзко и категорически отвергнутъ дѣятелями профессіональнаго движенія. И въ этомъ отношеніи ихъ мнѣнія вполнѣ совпадутъ со стремленіями представителей нашего демократическаго кооператизма, высказывающихся противъ даннаго принципа изъ соображеній его неблагопріятнаго вліянія на широту и размахъ кооперативнаго движенія.

Нѣсколько иное значеніе имѣетъ другой вопросъ: объ учрежденіи потребительнаго общества при профессіональномъ союзѣ или же самимъ профессіональнымъ союзомъ. Особымъ пунктомъ программы секціи потребительныхъ обществъ вопросъ этотъ не поставленъ, но онъ заключается и будетъ обсуждаться въ пунктѣ VI, 4 этой программы: „взаимоотношеніе между потребительными обществами и обществами взаимопомощи и профессіональными. Данный вопросъ, опять-таки не обсуждался или почти не обсуждался въ профессіональной прессѣ, но стремленіе у рабочихъ во многихъ мѣстахъ. Въ Москвѣ, напр., общество взаимопомощи торговыхъ служащихъ открыло кооперативную столовую, Петербургскій профессіональный союзъ конторщиковъ въ январѣ текущаго года постановилъ основать свой кооперативъ въ нѣсколькихъ союзахъ Баку этотъ вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе.

Причины возникновенія этого стремленія вполнѣ понятны. Съ одной стороны, у нѣкоторыхъ имѣется пожеланія выйти изъ созданнаго реакціей затруднительнаго матеріальнаго положенія профессіональныхъ союзовъ образованіемъ при нихъ потребительныхъ отдѣленій. Такъ какъ россійская дѣйствительность не позволяетъ самостоятельнымъ потребительнымъ обществамъ сдѣлать ассигновки на „постороннія"

цѣли*), естественно у многихъ возникаетъ мысль устроить такъ, чтобы члены профессіональнаго союза, какъ потребители, доставляли средства для веденія ихъ борьбы, какъ производителей. Другою причиною возникновенія такихъ потребительныхъ обществъ является желаніе нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзовъ самимъ обслужить нужды своихъ членовъ и въ этой области. Наконецъ, играютъ здѣсь роль и соображенія другого порядка. Періодъ административной „весны" прошелъ уже и для рабочихъ кооперативовъ. Какъ и всегда, правительство увидѣло сначала въ кооперативномъ движеніи лишь средство отвлечь рабочихъ отъ профессіональной и политической борьбы и, дѣлая нѣкоторыя „попущенія" (допущеніе частыхъ собраній, лекцій и т. п.), даже какъ-будто ему способствовало. Но эти надежды жать не сѣянное и получить зубатовскіе плоды отъ кооперативнаго движенія оказались напрасными. Посредствомъ кооперации не удается приспособить къ себѣ рабочій классъ, наоборотъ пролетаріатъ начинаетъ приспособлять къ себѣ кооперацію. При этомъ возможно тѣсная организаціонная связь между кооперативами и профессіональными союзами сыграла бы огромное значеніе.

Но и въ отношеніи кооперативовъ уже началъ работать административный механизмъ. „Все, что свыше устава,—то отъ лукаваго" и даже то, что дозволено уставомъ можетъ быть недозволено градоначальникомъ (какъ, напримѣръ, былъ запрещенъ „Трудовому союзу" Совѣтъ, *предусмотренный уставомъ*). Прямая организаціонная связь между кооперативами и профессіональными союзами становится невозможной и необходимо изобрѣтать обходные пути.

Но устройство кооператива *при* профессіональномъ союзѣ или тѣмъ болѣе самимъ союзомъ не является такимъ, ведущимъ къ цѣли обходнымъ путемъ. Конечно, здѣсь положеніе другое, чѣмъ при учрежденіи, *на ряду съ профессіональнымъ союзомъ*, широкаго кооператива на профессіональной основѣ. Разъ въ открываемой профессіональнымъ союзомъ или при немъ кооперативъ могутъ вступать лишь члены профессіональнаго союза, конкуренціи изъ-за членовъ между кооперативомъ и союзомъ не будетъ *). Но останется въ силѣ конкурренція задачъ профессіональнаго союза и задачъ кооператива. И она даже усилится, ибо профессіональный союзъ будетъ связанъ съ кооперативомъ, ихъ дѣятельность

*) Общество потребителей, напр., служащихъ Екатеринской ж. д. было запрещено генералъ-губернаторомъ сдѣлать выдачу на безработныхъ: ревизовавшій „Трудовой союзъ" чиновникъ градоначальства тщательно искалъ, не дѣлаетъ ли союзъ ассигновокъ на журналъ.

*) Она сохранится, если кооперативъ при профессіональномъ союзѣ будетъ открытъ не только для членовъ послѣдняго.

взаимно проникнетъ — тѣмъ болѣе не могутъ быть ясно разрѣшены задачи этихъ двухъ особыхъ организацій въ сознаніи широкой массы. Безусловно ложны въ самомъ корнѣ эти стремленія „самимъ обслужить нужды своихъ членовъ“ въ области потребленія. При существующемъ въ настоящее время въ Россіи соотношеніе общественныхъ силъ и при данномъ состояніи нашего профессіональнаго движенія вполнѣ умѣстно поставить вопросъ о цѣлесообразности для союзовъ брать на себя даже функціи взаимопомощи на случай болѣзни и смерти, а можетъ быть даже и вопросъ объ ограниченіи взаимопомощи на случай безработицы.—И ужъ конечно, недопустимо было бы взять на себя новое дѣло потребительнаго общества. Это привело бы лишь къ безусловному пониженію боевой способности профессіональнаго союза и постепенному вырожденію его.

Необходимо также принимать во вниманіе и новизну потребительно-кооперативнаго дѣла для рабочаго класса въ Россіи, на основаніи наблюденій, и собственнаго опыта съ полною убѣжденностью мы скажемъ, что рабочая кооперація въ Россіи еще въ будущемъ. Только создаются необходимыя для нея силы, лишь постепенно накапливаются опытъ и знанія. Еще, можетъ быть, много крушеній предстоитъ впереди и уже много и много злоупотребленій пережито. Напрасно было бы ожидать теперь сдѣлать изъ кооператива „дойную корову для профессіональнаго союза“ *) и нужно совершенно устранить необходимость для союза покрывать убытки отъ неумѣлаго, неправильнаго или хищническаго веденія дѣлъ кооператива **). Слишкомъ невелики средства, слишкомъ затруднительно матеріальное положеніе союзовъ, слишкомъ ощутительно поставлена предъ ними реакціей необходимость каждую копѣйку обращать на борьбу и защиту, чтобы можно было этими скудными средствами рисковать и обращать ихъ на кооперативныя предпріятія ***),

*) Петербургскій профессіональный союзъ текстильщиковъ поднималъ вопросъ о субсидіи или ссудѣ со стороны „Трудового союза“ для безработныхъ, уволенныхъ за забастовку 22 ноября „Трудоваго союза“ благодаря организаціонному неустройству, нераспорядительности, недостатку средствъ и громадной 35-ти тысячной суммѣ хищенія служащихъ за 1907 г. получился убытокъ въ 31.000 рублей!

**) Эти соображенія являются вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ и на вопросъ о помощи кооперативамъ со стороны профессіональныхъ союзовъ: Организація экономической взаимопомощи рабочихъ, потребительная кооперація, какъ рабочая организація, можетъ и должна держаться всецѣло самодѣятельностью рабочихъ—членовъ, неосновывая свое будущее ни на помощи со стороны другихъ организацій, ни на пособія и суды отъ состоятельныхъ господъ, ни на доброжелательномъ отношеніи коммерсантовъ и оптовиковъ.

***) Неосновательными были, поэтому, предложенія, дѣлавшіяся въ правленіяхъ „Трудового союза“ и „Труженника“ обратиться за матеріальной поддержкой къ профессіональнымъ союзамъ.

первые годы почти неизбѣжно дающія убытокъ *). И вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ отвѣтственно кооперативное дѣло. Профессіональные союзы должны взять на себя обязанность способствовать расширенію кооперативнаго движенія, широко раскрыть свои двери для агитаціи въ пользу вступленія въ рабочіе кооперативы, должны сами брать на себя иниціативу этой агитаціи—но вмѣстѣ съ тѣмъ должны обезпечить ходъ и успѣшность профессіональнаго движенія отъ той или иной будущности даннаго кооператива. Крахъ кооператива, кражи и хищенія въ немъ, превращенія его въ коммерческое потребительное общество, въ „кооперативъ отъ руки ко рту" и т. п.—это не должно дискредитировать и подрывать профессіональный союзъ.

Что же касается расширенія вліянія черезъ кооперативъ, то учрежденіе его союзомъ или при союзѣ не будетъ имѣть значенія: передъ союзомъ въ кооперативѣ будутъ стоять не новыя, еще не организованныя массы, но лишь члены союза, даже лишь часть членовъ союза. Съ этой точки зрѣнія для профессіональныхъ союзовъ гораздо большее значеніе имѣетъ существованіе широкихъ, хотя бы и не связанныхъ оффиціально съ союзами рабочихъ кооперативовъ. — И опять-таки здѣсь вполнѣ совпадутъ мнѣнія работниковъ и профессіональнаго, и кооперативнаго движенія.

Мы уже затронули попутно вопросъ о взаимоотношеніи профессіональныхъ союзовъ и потребительныхъ обществъ. (Пунктъ VI, 4 программы секціи потребительныхъ обществъ). Постановка этого вопроса въ порядокъ дня на съѣздѣ наглядно показываетъ всю важность представительства профессіональныхъ союзовъ на съѣздѣ. Здѣсь въ обширномъ всероссійскомъ масштабѣ будутъ намѣчены условія, возможности и формы отношеній этихъ двухъ организаиій. Точка зрѣнія единства рабочаго движенія и сближеніе различныхъ формъ его должна завоевать себѣ здѣсь новыхъ сторонниковъ и проложить себѣ новые пути вліянія. Конечно, оффиціально организаціонная связь между ними невозможна въ силу созданныхъ реакціей условій. Въ настоящій моментъ возможно лишь взаимное представительство союзовъ и кооперативовъ въ правленіяхъ и центральномъ бюро. Но должно указать, что въ этой области свое высокое слово должна сказать прежде всего практика. Гораздо болѣе важенъ и насущенъ теперь вопросъ не о формѣ, и о сущности взаимоотношеній союзовъ и кооперативовъ. И въ этомъ от-

*) По 1 января 1908 года *всѣ* петербургскіе кооперативы новаго типа потерпѣли убытки: „Трудовой союзъ" за 1½ года и при 19 лавкахъ-около 31000 руб., „Труженикъ" за два мѣсяца—свыше 4000 руб., въ „Прикавчикѣ" если не ошибаюсь, около 200 руб., потребительное же общество рабочихъ за Московской заставой благодаря убыткамъ находится на краю краха или вырожденія въ обычное частное торгашеское предпріятіе.

ношеніи представители профессіональныхъ союзовъ должны отстаивать возможное сближеніе кооперативовъ съ профессіональными союзами, расширеніе ихъ *современной* дѣятельности, взаимодѣйствіе этихъ организацій въ областяхъ ихъ дѣятельности, которыя являются плоскостями ихъ соприкосновенія. Какъ уже указывалось, необходимо, чтобы эти организаціи широко раскрыли и способствовали агитаціи за вступленіе членовъ союза въ кооперативъ и обратно, необходимо установить взаимную помощь въ распространеніи профессіональной и кооперативной печати и взаимное сотрудничество, необходимо установить тѣсное сотрудничество въ лекціонномъ обслуживаніи того и другого уваженія. Далѣе открываются широкія возможности совмѣстнаго веденія просвѣтительной работы, помощь со стороны кооперативовъ клубамъ и другимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, открываемымъ проф. союзами и т. п.—въ этомъ отношеніи необходимость чувствуется у работниковъ профессіональнаго такъ и кооперативнаго движенія, — наши кооперативы еще недостаточно окрѣпли и не стали еще на прочныя ноги, чтобы вести это дѣло самостоятельно, а потребность въ этой работѣ встаетъ предъ ними весьма и весьма ощутительно.

Наконецъ, и въ области чисто финансовой возможна совмѣстная дѣятельность союзовъ и кооперативовъ. Какъ напримѣръ, заслуживающій вниманія, укажемъ на рѣшеніе Петербургскаго профессіональнаго союза рабочихъ по металлу, который, по газетнымъ свѣдѣніямъ, постановилъ вести помощь, своимъ безработнымъ членамъ черезъ потребительныя лавки „Трудового Союза“. Вмѣсто того, чтобы передавать всю сумму пособія безработнымъ членамъ на руки, причемъ это пособіе будетъ уменьшено лавочнической эксплуатаціей, профессіональный союзъ можетъ эту сумму полностью или частью передавать потребительному кооперативу, который уже и выдаетъ ее *товарами* безработнымъ; продажа въ этомъ случаѣ можетъ вестись на марки или особые чеки...

Вмѣстѣ съ тѣмъ подобная мѣра будетъ весьма полезна для начинающихъ рабочихъ потребительныхъ обществъ, увеличивая его оборотныя средства и расширяя кругъ покупателей его потребительныхъ лавокъ.

Съ другой стороны желательно было бы также введеніе помощи безработнымъ и со стороны кооперативовъ, не въ видѣ денежныхъ пособій, конечно, но посредствомъ установленія болѣе удешевленной продажи продуктовъ безработнымъ. Будучи противникомъ продажи товаровъ кооперативами своимъ членамъ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ „постороннимъ“ покупателямъ и считая подобную мѣру, противорѣчащей началамъ пролетарскаго кооперативизма и

ведущей къ отграниченію кооператоровъ отъ остальной массы, мы однако считаемъ чрезвычайно полезнымъ установленіе правила: „Безработные члены кооператива, по предъявленію ими членской карточки профессіональнаго союза и удостовѣренія отъ послѣдняго о ней мнѣнія работы, получаютъ продукты изъ потребительной лавки съ извѣстной скидкой". И мѣра будетъ чрезвычайно полезна для обѣихъ этихъ организацій и заслуживаетъ особаго ихъ вниманія и детальной практической разработки.*).

Стремясь къ сближенію кооперативовъ съ профессіональными союзами въ области литературнаго обслуживанія движенія, въ просвѣтительной работѣ и въ области матеріальной, представители союзовъ должны на съѣздѣ особенное вниманіе обратить на особую сторону взаимоотношеній этихъ организацій—на вопросъ о положеніи служащихъ и рабочихъ потребительныхъ обществъ. Продолжительность рабочаго дня служащихъ и рабочихъ кооперативныхъ учрежденій, высота заработной платы и способы ихъ опредѣленія, круговая порука служащихъ и свобода объединенія, способы пріема и увольненія и т. п. въ этихъ вопросахъ охраны труда профессіональный союзъ занимаетъ особую позицію. Въ этой области союзъ не можетъ не совершая измѣны своему основному назначенію, уступить ни іоты изъ своихъ задачъ, какъ бы ни былъ демократиченъ и благожелателенъ къ своимъ служащимъ тотъ или иной кооперативъ. Конечно, при извѣстныхъ условіяхъ демократическій кооперативъ являетъ наилучшимъ полемъ эксперементированія улучшеній условій труда занятыхъ или служащихъ и рабочихъ, но это нисколько не уменьшаетъ, наоборотъ, увеличиваетъ обязанность профессіональныхъ союзовъ брать на себя и проводить защиту ихъ труда. „Postion oblige", положеніе обязываетъ, и при обсужденіи положенія служащихъ и рабочихъ кооперативныхъ учрежденій представители правленій потребительныхъ обществъ обычно, хотя часто и безсознательно, руководятся соображеніями, свойственными нанимателю. Припомнимъ хотя бы такъ много нашумѣвшій случай столкновенія между правленіемъ „Трудового Союза", или многочисленные факты немотивированныхъ увольненій служащихъ и въ „Трудовомъ союзѣ". и въ „Труженикѣ", и въ „Приказчикѣ", или отношеніе правленія „Приказчикъ" къ забастовкѣ кухонной мужской прислуги, или обращеніе

*) Но необходимо указать одно ограниченіе: подобный порядокъ будетъ цѣлесообразенъ лишь въ томъ случаѣ, если потребительнымъ обществомъ будетъ принято предложеніе, подобное внесенному однимъ изъ работниковъ Петербургскаго союза рабочихъ по металлу и принятому общимъ собраніемъ „Трудового Союза": при исчисленіи срока взноса пая въ кооперативъ не принимается во вниманіе время безработицы члена или его болѣзни".

залоговыхъ суммъ служащихъ въ оборотныя средства и т. п., и т. п. Пусть на съѣздѣ мы у многихъ увидимъ искреннее желаніе отрѣшиться отъ этой нанимательской точки зрѣнія,—это лишь подчеркиваетъ необходимость присутствія на съѣздѣ представителей профессіональныхъ союзовъ, естественно исходящихъ изъ другой точки зрѣнія, точки зрѣнія нанимающихся, продающихъ свою рабочую силу. Основной вопросъ, подлежащій здѣсь обужденію—способы пріема и увольненія служащихъ и рабочихъ кооператива, способъ опредѣленія ихъ заработной платы, рабочаго дня и т. п., способы разрѣшенія различныхъ недоразумѣній между служащими и правленіями потребительныхъ обществъ.

Общій принципъ охраны труда кооперативныхъ служащихъ; „Условія труда служащихъ кооперативныхъ учрежденій (рабочій день, заработная плата и т. д.) должны соотвѣтствовать требованіямъ выработаннымъ профессіональнымъ союзомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны отстаивать устраненіе произвола правленій въ опредѣленіи этихъ условій труда,—въ пріемѣ и увольненіи, разрѣшеніи недоразумѣній. Демократическій рабочій кооперативъ не долженъ копировать отношеній сложившихся въ частно-капиталистическихъ торгашескихъ предпріятіяхъ, противъ которыхъ онъ борется. Мы не говоримъ здѣсь объ *автономіи* кооперативныхъ служащихъ—вопросъ объ автономіи, надо признаться, совершенно не разработанъ, почти не затрагивался въ кооперативной печати и возможное вліяніе ея на развитіе потребительнаго общества будетъ, можетъ быть весьма различно въ зависимости отъ многихъ и многихъ условій... но это нисколько не исключаетъ необходимости ввести разрѣшеніе вопросовъ труда правленіемъ лишь совмѣстно съ самими служащими путемъ образованія смѣшанной комиссіи. Задачи ея должны быть не только разборъ недоразумѣній между служащими и правленіемъ, какъ это предполагали многіе въ обществѣ „Приказчикъ“ (это означало бы превращеніе комиссіи въ примирительную камеру), но и пріемъ служащихъ, ихъ увольненіе, установленіе ихъ заработной платы, рабочаго дня, разрѣшеніе недоразумѣній и вообще разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся труда кооперативныхъ служащихъ. Что касается состава такой смѣшанной комиссіи, то можно указать на примѣръ Петербургскаго потребительнаго общества „Приказчикъ“, гдѣ такая комиссія состоитъ изъ семи человѣкъ: троихъ со стороны общества (двое отъ правленія и одинъ отъ наблюдательнаго Совѣта), трое—со стороны служащихъ (двое по выбору служащихъ данной профессіи и одинъ отъ соотвѣтствующаго профессіональнаго союза), седьмой членъ избирается ими по соглашенію. Но въ такой организаціи смѣшанной комиссіи есть свои недостатки. Здѣсь правленіе, ведущее

хозяйственную часть кооператива, имѣетъ большее представительство, чѣмъ Совѣтъ, идейный и контрольный руководитель общества, обладающій болѣе широкимъ представительствомъ демократической массы членовъ кооператива. Представительство отъ служащихъ, измѣняющееся сообразно разбираемому инциденту: въ одномъ случаѣ присутствуетъ делегатъ отъ приказчиковъ, въ другомъ отъ пекарей, третьемъ—отъ мясниковъ, въ четвертомъ—отъ конторщиковъ и т. д. Освоенность ихъ съ веденіемъ дѣлъ въ комиссіи, со сложившимися отношеніями и т. п. будетъ невелика, что ослабляетъ ихъ позицію въ отстаиваніи интересовъ служащихъ. Также измѣняется представительство и отъ профессіональныхъ союзовъ. Наконецъ, указанный способъ представительства служащихъ распыляетъ ихъ силу, такъ сказать узаконяетъ ихъ раздѣленіе на массу мелкихъ не связанныхъ во едино категорій. При формальномъ равенствѣ представительства, делегаты правленія общества „Приказчикъ" фактически при обсужденіи недоразумѣній находятся въ лучшемъ и болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ делегаты служащихъ. Поэтому они считали бы болѣе ведущимъ къ цѣли составъ смѣшанной комиссіи изъ 9-ти человѣкъ; четверо—со стороны кооператива (2—отъ правленія и 2 отъ Совѣта), четверо со стороны служащихъ (2—отъ профессіональнаго союза кооперативныхъ служащихъ и рабочихъ, а пока онъ не существуетъ—отъ служащихъ данной категоріи, 1—отъ профессіональнаго союза соотвѣтствующій разбираемому инциденту профессіи и 1—отъ мѣстнаго центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ), девятый избирается ими по соглашенію. Такая организація смѣшанной комиссіи для установленія условій труда кооперативныхъ служащихъ и рабочихъ будетъ наиболѣе соотвѣтствовать цѣли и установить нормальныя отношенія между кооперативомъ и его служащими, между кооперативомъ и профессіональными союзами.

Мы должы указать еще одну сторону взаимоотношеній между потребительными обществами и профессіональными союзами и поднять передъ профессіональными союзами вопросъ, наболѣвшій у каждаго работника нашихъ молодыхъ рабочихъ кооперативовъ. Безусловно желательно было бы возможно частый пріемъ служащихъ въ кооперативъ по рекомендаціи профессіональнаго союза. И мы могли бы указать весьма много случаевъ обращенія обществъ къ союзамъ съ просьбой указать подходящихъ служащихъ на вакантныя мѣста. Такой порядокъ замѣщенія вакансій гарантировалъ бы кооперативамъ извѣстный моральный цензъ служащихъ; имѣлъ бы онъ значеніе и для союзовъ, особенно при теперешней безработицѣ.

Замѣщеніе вакансій въ кооперативѣ по рекомендаціи со-

юзовъ будетъ весьма полезно для обѣихъ этихъ организацій—но для этого необходимо реорганизовать порядокъ выдачи рекомендацій: онѣ должны выдаваться не на основаніи степени нуждаемости даннаго безработнаго, но въ виду его соотвѣтствія задачамъ и нуждамъ кооперации.

Мы упомянули выше вскользъ о профессіональномъ союзѣ служащихъ и рабочихъ кооперативныхъ учрежденій. Извѣстно, что многіе видные работники профессіональнаго движенія высказываются противъ образованія такихъ союзовъ. Но мы не можемъ признать это мнѣніе правильнымъ. Въ настоящее время сталъ общепринятымъ взглядъ, что профессіональное движеніе должно вестись не по профессіямъ и цехамъ, но по отраслямъ производства, лишь такая форма организаціи создаетъ силу сопротивленія капиталу, позволяетъ рабочимъ отдѣльнаго предпріятія коллективно противостоять волѣ капиталиста. Нелѣпо было бы объединить, скажемъ, плотниковъ Семяниковскаго завода съ плотниками-строителями, не объединяя всѣхъ рабочихъ Семяниковцевъ въ одно цѣлое; также напрасно было бы расчитывать, что возможно сплотить массу семяниковскихъ плотниковъ одновременно въ двухъ профессіональныхъ союзахъ! Но точно также было бы нелѣпо вмѣсто того, чтобы объединить ихъ въ одну организацію, распредѣлить служащихъ и рабочихъ, напр., Рождественской лавки „трудового союза“ по разнымъ профессіональнымъ союзамъ: приказчиковъ—къ союзу приказчиковъ, работающихъ рядомъ съ ними пекарей—къ союзу булочниковъ, работающихъ въ сосѣдней комнатѣ мясниковъ—къ союзу мясниковъ, ведущихъ конторское и счетоводное дѣло—къ союзу конторщиковъ и т. д.! Одно изъ двухъ: либо объединеніе кооперативныхъ служащихъ и рабочихъ имѣетъ въ виду какіе-либо другіе цѣли, а не защиту интересовъ ихъ труда—тогда имъ не нужно никакого профессіональнаго объединенія.

Но подобную безсмыслицу приводятъ—и то съ извѣстными оговорками — лишь представители правленій чисто-буржуазныхъ, сословныхъ, корпоративно-офицерскихъ и т. д. потребительныхъ обществъ, враждебные вообще всякому объединенію рабочихъ. А относительно подобныхъ господъ вполнѣ будетъ умѣстно горькое восклицаніе, вырвавшееся у одного оратора на конгрессѣ служащихъ и рабочихъ германскихъ потребительныхъ обществъ: „потребительныя общества являются болѣе жестокими эксплуататорами труда своихъ служащихъ, чѣмъ любой частный предприниматель!“ Остается другая перспектива: кооперативные служащіе и рабочіе должны организоваться, какъ продавцы своей рабочей силы, для защиты интересовъ своего труда—и тогда форма ихъ организацій должна соотвѣтствовать условіямъ ихъ существованія, ихъ положенія въ

предпріятіяхъ. Кооперативныя предпріятія—все же предпріятія, составляющія въ каждомъ потребительномъ обществѣ одно цѣлое, руководимое однимъ центральнымъ правленіемъ. Примѣръ Западныхъ странъ, а отчасти и Россіи показываетъ намъ, что служащіе кооперативовъ въ концѣ концовъ спеціализируются, какъ именно кооперативные служащіе, имѣющіе предъ собою опредѣленный рынокъ продажи своей рабочей силы—потребительныя общества. И поэтому вполнѣ понятно и не возбуждаетъ споровъ существованіе въ Германіи и др. странахъ особыхъ проф. союзовъ кооперативныхъ служащихъ и рабочихъ, вполнѣ понятно образованіе такого союза въ Финляндіи въ самое послѣднее время, въ концѣ 1907 г.—началѣ 1908 года. *Приказчикъ*-часового магазина въ Петербургѣ состоитъ членомъ не союза *приказчиковъ*, но союза часовщиковъ; точно также и приказчикъ кооператива долженъ состоять членомъ особаго профессіональнаго союза кооперативныхъ служащихъ и рабочихъ. У насъ нѣтъ соображеній, по которымъ мы въ данномъ случаѣ измѣнили бы основному принципу профессіональнаго объединенія—организаціи по отраслямъ производства, а не по профессіи.

По данному поводу опять-таки можно отмѣтить полное отсутствіе противорѣчія интересовъ движенія профессіональнаго и кооперативнаго.

Таковы основные вопросы, выдвигаемые предъ нашими профессіональными союзами первымъ Всероссійскимъ съѣздомъ кооперативныхъ учрежденій, главнымъ образомъ программой секціи потребительныхъ обществъ (программы секціи производительныхъ товариществъ мы здѣсь не касались въ виду недостатка мѣста и спеціальнаго характера вопросовъ). Значеніе этихъ вопросовъ увеличивается еще значеніемъ самого съѣзда, гдѣ будетъ представлено около 2.000 потребительныхъ обществъ, не считая остальныхъ кооперативныхъ организацій. Въ виду съѣзда предъ союзами встаютъ важнѣйшія задачи, которыя они должны черезъ своихъ представителей защищать на съѣздѣ. Эти задачи: *отстаиваніе интересовъ профессіональныхъ союзовъ въ плоскостяхъ ихъ соприкосновенія съ потребительными обществами, проведеніе линіи пролетарскаго демократизма въ вопросахъ кооперативнаго строительства и текущей дѣятельности кооперативовъ, защиты труда служащихъ и рабочихъ кооперативовъ, намѣченіе возможной совмѣстной дѣятельности и отношеній между проф. союзами и кооперативными обществами и, наконецъ, общая задача, которой подчинены всѣ остальные: возможно болѣе тѣсное сближеніе профессіональнаго и кооперативнаго движенія.*

Георгій Ервъ.

Три письма.

(К. Каутскій, В. Вальянъ и Фольмаръ объ участіи с.-д. въ буржуазной прессѣ).

Отъ редакціи.

Редакція сборника съ удовольствіемъ даетъ мѣсто тремъ письмамъ представителей различныхъ теченій въ современномъ интернаціональномъ соціализмѣ. Письма эти предаются гласности съ согласія авторовъ и предоставлены въ наше распоряженіе т-емъ Похитикусомъ. Ихъ опубликованіе, къ сожалѣнію, задержалось, но и сейчасъ онѣ еще далеко не потеряли интереса. Ибо тѣ различныя тенденціи, которыя отразились въ письмахъ Фольмара и Каутскаго по данному конкретному и частному вопросу лишь отражаютъ коренное развитіе и ревизіонизма и марксисткой „ортодоксіи." Мы надѣемся, что эти письма помогутъ товарищамъ и въ русскихъ дѣлахъ поставить нѣкоторыя точки надъ і.

Вотъ письмо всѣми признаннаго, логичнѣйшаго и послѣдовательнѣйшаго представителя такъ наз. праваго крыла, не только нѣмецкой, но и международной соціалъ-демократіи. Это письмо товарища Фольмара:

Мюнхенъ 26/XI, 1907 г.

Уважаемый товарищъ!

Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 17 с. м. я могу только сказать, что въ политикѣ нѣтъ разъ навсегда установленныхъ правилъ и что въ политикѣ всегда приходится считаться съ мѣстомъ, временемъ и разными другими обстоятельствами, каковое соображеніе должно быть принято во вниманіе и при вопросѣ объ участіи соціалистовъ въ буржуазныхъ газетахъ и журналахъ. Наши отношенія къ этому вопросу будутъ потому уже различными, что рѣшеніе его, не говоря уже о многомъ другомъ, находится въ зависимости отъ того, имѣетъ ли партія или не имѣетъ въ своемъ распоряженіи удовлетворяющую ея потребностямъ прессу. Партія, которая хочетъ не только учить своимъ принципамъ, но и принимать живое участіе въ политикѣ, должна естественно располагать возможностью, не переставая посредствомъ прессы говорить къ народу и изо дня въ день доводить до его свѣдѣнія свои мнѣнія о ходѣ вещей и отсюда вытекающихъ отношеніяхъ партіи къ тому или другому вопросу.

Такою прессой, насчитывающей сотни тысячъ читателей, и вліяніе которой простирается далеко за круги этихъ чи-

тателей, располагаетъ теперь нѣмецкая соціалъ-демократія. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ партійные литераторы обыкновенно помѣщаютъ, хотя не исключительно, свои произведенія въ собственной партійной прессѣ.

На Дрезденскомъ партейтагѣ 1903 года рѣчь шла не о сотрудничествѣ соціалистовъ въ буржуазной прессѣ вообще, а были аттакованы только тѣ газеты, которыя выдѣляются своимъ особенно враждебнымъ и низкопробнымъ методомъ борьбы съ партіей. И тамъ было ясно и точно заявлено, что противъ умѣреннаго (angemessene) сотрудничества въ серьезныхъ и приличныхъ буржуазныхъ газетахъ и журналахъ— предположивъ, конечно, безокуризненность содержанія печатаемаго труда—ничего сказать нельзя. При исключительныхъ-же законахъ 1868 года, подавившихъ нашу прессу, сотрудничество въ буржуазно-демократической печати было обыкновеннымъ явленіемъ, и лишь очень немногіе изъ извѣстныхъ товарищей того времени, въ той или другой степени, не были къ этому причастными.

При сложностяхъ, связанныхъ съ нашимъ тогдашнимъ единственнымъ издававшимся за границей партійнымъ органомъ, и при его выходѣ лишь разъ въ недѣлю, нашъ цюрихскій „Соціалъ-демократъ," принявъ во вниманіе потребность въ открытыхъ выступленіяхъ въ печати, какъ и потребность нашихъ собственныхъ партійныхъ товарищей быть освѣдомленными относительно взглядовъ партіи на тотъ или другой фактъ повседневной жизни, не могъ бы, конечно, васъ удовлетворить. И лишь по мѣрѣ того, какъ позже въ разныхъ концахъ Германіи стали снова возникать собственныя партійныя газеты, это сотрудничество въ буржуазной прессѣ сократилось до минимума.

Уважаемый товарищъ, я, само собой разумѣется, далекъ отъ мысли подавать совѣты искушеннымъ въ борьбѣ русскимъ соціалистамъ, борющимся при очень исключительныхъ обстоятельствахъ для иностранцевъ трудно уловимыхъ но, можетъ быть, пріобрѣтенный нами опытъ и для Васъ будетъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Съ братскимъ привѣтомъ ибратскимъ пожеланіемъ успѣховъ Вашей великой борьбѣ за свободу.

Вашъ Фольмаръ.

А вотъ мнѣніе на этотъ счетъ стараго коммунара, ветерана французскаго и интернаціональнаго соціализма, товарища Вальяна:

Палата депутатовъ. Парижъ 26/XI 1907.

Дорогой товарищъ!

Ваше письмо настолько любезно, что я не могу не отвѣтить на него. Но точный отвѣтъ—равносильный совѣту—на за-

данный Вами мнѣ вопросъ я считаю невозможностью. Подобно тому, какъ я писалъ нашимъ русскимъ друзьямъ, интересовавшимся моимъ мнѣніемъ передъ выборами во вторую Думу, относительно ихъ участія въ выборахъ, подобно тому, какъ я отвѣтилъ имъ, такъ и отвѣчаю и Вамъ, что разрѣшеніе вопросовъ партійной тактики, можетъ быть дано только на мѣстѣ и только участвующими въ движеніи.

Въ общемъ, что касается революціонной тактики, при единственномъ условіи не компрометировать себя съ врагами и даже съ сосѣдями, что ослабляетъ васъ, умаляя за одно уже и ваше собственное дѣло и уменьшая къ вамъ довѣріе вашей партіи, только при этомъ условіи можно выставить слѣдующій критеріумъ: все, что способствуетъ движенію и облегчаетъ увлеченіе массъ—хорошо, и должно быть испробовано. Но какъ можно въ пылу боя и при обстоятельствахъ, зависящихъ отъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ и мѣстныхъ условій, здраво судить иначе, какъ не умѣло опираясь на обстоятельства, т. е., оцѣнивая дѣйствія не по существу, а по вытекающему изъ нихъ моральному и политическому вліянію на народъ и партію.

Итакъ, Вы полагаете, что я могъ бы Вамъ сказать, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ писать въ Россіи въ газетахъ, чуждыхъ вашему направленію, въ то время, какъ этотъ вопросъ еще является очереднымъ вопросомъ дня на нашихъ конгрессахъ во Франціи, гдѣ онъ, впрочемъ, имѣетъ гораздо меньшее значеніе. Казалось-бы, что разъ у насъ имѣется соціалистическая пресса намъ нѣтъ надобности писать въ другихъ газетахъ. Что касается меня, то я просто по личному отвращенію этого не дѣлаю. И я предпочелъ-бы, чтобъ во Франціи обошлись безъ подобнаго сотрудничества. Тѣмъ не менѣе, я всегда защищалъ отъ слишкомъ строгой и доктринерской критики тѣхъ изъ нашихъ друзей, которые—само собой разумѣется, при условіи полной свободы и независимости, предоставленной имъ газетой, въ которой они сотрудничаютъ — считали нужнымъ тамъ писать ради пропаганды нашихъ идей. Такъ, недавно въ одномъ изъ нашихъ комитетовъ, гдѣ поднимался этотъ вопросъ, я говорилъ, что двое нашихъ друзей — совершенно свободно пишущихъ въ радикальной „Lanterne“ обличительныя статьи противъ радикальнаго министерства Клемансо — дѣлаютъ, несомнѣнно, полезное дѣло, представляя въ этой газетѣ, читаемой широкой публикой, ея радикальнымъ читателямъ соціалистическую критику радикализма.

Тутъ мы встрѣчаемся съ полезнымъ дѣломъ, само себя оправдывающимъ, и притомъ въ демократической странѣ, гдѣ вербовка въ партію производится, главнымъ образомъ, путемъ просвѣщенія тѣхъ, кто еще не разобрался въ интригахъ и двоедушіи правящихъ ими радикаловъ.

Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ только для того, чтобы извиниться въ томъ, что не могу Вамъ отвѣтить ни въ томъ, ни въ иномъ смыслѣ на вопросъ, по поводу котораго я могъ-бы высказать свое мнѣніе только въ томъ случаѣ, если бы жилъ и дѣйствовалъ въ Россіи, или былъ-бы вполнѣ знакомъ съ ея положеніемъ дѣлъ. Но, несмотря на газеты и на бесѣды съ русскими товарищами, положеніе дѣлъ въ Россіи для насъ, въ частности, во многихъ пунктахъ очень неясно. И хочу еще прибавить, что касается меня, то я не считаю иностранца вправѣ высказываться по вопросамъ, вызывающимъ разногласія въ членахъ одной и той же партіи, особенно въ странѣ, находящейся въ революціонномъ процессѣ; иностранецъ въ данномъ случаѣ не компетентенъ, такъ какъ рѣшеніе подобнаго вопроса принадлежитъ исключительно борцамъ данной страны.

Итакъ, дорогой товарищъ, примите вмѣстѣ съ моими извиненіями, что не смогъ Вамъ лучше отвѣтить, и мои увѣренія въ моей искренней къ Вамъ и Вашимъ друзьямъ дружбѣ. Съ лучшими пожеланіями

Эд. Вальянъ (Vaillant).

Прямой же и самый ясный отвѣтъ на такъ, еще недавно насъ волновавшій вопросъ даетъ товарищъ Каутскій, этотъ вождь международной соціалистической мысли и вождь лѣваго крыла интернаціональной соціалъ-демократіи.

3/XII 1907 г.

Дорогой товарищъ!

. . . . . .

. . . . . .

Да, отвѣтъ на заданный Вами мнѣ вопросъ не такъ ужъ простъ, какъ кажется. Этимъ я уже сказалъ, что не раздѣляю существующаго мнѣнія, что будто бы я считаю всякое сотрудничество въ буржуазныхъ газетахъ преступленіемъ.

Даже Дрезденская резолюція запретила участіе въ буржуазныхъ газетахъ и журналахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣднія злобно критикуютъ нашу партію.

Однако, нѣмецкая партія была бы больше всякой другой въ состояніи абсолютно запретить подобное сотрудничество, ибо располагаетъ настолько богатой прессой, что нѣтъ абсолютно никакой надобности сотрудничать въ буржуазныхъ газетахъ.

Тѣмъ меньше можно запретить такого рода сотрудничество тамъ, гдѣ не существуетъ прессы, удовлетворяющей потребностямъ партіи.

Даже Марксъ и Энгельсъ не задумывались надъ вопросомъ, можно ли писать въ буржуазныхъ газетахъ. Марксъ, напр., писалъ въ „New Jork Tribune“, а Энгельсъ въ „Pal-

Mall Gazette", въ которой помѣстилъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ статей о франко-нѣмецкой войнѣ.

Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, какъ и при какихъ обстоятельствахъ участіе въ буржуазныхъ газетахъ можетъ быть оправдано, а это зависитъ отъ безчисленнаго количества предпосылокъ, съ мѣстомъ и временемъ очень мѣняющихся предпосылокъ, для которыхъ нельзя установить общаго правила, и послѣднее слово о которыхъ принадлежитъ вопросамъ такта.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, можно было бы установить болѣе опредѣленныя правила, чѣмъ постановленіе дрезденской резолюціи, ибо требованіе послѣдней это minimum того, что самоуваженіе должно было бы продиктовать всякому человѣку.

Но можно было бы пойти дальше и требовать, чтобъ партійные товарищи не писали въ буржуазныхъ газетахъ, конкуррирующихъ съ нашимъ партійнымъ издательствомъ, нанося вредъ этимъ сотрудничествомъ—хотя бы и въ достойной формѣ—его вліянію.

Однако, эта точка зрѣнія теперь въ Россіи не можетъ быть принята во вниманіе.

Но зато тѣмъ большее вниманіе должно быть тамъ обращено на способъ и методъ участія въ буржуазной прессѣ.

Тамъ, гдѣ не существуетъ достаточно широко распространенной прессы, сотрудничество въ буржуазныхъ газетахъ и журналахъ можетъ сдѣлаться очень полезнымъ, если оно *занимается критикой* *) существующаго порядка вещей или даетъ нужный *для подобной критики матеріалъ* *), или содержитъ сообщенія о дѣйствіяхъ партіи или объ ея печатныхъ произведеніяхъ, словомъ, сообщаетъ факты, огласка которыхъ для насъ при всѣхъ обстоятельствахъ полезна.

Такъ, я, напр., при исключительныхъ законахъ противъ соціалистовъ писалъ въ „Франкфуртской Газетѣ" объ англійскомъ соціализмѣ или о новыхъ партійныхъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, о „Происхожденіи семьи" Энгельса, о сочиненіяхъ Моргана и т. п.

Но чего должно избѣгать во чтобы то ни стало, такъ это полемики съ товарищами или критики партійныхъ дѣйствій на столбцахъ буржуазныхъ газетъ и журналовъ, что должно при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлать только въ партійной прессѣ. Передъ лицомъ враговъ не должно вести своихъ внутреннихъ споровъ.

Отсюда слѣдуетъ, что и этому письму не мѣсто на столбцахъ буржуазной газеты, такъ какъ и оно содержитъ партійную критику, ибо въ Россіи, съ одной стороны имѣются товарищи, порицающіе всякое сотрудничество въ буржуаз-

*) Курсивъ тов. Каутскаго.

ныхъ газетахъ, а съ другой стороны есть и такіе, которые не останавливаются передъ критикой партійныхъ дѣйствій на столбцахъ буржуазной прессы.

Послѣдняго мы при исключительныхъ законахъ настолько остерегались, что въ буржуазной прессѣ не полемизировали даже съ анархистами. Даже и это тогда считалось бы неприличнымъ.

Я ничего не имѣю противъ того, чтобы Вы мое письмо использовали, если найдете это полезнымъ.

Было бы желательно, чтобы Вы его напечатали и въ партійномъ органѣ. Но я долженъ рѣшительнымъ образомъ воспротивиться тому, чтобы съ своей стороны прибавить что-либо къ партійной полемикѣ на столбцахъ буржуазной газеты, какъ бы послѣдняя ни была лойяльна и толлерантна.

Хочу надѣяться, что мое письмо и въ этой формѣ Васъ удовлетворитъ.

Съ лучшими пожеланіями и горячими симпатіями къ Вашей нелегкой борьбѣ, я братски Васъ привѣтствую.

Вашъ *К. Каутскій.*

Политикусъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Среди газетъ и журналовъ.

(О тѣни Бисмарка).

I. Хамы дня нынѣшняго.

Рабы, какъ встарь, рабами...

Уже нѣсколько лѣтъ извѣстная часть нашей такъ-называемой прогрессивной интеллигенціи сдѣлала своей спеціальностью борьбу съ массой. Чтобъ сохранить за этой спеціальностью нѣкоторое благообразіе, хотя бы по виду, а главнымъ образомъ для того, чтобъ оставалась возможность вести эту борьбу на страницахъ прогрессивной печати, „масса“ выступала здѣсь подъ псевдонимомъ „мѣщанства“; протестъ противъ характера дѣятельности массы облекался въ форму протеста противъ „стадности“, а борьба съ идеологіей организованной массы объявлялась борьбой за „высшія цѣнности“ культуры противъ желудочнаго позитивизма, присущаго массѣ. Въ этомъ своемъ видѣ борьба съ массой и ея идеологіей нашла легкій доступъ къ сердцу и уму русской интеллигенціи, особенно верхнихъ слоевъ ея, среди которыхъ тяготѣніе къ аристократическимъ (о, конечно, только къ духовно-аристократическимъ) теоріямъ, преніямъ и настроеніямъ было прямой реакціей на идейное пробужденіе низовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что наши „демократическіе“ ежемѣсячники типа „Міра Божьяго“ и др. гостепріимно раскрыли свои двери правовѣстникамъ „духовной аристократіи“ гг. Бердяевымъ, Струве и прочимъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта война „духовной аристократіи“ съ грубымъ матеріализмомъ толпы вращалась исключительно въ средѣ абстракціи. Толпа и ея стадность были для гг. интеллигентовъ-идеалистовъ такой же абстракціей, какой по существу являются ихъ „абсолютныя цѣнности“. Нѣкогда гунны воспѣвали сраженія, въ которыхъ вторично бились въ воздухѣ души погибшихъ въ земномъ бою.

Здѣсь, какъ бываетъ достаточно часто, „воздушныя“ битвы предшествовали битвамъ на землѣ. Скоро „толпу“ г-дъ идеалистовъ можно было узрѣть на улицѣ, а тогда наступилъ и ихъ чередъ перевести свои культурныя и вѣчныя цѣнности на языкъ земныхъ отношеній. Тутъ и оказалось, что „толпа“, съ которой въ абстракціи боролись выше-

поименованные господа, обладаетъ и въ гораздо большей степени, чѣмъ въ худшихъ своихъ разсчетахъ могъ предполагать г. Струве, всѣми непріятными для всяческой аристократіи—между прочимъ и духовной—свойствами. И самыя эти свойства въ реальной обстановкѣ пріобрѣли гораздо болѣе конкретный характеръ. Стало ясно, что „стадность массы въ устахъ идеалистовъ была псевдонимомъ ея реальной революціонной дисциплинированности, ея „животный матеріализмъ" для удобства полемики прикрывалъ факты ея революціоннаго энтузіазма, а „тупоумный и ограниченный позитивизмъ" долженъ былъ обозначать способность пролетарской массы не забывать своихъ конечныхъ, соціалистическихъ цѣлей всечеловѣческаго освобожденія ради идеалистическаго служенія мирнообновленческимъ программамъ. Съ другой стороны, „вѣчныя цѣнности" раскрывались въ программахъ и тактикѣ либерально-монархической оппозиціи, отнюдь не зарекавшейся ограждать эти „цѣнности" отъ покушеній со стороны „погрязшей въ матеріализмѣ" массы путемъ „идеальной" полиціи*), „идеальной" каторги, „идеалистической" тюрьмы и ужъ „абсолютной" арміи.

Тѣмъ, кто не видѣлъ этого раньше, практика земныхъ отношеній показала достаточно, даже, пожалуй, сверхмѣрно явственно, что война объявленная „массѣ" во имя „цѣнностей" и „культуры" была ширмой, подъ прикрытіемъ которой совершался переходъ русской „народолюбивой интеллигенціи" на сторону командующихъ классовъ. Этому естественному процессу былъ реальной жизнью противопоставленъ столь же естественный процессъ концентраціи народныхъ силъ внутри знамени революціи. Между двумя лагерями завязалась ожесточенная борьба и въ этой борьбѣ господамъ идеологамъ, изъ бывшихъ „народолюбцевъ" досталась вполнѣ опредѣленная задача: поднять реальную борьбу либерализма съ революціей, ведшуюся самыми практическими методами, на высоту философскихъ, религіозныхъ, моральныхъ и другихъ по возможности обобщеній.

Трудъ понесенный здѣсь интеллигентскими плодами капитализма далеко еще не оцѣненъ по достоинству. Далеко не взвѣшено еще все то, что они продѣлали съ философіей, религіей, моралью, искусствомъ, чтобы приспособить ихъ къ борьбѣ съ революціонной массой. Они славно потрудились. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію, что успѣхи въ этой области достигли уже такого размѣра, что каждый прошлый и будущій шагъ гг. Милюкова, Маклакова и др. можетъ быть нынѣ обоснованъ не только съ точки зрѣнія

*) Честь религіозно философскаго обоснованія полиціи въ современной русской литературѣ принадлежитъ г-ну Бердяеву. См. „Новое религіозное сознаніе" и т. д. стр. 59.

„тактики“ (это само собой понятно), но такъ же и философски и морально и религіозно и эстетически.

Но мнѣ кажется, что главнѣйшимъ результатомъ порученной гг. идеологамъ работы была, завершенная уже къ 1907 году, подробная, детально вырисованная картина „грядущаго хамства“, пріуроченная къ революціонной пользѣ народа вообще, пролетаріата въ частности и особенности. Поставивъ передъ глазами испуганнаго и архи-культурнаго русскаго обывателя яркую картину всеобщаго разложенія культуры въ случаѣ побѣды революціонныхъ силъ, гг. идеологи выполнили и вторую часть своей задачи. Этимъ ихъ работа могла бы считаться законченной, если бы дѣло ограничивалось только созиданіемъ религіозно-философски-эстетическихъ подпорокъ для г. Милюкова. въ его борьбѣ съ революціей.

Но дѣло оказалось сложнѣй. Практическія обстоятельства потребовали, чтобы работа по разрисовкѣ „Грядущаго Хама“ и обоснованію борьбы съ ними была дополнена разрисовкою же „Настоящаго Культуртрегера“ и обоснованію прямого союза съ нимъ.

Философски, религіозно и эстетически развѣнчавъ революцію, надобно было столь же основательно и со всевозможныхъ же точекъ зрѣнія возвеличить существующую „культуру“ со всѣми ея аттрибутами. Развѣнчавъ „революціонный гипнозъ“ надо было дополнить ее апологіей „Лойяльности“. И, „уведя“ общество изъ объятій „героевъ революціонной фразы“, надо было провести его въ объятія гг. Гучкова и Столыпина.

Вѣрная служанка опредѣленной партіи, мифическая и идеалистическая философія „аристократовъ духа“ типа Струве, Бердяева, Булгакова и другихъ, нынѣ занята, именно, этой дополнительной работой: новая идеалистическая бонна— въ этомъ своемъ теченіи—прикрываетъ переходъ кадетизма на позицію октябризма. Обставить это отступленіе какъ можно болѣе помпеозно, грохотомъ религіозно-философской канонады и журчаніемъ интимно-моральныхъ словоизліяній создать видимость серіознаго идейнаго кризиса тамъ, гдѣ на лицо—лишь болѣе или менѣе разсчетливое приспособленіе—такова спеціальная задача возрожденной подъ редакціей гг. Струве и Кизеветтера „Русской Мысли“. Подвальные этажи „Слова“ и „Рѣчи“, равно какъ и „особнякъ“ кн. Трубецкаго, естественно, находятся въ распоряженіи кадетской идеалистической челяди.

Среди послѣдней первое мѣсто по заслугамъ принадлежитъ публицисту, способности котораго къ сожительству съ любыми идеями засвидѣтельствованы всей исторіей его духовнаго развитія. Зовутъ этого господина—П. Б. Струве, а узнать его можно по очень опредѣленной примѣтѣ. Если

вы среди русскихъ публицистовъ встрѣтите человѣка, на лицѣ котораго ясно написана готовность немедленно же репетировать, и если это не Меньшиковъ, тогда передъ вами П. Б. Струве. Еще недавно онъ былъ кадетомъ изъ самыхъ „чистыхъ“ и издавалъ журнальчикъ спеціально посвященный доказательству той самоочевидной истины, что внѣ кадетизма нѣтъ ни истинной философіи, ни истинной религіи, ни истинной морали, ни истиннаго искусства.

Сейчасъ онъ чуть-чуть лѣвѣе правыхъ октябристовъ и правѣе лѣвыхъ изъ нихъ и спеціально занятъ доказательствомъ той очевидной истины, что философія и религія, этика и эстетика покоятся въ лонѣ октябризма и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ.

Не очень это занятная вещь присматриваться, какъ идеалистическая философія, отслужившая свою службу г-ну Милюкову, переходитъ на службу г-ну Гучкову. Но есть здѣсь одинъ элементъ чрезвычайно показательный.

Объ этой сторонѣ дѣла можно было бы сказать, перефразируя Щедрина, что Бисмарка у насъ еще нѣтъ, а бисмаркіанцевъ—сколько угодно.

Дѣйствительно. Единственный смыслъ всѣхъ послѣднихъ писаній г-дъ Струве, Изгоева, Бердяева и прочихъ—это расчищеніе дороги чаемому Бисмарку. И если бы, дѣйствительно, суждено было явиться русскому Бисмарку, онъ нашелъ бы уже въ наличности всѣ элементы необходимой ему идеологіи. А если онъ явится, можно теперь уже сказать, что онъ обѣими ногами будетъ стоять на почвѣ тѣхъ идей, которыя спѣшно сейчасъ сводятся въ опредѣленную систему вышепоименованными господами.

„Желѣзному канцлеру“ нѣкогда пришлось создавать спеціальный „тайный фондъ“ для оплатъ „идеологическихъ“ услугъ писакъ, вродѣ Руге, и пр.

Россійскій Бисмаркъ нашелъ бы уже совершенно готовый штатъ идеологовъ, не за страхъ, а за совѣсть подготовившихъ къ его потребностямъ подобающую идеологію.

Подготовить почву для Бисмарка въ области практики—прямая задача октябризма. Но октябризмъ слишкомъ практиченъ, слишкомъ мало цѣнитъ „идеологію“, слишкомъ оторванъ отъ т. наз. „культурныхъ переливаній“, русской интеллигенціи, слишкомъ не поворотливъ въ идейной средѣ, чтобы онъ могъ брать на себя задачу создать культъ Бисмарка, какъ національнаго героя, какъ выразителя національнаго духа. Вотъ эта-то работа и досталась въ руки г-дъ кадетовъ. Передъ лицомъ „Грядущаго Хама“ провозвѣстники русскаго Бисмарка явили свою дѣйствительную суть, авансомъ сложивъ свои холопскія чувства къ ногамъ будущаго „великаго человѣка“.

Зарожденіе и развитіе среди русской либеральной бур-

жуазіи бисмаркіанской идеологіи — процессъ совершенно естественный. Уже въ эпоху послѣ разгона первой Думы стало ясно, что либеральная буржуазія кадетскаго типа попробуетъ переложить всѣ свои надежды и всѣ свои задачи на „историческую власть", разъ только послѣдняя проявитъ къ ней хоть каплю благожелательности. Судьба 2-ой Думы ускорила этотъ процессъ, почти совершенно устранивъ тѣ требованія „гарантій", которыя еще въ 1905—96 г. либеральная буржуазія объявила условіемъ своего сотрудничества съ властью. А 3-ья Дума совершенно наглядно показала въ какихъ формахъ будетъ протекать фактическое сотрудничество либеральной буржуазіи и „исторической власти въ дѣлѣ экономической и политической реорганизаціи Россіи".

„Не входя здѣсь въ подробности, писалъ я въ іюнѣ 1907 г., наканунѣ выборовъ въ 3-ью Думу, можно сказать, что объективной задачей, стоящей передъ 3-ьей Думой, будетъ ли она октябристской или октябристско-кадетской, является осуществленіе „серіознаго" или, по Меньшикову, по-собакевички хозяйственнаго конституціонализма господъ Гучковыхъ. Эта попытка дуумвирата Столыпинъ-Гучковъ закрѣпить въ Россіи режимъ „серіознаго конституціонализма" должна будетъ встрѣтиться снизу съ попыткой не дать въ руки этого дуумвирата плодовъ революціонной борьбы и революціоннымъ же путемъ ихъ расширить. Это будетъ *рѣшительная схватка двухъ путей дальнѣйшаго развитія Россіи*... Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что то, что названо мною „объективной задачей" Столыпина-Гучкова сознано какъ задача практической политики и что на эту же позицію avec armes et bagages перешла и кадетская партія. Трудно было только предполагать, что этотъ переходъ послѣдней удастся обставить такимъ помпеознымъ ассортиментомъ „вѣчныхъ цѣнностей". Но при приходѣ къ ничѣмъ не придѣтому сотрудничеству со Столыпинымъ и Гучковымъ наша либеральная буржуазія, не имѣя еще возможности прямо заняться апологетикой своихъ товарищей по работѣ, должна была постараться накинуть на ихъ оголенныя плечи тогу гражданскаго величія. Эту тогу либерализмъ смогъ состряпать лишь изъ лоскутьевъ того культа, которымъ нѣмецкій филистеръ окружилъ своего героя.

Бисмарковская „идея" исторически-обусловленное неизбѣжное завершеніе политической эволюціи русской либеральной буржуазіи. Это не шалость пера Струве: здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ онъ остался вѣрнымъ „регистраторомъ" буржуазной мысли. А эта послѣдняя, отброшенная отъ революціонныхъ методовъ реализаціи своихъ классовыхъ интересовъ той ролью, которой въ русск. революціи играетъ пролетаріатъ, и достаточно уже наученнымъ опытомъ, чтобы не ждать побѣдъ надъ старымъ режимомъ

силой однихъ закулисныхъ переговоровъ и избирательныхъ бюллетеней, необходимо должна была упереться въ мечту о Бисмаркѣ и ему, этому своему грядущему герою передать въ руки свою дальнѣйшую судьбу.

Возможенъ ли русскій Бисмаркъ, возможна ли сейчасъ въ Россіи „революція сверху". Это серіозный вопросъ, подлежащій серіозному разбору и на который возможенъ опредѣленный отвѣтъ лишь въ результатѣ анализа общественныхъ отношеній созданныхъ русск. революціей. Но этотъ вопросъ даже и не ставится либерализмомъ. Либерализмъ знаетъ, что Бисмаркъ ему необходимъ какъ единственный методъ постройки „новаго" государства въ Россіи—и этого съ него достаточно.

Спустимся въ эту лабораторію, гдѣ клеится новая идеологія русск. либерализма. Вотъ, прежде всего г. Бердяевъ изъ „Слова", который покажетъ намъ *почему* встала передъ русск. буржуазіей фигура Бисмарка, какъ единственнаго спасителя ея классовыхъ интересовъ *).

Начинаетъ г. Бердяевъ радостнымъ, плотоядно звучащимъ заявленіемъ: „Бѣснованіе революціи кончилось, революція не удалась, дѣло ея проиграно"... Казалось бы этимъ можно было ограничиться и пройти мимо „трупа", но г. Бердяевъ, видимо, не совсѣмъ увѣренъ въ непоколебимости своего прогноза, а, кромѣ того, онъ питаетъ слишкомъ большую и застарѣлую ненависть къ революціонной теоріи, чтобъ не воспользоваться случаемъ и не показывать всенародно ея „язвы". «Русскій интеллигентъ—интеллигенція для гг. Струве, Бердяевыхъ и пр., воплощеніе революціоннаго духа, этакъ-то гораздо легче торжествовать надъ революціей побѣду—правыхъ, исповѣдывать самые крайніе соціалистическіе и анархическіе идеалы...

Обязательный разрывъ съ отцами, со всякимъ прошлымъ, съ исторіей стать нормой жизни русскаго интеллигента. Русская интеллигенція сдѣлалась отщепенской не только по отношенію къ власти, въ чемъ была ея правда, но и по отношенію къ русск. литературѣ, русской философской мысли, къ народной вѣрѣ, къ національному чувству, въ чемъ была уже великая ложь". „Западничество въ радикальной своей части превращается въ революціонное отщепенство, въ нигилизмъ, понижающій уровень культуры". Интеллигенція, далѣе, оказывается совершила великій грѣхъ, когда она „рвалась къ народу, жаждала соединиться съ нимъ, но соединялась лишь *на почвѣ народныхъ инстинктовъ и интересовъ, а не народной души* и заложенной въ ней великой идеи". Чтобы не было сомнѣній, о какой „душѣ" идетъ рѣчь, г. Бердяевъ

*) „Слово" № 388, 28—II—08.

поясняетъ, что „народная душа сказалась въ русскомъ народномъ благочестіи“...

Съ другой стороны, какъ представитель новой, капиталистической Руси идущей на смѣну Руси старой крѣпостнической, г. Бердяевъ не можетъ вполнѣ солидаризироваться съ помѣщичьей реакціей. „И реакція (дворянско-бюрократическая) и революція (народная) посылаются свыше, пишетъ на своемъ жаргонѣ г. Бердяевъ, въ наказаніе за совершенныя преступленія, за грѣхи власти и грѣхи народа“. Онъ допускаетъ, что „историческая власть... за рѣдкими исключеніями (какими?) была не народна“.

Наконецъ, г. Бердяевъ даетъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно подвигаетъ его на битву съ „бѣсами“ реакціи и революціи. Правда, формулировано это у него въ нѣсколько странныхъ терминахъ. „Россія... гонится бѣсами въ пустыни, въ пустыни хаотической реакціи и хаотической революціи. Только Іисусъ можетъ повелѣть нечистому духу выйти изъ тѣла Россіи. Лишь Христосъ можетъ быть избавителемъ“. Но всего этого не надо принимать слишкомъ въ серіозъ: Бердяевъ считаетъ эти имена необходимымъ аксессуаромъ указываемаго имъ выхода и нѣтъ сомнѣнія будущему Бисмарку придется-таки попользоваться созданными г. Бердяевымъ для его параднаго обихода оборотами фразъ. На самомъ же дѣлѣ вопросъ идетъ объ очень прозаической вещи, о „хлѣбѣ, (это уже безъ всякихъ метафор. Ю. К.), который дается трудовымъ соціальнымъ развитіемъ, *созидательнымъ экономическимъ процессомъ*, всегда представляющимся слишкомъ медленнымъ для изголодавшихся „стихій“ и не можетъ быть данъ революціей“. Или иными словами: „Только *органическій* характеръ развитія ставитъ внѣ безвыходнаго круга реакціоннаго и революціоннаго бѣсованія“. Такимъ образомъ, передъ г. Бердяевымъ вполнѣ опредѣленная задача: между „бѣсомъ“ крѣпостнической реакціи и „бѣсомъ“ крестьянско-пролетарской революціи проложить путь созидательному экономическому процессу“. А этимъ самымъ— если не вѣрить, что для выполненія этой задачи достаточно одного „внутренняго поворота къ Христу“ доказана для русскаго либерализма необходимость Бисмарка.

На своемъ чисто-идеалистическомъ и мистическомъ жаргонѣ г. Бердяевъ можетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить предпосылки „бисмарковской“ линіи русской интеллигенціи. Прежде всего надо признать, что „источникъ зла (гражданской войны народа и власти Ю. К.) не внѣ насъ, не въ навязанной намъ власти, не въ томъ или иномъ общественномъ строѣ, не въ насиліяхъ тѣхъ или иныхъ классовъ общества, а внутри, въ грѣхѣ... Основа же грѣха есть внутреннее богоотступничество народа“.

Итакъ, задача чаемаго Бисмарка— борьба со „зломъ“, но,

конечно, не со „зломъ“ власти, общественнаго строя и насилія командующихъ классовъ, а съ „богоотступничествомъ народа“. Читатель не удивится послѣ всего вышеизложеннаго тому, что *богоотступничество* на устахъ г. Бердяева обозначаетъ отступленіе хода борьбы общественныхъ силъ въ Россіи отъ либеральныхъ нормъ, которыя г. Бердяеву угодно считать божественными. Поясняя свою мысль о „богоотступничествѣ“, г. Бердяевъ тутъ же предлагаетъ лѣкарство, которое единственно можетъ примирить русскую жизнь съ Богомъ. „И „правые“, и „лѣвые“ должны покаяться: первые должны сознать неизбѣжность... глубокаго переворота, обращающаго къ иной жизни, а вторые—сознать неизбѣжность консерватизма...“. Или, далѣе, „прежде всего должны быть сломаны и сметены всѣ основы традиціоннаго интеллигентскаго (чит.—революціоннаго Ю. К.) міровоззрѣнія, долженъ произойти радикальный идейный переворотъ“.

Совершенно ясно, что истинно-божественнымъ г. Бердяевъ готовъ счесть только тотъ выходъ изъ создавшагося положенія, когда помѣщичья реакція приспособится къ задачѣ обезпеченія Россіи капиталистическаго развитія, а революція будетъ „сломана и сметена“. Всякій же другой исходъ, и прежде всего передача власти въ другія руки революціоннымъ путемъ есть богоотступничество, борьба съ которымъ настоятельнѣйшая задача. Кто же возьметъ на себя эту задачу? Кто переведетъ реакцію на новыя рельсы и поставитъ точку къ революціи? Кто явится воплощеніемъ божественныхъ предначертаній?

Отвѣтъ на эти вопросы г. Бердяевъ предоставилъ ближе стоящимъ къ практикѣ, г-дамъ Струве, Изгоеву, Гредескулу и пр. Самъ же онъ ограничился меланхолическимъ признаніемъ, что „идеалистическій консерватизмъ и либерализмъ (вы помните, съ какой помпой выступилъ послѣдній всего пять лѣтъ тому назадъ на арену русской общественной жизни?) пытались поддержать у насъ человѣческое и національное единство, но не обладали тѣмъ воодушевленіемъ и энтузіазмомъ, который могъ бы опредѣлить ходъ исторіи“.

Думается, дѣло было не только въ недостаткѣ „воодушевленія“ и мы сейчасъ увидимъ, что г. Струве, обойдясь совсѣмъ безъ ссылокъ на Христа, далъ весьма конкретный отвѣтъ на то, что надобно „идеалистическому либерализму“, что осуществитъ божественный путь развитія Россіи.

Отвѣтъ его находится на страницахъ его статьи о „Великой Россіи“ (Р. М. 908. I) и гласитъ весьма явственно: „Великой Россіи... необходима сильная армія...“.

На статьѣ г. Бердяева мы видѣли, какимъ именно путемъ русскій либерализмъ, зажатый между „бѣсами“ реакціи и „революціи“, пришелъ къ мысли, что только земное воплощеніе божественной воли, приспособивъ историческую

власть къ интересамъ капиталистическаго развитія Россіи, сможетъ осуществить задачи буржуазнаго либерализма. „Рус. Мысль“ и г. Струве поставили тотъ же вопросъ на болѣе дѣловую почву.

Г. Струве состряпалъ цѣлую программу внутренней и внѣшней политики, осуществляя которую историческая власть, оставалась сама собой и ничѣмъ почти не жертвуя, въ тоже время будетъ служить интересамъ буржуазнаго прогресса. А, когда потребовалось по ходу статьи указать реальныя формальности для русской „исторической власти“ стать носительницей и представительницей капиталистическаго развитія, то подъ перомъ Струве тайно выросла фигура „геніальнаго Бисмарка“. Наивный г. Мережковскій, попытавшійся сунуться по сему поводу къ г-ну Струве съ нѣкоторыми своими недоумѣніями и наговорившій—къ случаю два фельетона „сумасшедшихъ пустяковъ“, такъ и не добился никакихъ другихъ доказательствъ отъ г. Струве, кромѣ повторнаго предъявленія „геніальной смѣлости и мощи“ Бисмарка.

Основнымъ мотивомъ статьи г. Струве является идея о примиреніи между властью, ставшей на путь экономическаго процесса, и народомъ.

Г. Струве, какъ и Бердяевъ не умѣетъ даже поставить вопроса о возможности у насъ Бисмарка, т. е. о возможности для дворянской реакціи разрѣшить проблему развитія производительныхъ силъ Россіи. Онъ, какъ и Бердяевъ, довольствуется сознаніемъ того, что пути революціоннаго разрѣшенія этой проблемы для русской буржуазіи заказаны, а, слѣдовательно, внѣ бисмарковскаго рѣшенія вопроса, т. е. внѣ разрѣшенія этого вопроса приспособившаго „исторической властью“, для нея нѣтъ никакого другого рѣшенія.

Нужно сказать, вопреки ламентаціямъ г. Іорданскаго (о нихъ мы будемъ имѣть случай говорить спеціально), что вопросъ субъективно, т. е. въ предѣлахъ капиталистической политики г-номъ Струве поставленъ правильно. Въ статьѣ „Великая Россія“ чувствуется подлинный голосъ капиталистическаго дѣльца, который сейчасъ загнанъ въ тупикъ дворянской реакціей и которому нуженъ же выходъ. Рекомендовать ему выходъ черезъ революцію было бы смѣшно, а разъ такъ, то единственно, что ему остается это—надѣяться на то, что выходъ его капиталистической энергіи будетъ данъ и указанъ сверху.

„Созидать Великую Россію значитъ созидать государственное могущество на основѣ мощи хозяйственной“, пишетъ г. Струве и онъ совершенно точно формулируетъ здѣсь идеалъ русскаго капитала, ибо никакого другого идеала, кромѣ хозяйственной мощи капитала, оперирующаго на базѣ государственнаго могущества Россіи—у по-

слѣдняго и быть не можетъ. Вопросъ можетъ быть поставленъ здѣсь не о самомъ содержаніи идеала, а о томъ, гдѣ ищетъ русскій „либеральный“ капиталъ, прижатый дворянской реакціей, тѣхъ движущихъ силъ, которыми идеалъ можетъ быть реализованъ. Отвѣтъ г. Струве гласитъ совершенно не двусмысленно: „государственное могущество“ и „хозяйственная мощь“ Россіи можетъ быть создана только подъ руководствомъ исторической власти, т. е. той же дворянско-крѣпостнической реакціи. Этимъ самымъ россійскій капиталъ отказывается самъ стать непосредственно во главѣ экономической и политической реорганизаціи Россіи, но что подѣлаешь, разъ всякая попытка занять мѣсто „руководителя“ ведетъ къ такимъ соціальнымъ сдвигамъ въ глубинѣ народныхъ массъ, которые отнюдь не гарантируютъ хорошаго и добраго расположенія духа для „руководителей“.

Въ статьѣ г. Струве россійскій либерализмъ раскрылъ свою истинную подоплеку: изъ-подъ „либеральныхъ политическихъ формулъ и схемъ выступили чисто-экономическіе интересы капитала. И, быть можетъ, характернѣе всего въ этой статьѣ то, что здѣсь совершенно сознательно политическія притязанія отодвинуты далеко на задній планъ и подчинены притязаніямъ чисто-экономическимъ. Ничего другого и не обозначаетъ основной тезисъ статьи: „Оселкомъ и мѣриломъ всей, т. наз. „внутренней“ политики какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ же политика содѣйствуетъ, т. наз. внѣшнему могуществу государства?“

Не знаю, приметъ ли этотъ тезисъ къ свѣдѣнію и руководству „правительство и партіи“, но ясно, что политическія организаціи русскаго капитала какъ либеральнаго, такъ и консервативнаго, въ этой формулѣ найдутъ только то, что всегда опредѣляло ихъ „политику“.

Дѣйствительно, что подразумѣвается здѣсь подъ „т. наз. внѣшнимъ могуществомъ государства“?

Указавъ на „безсмысленность дальневосточной политики въ экономическомъ отношеніи“ вслѣдствіе невозможности для московскаго, петербургскаго и лодзинскаго промышленныхъ районовъ конкуррировать на Дальнемъ Востокѣ съ „японцами, даже нѣмцами, англичанами и американцами“, Струве обращаетъ вниманіе русскаго капитала на „ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры (sic!)“ „область эта *весь бассейнъ Чернаго моря* (кур. П. С.), т. е. *всѣ европейскія и азіатскія страны* (кур. нашъ), выходящія къ Черному морю.

„Здѣсь для нашего неоспоримаго хозяйственнаго и экономическаго господства есть настоящій базисъ: люди, каменный уголь и желѣзо. На этомъ реальномъ базисѣ—и только на немъ—неустанною культурною работой, *которая во всѣхъ*

направленіяхъ должна быть поддержана государствомъ (кур. нашъ), можетъ быть создана экономически мощная Россія... Основой русской внѣшней политики должно быть, такимъ образомъ, экономическое господство Россіи въ бассейнѣ Чернаго моря". А для обезпеченія этого господства, равно какъ для „поддержки" государствомъ культурной работы русскаго капитала въ чужихъ странахъ, естественно необходимы сильная армія" и такой флотъ, который „абсолютно обезпечивалъ бы насъ отъ вражескаго десанта въ этой области".

Итакъ. Читатель уже замѣтилъ, конечно, что „внѣшнее могущество государства" здѣсь, какъ двѣ капли воды оказывается похожимъ на колоніальную политику капитала, а теоретическій и удивительно идеалистически вугалій тезисъ о подчиненіи такъ назыв. „внутренней политики" „правительства и партій" задачѣ „внѣшняго могущества государства" есть ничто, какъ попытка подчинить „правительство и партіи" интересамъ капитала, которому за недостаткомъ внутренняго рынка — слѣдствіемъ обнищанія громадныхъ массъ крестьянства и низкой заработной платы рабочихъ—приходится кидаться съ Ближняго на Дальній и съ Дальняго на Ближній Востокъ.

И когда, отвѣчая г. Мережковскому, г. Струве писалъ послѣ всего вышеизложеннаго, что „проблема государства въ окончательной своей постановкѣ соприкасается для меня въ настоящее время съ проблемой не только культуры, но и религіи", *) то только г. Мережковскій и могъ это пошлѣйшее лицемѣрное замѣчаніе слѣдовъ принять въ серіозъ и приводить противъ реальной попытки *класса* свои апокалитическіе отводы. Но это между прочимъ.

Гораздо серіознѣе вотъ что. Благополучно связавъ „проблемы культуры и религіи" съ „проблемой государства", а послѣднюю подчинивъ непосредственно „проблемѣ" завоеваніи русскимъ капиталомъ внѣшнихъ рынковъ и объявивъ послѣднюю задачу національной, россійскій либерализмъ непосредственно всталъ передъ вопросомъ о томъ, кѣмъ сія „національная идея" можетъ быть и должна быть реализована. Тутъ-то г. Струве и споткнулся о Бисмарка. По схемѣ г. Струве только фигура подобнаго типа обезпечитъ реализацію его идеала. Русскій Бисмаркъ долженъ будетъ превратить дворянскую реакцію въ „революцію сверху", т. е. поставить ее на службу „національной миссіи" капитала и, во-вторыхъ, „противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и съ нею не считающемуся, и противо-культурному духу, отрицающему дисциплину труда, (мы, по г. Бердяеву-бѣсу революціи) противопоставить новое политическое и культурное сознаніе". Послѣдняя задача была,

*) Отвѣтъ Мережковскому „Рѣчь" № 47.

какъ помнитъ читатель, тѣмъ же Бердяевымъ сформулирована нѣсколько яснѣе: „должны быть сломаны и сметены", писалъ онъ, всѣ основы революціоннаго міровоззрѣнія. Выполнивши эти двѣ задачи, историческая власть „овладѣетъ національной идеей" и станетъ для русскаго капитала тѣмъ геніемъ, которымъ былъ для германскаго—Бисмаркъ.

Г-ну Струве не стоитъ, конечно, никакого труда эту мечту русскаго либерализма о бисмарковскомъ пути превратить въ законъ исторіи. „Превратить реакцію въ революцію сверху—это такое же чудо, какъ превратить камни въ хлѣбъ", возражалъ г-ну Струве политическій младенецъ г. Мережковскій. „Исторія полна такими „чудесами"... Такія „чудеса"... съ исторической неизбѣжностью совершались и будутъ совершаться постоянно въ творческомъ процессѣ живой исторіи народовъ", отвѣчалъ г. Струве *) „Творецъ событій, Бисмаркъ въ то же время былъ влекомъ ими" („Великая Россія").

„Творецъ событій"!... Какъ не вспомнить по этому поводу той характеристики, которую заслужилъ Бисмаркъ изъ устъ учениковъ Фихте и Гегеля, которымъ по новой схемѣ г. Струве отведена „почетная" роль превосхитителей, подготовителей и воспитателей Бисмарка.

„Человѣкъ, который дѣлаетъ не исторію, а эпизоды"—эти слова ученика Гегеля, имѣвшаго возможность наблюдать „геніальнаго человѣка" за работой, такъ же хлещутъ въ лицо вновь созданной исторіософіи г. Струве, какъ хлестали наемныхъ писакъ Бисмарка.

Эта хлещущая фраза, однако, на самомъ дѣлѣ, была лишь попыткой наслѣдниковъ нѣмецкой классической философіи припрятать свою классическую капитуляцію передъ Бисмаркомъ за внѣшнимъ презрѣніемъ. Дѣйствительная борьба оказалась возможной лишь для тѣхъ, кто преодолѣлъ и классическую философію для соціалъ-демократіи. Пѣснь русскаго идеолога крупнаго капитала въ русской прессѣ тоже немедленно вызвала узкую лавину презрительныхъ, но безсильныхъ фразъ. За ними припрятался ужасъ, охватывающій мелко-буржуазные слои общества, когда передъ ними встаетъ картина „хозяйственной и государственной мощи" крупнаго капитала. Для того, чтобъ выразить этотъ ужасъ мелкой буржуазіи потребовался публицистъ, путанность мысли котораго не уступала бы путанности идеологіи даннаго слоя. Величайшему путанику изъ среды сотрудниковъ „Рус. Мысли", Дм. Мережковскому и принадлежитъ честь перваго вопля противъ „религіи государственной мощи". На этомъ характерномъ эпизодѣ мы, къ сожалѣнію,

*) Кто изъ насъ „максималистъ"? „Рѣчь" 18—III—908.

не можемъ остановиться подробнѣе. Отмѣтимъ покуда лишь слѣдующее.

Изъ-подъ апокалиптической, идеалистической и всяческой другой чепухи, пустымъ слоемъ покрывшей мысль г. Мережковскаго, совершенно явственно выступаютъ простые, „позитивистическія" соображенія о тѣхъ длительныхъ страданіяхъ, которыя несетъ съ собой для милліоннаго періода воплотившаяся въ Бисмаркѣ „религія государственности". Г. Струве приглашаетъ русскую мелко-буржуазную интеллигенцію „сквозь хищничество Бисмарка разсмотрѣть его религію", преклониться, какъ пишетъ г. Мережковскій, „передъ величіемъ Бисмарка". „Величіе Бисмарка, убѣждаетъ г. Струве, остается фактомъ, хотя бы мы къ его имени приписали слово „Звѣрь" съ большой буквы". Мережковскій же совершенно явственно заявляетъ, что „звѣриному образу", Бисмарку не поклонится. Но, не желая поклониться Бисмарку, надо умѣть бороться съ его появленіемъ, надо уничтожить тѣ условія, при которыхъ онъ становится возможнымъ, а для извѣстныхъ слоевъ общества и желаемымъ.

И окольными путями черезъ Апокалипсисъ, мистику и Библію, мелко-буржуазная мысль приходитъ именно къ этой дилеммѣ: или поклониться „Звѣрю" Бисмарку или стать на путь революціоннаго рѣшенія проблемъ современной Россіи. „Нѣтъ, революція не кончилась, -въ этомъ, кажется, главная ошибка моего собесѣдника", пишетъ Мережковскій. Это, конечно, хорошо. Хорошо, что г. Струве такъ заострилъ вопросъ о Бисмаркѣ, что даже г. Мережковскій завопилъ о революціи. Но читатель долженъ былъ бы забыть о природѣ мелко-буржуазной интеллигенціи, если бы предположилъ, что Мережковскій говоритъ о реальной борьбѣ народа съ тѣми классами, которые призываютъ „Звѣря" за революціонный методъ разрѣшенія вопроса. Но для г. Мережковскаго подобная постановка вопроса невозможна: это было бы уже „позитивной пошлостью", „хамствомъ". Отъ реально поставленной задачи онъ спѣшитъ убраться въ подземныя сферы, къ противопоставленію „религіи Звѣря" „религіи Бога". Единственнымъ средствомъ борьбы съ Бисмаркомъ оказывается—сдѣлать русскую интеллигенцію религіозной. Такъ, лишь, подойдя къ дѣйствительной постановкѣ вопроса, Мережковскій моментально сбѣжалъ отъ него; подмѣнивъ вопросъ классовой борьбы вопросомъ развитія религіознаго сознанія среди русской интеллигенціи.

Нельзя было лучше, чѣмъ это сдѣлалъ г. Мережковскій, показать, что реальный Бисмаркъ со стороны мелко-буржуазной, идеалистической мысли встрѣтитъ полное безсиліе, полную пространію, полную неспособность противостоять его „огненной печи", если не считать противо-*стояніемъ* безсильные стоны въ эту печь сажаемыхъ.

И, конечно, г. Струве, человѣкъ дѣла, стоящій на почвѣ реальныхъ интересовъ русскаго крупнаго капитала, могъ только презрительно посмѣяться надъ мистическими надеждами преодолѣть крупный капиталъ на путяхъ „религіознаго сознанія“.

Въ концѣ концовъ, г. Струве долженъ не смѣяться надъ Мережковскимъ, а благодарить его. Послѣдній, убѣжавъ отъ реальной задачи поставленной статьей „Великая Россія“ передъ мелко-буржуазной мыслью, позволилъ идеологу крупнаго капитала въ дальнѣйшемъ затушевать оголенную позицію „Великой Россіи“ разсужденіями о „богоматеріализмѣ“ „мистикѣ“ „Богѣ“ и „Звѣрѣ“. Это уже ни къ чему.

„Апокалипсисъ противъ исторіи, богоматеріализмъ противъ мистицизма“, такъ формулировалъ идеологъ крупнаго капитала свои разногласія съ протестантомъ отъ лица мелко-буржуазной путаницы. Если мы переведемъ этотъ языкъ на языкъ простыхъ смертныхъ, то получимъ довольно правильно вскрывающую сущность противоположныхъ тенденцій крупнаго и мелкаго капитала.

Смутныя чаянья сверхъестественнаго избавленія отъ „государственной и хозяйственной мощи“ капитала (апокалипсисъ) противъ бисмарковской идеи (исторіи) русскаго либерализма, смутныя мечты мелкой буржуазіи о раѣ самостоятельныхъ мелкихъ производителей (богоматеріализмъ) противъ отрицанія всякой возможности реализаціи „Царства Божія“ *) (мистицизмъ) — вотъ дѣйствительная постановка вопроса.

Неумѣніе отдѣлить тенденціи капиталистическаго процесса, присущіе ему по существу, отъ формъ его проявленія, равно какъ и неспособность занять дѣйствительно революціонную позицію въ борьбѣ съ капиталомъ—это и составляетъ основу безсилія мелко-буржуазной мысли.

Въ данномъ случаѣ эта путаница сказалась у Мережковскаго неумѣніемъ различить бисмарковскую форму развитія производительныхъ силъ Россіи, которой пропѣлъ гимнъ г. Струве, отъ самого неизбѣжнаго процесса развитія производительныхъ силъ. Это сдѣлало его позицію совершенно химеричной и завело его въ тупикъ, гдѣ идеологу капитала легко было одержанную надъ нимъ побѣду положить въ основу воздвигаемой вавилонской башнѣ капиталистической апологетики.

*) „Внутреннее“ пониманіе религіи, пишетъ г. Струве о своемъ мистицизмѣ, не знаетъ вѣры ни въ какія фееріи ни въ соціально-экономическую, ни въ апокалиптическую. Поэтому.., оно ближе къ подлинному мистицизму“. Это и есть тотъ мистицизмъ, который необходимъ современной буржуазіи для оправданія энергіи своей борьбы съ пролетаріатомъ.

Однако, Мережковскій, хотя бы краешкомъ прикоснулся къ реальной постановкѣ вопроса. А онъ стоитъ такъ: будетъ ли дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ Россіи идти возможно безболѣзненнымъ путемъ, т. е. на почвѣ расчищенной крестьянско-пролетарской революціей, или же наиболѣе болѣзненнымъ, мучительнымъ для милліоновъ народа путемъ бисмарковской „революціи сверху“,

2. Хамы завтрашняго дня.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ
Дѣлишки грязны крайне.

Дм. Мережковскій потому и характеренъ для русской интеллигентской мысли, погрязшей въ мелко-буржуазныхъ чаяньяхъ и противорѣчіяхъ, что на его нелѣпомъ жаргонѣ эти противорѣчія принимаютъ абсолютную форму столкновенія различныхъ религій.

Но читатель, наученный долговременнымъ опытомъ, надѣюсь не удивится, если мы скажемъ, что истинный размѣръ вліянія бисмарковской идеологіи среди русской интеллигенціи можно опредѣлить только по „Товарищу“. Эта газета отнюдь не можетъ щеголять политической наивностью. Вокругъ нея группируются люди, которые спеціальной цѣлью своей поставили борьбу за политическій реализмъ и политическую трезвенность, которые, по ихъ собственнымъ, положимъ, завѣреніямъ, имѣютъ въ своемъ спеціальномъ распоряженіи „чувство жизни“. Въ послѣднемъ отказать имъ было бы несправедливо, если только подъ „чувствомъ жизни“ понимать недурно развитое чувство обонянія. Взвѣшивать, какую роль сыграло это чувство въ непрекращающихся, злобныхъ и слюноточивыхъ причитаніяхъ этихъ господъ надъ „разбитой революціей“, надъ „революціонной идеологіей“, надъ „героями фразы“ и пр. и пр., мы здѣсь не будемъ. Скажемъ только, что злобное слюнотеченіе по поводу минувшей эпохи русской революціи естественно должно было дополниться какой либо положительной программой. Употреблять свое „чувство жизни“ *исключительно* на прошлое было бы странно. Теперь друзья газеты могутъ успокоиться: „чувство жизни“ подсказало, наконецъ, „демократической“ газетѣ положительную программу. Естественно, что, начавъ съ того, съ чего началъ г. Струве (критика революціонной теоріи), задержавшись на томъ, на чемъ задержался на моментъ и г. Струве (см. его статью въ Моск. Еженедѣльникѣ 908, № 1)—на проповѣди „культурной работы“—газета приняла и практическую программу г. Струве. Гимнъ русскому капиталу, подъ руководствомъ Бисмарка, на костяхъ народа и революціи воздвигающаго, государственное могущество“ встрѣтилъ на ея страницахъ самый

восторженный пріемъ. Не вѣрите? — Тогда я позволю себѣ наказать ваше невѣріе длинной цитатой. Она взята изъ статьи постояннаго сотрудника „Товарища“ и „Столичная Почта“ г-на А. Р. въ № 242 „Стол. Почта“. Называется она „Мечта о Великой Росссіи“ и слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе газеты къ этимъ мечтамъ русскаго крупнаго капитала.

Всегда оригинальный, всегда смѣлый, всегда идеалистъ г. П. Струве предлагаетъ русскому обществу новый лозунгъ... *Съ радостью готовъ я привѣтствовать предлагаемый лозунгъ!*

„Великая Россія! Примиреніе власти съ народомъ! Прекрасныя мечты! И благо намъ, что между нами есть еще люди, которые такъ хорошо вѣрятъ и насъ зовутъ вѣрить“... „Нашъ идеалъ“, продолжаетъ почтенный „демократъ“ „величественная гармонія государственной чести и народныхъ силъ“.

Изложивъ пламенныя чувства, охватившія его при лицезрѣніи Струвевскаго идеала, г. А. Р. позволяетъ себѣ выразить и нѣкоторыя свои сомнѣнія по поводу немедленной реализаціи этого идеала.

„Въ русскомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ есть, конечно, стремленіе на высшую ступень человѣчности... Но все же стремленіе это слабо, а потому слаба и общественность, безконечно слаба, еле теплится и національная идея. Нужно въ сто, въ тысячу разъ плотнѣе связать идейной связью разрозненные милліоны человѣческихъ атомовъ, что бы создалась дѣйствительно могучая русская нація. *И много еще должно быть сдѣлано подготовительной работы*, и много еще должно пройти времени, *пока сознавшая себя нація сможетъ заключать мирный союзъ съ исторической государственной властью на тѣхъ почетныхъ, гордыхъ условіяхъ, о которыхъ мечтаетъ г. П. Струве.* (кур. нашъ) и съ глубокой тоской нашъ демократъ вопрошаетъ г. Струве, можетъ ли онъ обѣщать исторической власти „живую любовь народа къ государственной культурѣ“ „если нѣтъ еще даже самой почвы, на которой могли бы зародиться *подобныя чувства*“. Ну, не правы ли были мы, когда высказали предположенія, что грядущій Бисмаркъ будетъ избавленъ отъ расходовъ на „тайный фондъ“ для „идеологовъ“.

Возьмите этихъ самыхъ господъ изъ „Столичной Почты“, помѣстившихъ безъ малѣйшихъ оговорокъ сейчасъ цитированную статью. Въ чемъ ихъ отличіе отъ г. П. Струве? Только въ томъ, что г-нъ Струве выводитъ свою линію точно, основательно и серьезно, а эти господа въ припрыжку поспѣваютъ за нимъ, не умѣя даже удержаться отъ забѣганій впередъ.

Г-нъ Струве знаетъ, въ какой средѣ ему приходится пролагать путь идеологіи крупнаго капитала и потому старательно одѣваетъ ее въ идеалистическія одежды, а демократиче-

скіе дурачки забѣгаютъ впередъ, устилаютъ его путь цвѣтами и во все горло ревутъ ему осанну: „всегда оригинальный, всегда смѣлый, всегда идеалистъ"... главное! идеалистъ.

Г. Струве рисуетъ, „пиръ жизни" (см. Р. М. I ст., 150), который уготованъ русскому капиталу, опирающемуся на сильную армію и флотъ, въ бассейнѣ Чернаго моря и, конечно, совершенно реалистически смотря на это грядущее пиршество каннибаловъ капитализма, вывѣшиваетъ ярко размалеванную народной кровью и потомъ вывѣску: Великая Россія, а холопская душа демократа вопитъ, падая на колѣни предъ этой вывѣской: „Великая Россія! примиреніе власти съ народомъ! прекрасныя мечты!"

Г. Струве призываетъ Бисмарка, зоветъ поклониться ему, разглядѣть „сквозь хищничество Бисмарка его религію" и этотъ призывъ находитъ немедленно же резонансъ среди людей съ „чувствомъ жизни" въ груди и съ носомъ по вѣтру: „Благо намъ, что между нами есть еще люди, которые такъ хорошо вѣрятъ и насъ зовутъ вѣрить"...

Да, г-нъ Струве знаетъ какъ подступиться къ русскому „лѣвому" демократу и какъ взять его за носъ и какъ вести его за собой!

Единственное сомнѣніе, которое осмѣливается предъявить „демократическая" газета по поводу бисмарковской линіи развитія капитализма въ Россіи, это соображеніе о *недостаточной подготовленности народа къ немедленному усвоенію идеала г-на Струве*. Но этими своими соображеніями русская демократія „товарищескаго" типа и попадаетъ какъ разъ въ область сферы притяженія бисмарковской идеологіи.

„Демократу" кажется, что *предварительно* „нужно въ тысячу разъ плотнѣе связать идейной связью разрозненные милліоны человѣческихъ атомовъ", что „много должно быть сдѣлано подготовительной работы", что еще надо пробудить въ народѣ „живую любовь къ государственной культурѣ". Но, вѣдь, это-то и есть то, надъ чѣмъ работаетъ г. Струве, и г. Бердяевъ, и г. Изгоевъ и пр. и пр.

Вѣдь, такъ, именно, они понимаютъ свою задачу. Ибо о чемъ же говоритъ г. Струве, когда пишетъ, что „правильная политика общества есть проблемма не тактическая, *а идейная и воспитательная*", какъ не о „связываньи" „разрозненныхъ милліоновъ человѣческихъ атомовъ". И развѣ не на ту же необходимость „живой любви народа къ государственной культурѣ" указываетъ г. Струве, когда отъ имени грядущаго Бисмарка требуетъ „отъ всего народа и прежде всего отъ его образованныхъ классовъ признанія идеала государственной мощи и начала дисциплины труда". Напрасный трудъ создавать словесныя разграниченія тамъ, гдѣ на лицо полное подчиненіе общему идеалу и необходимо вытекающее отсюда общее же признаніе необходи-

мости „подготовительной работы“ въ одномъ и томъ же направленіи.

Ибо, развѣ работа „Товарища“ и всѣхъ этихъ Е. К., А. Р. и прочихъ не есть рабское выполненіе той „предварительной работы“, которая, необходима въ „воспитательныхъ“ цѣляхъ г. Струве и которая ясно сформулирована его товарищемъ, г. Бердяевымъ: „прежде всего должны быть сломаны и сметены всѣ основы традиціоннаго интеллигентскаго міровоззрѣнія“.

Pretereum censeo Carthaginem delenda est. Прежде всего должна быть „сломана и сметена“ революція. Да вѣдь это старинная мечта „демократіи“ изъ „Товарища“ и какъ нельзя болѣе естественно, что она „радостно привѣтствуетъ“ „новый лозунгъ“. Съ принятіемъ этого лозунга отрицательная программа(долой революцію!) получаетъ свое естественное и неизбѣжное дополненіе въ видѣ программы положительной (да здравствуетъ Бисмаркъ!). И если въ отличіе отъ гг. Струве и Бердяева, мы назвали этихъ господъ хамами *завтрашняго* дня, то только потому, что внѣшне, хотя бы чуть-чуть соприкасаясь съ истинной демократіей, эти господа не такъ оптимистичны, какъ г. Струве. Имъ все еще мерещится, что народъ, быть можетъ, не совсѣмъ еще *готовъ*, *воспитанъ* къ принятію Бисмарка. Они боятся, что съ „этимъ народомъ“ придется еще повозиться, чтобъ заставить его принять на свою спину „Великую Россію“. Но, конечно, если завтра новоявленный Бисмаркъ усядется на этой спинѣ и тѣмъ докажетъ, что „предварительная работа“ кончена, они первые станутъ у подножія его трона.

3. О людяхъ безъ будущаго.

Демократіей „Товарища“ ограничивается сейчасъ область распространенія „бисмарковской идеи“. На глазахъ у насъ происходитъ процессъ концентраціи либерализма и извѣстной части мелко-буржуазной демократіи вокругъ широко развернутаго знамени исторической власти, призванной смести революцію и стать во главѣ дальнѣйшаго „развитія“ русскаго капитализма. „Развитіе“ это, сводящееся къ киданію на внѣшніе рынки за полнымъ истощеніемъ рынка внутренняго—конечно, надо понимать cum grano salis. И въ томъ, что Великую Россію г-ну Струве оказалось невозможнымъ построить безъ агрессивной внѣшней политики, заключается, конечно, ахиллесова пята всѣхъ подобнаго рода построеній о возможности дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ Россіи не революціонными, а контръ-революціонными методами.

На примѣрѣ г. Бердяева мы видѣли, *какъ* пришелъ русскій либералъ къ идеѣ бисмарковской „революціи сверху“,

какъ къ единственной формѣ обезпеченія интересовъ капитала. Г-нъ Струве разсказалъ намъ, *зачѣмъ* нуженъ русскому капиталу Бисмаркъ. Наконецъ, „Столичная Почта" показала намъ, какъ въ круговоротъ бисмарковской идеологіи втягиваются извѣстные слои мелко-буржуазной интеллигенціи. Но до сихъ поръ въ видѣ протеста противъ Бисмарка, мы слышали лишь стоны и „мистическія" надежды г-на Мережковскаго, своимъ безсиліемъ лишь дополняющія картину тѣхъ побѣдъ, которыя одерживаетъ „національная идея" крупнаго капитала надъ умами и волей извѣстныхъ слоевъ общества.

Не надо забывать, что, воспѣвая грядущаго генія, гг. Струве, Изгоевы и пр. охотно склоняются къ мысли, что среди дѣйствующихъ на общественной аренѣ фигуръ, одна обнаруживаетъ способность, если не вполнѣ воплотить „геніальную смѣлость и мощь" Бисмарка, то, во всякомъ случаѣ, замѣнить послѣдняго. Установивъ, что исторія полна „чудесами", т. е. превращеніями реакціи въ „революцію сверху", г. Струве высказываетъ увѣренность, что „г. Столыпинъ былъ бы величайшимъ чудотворцемъ, если бы онъ могъ предотвратить ходъ вещей въ такомъ направленіи. Я не считаю г. Столыпина чудотворцемъ". Къ этому недвусмысленному увѣренію есть и поясненіе въ статьѣ о „Великой Россіи". „Самая незамѣтная и въ то же время самая трудная и почетная борьба, которую велъ Бисмаркъ во имя государства велась имъ не противъ оппозиціи парламента, не противъ внѣшняго врага и его дипломатіи, а противъ главы государства".

Эти соображенія г-на Струве о томъ, что г. Столыпинъ *не можетъ* „противостоять ходу вещей", и что самая „трудная и почетная борьба" велась Бисмаркомъ изъ-за вліянія на Вильгельма противъ его реакціонныхъ совѣтниковъ, полезно было бы дополнить соображеніями г. Изгоева, развитыми въ статьѣ, спеціально посвященной характеристикѣ— на Столыпина (Р. М. 907. XII). Мы приведемъ оттуда лишь нѣсколько фразъ. „Утверждали, пишетъ г. Изгоевъ, что созывъ второй думы въ назначенное время на основаніи формально неизмѣненнаго и только исправленнаго (!?!) сенатскими разъясненіями избирательнаго закона дался П. А. Столыпину *не безъ серьезной борьбы съ реакціонными кругами*"... „Есть нѣкоторыя основанія думать, что П. А. Столыпинъ *не безъ борьбы* уступилъ домогательствамъ дворянства" (кур. нашъ)... Наконецъ, г. Изгоевъ свидѣтельствуетъ, что у г. Столыпина имѣется, кромѣ „традицій носителя твердой власти" и idée-maitresse, „такая идея у него безусловно есть, идея ясная, опредѣляется". И реализацію этой идеи, idée-maitresse г. Столыпина (намъ сейчасъ неинтересно въ чемъ

она именно заключается) г. Изгоевъ считаетъ явленіемъ „прогрессивнымъ и желательнымъ".

Кажется, ясно. Въ предѣлахъ текущей политики „идеалистическое" служеніе „Великой Россіи" не только требуетъ, но прямо обязываетъ къ поддержкѣ той политики г-на Столыпина, въ которой нашелъ свое земное воплощеніе идеалъ Бисмарка. Надо полагать, что недостающія черты россійскаго Бисмарка, болѣе или менѣе, воплощены въ фигурѣ А. И. Гучкова...

Такимъ образомъ то, что въ вышеприведенной цитатѣ (ст.) мы назвали „попыткой дуумвирата Столыпинъ-Гучковъ запретить въ Россіи режимъ „серіознаго конституціонализма" и въ сферѣ идеологіи и въ сферѣ практики получилъ вполнѣ законченное выраженіе.

Остается разсмотрѣть другую сторону процесса. „...Эта попытка..., мы продолжаемъ оборванную выше цитату, должна будетъ встрѣтиться снизу съ попыткой не дать въ руки этого дуумвирата плодовъ революціонной борьбы и революціоннымъ же путемъ ихъ расширить. Это будетъ рѣшительная схватка двухъ путей дальнѣйшаго развитія Россіи... Уже сейчасъ должны быть выяснены широкимъ массамъ эти перспективы и сейчасъ же должна вестись пролетаріатомъ работа въ томъ направленіи, чтобъ къ моменту этой схватки широкія массы демократіи не колебались между двумя врагами, а опредѣленно стали на его позицію". Каковы перспективы и идеологическія отраженія этого второго пути? Даже, оставаясь въ предѣлахъ журналистики, можно намѣтить чрезвычайно любопытныя черты, которыя обнаружились на лѣвомъ флангѣ, когда онъ оказался передъ лицомъ попытокъ „революціи сверху".

Мы, къ сожалѣнію, принуждены, по размѣрамъ статьи, ограничиться лишь самыми бѣглыми чертами. Детальному изученію серіознѣйшаго вопроса о томъ, дѣйствительно ли суждено „революціи сверху" „встрѣтиться снизу съ попытками не дать въ руки... Бисмарку плодовъ революціонной борьбы" пришлось бы посвятить особую статью.

Попробуемъ покуда разсмотрѣть, что дѣлается въ области „традиціоннаго интеллигентскаго міровоззрѣнія", которое, вѣдь, должно же отстаивать свое существованіе отъ Бердяевско-Столыпинскаго наскока.

Прежде всего о народнической идеологіи и ея отношеніи къ „революціи сверху". Кстати, во 2-ой книжкѣ „Русскаго Богатства", органъ *право*—народнической мысли напе-а чатаны двѣ статьи прямо на эту тему. Статья г. Пѣшехонова-такъ и озаглавлена: „революція наоборотъ". Она предста вляетъ интересную попытку изучить плоды о возможности „революціи наоборотъ" въ средѣ аграрныхъ отношеній.

Передъ нами любопытнѣйшій образчикъ растерянности

мелко-буржуазной мысли. И, что, пожалуй, стоитъ отмѣтить,—это характернѣйшее совпаденіе ошибокъ и выводовъ г. Пѣшехонова и г. Мережковскаго. Г. М. толкуетъ о „революціи сверху" въ плоскости религіи, г. П.—въ плоскости аграрныхъ отношеній; г. П. хочетъ быть политикомъ и реалистомъ, г. М.—пророчествующій апокалиптикъ: г. П. аргументируетъ цифрами изъ библейскихъ сказаній; но мелко-буржуазные предразсудки владѣютъ ими обоими, съ одинаковой силой скрываютъ отъ нихъ дѣйствительныя отношенія вещей въ равной степени, и заводятъ въ одинъ и тотъ же тупикъ безсильныхъ стоновъ „мистическихъ" надеждъ. Какъ это совпаденіе характерно и для „реализма" одного и для „свободнаго полета религіозной мысли" другого. Корень путанницы и у одного и у другого тотъ же: г. Пѣшехоновъ, какъ и г. М. не умѣетъ отличить общихъ тенденцій капиталистическаго развитія отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ оно протекаетъ.

Приведу нѣсколько цитатъ. Замѣчу предварительно, что та idée—maitresse г. Столыпина, „неизбѣжность, прогрессивность и желательность" которой признанъ устами г. Изгоева русскій либерализмъ заключается „въ созданіи изъ русскаго крестьянина свободнаго личнаго собственника", по формулировкѣ г. Изгоева, или въ созданіи „цѣпкаго крестьянина и свободнаго производителя, который ему нуженъ въ качествѣ „оплота", по формулировкѣ г. Пѣшехонова (Р. Б. 908. II. стр. 168. Остальныя цитаты изъ этой же статьи). Только г. Пѣшехоновъ естественно считаетъ это и не прогрессивнымъ и не желательнымъ.

Считая необходимымъ ослабить давленіе крестьянской земельной нужды на существующій порядокъ, оно (правительство) желало вмѣстѣ съ тѣмъ создать за счетъ уступаемой земли крѣпкаго крестьянина, расчитывая найти потомъ въ немъ оплотъ для священной собственности" (ibid. стр. 140). Г. Пѣшехоновъ хочетъ трактовать „созданіе крѣпкаго крестьянства" только какъ результатъ давленія сверху и по сему поводу пускается даже въ неумную полемику съ марксистами.

„Намъ все время утверждали, что „хозяйственный мужичекъ" явится самъ собой, въ результатѣ стихійнаго процесса; больше того: увѣрены, что онъ уже имѣется. Оказывается, однако, что *этого самаго „мужичка" спѣшно должно создавать теперь правительство и лишь при помощи планомѣрныхъ усилій онъ можетъ занять въ жизни подобающую ему мѣсто*" (кур. нашъ).

Однако, нѣсколькими страницами выше, г. Пѣшехоновъ самъ принимается убѣждать насъ не болѣе не менѣе какъ въ слѣдующемъ: (стр. 161). Нельзя упускать изъ виду, что психика крестьянской массы въ ея отношеніи къ землѣ уже

испорчена,—испорчена выкупною операціей и тѣми мѣновыми сдѣлками, на основаніи которыхъ въ теченіе всего пореформеннаго времени крестьяне только и могли расширять свое землепользованіе. Земля въ глазахъ населенія уже успѣла сдѣлаться товаромъ, который приходится добывать за деньги. Въ частности, надѣльныя земли—это товаръ, который уже оплаченъ,—оплаченъ долгими годами труда и лишеній. Вполнѣ понятно поэтому, что даже тамъ, гдѣ община сохранилась, крестьяне смотрятъ на землю, какъ на частную собственность."

А этимъ общимъ соображеніямъ предшествуетъ цѣлый рядъ ламентацій г-на Пѣшехонова по поводу развивающагося въ деревнѣ „стремленія къ наживѣ, которое такъ легко развивается на почвѣ собственности". „Это чувство правительству уже удалось пробудить въ крестьянахъ", сѣтуетъ г. Пѣшехоновъ. И „процессъ протекаетъ... охватывая постепенно одну часть деревни за другою, заражая все большую часть крестьянъ стремленіемъ урвать, что только можно".

Безнадежно спутавши эти два процесса: „стихійный процессъ" капитализаціи аграрныхъ отношеній и попытки русскихъ „революціонеровъ сверху" использовать этотъ процессъ въ своихъ интересахъ, г. Пѣшехоновъ долженъ былъ попасть и попалъ въ невылазную трясину. Борьба съ „революціей сверху" приняла для него форму борьбы съ тенденціями капитализма вообще и, тѣмъ самымъ, эта его жестокая словесная борьба съ „революціей наоборотъ" лишилась какой бы то ни было реальной точки опоры.

Тотъ анализъ хода земельныхъ операцій, который данъ въ статьѣ г. Пѣшехонова, доказываетъ—и совершенно неопровержимо—что „революція сверху" въ области аграрныхъ отношеній будетъ связана съ ужасающими страданіями крестьянской массы, будетъ имѣть своей основой массовую экспропріацію малоземельнаго крестьянства; онъ совершенно основательно пришелъ къ выводу, что въ результатѣ революціи сверху: „крестьяне толпами станутъ бродить по всей Россіи".

Все это такъ, и г-нъ Пѣшехоновъ не понялъ лишь одного. Вѣдь появленіе „толпъ бродячихъ крестьянъ" будетъ знаменовать, что процессъ бисмарковскаго созиданія „Великой Россіи" зашелъ ужъ достаточно далеко. „Толпы" будутъ *результатомъ* бисмарковской линіи развитія Россіи, ихъ выступленіе на *политическую* арену, если оно совершится, будетъ знаменовать борьбу съ существующимъ Бисмаркомъ, съ властью, уже осуществавшей или почти осуществившей свою программу ликвидаціи той революціи, о которой мы съ Пѣшехоновымъ сейчасъ говоримъ. Появленіе „толпъ" будетъ элементомъ *другой* революціи, городской и соціалистической, и признакомъ того, что такъ или иначе, а вопросы сейчасъ

стоящіе передъ деревней разрѣшены, хотя бы по... Столыпински.

Въ идейномъ багажѣ народника не оказалось реальныхъ методовъ борьбы со столыпинскимъ методомъ разрѣшенія вопросовъ *современной* деревни. Вотъ смыслъ статьи г. Пѣшехонова. Отъ вопроса въ какомъ направленіи будетъ развиваться современная намъ революція—въ направленіи революціи снизу или реформы сверху, — народникъ сбѣжалъ къ вопросамъ соціалистической революціи.

Нотки реалистическаго воззрѣнія прогдядываютъ у г. Пѣшехонова и именно тогда, когда анализъ фактовъ приводитъ его къ мысли, что процессъ созданіи „крѣпкаго крестьянина" не только отъ Столыпина зависитъ. „Можно удивляться только энергіи, какую проявляетъ правительство, чтобы помочь имъ („хозяйственнымъ мужичкамъ", „индивидуальнымъ личностямъ. Ю. К.) въ этомъ непривлекательномъ дѣлѣ (въ дѣлѣ раздавливанія „погибающихъ" Ю. К.). Только себя компрометируетъ... И безъ него, вѣдь, дѣло сдѣлается. Достаточно было предоставить „свободу", а затѣмъ, процессъ самъ собою разовьется". Это меланхолическое заявленіе погребаетъ подъ собой всѣ разсужденія г-на Пѣшехонова. Вѣдь вопросъ какъ разъ и шелъ о томъ, возможно ли на основѣ „само собой идущаго процесса" противопоставленіе „революціи сверху"—революціи просто. Ясно, что на основѣ идущаго „само собой" процесса г. Пѣшехоновъ ничего построить не можетъ.

Въ концѣ концовъ Столыпинской реформѣ онъ противоставляетъ ничто иное, какъ... „трудовыя воззрѣнія крестьянской массы, (Ibid. стр. 161). Ну чѣмъ же это противопоставленіе отличается отъ той „религіи человѣческаго бытія", которую г. Мережковскій противопоставилъ Струвевской „религіи Звѣря"-Бисмарка...

Мелко-буржуазная путанница привела и того и другого къ тому же безсилію мысли, къ тѣмъ же попыткамъ „преодолѣть" реальную проблему „мистическими" чаяньями, подъ какимъ бы наименованіемъ эта мистика не скрывалась, подъ формой ли вѣры въ „трудовое воззрѣніе" или подъ формой интеллигентскаго анархизма.

Мелко-буржуазная мысль передъ лицомъ крупно-капиталистической эры могла предъявить лишь свой стонъ и свою безсильную мечту. Эта мысль—безъ будущаго въ прямомъ смыслѣ слова.

Мы оставимъ послѣ сказаннаго о позиціи г-на Пѣшехонова въ сторонѣ статью г-на Мякотина. Укажемъ только, что ея сравнительный „реализмъ" весьма естественно дополняетъ „мистику" г-на Пѣшехонова въ данномъ случаѣ „чрезвычайно—плодотворной" идеей о сближеніи позиціи кадетовъ съ позиціями болѣе лѣвыхъ группъ.

На этомъ мы оставимъ г-д. народниковъ съ ихъ „мистикой,“ „трудовыхъ воззрѣній“ и разнымъ „объединеніемъ всѣхъ живыхъ силъ страны“, включая сюда же кадетовъ.

Намъ слѣдовало бы перейти теперь отъ „мыслей безъ будущаго“ къ той системѣ воззрѣній на ходъ борьбы въ русскомъ обществѣ, которая несомнѣнно имѣетъ будущее. Правда, нѣкоторые стороники этой системы—мы говоримъ объ идеологіи пролетаріата—и съ нею въ рукахъ умудрились оказаться, безъ будущаго. Безъ будущаго, т.-е., въ данномъ случаѣ, безъ умѣнія найти свое мѣсто и соотвѣтственно построить свою линію поведенія. Нѣкоторые изъ нихъ умудрились даже такъ опредѣлить свои позиціи, что ихъ вода потекла на мельницу г-на Струве (напр., г. В. М-д-м. изъ „Нашей Трибуны,“ и далеко не онъ одинъ). Но это ужъ вина этихъ сторонниковъ системы, а не самой системы.

Поэтому ихъ ошибки мы разберемъ въ связи съ воззрѣніями тѣхъ, кто рѣшительно и послѣдовательно (какъ авторъ статьи „Революція и ея могильщики“) ставитъ вопросъ о томъ, насколько возможенъ тотъ, другой, не Столыпинско-Струвевскій, не бисмарковскій—путь развитія Россіи. Ибо рѣчь идетъ именно о „двухъ путяхъ дальнѣйшаго развитія Россіи“.

Къ сожалѣнію мы не можемъ уже сдѣлать этого на этихъ же страницахъ. Придется отложить это до слѣдующей статьи.

Ю. Каменевъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ХРОНИКА.

Рабочее движеніе въ С.-Петербургѣ.

Движеніе происходитъ подъ знакомъ рѣшительнаго и неуклоннаго наступленія капитала. Металлургическіе заводы, какъ казенные, такъ и частные,—уменьшаютъ заработную плату. Семянниковскій на 20—30%, Александровскій на 30-76%, на Патронномъ и Путиловскомъ- тоже. У Лангеринела расцѣнки понижены, въ среднемъ, на 50%, у Нобеля и на заводѣ „Феникъ“ на 40%. Союзъ рабочихъ металлистовъ, численно весьма сильный, третируется заводчиками, всѣ усилія которыхъ направлены на то, чтобы не дать окрѣпнуть рабочему союзу и свести его на нѣтъ. Попытки установить нѣкоторыя сношенія между союзомъ рабочихъ по металлу и союзомъ предпринимателей кончаются безрезультатно. Такъ, напримѣръ, союзъ рабочихъ по металлу разослалъ заводчикамъ 130 писемъ съ проектомъ учрежденія примирительной камеры по увѣчнымъ дѣламъ и получилъ только 4 отвѣта отъ незначительныхъ сравнительно фирмъ.

Значительно ухудшается положеніе рабочихъ текстильнаго производства. У Торнтона дѣло дошло до того, что работница еле зарабатываетъ 12 рублей въ мѣсяцъ, а рабочій 18. У Керстена расцѣнки уменьшены на 25—50%, у Паля и Мексевеля—значительныя пониженія.

Понижается заработная плата въ типографіяхъ: у Сойкина, Яблонскаго, Безобразова, Ныркина, Печатнаго Дѣла, Яковлева и др.

Тоже явленіе наблюдается у кожевниковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ.

Разсчеты растутъ съ каждымъ днемъ. Уничтожается всякое заводское и фабричное рабочее представительство, при чемъ запрещаютъ даже выбирать старостъ на основаніи закона 1903 года, ранѣе бойкотировавшихся рабочими. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляется старый режимъ взяточничества со стороны мастеровъ и штрафовъ по каждому мелкому и мельчайшему поводу. У предпринимателей всплылъ планъ перевести всѣхъ рабочихъ на сдѣльную плату, и нѣкоторые этотъ планъ уже осуществляютъ. Возродились опять черные списки и т. д. и т. д.

Къ сверхурочнымъ работамъ принуждаютъ рабочихъ; почти на всѣхъ предпріятіяхъ за послѣднее время перестаютъ даже прикрывать ихъ какимъ-либо фиговымъ листкомъ, вводя сверхурочныя работы, тутъ-же сокращаютъ заработную плату или просто отказываются отъ какой-либо добавочной платы за эти работы.

Слѣдующая весьма неполная таблица даетъ извѣстное представленіе о размѣрахъ сверхурочныхъ работъ, производимыхъ въ Петербургѣ.

Работы производятся въ теченіе:

2 час.	3 час.	$3^1/_2$—4.	$4^1/_2$—5.	Неогранич.
Эрпксонъ.	Парвіаненъ.	Семеновъ.	Воронинъ.	Нобель.
Канъ.	Трубочный.	Семянниковъ.	Электр. ст.	Фабр. Богданов.
Гофманъ.	Балтійскій.	Путиловск.	Атласъ.	Винклеръ.
Кибель.	Максвель.	Шульцъ.	Мартенсъ.	Гукъ.
	Упэпэкъ.	Безобразовъ.	Обуховск.	Поляковъ.
		Струкъ.	Кронштт. портъ.	Грапъ.
		Торнтонъ.		Оффенбахеръ.
				Александровск.

Однимъ словомъ, капиталъ наступаетъ по всей линіи.

Профессіональные союзы связаны по рукамъ и ногамъ. Никакой сколько-нибудь серьезной дѣятельности они проявить не могутъ, подъ страхомъ закрытія. Репрессіи сыпятся на нихъ и здѣсь, какъ изъ рога изобилія. На дняхъ закрытъ союзъ портныхъ и газета Кузнецъ. Произведено масса обысковъ. Есть всѣ основанія полагать, что власти предержащія рѣшили уничтожить петербургскій базисъ профессіональнаго движенія, рѣжущій имъ глаза среди мертвой пустыни. Не оставлены безъ вниманія и просвѣтительныя общества рабочихъ. На дняхъ закрыты два изъ нихъ безъ всякаго видимаго повода. Дѣятельность другихъ тормозится всячески. Открытіе новыхъ стало невозможно: техническая комиссія требуетъ, чтобы въ помѣщеніяхъ рабочихъ клубовъ было непремѣнно электрическое освѣщеніе, центральное отопленіе и т. п. Кооперативному движенію также ставятся всяческія препоны. Трудовому союзу запрещено имѣть делегатскія собранія, на общихъ собраніяхъ не даютъ говорить и т. д.

Помощь безработнымъ чрезвычайно слаба. Кой-какіе сборы дѣлаются только рабочими даннаго предпріятія въ пользу безработныхъ того-же предпріятія. Дѣло не централизовано и сколько-нибудь серьезнаго значенія имѣть не можетъ. Былъ планъ собрать спеціальную рабочую конференцію по вопросу о безработицѣ и борьбѣ съ ней. Она не осуществилась за невозможностью произвести особыхъ выборовъ отъ широкихъ массъ рабочихъ, и вопросъ сданъ въ центральное бюро профессіональныхъ союзовъ.

Профессіональные союзы на Уралѣ.

Въ дни свободы на всѣхъ крупныхъ заводахъ Урала создались профессіональные политическіе рабочіе союзы. Наряду съ профессіон.-заводскими интересами, они ставили своей задачей защиту демократическихъ требованій всего населенія. Поэтому, въ ихъ уставахъ имѣлись своеобразныя аграрныя программы и изложеніе тактики, сообразно моменту. Была попытка объединить эти организаціи въ „Уральскій трудовой союзъ". Но какъ послѣдній, такъ и всѣ мѣстные заводскіе союзы были скорѣе органами революціи, чѣмъ организаціями рабочаго класса, такъ какъ объединяли они въ своихъ нѣдрахъ вообще заводское населеніе и сообразно съ условіями тогдашней дѣйствительности на первый планъ выдвигали не классовые интересы наемныхъ рабочихъ, а общедемократическія задачи момента.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Катавъ-Ивановскій заводъ, эти организаціи руководили и первымъ натискомъ рабочихъ на капиталъ—въ видѣ установленія, напримѣръ, захватнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. И нужно сказать, что и организація этихъ союзовъ и ихъ первые шаги проходили безъ непосредственнаго организованнаго участія какихъ бы то ни было партій.

Только послѣ того, какъ политическая коньюнктура начинала усложняться, послѣ того, какъ былъ исчерпанъ запасъ стихіи, послѣ этого подобные союзы сами начинали искать себѣ руководителя въ лицѣ извѣстныхъ по наслышкѣ партій. Чаще всего мы встрѣчались съ фактомъ посылки союзомъ ходока въ городъ для разысканія соціальдемократическаго комитета; конечно, таковой тогда не трудно было найти и между союзомъ и партіей устанавливались прочныя сношенія.

Черезъ нѣкоторое время, конечно, подъ вліяніемъ партіи въ союзѣ образовывалось соціальдемократическое ядро, оно еще нѣкоторое время напрявляло и оживляло дѣятельность такихъ союзовъ. Но какъ только начались репрессіи и преслѣдованія союзъ, какъ таковой, разсыпался, оставалось лишь партійное ядро, которое по преемственности брало на себя функціи союза, являясь въ то же время оффиціальной мѣстной партійной ячейкой.

И въ массахъ составлялось убѣжденіе, что эта ячейка не только призвана руководить политическими выступленіями рабочаго класса, но, что она должна руководить и заводской жизнью и даже нравственнымъ усовершенствованіемъ заводскихъ обывателей.

Такъ разрушились неопредѣленныя широкія организаціи, и такъ изъ нихъ вылупилась узкая классовая организація пролетаріата съ широкими полномочіями.

Это обстоятельство, съ одной стороны прямо-таки не давало возникнуть вопросу о созданіи легальныхъ профессіональныхъ обществъ на заводахъ. Очевидно, мало было нужды. Съ другой стороны, экономическая борьба рабочихъ на Уралѣ очень съужена постояннымъ кризисомъ въ производствѣ. Такъ, что невозможность широкой массовой стачечной борьбы порождало въ рабочихъ индеферентность къ широкимъ профессіональнымъ организаціямъ.

Связь же критическаго положенія промышленности съ политическими порядками такъ ясна, что это отъ мелкоэкономической борьбы оттягивало вниманіе массъ исключительно къ политической борьбѣ.

Все это вмѣстѣ взятое намъ объясняетъ, почему на уральскихъ горныхъ заводахъ до сихъ поръ такъ мало профессіональныхъ союзовъ.

За послѣдніе полъ года наблюдается медленный обратный поворотъ.

На нѣсколькихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ возникаютъ профессіональные нелегальные, чисто экономическіе союзы. Нелегальные потому, что рабочіе какъ то не склонны довѣрять становому и исправнику, а потомъ еще есть у нихъ спеціальныя соображенія: заводовладѣльцы, при нелегальномъ положеніи не могутъ преслѣдовать правленія, при легальномъ же положеніи имъ это всегда доступно, а рабочіе не могутъ въ большинствѣ затѣять борьбу за право организаціи, вслѣдствіе вышеуказаннаго кризиса въ промышленности. Такой союзъ существуетъ въ Мотовиловскомъ пушечномъ заводѣ около полгода и насчитываетъ отъ 1500—1800 членовъ, также въ Позивинскомъ заводѣ, но значительно меньшихъ размѣровъ. Были попытки къ созданію нелегальныхъ союзовъ въ Ижевскомъ, Алапаевскомъ и Богославскомъ заводахъ.

Но рабочіе скоро начинаютъ разочаровываться въ преимуществахъ нелегальнаго существованія. Такъ какъ дѣятельность такихъ союзовъ не выходитъ за предѣлы оказанія помощи пострадавшимъ отъ частичныхъ столкновеній съ хозяевами или отъ полицейскихъ репрессій. Отсутствіе планомѣрнаго постояннаго вмѣшательства со стороны союза во всѣ заведенные порядки, скоро порождаетъ въ малосознательныхъ рабочихъ невниманіе къ союзу. И нелегальные союзы фактически чахнутъ, какъ растенія безъ свѣта. Единственный крупный нелегальный Мотовилихинскій союзъ за послѣдніе дни склоняется къ превращенію въ легальный. Легальный-же союзъ изъ всѣхъ уральскихъ заводовъ существуетъ только на одномъ Воткинскомъ. Тамъ онъ объ-

единяетъ около 1500 рабочихъ, но въ виду почти полнаго прекращенія производства на этомъ заводѣ сила и значеніе союза чисто потенціальныя.

На основаніи этихъ данныхъ можно ожидать, что затяжный характеръ общей реакціи, использованіе заводовладѣльцами этой реакціи въ цѣляхъ усиленія эксплуатаціи, естественное стремленіе со стороны рабочихъ дать отпоръ этимъ хищническимъ аппетитамъ, — все это, пожалуй, способно нѣсколько оживить профессіональное движеніе, вызвать къ жизни организаціи по типу общероссійскому. Такъ, схватки съ капиталомъ все-таки происходятъ, хотя большинство ихъ кончается теперь пораженіемъ рабочихъ. За послѣдній годъ было двѣ крупныхъ стачки въ Надеждинскомъ заводѣ и въ Сысерти, бастовали цѣлые заводы. Кончилась борьба закрытіемъ заводовъ и разсчетомъ всѣхъ рабочихъ. Привелигированный уральскій капиталъ не стѣсняется со своими наемными рабами.

Эти факты показываютъ, что эксплоатація переходитъ всѣ границы, вслѣдствіе чего рабочіе, не смотря ни на какія условія, начинаютъ борьбу. И это состояніе способствуетъ вновь возникновенію профессіональныхъ союзовъ.

И все-таки широкаго профессіональнаго движенія на Уралѣ ожидать нельзя, пока не уничтожатся крѣпостные пережитки въ отношеніяхъ рабочихъ къ заводамъ, пока уральская горная промышленность не станетъ на общекапиталистическій путь.

Теперь временное оживленіе въ этой или иной отрасли производствъ можетъ создавать положеніе, соотвѣтствующее борьбѣ рабочихъ и организаціи профессіональныхъ союзовъ. Такъ, напримѣръ, въ производствѣ листового желѣза за 1907 годъ,—когда синдикатъ удалось вздуть до невѣроятности цѣнъ; или въ мѣдной промышленности въ теченіи 1906—1907 гг. до октября. Но за этимъ краткимъ оживленіемъ наступаетъ всегда длительный упадокъ, подрывающій или совсѣмъ разрушающій профессіональныя организаціи. Да и періоды оживленія для уральской промышленности являются исключеніемъ и довольно рѣдкимъ.

Нѣсколько иную картину представляетъ собою профессіональное движеніе въ крупныхъ уральскихъ городахъ. Хотя въ нихъ вообще — нѣтъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, и поэтому профессіональное движеніе захватываетъ больше всего рабочихъ мелкихъ мастерскихъ.

Будемъ описывать по городамъ. Начнемъ съ Екатеринбурга:

Всего союзовъ—шесть.

СОЮЗЫ.	Число членовъ.	Дѣлаютъ пост. взносы.
Кондитеровъ	80	80
Рабочіе чайной развѣски	200	200
Приказчиковъ	220	220
Печатнаго дѣла	100	60—65
Портныхъ	70	20—15
Металлистовъ	200	160
Итого	870	640

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, передовые элементы рабочихъ каждаго производства объединены довольно прочно. Но только передовые! Къ сожалѣнію точно нельзя указать, какой процентъ рабочихъ объединенъ въ союзахъ. Приблизительноже около 20%, во всякомъ случаѣ не больше, если не принимать во вниманіе такихъ исключеній, какъ чаеразвѣсочная Высоцкаго, гдѣ объединены въ союзѣ 80%.

Большинство этихъ союзовъ образованы въ послѣднее полугодіе, одинъ только союзъ чаеразвѣсочниковъ существуетъ немного больше. Всѣ союзы объединяются центральнымъ бюро, которое ставитъ своей цѣлью, кромѣ объединенія нѣкоторыхъ шаговъ, еще освѣщеніе вопросовъ професс. движенія, практ. содѣйствіе возникновенію новыхъ союзовъ. Професс. литературы ни союзами, ни Ц. Б. не выпускалось. Отдѣльные члены союзовъ и имъ сочувствующіе пытались издавать органъ професс. движенія „Уральскую недѣлю“, но губернаторъ на 4-мъ № органъ закрылъ, а редактора выслалъ.

Дѣятельность союзовъ, главнымъ образомъ, уходитъ на разрѣшеніе различныхъ столкновеній между рабочими и хозяевами, на защиту отдѣльныхъ членовъ отъ произвола послѣднихъ. И успѣхъ въ этомъ отношеніи не одинаковъ: тогда какъ кондитера въ своихъ попыткахъ неудачи, вслѣдствіе штрейхбрехерства мастеровъ, давшаго возможность продолжать производство при поденныхъ необученныхъ рабочихъ,—чаеразвѣсочники, объединившіе въ союзѣ 80% своего числа, выиграли крупныя прибавки къ жалованью, добились отмѣны обысковъ и штрафовъ, пріема и увольненія съ вѣдома и согласія правленія союза. Администрація развѣсочной пыталась ставить союзу преграды, но подъ угрозой конфликта признала право на вмѣшательство съ его стороны во всѣ распорядки. И теперь она сама принуждена была признать, что нравственный уровень рабочихъ быстро поднялся, при отсутствіи обысковъ и штрафовъ, случаи проступковъ (кража, выходъ на работу въ пьяномъ видѣ), далеко уменьшились.

Не такъ обстоятъ дѣла въ другихъ союзахъ, больше всего они еще заняты подготовительной работой, ведутъ устную агитацію, составляютъ библіотеки, такъ сказать,

накапливаютъ силы. За послѣдніе дни во всѣхъ союзахъ начались шаги къ организаціи юридической, медицинской помощи и къ постановкѣ культурно — просвѣтительной работы.

Въ этой области общее руководство поручено Ц. Б.

Еще нужно отмѣтить, что ростъ союзовъ—очень быстрый; такъ, напримѣръ, союзъ приказчиковъ въ теченіе перваго мѣсяца существованія выросъ до внушительной цифры—220 членовъ. Это, несмотря на то, что въ городѣ существуетъ традиціонное полубуржуазное „общество вспоможенія“ и съ нимъ новому пролетарскому обществу приходится вступать въ конфликты даже изъ-за помѣщенія.

Неразрѣшеніемъ общихъ собраній, проволочками, администрація очень тормозитъ развитіе союзовъ. Такъ, напримѣръ, послѣ общихъ собраній всегда бываетъ новый притокъ членовъ,—тогда какъ, если собраній не было, какъ у портныхъ, то мы видимъ, что изъ 70 записавшихся, аккуратно дѣлаютъ взносы только 20!

О портныхъ нужно сказать, что это—самый трудно поддающійся организаціи элементъ; въ ихъ производствѣ періоды „сезоновъ“ смѣняются безработицей. И вотъ, въ періоды „сезона“ вмѣсто стремленія увеличить заработную плату и уменьшить рабочій день, каждый изъ портныхъ стремится больше и больше работать. Такимъ образомъ, періоды „сезона“ сами сокращаютъ.

И во время „сезона“ они забрасываютъ дѣла союза, возвращаются-же къ нимъ во дни безработицы. Въ Екат-гѣ былъ единственный въ своемъ родѣ фактъ: разрѣшенное общее собраніе не состоялось, потому что изъ членовъ почти никто не явился.

Екатеринбургскій союзъ рабочихъ по металлу имѣетъ райономъ своей дѣятельности самый городъ и примыкающій къ нему Верхъ-исетскій заводъ. Послѣдній относится къ профессіоннымъ заводамъ и по одному этому, не говоря объ общемъ затишьѣ въ металлургическомъ производствѣ, — дѣла завода плохи: производства сокращаются. Остальные небольшіе металлическіе заводы города тоже сокращаютъ производство, увольняютъ рабочихъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что союзъ металлистовъ развивается медленно.

Ошибка была допущена при организаціи союза, заключавшаяся въ сильномъ съуженіи района дѣятельности; поэтому союзъ не распространяетъ своего вліянія даже на нѣкоторые, близко лежащіе къ городу, заводы.

А главное во всѣхъ союзахъ еще не выработалось, хоть сколько-нибудь опытныхъ руководителей движенія; литература изъ центровъ профессіональнаго движенія мало доходитъ до насъ. Рѣдко въ союзахъ можно встрѣтить комплектъ

органа даже ихъ профессіи, не говоря уже о непериодической печати. При попыткахъ издавать листки отъ союзовъ,— администрація цензурой и проволочкой убивала это начинаніе. На изданіе періодическихъ органовъ еще нѣтъ средствъ.

Теперь перейдемъ къ описанію профессіональнаго движенія въ Перми.

Утвержденныхъ и дѣйствующихъ союзовъ всего три.

	Записано:	Платящихъ
Рабочихъ по металлу	70—80	—
Портныхъ	18	—
Кондитер., булочн. и колб.	100	70—80

Всѣ союзы существуютъ меньше полугода. И только одинъ изъ нихъ—союзъ кондитеровъ всталъ довольно прочно на ноги, охвативъ около 30% всѣхъ рабочихъ даннаго производства. Къ этому-же производству, собственно говоря, относятся хлѣбники (пекущіе черный хлѣбъ), калашники, прянишники, крендельщики,—и вся эта обширная область совершенно не захвачена. Къ этому дѣлаются только первые шаги. При чемъ, нужно сказать, что въ этой области свила себѣ гнѣздо самая невѣроятная эксплоатація: работаютъ урокомъ,—поэтому рабочій день не ограниченъ, оплата труда—сдѣльная и очень низкая. Пожалуй тоже самое, вообще, среди кондитеровъ, булочниковъ и колбасниковъ; сносная оплата только для обученныхъ мастеровъ. А подручные, мальчики набираются изъ необученной деревенской молодежи и имъ платятъ 5—8 р. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ при 12 часовомъ рабочемъ днѣ.

Конечно, это вызываетъ рядъ столкновеній съ хозяевами, маленькія стачки и пр. Работы у союза въ этой области много. Но благодаря темнотѣ рабочихъ, благодаря тому, что много работаетъ и такъ наз. „зимниковъ“ изъ крестьянъ-домохозяевъ, на лѣто проходящихъ въ деревню къ сохѣ,—благодаря этому хозяева, въ большинствѣ случаевъ, побѣждаютъ.

Въ лѣтній и весенній періоды, когда остаются на работѣ только чистые пролетаріи, возможно ждать серьезной и успѣшной борьбы. А пока союзъ организуетъ пріисканіе работы и помощь безработнымъ, и около него собирается постепенно все лучшее, все дѣятельное.

Въ союзѣ портныхъ, совершенно молодомъ, дѣла обстоятъ плохо. Такъ-же, какъ и въ Ек-гѣ, во время „сезона“ каждый изъ портныхъ гонится только за своимъ заработкомъ. Благодаря этому, между „сезонами“ бываетъ длительная и острая безработица, совершенно истомляющая портныхъ. Какъ разъ союзъ существуетъ еще только половину рождественскаго сезона, и время переживаемой сейчасъ

съ Рождества безработицы; онъ не успѣлъ какъ слѣдуетъ оформиться, поэтому дѣятельности—почти никакой.

Болѣе успѣшно началъ свою жизнь съ ноября мѣсяца союзъ рабочихъ по металлу. Пока и въ него вошли только рабочіе городскихъ мелкихъ мастерскихъ, пока у него дѣятельность выражается въ привлеченіи членовъ путемъ устной агитаціи, въ установленіи соглашеній съ библіотеками, врачами, аптеками, акушерками. И въ этомъ отношеніи дѣятельность тормозится тѣмъ, что администрація не признаетъ существованія правленія, хотя оно выбрано на легальномъ открытомъ собраніи. Вышло это какъ-то курьезно: учредители подали заявленіе о собраніи; запрещенія не получили, напечатали о собраніи объявленіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и собраніе, хотя и въ небольшемъ числѣ, состоялось. Дней черезъ 15 послѣ этого, учредители получили на основ. полож. о чрезвыч. охранѣ запрещеніе уже состоявшагося собранія. И теперь администрація не признаетъ ни правленія, ни разрѣшаетъ и новыхъ собраній, и еще грозитъ судомъ за нарушеніе положенія о чрезвычайной охранѣ.

Но это можетъ тормозить на время, хотя легко можетъ и совсѣмъ затормозить.

Все-же дѣятели этого союза имѣютъ широкіе планы на будущее. По уставу союзъ можетъ дѣйствовать во всей губерніи, а въ ней очень много крупныхъ металлургическихъ заводовъ. Подъ бокомъ 8-ми тысячный заводъ—гигантъ Мотовилиха; и рабочіе этого завода склонны ликвидировать свои нелегальные союзы и войти въ союзъ металлистовъ.

А при открытіи отдѣленій на большихъ заводахъ администрація уже не можетъ запрещеніемъ собраній сильно тормозить дѣло, ибо въ заводахъ, при массовомъ общеніи рабочихъ, всегда можно обходиться безъ оффиціальныхъ собраній. Еще орудіе власти, кастрирующее дѣятельность союзовъ, это—преслѣдованіе профессіональной печати. Пермскіе союзы въ этомъ отношеніи находятся въ самыхъ скверныхъ условіяхъ: въ Перми нѣтъ ни одной газеты, кромѣ оффиціально—полицейскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Такъ, что даже освѣдомлять широкіе слои населенія нельзя никакимъ образомъ. Въ Ек—гѣ освѣдомленіе идетъ хоть чрезъ буржуазныя либеральныя газеты. А въ Перми самыя скромныя газеты закрыты. Отсутствіе профессіональной печати лишаетъ дѣятельность союзовъ идейнаго объединяющаго начала.

И даже практическія начинанія носятъ какой то мелочный характеръ, благодаря отсутствію литературной разработки всѣхъ вопросовъ общаго и мѣстнаго профессіональнаго движенія. Это обстоятельство и общія репрессіи, пожа-

луй, объясняютъ микроскопическій характеръ профессіональнаго движенія въ городахъ Урала.

Но Пермь и Екатеринбургъ еще опередили другіе города. Въ Уфѣ, напримѣръ, существуетъ всего одинъ союзъ приказчиковъ, насчитывающій до 100 членовъ и абсолютно бездѣйствующій. Въ Челябинскѣ ни одного профессіональнаго союза!

Кой-гдѣ еще по уѣзднымъ городамъ есть небольшіе союзы: такъ, въ Камышловѣ союзъ приказчиковъ, въ Шадринскѣ—типографщиковъ.

Но свѣдѣній о нихъ доходитъ даже до насъ очень мало, почти совсѣмъ никакихъ. Въ процессѣ созиданія находится нѣсколько союзовъ въ самой Перми—въ Челябинскѣ и др. городахъ.

Но всѣ союзы разрознены, опытъ существующихъ не концентрируется ни въ какомъ учрежденіи, а поэтому дальнѣйшее созиданіе идетъ хаотически. Даже въ техническомъ смыслѣ, при подачѣ уставовъ, часто одинъ союзъ повторяетъ ошибки другого.

И вотъ Центральное Бюро Екатеринбурга предпринимаетъ организацію областного съѣзда уральскихъ профессіональныхъ союзовъ; на этотъ съѣздъ предполагается привлечь какъ оформившіеся союзы, такъ союзы, находящіеся въ процессѣ созиданія и всѣ рабочія организація, такъ или иначе берущія на себя теперь функціи союзовъ.

Какъ общее явленіе для Урала нужно отмѣтить отсутствіе работниковъ-профессіоналистовъ. Типъ этого работника только еще складывается и вообще въ Россіи, но низкій культурный уровень уральскаго рабочаго задерживаетъ, особенно у насъ, этотъ процессъ. Нѣтъ вождей профессіональнаго движенія и должно быть долго не будетъ.

С.-д. фракціей Гос. Думы выработаны слѣдующіе тезисы о выходѣ изъ общины.

Тезисы эти вытекаютъ изъ слѣдующей общей позиціи:

а) Свободный выходъ изъ общины экономически цѣлесообразенъ, политически необходимъ и юридически правомѣренъ.

б) Изъ факта пребыванія въ общинѣ вытекаютъ имущественныя права домохозяина.

Ближайшимъ образомъ права эти должны опредѣляться, какъ указано въ слѣдующихъ 10 пунктахъ.

1) Домохозяинъ, выходящій изъ общины, имѣетъ право

требовать отъ общества опредѣленную долю земли, общество обязано удовлетворить это требованіе.

2) Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ съ 1861 г. не было передѣловъ, выходящій домохозяинъ получаетъ землю въ размѣрѣ постояннаго (не аренднаго) пользованія.

3) Въ остальныхъ общинахъ доля выходящаго домохозяина опредѣляется по общему количеству наличныхъ разверсточныхъ единицъ въ выходящемъ дворѣ.

4) Выдѣлъ домохозяина въ такихъ общинахъ (§ 3) производится по разверсточнымъ единицамъ, принятымъ при послѣднемъ передѣлѣ. Но если, одновременно съ укрѣпленіемъ надѣла въ собственность, общество постановитъ произвести новый общій передѣлъ, то для находящаго домохозяина основаніе разверстки опредѣляется по этому новому передѣлу.

5) Укрѣпленіе надѣла въ личную собственность допускается безъ выдѣла участка къ одному мѣсту, но въ случаѣ сохраненія чрезполостности укрѣпленнаго надѣла съ землями общины, для собственника его обязательно подчиненіе общему сѣвообороту, общему выпасу.

6) При общемъ передѣлѣ общество имѣетъ право выдѣлить къ одному мѣсту участки, укрѣпленные въ собственность чрезполосно, не лишая, однако, выдѣлившагося прежней усадебной осѣдлости.

7) Въ моментъ совершенія общаго передѣла права требовать выдѣла на отрубной участокъ принадлежитъ каждому домохозяину—въ томъ числѣ домохозяину, укрѣпившему свой надѣлъ въ чрезполосныхъ участкахъ.

8) Внѣ момента общаго передѣла, при возбужденіи вопроса о выдѣлѣ къ одному мѣсту отдѣльнымъ общинникамъ, общество можетъ отвести ему отрубной участокъ, можетъ отказать въ выдѣлѣ.

9) Внѣ момента передѣла общество обязано произвести выдѣлъ къ одному мѣсту, если такового потребуютъ не менѣе одной пятой части бщаго числа домохозяевъ или не менѣе 50 дворянъ. Общество должно произвести такой выдѣлъ не позже двухъ лѣтъ по заявленіи о томъ требованія.

10) Въ случаѣ продажи выдѣлившимся домохозяиномъ своего участка, обществу принадлежитъ право принудительной покупки послѣдняго по оцѣнкѣ, опредѣляемой закономъ.

Рабочіе клубы въ Петербургѣ.

Вопросъ объ обществахъ самообразованія, въ виду растущей потребности въ знаніи, въ рабочихъ кругахъ—въ

настоящее время является однимъ изъ весьма важныхъ вопросовъ. Нѣтъ ни одного профессіональнаго союза, гдѣ бы въ порядкѣ дня правленія не стоялъ вопросъ о культурно-просвѣтительной работѣ и, въ той или иной формѣ, не намѣчалось его разрѣшеніе.

Одни союзы устраиваютъ особые культурно-просвѣтительные фонды, другіе дѣлаютъ единовременныя отчисленія и помогаютъ уже существующимъ клубамъ, или же организуютъ новые и т. д.

Но дѣятельность рабочихъ организацій, въ этомъ направленіи, наталкивается почти на неопредолимыя препятствія.

Получить разрѣшеніе на открытіе клуба относительно не трудно. Самое трудное начинается по полученіи разрѣшенія.

Найти удовлетворительное помѣщеніе, для клуба, съ точки зрѣнія полицейскаго осмотра, труднѣе, чѣмъ верблюду проскочить сквозь игольное ушко. Требуется: масляное или электрическое освѣщеніе; два выхода; двѣ уборныя—мужская и женская.

Прочность половъ и потолковъ почти всегда подвергается сомнѣнію,—такъ ревниво оберегаетъ полиція жизнь и здоровье рабочихъ.

Послѣ одолѣнія административныхъ преградъ начинаются преграды чисто внутренняго характера.

Съ самого возникновенія правленіе клуба начинаетъ терпѣть нужду въ денежныхъ средствахъ и недостатокъ въ умѣлыхъ и опытныхъ руководителяхъ, а, между тѣмъ, необходимо привлекать новыхъ членовъ, заинтересовать и удержать старыхъ, дабы они посѣщали клубъ и аккуратно платили членскіе взносы.

Начинаются поиски интересныхъ и талантливыхъ лекторовъ, что является тоже довольно не легкой задачей, такъ какъ „безплатные" лектора (а платить клубы еще не въ состояніи) даютъ согласіе ѣхать куда-нибудь въ районъ Невской или Нарвской заставы, весьма неохотно. Но и получивъ согласіе лектора, далеко еще не все сдѣлано. Сплошь и рядомъ лекторъ опаздываетъ, а иногда и совсѣмъ не приходитъ, или же приходитъ, не подготовившись къ лекціи, и тогда аудиторія расходится неудовлетворенною.

Начинается отливъ платящихъ членовъ и клубу угрожаетъ опасность умереть естественной смертью, если онъ во время не позаботится реорганизоваться на болѣе устойчивыхъ началахъ.

Всего въ Петербургѣ къ концу марта насчитывалось 15 клубовъ съ 7000 членовъ, изъ коихъ большая половина неплатящихъ.

Ежемѣсячный бюджетъ большинства клубовъ колеблется отъ 100 до 60 рублей. Членскіе взносы лучше поставлен-

ныхъ клубовъ таковы: въ „Обуховскомъ“ для мужчинъ 50 коп. вступительный и 25 коп. ежемѣсячный, для женщинъ 25 коп. вступительный и 15 коп. ежемѣсячный.

Въ Нарвскомъ—15 коп. ежемѣсячный. Коломенскій 25 коп. ежемѣсячный. Въ Петербургскомъ—25 коп.

Количество членовъ въ тѣхъ же клубахъ отъ 500 до 800.

Библіотеки имѣются въ очень немногихъ клубахъ да и тѣ поставлены весьма неважно.

Въ среднемъ, въ каждомъ клубѣ читается отъ 2—3 лекцій въ недѣлю, и главнымъ образомъ, по естествознанію.

По общественнымъ вопросамъ лекціи читаются въ очень немногихъ клубахъ да и то очень нерегулярно.

Это явленіе объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ рабочихъ пробудилась страшная жажда къ систематическому и законченному міропониманію, а съ другой—почти полнымъ отсутствіемъ лекторовъ по общественнымъ вопросамъ.

Изо всей массы клубовъ хорошо дѣло поставлено только въ 4—5 клубахъ—въ Обуховскомъ, Нарвскомъ, Коломенскомъ, Василеостровскомъ, относительно которыхъ можно смѣло сказать, что они стоятъ на вѣрной дорогѣ—будутъ расти и развиваться, если ихъ не постигнутъ полицейскія кары.

Основной недостатокъ, отъ котораго страдаетъ большинство клубовъ—это ихъ невѣрная организаціонная постановка.

Съ самаго основанія большинство клубовъ существуютъ на чисто постороннія средства: доходы съ лекцій, концертовъ, пожертвованій и т. д. Отсюда вполнѣ понятное явленіе—легко добытыя деньги также легко и расходуются.

Клубы, съ какою то лихорадочной поспѣшностью, стремятся охватить какъ можно болѣе широкіе слои рабочихъ и ничего не дѣлаютъ для того, чтобы составъ членовъ былъ болѣе устойчивымъ, постояннымъ, и членскіе взносы поступали бы болѣе аккуратно.

Также ничего не дѣлается для того, чтобы вырабатывать опытныхъ и интеллигентныхъ руководителей изъ среды самихъ рабочихъ.

Кромѣ того, клубы много страдаютъ отъ общей неорганизованности и несогласованности ихъ дѣйствій, что, особенно ярко обнаружилось изъ докладовъ, на состоявшемся недавно совмѣстномъ собраніи представителей отъ клубовъ и профессіональныхъ союзовъ.

Выяснилось, что между клубами происходитъ самая настоящая конкурренція: каждый клубъ старается заполучить къ себѣ хорошаго лектора; устраиваются, какъ можно чаще, платныя лекціи, концерты, хотя бы это было въ ущербъ дру-

гимъ клубамъ; открываются новые клубы, въ тѣхъ районахъ, гдѣ уже они имѣются и гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой нужды,— тогда какъ въ другихъ районахъ въ нихъ чувствуется острая нужда, а объ ихъ открытіи никто и не помышляетъ.

Правда, въ цѣляхъ устраненія указанныхъ недостатковъ уже дѣлаются кое-какія попытки. Недавно, на состоявшемся засѣданіи исполнительной комиссіи центр. Бюро профессіональныхъ союзовъ, былъ принятъ слѣдующій проэктъ устава, которымъ имѣется въ виду устранить указанные мною недостатки въ дѣятельности рабочихъ клубовъ.

„Проектъ Устава Комиссіи по культурно-просвѣтительной дѣятельности."

1) Комиссія ставитъ своей задачей согласованіе культурно-просвѣтительной дѣятельности различныхъ видовъ рабочихъ организацій и составляется путемъ делегаціи отъ этихъ организацій и составляется путемъ делегаціи отъ этихъ организацій (отъ Центральнаго Бюро проф. союзовъ 4 предст., отъ междуклубной комиссіи 4 предст. и отъ Кооперативовъ 2). Кромѣ того, представитель отъ партій съ сов. гол.

2) Комиссія намѣчаетъ планъ культурно-просвѣтительной работы, организуетъ общія предпріятія культурно-просвѣтительнаго характера, открываетъ новые клубы, регулируетъ отношенія рабочихъ организацій къ культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ не рабочаго характера (Народные Универс., Лига Образованія).

3) Средства комиссіи составляются изъ взносовъ отъ союзовъ, входящихъ въ составъ Ц. Б. (въ размѣрѣ не менѣе 1%) и кооперативовъ (по особому съ ними соглашенію). Кромѣ того, комиссія организуетъ особыя предпріятія для пополненія своей кассы (концерты, лекціи и т. д.).

4) Всѣ рѣшенія комиссіи принимаются простымъ большинствомъ голосовъ и въ рамкахъ ея полномочій считаются обязательными для всѣхъ, представленныхъ въ ней, организацій.

5) Кромѣ этого комиссіей признается желательнымъ установленіе возможно болѣе тѣсныхъ сношеній между рабочими организаціями и клубами на мѣстахъ.

Формы этихъ сношеній должны быть представлены особому соглашенію, каждый разъ, этихъ организацій.

1) Въ Центральное Бюро и межклубной комиссіи—взаимное представительство.

Будемъ надѣяться, что проведеніе этого проекта въ жизнь, поможетъ рабочимъ клубамъ стать на болѣе прочное и устойчивое основаніе. Задача же профессіональныхъ союзовъ заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать всѣми мѣрами вступленію своимъ членамъ въ клубы и установленію самой тѣсной органической связи съ этими учрежденіями.

И только тогда, когда клубы при содѣйствіи профессіональныхъ союзовъ будутъ имѣть вполнѣ опредѣленный и установившійся составъ членовъ, изъ которыхъ выработаются опытные, умѣлые руководители, только тогда дѣятельность клубовъ можетъ рости, шириться и процвѣтать.

Выше я перечислилъ причины, препятствующія правильному развитію рабочихъ клубовъ, но всѣ указанныя причины—второстепеннаго характера.

Главной же причиной, несомнѣнно, является отсутствіе политическихъ гарантій при наличности которыхъ только и могутъ существовать и развиваться, означенныя учрежденія.

Не говоря уже о томъ, что „центральная власть“ старается всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами, тормозить и препятствовать дѣятельности клубовъ: запрещаетъ отдѣльнымъ лекторамъ чтеніе лекцій, запрещаетъ чтеніе лекцій въ отдѣльныхъ клубахъ, вообще, хотя оффиціально его и не закрываетъ и т. д., но также изощряютъ свое остроуміе въ преслѣдованіи клубовъ и мѣстные участковые пристава.

Такъ, напримѣръ, въ прошломъ, 1907 году, въ Охтенскій клубъ во время чтенія лекцій, мѣстный приставъ пригонялъ цѣлую армію городовыхъ и размѣщалъ ихъ не только въ помѣщеніи клуба, но и во дворѣ этого дома, такъ, что клубъ имѣлъ видъ осажденной крѣпости. Вслѣдствіе чего рабочіе потеряли всякую охоту посѣщать клубъ, и онъ вынужденъ былъ закрыться.

А недавно, одинъ остроумный приставъ сталъ разрѣшать чтеніе лекцій только тѣмъ лекторамъ, которые живутъ въ предѣлахъ того участка, гдѣ находится клубъ. Въ Песковскомъ клубѣ полиція запрещаетъ посѣщать лекціи болѣе 40 человѣкъ, въ виду „непрочности“ половъ.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести безъ конца, но и сказаннаго достаточно, чтобы читатель могъ убѣдиться, гдѣ главная причина, препятствующая развитію культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Е. П.

Профессіональное движеніе въ Финляндіи.

Капиталистическая промышленность развилась въ Финляндіи совсѣмъ недавно. Сельско-хозяйственный кризисъ 1866/67 гг. и, наступившій вслѣдъ за нимъ голодъ, выгнали крестьянъ въ городъ за поисками работы. Возникъ промышленный пролетаріатъ. Съ теченіемъ времени Финляндія развилась въ

страну съ очень значительной промышленностью. Слѣдующая таблица даетъ намъ картину роста пролетаріата въ Финляндіи.

Годъ.	Число рабочихъ.	Изъ нихъ женщинъ.	Среднее число рабочихъ на предпріятіи.
1885	38,075	—	8,8
1890	59,123	11,903	9,1
1895	65.254	13,657	9,1
1900	98,759	22,292	12,3
1905	107,828	26,440	11,9

Крунная промышленность, слѣдовательно, развилась въ Финляндіи очень быстро и привела промышленный пролетаріатъ къ такой же матеріальной зависимости, какъ и повсюду, вмѣстѣ съ тѣмъ, и создала почву для возникновенія рабочаго движенія.

Болѣе дальновидные буржуа, чтобы увлечь за собой рабочихъ, рѣшили сами устроить профессіональные рабочіе союзы, гдѣ бы рабочіе воспитывались-бы подъ непосреднымъ руководствомъ буржуазіи и въ духѣ, желательномъ для послѣдней. Возникшіе въ 80-ыхъ годахъ союзы, устраивавшіеся буржуазіей и стали первою школою рабочихъ, въ которыхъ они научились цѣнить рабочую солидарность и поняли общность своихъ интересовъ. Въ 1895 году, послѣ возвращенія нѣкоторыхъ рабочихъ изъ-за границы, гдѣ они познакомились съ идеями соціализма, въ профессіональныхъ организаціяхъ Финляндіи началъ царить совершенно новый духъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали испаряться и старые „друзья“ рабочихъ.

Въ 1899—1900 гг. подняты были дебаты объ объединеніи всѣхъ профессіональныхъ союзовъ въ одну центральную организацію, но практическихъ результатовъ не получилось. 1899—1905 г.г. были годами наименѣе интенсивной работы профессіональныхъ союзовъ Финляндіи. Этотъ періодъ затишья какъ разъ совпалъ съ періодомъ правительственныхъ гоненій на профессіональные союзы. Только послѣ всеобщей стачки 1905 года, благодаря которой опять завоевана была свобода союзовъ и собраній, началось оживленіе въ профессіональномъ движеніи Финляндіи. Организованъ былъ цѣлый рядъ новыхъ профессіональныхъ союзовъ. 19 профессіональныхъ союзовъ созвали конференцію, на которой рѣшено было приступить къ организаціи центральной комиссіи, которая должна была направлять профессіональное движеніе всей страны и послужить началомъ для будущей полной централизаціи. По подсчету комиссіи всѣхъ членовъ профессіональныхъ организацій къ ней примкнуло 17806.

Центральная организація была основана въ 1907 г.

На съѣздѣ въ Тамерфорсѣ, засѣдавшемъ отъ 15—17 апрѣля. Къ 1-му января 1908 года къ центральной организаціи примыкали слѣдующіе союзы:

НАЗВАНІЕ ОРГАНИЗАЦІЙ.	Число отдѣловъ	ЧИСЛО ЧЛЕНОВЪ. Рабочихъ.	Работницъ.	Учен.	Всего	Организація была основана.
а) Союзы;						
рабочихъ стеклян. произв.	4	163	—	—	193	630.12.190
кожевенниковъ	10	238	—	—	238	1900
землекоповъ и водопров.	27	1375	46	—	1421	4.11.1906
переплетчиковъ . . .	10	101	192	38	331	1905
деревообдѣлочниковъ .	81	4019	41	—	4060	18.7.1905
портныхъ	25	1006	92	26	1124	20.8.1898
сѣдельщиковъ и обойщ.	6	140	—	—	140	14.10.1906
водолазовъ	1	24	—	—	24	1.6.1906
рабочихъ лѣсопиленъ .	71	2068	134	—	2202	6.6.1906
рабоч. бумажн. фабрикъ	32	2213	1099	—	3312	14.4.1906
сапожниковъ	14	535	73	—	618	3.4.1907
золот. дѣлъ мастеровъ .	6	150	12	—	162	20.10.1906
булочниковъ	16	249	39	28	370	15.5.1905
каменоломовъ . . .	34	1322	—	—	1322	1.7.1899
доковыхъ рабочихъ . .	31	3000	—	—	3000	1906
тескильщиковъ	15	2000	—	—	2000	1.1.1907
портныхъ	9	—	224	—	224	15.7.1906
в) Смѣшаныя мѣстныя организаціи						
Кимменедаль	2	64	8	—	72	1.5.1906
Гельсингфорсъ. . . .	10	463	121	14	598	1.2.1902
Або	3	56	55	—	111	1.7.1907
Седра Сайма	1	30	—	—	30	1.5.1907
Кеми	14	662	109	—	771	1.5.1907
Всего	422	19878	2245	160	22284	

Не вошли въ центральную организацію слѣдующіе союзы: рабочихъ кафельныхъ, и фаянсовыхъ заводовъ, типографовъ, жестяниковъ и мѣдниковъ, красильщиковъ, металлургистовъ, каменщиковъ, желѣзнодорожниковъ, чернорабочихъ, рабочихъ, занятыхъ на электрическихъ станціяхъ, формовщиковъ и союзъ прислуги. Всѣ эти организаціи, за исключеніемъ союза красильщиковъ, вырабатываютъ въ настоящее время условія объединенія съ центральной организаціей, и дѣло сліянія ихъ есть вопросъ самаго близкаго будущаго:

Заграницей.

Кризисъ въ Америкѣ.

Въ Америкѣ теперь свирѣпствуетъ тяжкій экономическій кризисъ. Начавшись въ октябрѣ прошлаго года, сначала въ формѣ только финансоваго кризиса, онъ сейчасъ все еще возрастаетъ въ своей силѣ и навлекъ уже огромныя бѣдствія на голову рабочаго класса.

Унять финансовый кризисъ оказалось довольно легко, ибо и вызванъ—то онъ былъ, повидимому, денежными аферами биржевыхъ тузовъ. Спасая отечество отъ финансоваго кризиса, группа магнатовъ капитала положила въ карманъ, конечно, не одинъ милліардъ. Банковскимъ крахомъ былъ положенъ конецъ, но заговорить, вызванныхъ духовъ уже не могло удаться. Въ ноябрѣ промышленный кризисъ уже нѣликомъ вступилъ въ свои права.

Въ сентябрѣ Amalgamated Copper Company, владѣющая $^3/_4$ всѣхъ мѣдныхъ рудниковъ, соединилась со всѣми значительными обществами, не входящими въ трестъ, и сократила производство *больше, чѣмъ на половину.*

Положеніе желѣзной и стальной промышленности изображалась 12 дек. 1907 г. нью-іоркскимъ корреспондентомъ „Франкфуртской газеты“ слѣдующимъ образомъ:

„Къ 1 іюля производство достигло кульминаціоннаго пункта. самой высокой цифры въ . . 528170 тоннъ въ недѣлю.
Къ 1-му октября оно равнялось уже только . . . . . 511397 „ „ „
Къ 1-му ноября оно равнялось уже только . . . . . 491436 „ „ „
Къ 1-му декабря оно равнялось уже только . . . . . 343372 „ „ „
Къ 10-му декабря оно равнялось уже только . . . . . 343350 „ „ „

Стальной трестъ разсчиталъ уже 60000 рабочихъ.

Его заказы равняются теперь maximum 12000 тоннъ въ день, межъ тѣмъ, какъ нормально они достигаютъ, среднимъ числомъ—35000 тоннъ.

Съ тѣхъ поръ положеніе еще ухудшилось. Многіе заказчики отказываются отъ сдѣланныхъ заказовъ. Уволено до 50% рабочихъ.

Три большихъ электрическихъ общества уже къ серединѣ января разсчитали 14%, занятыхъ у нихъ рабочихъ. Двѣ самыхъ крупныхъ вагоностроительныхъ фабрики разсчитали 33% своихъ рабочихъ. Много фабрикъ совсѣмъ прекратили производство. Цѣны на желѣзо, вслѣдствіе этого, разумѣется, сильно пали, какъ это видно изъ слѣдующей таблички.

Northern Foundry № 2 за тонну въ 1016 килогр.
(Нью-Іоркъ).

2 января	1907	. . . .	24,75 до	26,75	доллар.
8 мая	„	. . . . .	25,00 „	26,25	„
13 іюня	„	. . . . .	24,50 „	25,75	„
3 іюля	„	. . . . .	24,00 „	25,00	„
7 августа	„	. . . . .	22,00 „	22,70	„
4 сентября	„	. . . . .	20,70 „	21,70	„
2 октября	„	. . . . .	19,70 „	20,70	„
6 ноября	„	. . . . .	18,70 „	19,20	„
2 декабря	„	. . . . .	17,75 „	18,25	„
30 декабря	„	. . . . .	17,25 „	18,00	„

На многихъ заводахъ разсчитаны 20, 30 и даже 50% рабочихъ. На другихъ работы производятся только 3—4 дня въ недѣлю.

На желѣзныхъ дорогахъ прекращены всякія постройки и отложены даже самые необходимые ремонты. Сокращено значительно число поѣздовъ и соотвѣтственно уменьшенъ персоналъ.

Рубка лѣсовъ въ сѣверозападныхъ и южныхъ лѣсахъ совершенно прекращена.

Число построекъ въ городахъ значительно меньше, чѣмъ въ прежніе годы. Выброшена на улицу масса служащихъ, конторщиковъ, продавщицъ и т. д.

Въ декабрѣ кризисъ на моментъ, какъ-будто, ослабъ. Буржуазная пресса возликовала и стала трубить о „возстановленномъ равновѣсіи". Ликованіе, однако, оказалось преждевременнымъ. Кризисъ продолжался съ той же силой.

На шерстяныхъ и бумагопрядильныхъ фабрикахъ производство сокращено на 40% и разсчитана 1/3 рабочихъ. Во многихъ этихъ фабрикахъ работы производятся только 4 дня въ недѣлю, другія на 1—2 недѣлю прекращали всякую работу.

На жестянныхъ и угольныхъ промыслахъ Питсбурга разсчитано 40—60% занятыхъ рабочихъ.

Количество безработныхъ въ одномъ Нью-Іоркѣ, по свидѣтельству даже *буржуазныхъ газетъ*, достигаетъ 250.000. Чикагская газета, „Daily Socialist". послѣ тщательнаго изслѣдованія установила, что въ Чикаго количество безработныхъ достигаетъ 139.000, при чемъ тутъ не принимались въ разсчетъ сезонные рабочіе, которые зимою вообще свободны отъ занятій. Къ концу декабря 1907 года бюро труда считало, что въ Нью-Іоркѣ въ профессіональныхъ союзахъ безработныхъ—34,2%. Въ декабрѣ 1906 года ихъ было—12,8%, въ декабрѣ 1905 года—6,7%, въ декабрѣ 1904 г.—17,8%. Среди строительныхъ рабочихъ согласно оффиціальной статистикѣ, насчитывается—10,7%, межъ тѣмъ какъ въ 1906

году ихъ считалось только 5,7%, а въ 1905 —4,9%. Соціалисты убѣждены, что армія безработныхъ увеличилась въ Америкѣ за послѣдніе 6 мѣсяцевъ на *два—три милліона человѣкъ*.

Къ этому надо еще прибавить, что оставшимся на работѣ заработная плата понижена на 10, 15 и 20%. Наряду съ этимъ цѣны на предметы первой необходимости—картофель, молоко, масло, яйца, уголь и т. д. поднялись до небывалыхъ размѣровъ. Сильно понизились цѣны только на мѣдь и желѣзо и отчасти на бумагопрядильные фабрикаты, хотя послѣдніе продаются все еще дороже, чѣмъ 2 года тому назадъ.

Сильнѣе всего кризисъ ударилъ, конечно, по рабочему классу. Бѣдствія, обрушившіяся на него. превосходятъ все видѣнное до сихъ поръ при самыхъ ужасныхъ потрясеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ произошли демонстраціи безработныхъ, руководимыя соціалистами. Въ большинствѣ случаевъ на сцену выступала полиція и своими варварствами еще больше ожесточала безработныхъ. Лишь кое-гдѣ муниципалитеты пришли на помощь, но это, конечно, капля въ морѣ. Въ общемъ не сдѣлано ничего, что хоть сколько-нибудь серьезно могло бы улучшить участь рабочихъ.

Соціалисты ведутъ дѣятельную пропаганду среди рабочихъ, желая добиться того, чтобы кризисъ послужилъ рабочему классу Америки по крайней мѣрѣ урокомъ, и чтобы рабочіе отнеслись къ нему болѣе сознательно, чѣмъ въ 1893 году.

Американскій кризисъ не могъ не отразиться также на другихъ капиталистическихъ странахъ. Въ Германіи сильная заминка въ металлургической и угольной промышленностяхъ, въ Англіи—упадокъ, въ Австріи—всѣ признаки наступающаго кризиса на лицо, въ Россіи—въ цѣломъ рядѣ отраслей производства—попрежнему затяжной кризисъ.

Въ этой области можно ждать всякихъ сюрпризовъ, вплоть до всемірнаго кризиса.

Первая международная организація предпринимателей для борьбы съ рабочими.

Организаціи предпринимателей, направленныя противъ рабочихъ, сдѣлали громадные успѣхи. Отдѣльныя организаціи слились въ національные союзы, а послѣдніе въ свою очередь начинаютъ связываться между собою. Эти организаціи раскинули по всѣмъ странамъ цѣлую сѣть конторъ для найма рабочихъ, дабы быть въ состояніи во всякое

время уволить нежелательныхъ рабочихъ и имѣть готовую армію штрейкбрехеровъ во время забастовокъ.

Борьба предпринимательскихъ союзовъ съ портовыми рабочими началась совсѣмъ недавно. Первый значительный конфликтъ возникъ въ Гамбургской гавани въ 1890 году при введеніи первомайскаго праздника. Значительное развитіе профессіональныхъ союзовъ моряковъ и доковыхъ рабочихъ стало очевиднымъ только послѣ грандіозной Гамбургской забастовкии 1896—97 гг. Союзъ этотъ устроилъ свои отдѣленія во всѣхъ почти гаваняхъ Германіи. Но не дремали и судохозяева и прочіе предприниматели: они объединили всѣ свои національныя организаціи, дабы быть въ состояніи во всеоружіи повести борьбу противъ профессіональныхъ союзовъ моряковъ и доковыхъ рабочихъ.

Во время конфликтовъ, возникшихъ между рабочими и работодателями въ 1907 г. въ Антверпенѣ, Гамбургѣ и Роттердамѣ, судохозяева заинтересованныхъ странъ оказали поддержку стѣсненнымъ предпринимателямъ. Благодаря этой поддержкѣ у предпринимателей возникла идея образованія интернаціональной организаціи спеціально на случай возникновенія забастовокъ, разсчетовъ и для снабженія другъ друга штрейкбрехерами.

Въ прошломъ году въ Лондонѣ происходилъ интернаціональный съѣздъ судохозяевъ. Рѣшенія съѣзда держались въ строгой тайнѣ. Германія была на этомъ съѣздѣ представлена очень сильно. Выбрана была комиссія, для выработки плана борьбы съ рабочими. Комиссія эта въ концѣ января текущаго года устроила конференцію, на которую приглашены были представители судохозяевъ Бельгіи, Даніи, Франціи, Германіи, Голландіи, Австро-Венгріи, Италіи, Норвегіи, Испаніи, Швеціи и Англіи для выслушанія отчета о дѣятельности комиссіи. Тутъ же формулированы были и основныя цѣли, преслѣдуемыя интернаціональной организаціей.

По уставу „International Shipping Federation“ главною цѣлью организаціи является борьба съ забастовками рабочихъ, взаимная матеріальная поддержка предпринимателей во время стачекъ, веденіе черныхъ списковъ, локауты и борьба съ с.-д. профессіональными союзами рабочихъ.

Почва для организаціи интернаціональнаго союза судовладѣльцевъ, благодаря полной общности интересовъ судовладѣльцевъ всѣхъ странъ и необыкновенной концентраціи капитала въ этой отрасли промышленности, въ высшей степени благопріятна. Профессіональнымъ союзамъ рабочихъ данной отрасли, поэтому, придется считаться съ очень сильнымъ противникомъ.

Датскій союзъ судовладѣльцевъ началъ уже приводить въ исполненіе „программу“ своего интернаціональнаго союза.

При наймѣ рабочихъ ставится условіемъ, чтобы рабочіе подпиской обязались не вступать въ профессіональный союзъ датскихъ матросовъ и истопниковъ. Кромѣ того рабочіе за контрактомъ обязуются работать не на одномъ суднѣ, а на всѣхъ судахъ, куда ихъ пошлетъ наниматель. Далѣе вводятся книги для отмѣтокъ о поведеніи и для характеристики рабочихъ, дабы предприниматели въ состояніи были удалить навсегда изъ среды своихъ рабочихъ „нежелательный элементъ".

Попытка въ этомъ смыслѣ была сдѣлана и шведскими судовладѣльцами, но безуспѣшно.

Сѣверо-Германскій Лойдъ заключилъ въ послѣднее время со своими машинистами договоръ на такихъ тяжкихъ для послѣднихъ условіяхъ, что окончательно лишилъ ихъ возможности борьбы. Прежде всего они обязуются не вступать ни въ какіе профессіональные союзы и должны работать не на одномъ суднѣ, а на всѣхъ судахъ Сѣверо-Германскаго Лойда; такимъ образомъ они заранѣе обязуются быть штрейкбрехерами. Такъ какъ подобные контракты заключаются съ рабочими на неограниченное время, то вполнѣ понятно, что стачки моряковъ становятся пока абсолютно невозможными. Тяжелые и многочисленные штрафы ставятъ рабочихъ въ такія условія, что соблюденіе контракта для нихъ обязательно, между тѣмъ какъ наниматель оставляетъ себѣ тысячу лазеекъ, для того, чтобы разсчитать рабочаго, не предупреждая его объ этомъ, согласно условію, за три мѣсяца раньше.

Судохозяева всѣми силами стараются организовать, такъ-называемые желтые союзы рабочихъ, которые бы находились подъ непосредственнымъ контролемъ предпринимателей. Члены этихъ союзовъ должны тогда составить главную армію штрейкбрехеровъ во время борьбы съ организованными рабочими.

Англійскіе судохозяева имѣютъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ своемъ распоряженіи организацію штрейкбрехеровъ, которая во время забастовокъ въ Даніи, Гамбургѣ, Антверпенѣ и Роттердамѣ сыграла такую печальную роль. Организація всѣхъ этихъ армій штрейкбрехеровъ въ интернаціональный союзъ есть только вопросъ времени и тогда всякая борьба моряковъ затруднится чрезвычайно.

Профессіональнымъ союзамъ моряковъ и доковыхъ рабочихъ для борьбы съ этимъ интернаціональнымъ зломъ остается только сплотиться тѣснѣе и серьезно подумать объ образованіи своего интернаціональнаго профессіональнаго союза. Капиталъ организуется международно, чтобы общими усиліями ковать все болѣе тяжелыя цѣпи для рабочихъ. Всѣ міровое положеніе все болѣе категорически выдвигаетъ передъ рабочимъ классомъ необходимость прак-

тически ковать *свою* международную организацію. Необходимо пріучаться не только къ идейной солидарности, но и къ практической организаціи для совмѣстныхъ международныхъ выступленій пролетаріата. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!—этотъ лозунгъ теперь больше чѣмъ когда-либо облекается въ плоть и кровь.

Италія.

Кризисъ въ Итальянской рабочей партіи.

Результаты послѣдняго конгресса (въ Римѣ 1906 г.) были таковы, что можно было съ увѣренностью пророчествовать итальянской соціалистической партіи великія бѣды.

Въ самомъ дѣлѣ—рѣзкое выдѣленіе на лѣвомъ флангѣ партіи синдикалистовъ бросило партійное большинство, руководимое Энрико Ферри, въ объятія реформистовъ. На конгрессѣ реформисты единогласно голосовали за резолюцію „интегралистовъ", т. е. центра. Но Ферри, взволнованный и блѣдный старался всячески „объяснить" эту свою „побѣду", и сознаніе ея фатальности для его направленія сквозило въ этихъ сбивчивыхъ объясненіяхъ. Буржуазная пресса громко привѣтствовала тактику реформистовъ. Органы буржуазіи ясно намѣчали путь, которымъ должны итти „разумные соціалисты"; сначала разбить, а, по возможности, и выбросить изъ партіи синдикалистовъ, а тамъ уже нетрудно подчинить себѣ растерявшихся „революціонеровъ", каковыми считали себя интегралисты. Теперь побѣда реформистовъ—фактъ совершившійся.

Реформистамъ, вообще, гораздо болѣе практическимъ и послѣдовательнымъ людямъ, чѣмъ интегралисты, безъ труда и сопротивленія удалось взять въ свои руки молодую Конференцію Труда, организацію, обнимающую значительное число чисто профессіональныхъ союзовъ Италіи. Если тамъ и были интегралисты—то вся ихъ роль сводилась къ дѣятельной поддержкѣ реформистовъ, имѣвшихъ дѣйствительно программу.

Программа эта была весьма разумна почти во всѣхъ своихъ частяхъ: упрочить профессіональные союзы, пріучить еще малосознательнаго итальянскаго рабочаго къ дисциплинѣ, дать перевѣсъ духу централизаціи надъ полуанархическимъ стремленіемъ къ самостоятельности каждаго союза, наконецъ подымать постепенно обязательные взносы въ профессіональныя кассы, ибо лишь богатыя кассы завоевываютъ уваженіе противника и даютъ порохъ въ пороховницы въ случаѣ необходимаго конфлинкта. Въ то время, какъ

синдикалисты, демагогически потворствовали инстинктамъ отсталыхъ массъ, реформисты старались вести ихъ впередъ. Синдикалисты энервировали и безъ того неустойчивый итальянскій пролетаріатъ отвергая важность централизаціи, дисциплины, высокихъ взносовъ: они поучали, что мужества и пыла довольно, чтобы побѣждать, говорили громкія фразы, разсчитывали на стихійную солидарность и готовы были по всякому поводу приводить въ движеніе такое страшное и обоюдоострое оружіе, какъ всеобщая стачка. Реформисты вели профессіональное движеніе впередъ, и именно потому пути на которомъ такого преуспѣянія добились профессіональные союзы Германіи. Синдикалисты бѣшенно критиковали все и вся, но практически положительнымъ въ ихъ стремленіяхъ было лишь утвержденіе, что безъ усиленной непосредственной самостоятельной борьбы пролетаріату ничего не добиться.

Дѣйствительно, присмотрѣвшись ближе къ теоріи и практикѣ реформистовъ нельзя не видѣть, что они вытравляли изъ пролетаріата боевой духъ. Государство—ихъ идеалъ, и они давно уже,—искренно или лицемѣрно, не знаю,—забыли что оно есть организація классоваго господства.

Послѣ ряда стачекъ желѣзнодорожниковъ правительство поспѣшило выкупить желѣзныя дороги и превратить ихъ въ государственныя. Одновременно съ этимъ всѣ рибочіе по желѣзнымъ дорогамъ объявлены были чиновниками, право стачки у нихъ было отнято, и установлены были кары за самовольное оставленіе службы.

Синдикалисты заявили, что не принимаютъ этого закона, считаютъ его несуществующимъ и будутъ по прежнему практиковать свободу стачекъ.

Казалось бы, что вообще по отношенію къ этой гнусной полицейской мѣрѣ правительства въ каждомъ соціалистѣ не можетъ быть мѣста инымъ чувствамъ, какъ негодованію и протесту. Не такъ посмотрѣли на дѣло реформисты.

Прочтите слѣдующія строки Турати: „Огосударствленіе желѣзныхъ дорогъ явилось первымъ большимъ опытомъ соціалистическаго хозяйства, новой общенародной экономіи. Волей неволей превращенные въ піонеровъ новыхъ прогрессивныхъ экономическихъ отношеній, желѣзнодорожные рабочіе должны были показать правительству, націи и міру, что они доросли до нихъ. Они должны были установить по истинѣ гармоничныя формы сотрудничества между собою, властью и страною. Правительство готово было на такое мирное сотрудничество. Но нервность однихъ, демагогія другихъ, необузданная требовательность—дѣтская самонадѣянность испортили все дѣло и погубили этотъ первый опытъ націонализаціи въ широкихъ размѣрахъ".

Если это... наивность, то наивность вреднѣйшая за кото-

рую надо выбросить вонъ изъ числа политическихъ руководителей простеца, безсознательно измѣняющаго дѣлу пролетаріата. Если это... хитрость, лукавство тонкаго дипломата,—то трудно найти слово для выраженія возмущенія передъ подобнымъ издѣвательствомъ, передъ подобнымъ предательствомъ.

Что же интегралисты? Поняли ли они свою роль? Усвоили ли они въ чемъ долженъ заключаться истинный интегрализмъ? Разоблачили ли они вредоносную сущность государственнаго соціализма реформистовъ? Возстановили ли они марксистское положеніе о коренной враждебности буржуазнаго государства пролетаріату?

Поддерживали ли они глубоко вѣрное положеніе синдикалистовъ о революціонной рабочей самодѣятельности?

Нѣтъ,—они, послѣ конгресса въ Римѣ, только и дѣлали, что заигрывали съ реформистами и интриговали противъ синдикалистовъ!

Но можетъ быть они оцѣнили все значеніе развитаго, сильнаго централизованнаго профессіональнаго движенія? Можетъ быть они являлись въ находившемся въ ихъ рукахъ центральномъ органѣ партіи—„Avanti"—обоснованіемъ и популяризаціей основныхъ положеній правильнаго профессіонализма?

Нѣтъ, „Avanti" почти не интересовался этимъ вопросомъ, вращаясь почти цѣликомъ въ узко-политической сферѣ.

У „Tempo" газеты Турати, было лицо. У „Azioni" при всей страшной бранчливости этой газеты и нѣсколько странной финансовой основѣ ея—несомнѣнно было лицо, у „Avanti" лица не было. Реформисты имѣютъ научный органъ „Critia Sociale" редактируемый талантливо, дѣловито и хитро. Синдикалисты издаютъ два органа, посвященныхъ научной разработкѣ соціализма—„pagine libere" и „Devenire Sociale". Интегралисты, большинство партіи, господствующее направленіе,—не имѣютъ научнаго органа! Да если бы и имѣли я не знаю, чтобы они говорили тамъ. Ферри часто выступалъ съ рефератами объ амебахъ, обезьянахъ, воспитаніи дѣтей и т. п.. но о соціализмѣ онъ со времени своей поверхностной книжки „Соціализмъ и позитивамъ"—ничего не написалъ.

Послѣ Штудтгартскаго съѣзда реформисты стали ускорять свое торжество. Конфедерація, констатируя, безъидейность и шаткость поведенія дирекціи партіи (то, что у насъ Ц. К.) и редакціи „Avanti" въ рѣзкой, малотоварищеской формѣ высказала имъ порицаніе. По этому поводу состоялся маленькій съѣздъ представителей конфедераціи и партіи во Флоренціи. Волю свою диктовали реформисты. Ферри заявилъ, что его дѣло слѣдить за равновѣсіемъ партійной ладьи; когда она наклонилась слишкомъ на право онъ былъ

революціонеромъ, теперь, въ виду опасности со стороны крайнихъ—онъ готовъ протянуть руку Турати.

Меня завело бы слишкомъ далеко описаніе послѣдовавшей затѣмъ борьбы синдикалистовъ противъ коалиціи правыхъ и центра. борьбы, осложнившейся миланской стачкой. Эти событія, извѣстныя читателю изъ газетъ ускорили паденіе Ферри.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе грустнаго, чѣмъ посланіе Ферри, въ которомъ онъ объявляетъ свою отставку. Пошатнулись его личныя экономическія дѣла, представился случай за дорогой гонораръ поѣхать въ Южную Америку съ рефератами. Ну, оставимъ все это, хотя нельзя не замѣтить, что на вопросъ интервьюера одной консервативной газеты, будутъ ли эти рефераты соціалистическими и боевыми, Ферри съ живостью отвѣтилъ: „Ни мало. Я хочу познакомить тамошнюю публику съ Италіей, не вынося на ея судъ нашихъ распрей". Хорошо, не правда ли?

Но перейдемъ къ основному, не личному, а идейному мотиву Ферри. Вотъ онъ. По мнѣнію Ферри, неизвѣстно на чемъ основанному, (бабушка ему на кофейной гущѣ, должно быть, ворожила) министерство Джіолитти распадется, а Джіолитти буржуазіи некѣмъ замѣнить. Призвать человѣка „сильной власти"—страшно, ибо синдикалисты навѣрное спровоцируютъ, тогда пролетаріатъ на революцію, которой буржуазія все же боится, По этому, вѣроятнѣе всего, что король призоветъ къ власти радикаловъ и поручитъ имъ создать министерство демократическаго примиренства: радикалы призовутъ въ кабинетъ соціалистовъ и попытаются пойти по пути мирныхъ реформъ. Онъ, Ферри, всегда былъ противъ союза съ правительствомъ. Онъ помѣшалъ Турати вступить въ союзъ съ министерствомъ Сонино. И не то, чтобы онъ былъ переубѣжденъ, нѣтъ: но ему кажется, что надо испытать этотъ путь на дѣлѣ. Для этого во главѣ „Avanti" лучше поставить искренняго реформиста!

Не знаемъ, чему удивляться: шутовскому ли пророчеству или общему политическому легкомыслію вождя центра? Турати встрѣтилъ его предсказанія насмѣшкой. По его мнѣнію, партія распадается, престижъ ея потрясенъ и ей далеко до вліянія на правительство. Ферри, какъ утверждаетъ Турати, отнималъ у партіи ложку, когда кисель былъ и торжественно возвращаетъ ее, когда киселемъ не пахнетъ.

Реформисты тоже отказались вступить во владѣніе „Avanti". Они хотятъ получить его со всей помпой, на слѣдующемъ съѣздѣ. Пока въ редакторы посаженъ интегралистъ Моргари. Вотъ нѣсколько фразъ изъ его интервью: „И такъ борьба съ синдикалистами по вашему мнѣнію обострится?" „—Несомнѣнно".—А каковы будутъ ваши отно-

шенія къ реформистамъ?"—„Avanti" имѣетъ въ своихъ редакторахъ такихъ людей, Каврини, Бонарини и другіе. Наши разногласія отнюдь не мѣшаютъ нашему сотрудничеству"—„Но въ чемъ же заключаются Ваши разногласія?"—Моргари только улыбнулся: „Практически мы идемъ одной дорогой, но мы, интегралисты, спасаемъ отъ забвенія революціонные принципы, иначе практицизмъ могъ бы затянуть партію. Мы противъ „прямого дѣйствія" синдикалистовъ, за мирное развитіе, но мы не хотимъ зарѣкаться".

Не правы ли синдикалисты, когда говорятъ, что интегрализмъ есть реформизмъ плюсъ изжеванная революціонная фраза, проводимая въ жизнь?

Истинныхъ интегралистовъ нѣтъ въ Италіи. Правая и лѣвая, гонимыя интегралистскимъ антагонизмомъ ползутъ все дальше врозь. Героическому, глубоко-революціонному пролетаріату прекрасной и несчастной страны предстоитъ самому унять крайности своихъ „вождей" и ощупью найти истинный путь. И пролетаріатъ каковы бы ни были отдѣльныя колебанія, найдетъ этотъ путь.

Пролетаріатъ не пойдетъ на государственныя удочки своихъ политикановъ и переростетъ очень скоро полуанархической синдикализмъ своихъ „лѣвыхъ интеллигентовъ". Онъ научится у профессіоналистовъ передовыхъ странъ, какъ нужно строить свою твердыню, но не отдастъ ключей отъ нея разнымъ соглашателямъ и сводникамъ.

Вся надежда въ настоящемъ кризисѣ—инстинктъ пролетаріата. Интеллигентскіе верхи итальянскаго соціализма,—какой-то падемоніумъ всеобщаго ослабленія. У однихъ нѣтъ принциповъ, у другихъ они однобоки, искривлены до яваго, нелѣпаго и вреднаго уродства. Пролетаріатъ разочаровывается. Это приводитъ въ ужасъ интеллигентскихъ спорщиковъ. Но изъ разочарованія пролетаріата въ нихъ и въ ихъ теоріяхъ вырастетъ подлинно цѣлостный, всесторонній, здоровый революціонный соціализмъ.

Войновъ.

Германія.

Къ съѣзду профессіональныхъ союзовъ Германіи.

22 іюня сего года откроется въ Гамбургѣ шестой съѣздъ профессіональныхъ союзовъ Германіи.

Порядокъ дня намѣченъ слѣдующій:

1) Конституированіе съѣзда (выборы комиссіи, провѣрка мандатовъ и пр.)

2) Отчетъ генеральной комиссіи. Докладъ—Легинъ. Обсужденіе вопросовъ объ:

a) общей агитаціи;

b) секретаріатъ, объединяющій работу среди женщинъ-работницъ.

(Докладчица—Альтманъ).

c) агитація среди домашней прислуги (Докладчица — Грюнбергъ).

d) агитація среди пришлыхъ рабочихъ

e) помощь при стачкахъ и статистика о стачкахъ

f) защита рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности.

g) комиссія объ устраненіи мѣръ принужденія со стороны работодателей, принуждающихъ рабочихъ снимать у нихъ квартиры.

(Докладчикъ—Блюмъ)

h) Журналъ „Correspondenzsblatt".

3) Отчетъ о работахъ главнаго рабочаго секретаріата.

Докладчикъ—Р. Шмидтъ.

a) Представительсто передъ судомъ черезъ рабочихъ и профессіональныхъ секретарей.

Докладчикъ—Леше.

4) Государственное страхованіе служащихъ.

Докладъ—Ланге.

5) Биржа труда.

Докладчикъ—Петшъ.

6) Бойкотъ какъ средство профессіональной борьбы.

Докладчикъ—Альманъ.

7) Конфликты между союзами родственныхъ профессій.

8) Разное.

9) Развитіе соціальнаго законодательства въ Германіи.

Докладчикъ—Молькенбургъ

На съѣздъ каждые 3000 членовъ профессіональнаго союза посылаютъ по 1 делегату. Союзы насчитывающіе менѣе 3000 членовъ посылаютъ одного делегата.

Экстренный (восьмой) съѣздъ локалистскихъ профессіональныхъ союзовъ Германіи.

22—25 января засѣдалъ въ Берлинѣ экстренный съѣздъ локалистовъ. Анархиствующіе элементы, видя, что предложеніе послѣдняго с.-д. съѣзда о соединеніи локальныхъ

союзовъ съ централизованными встрѣчаетъ все больше сочувствія среди локалистовъ,—поспѣшили созвать съѣздъ, чтобы тамъ пресѣчь эти стремленія. За объединеніе высказалось 147 мѣстныхъ союзовъ съ 11273 членовъ, т. е. фактическое большинство (на послѣднемъ съѣздѣ въ сентябрѣ прошлаго года было представлено 203 мѣстныхъ союза съ 17633 членовъ). На съѣздѣ же страннымъ образомъ—какъ утверждаетъ Correspondenzblatt, благодаря мандатнымъ операціямъ—большинство оказалось за анархиствующими противниками объединенія.

Послѣ долгихъ и жаркихъ преній 88 противъ 48 голосовъ было отклонено предложеніе объ объединеніи съ централизованными профиссіональными союзами, примыкающими къ с.-д. партіи. Тогда 48 представителей союзовъ ушли со съѣзда и внесли особое заявленіе о своемъ выходѣ изъ „Свободнаго союза" локальныхъ союзовъ. На съѣздѣ остались только представители 6743 членовъ, т. е. опять-таки только меньшинство.

С.-д-овъ обвиняютъ теперь, конечно, на всѣхъ перекресткахъ въ томъ, что они являются виновниками раскола профессіональнаго движенія. Но это, разумѣется, сущіе пустяки. Исходя изъ необходимости объединить професіональное движеніе и возможно тѣснѣе сблизить его съ с.-д. партіей, германскіе с.-д. могли смѣло пожертвовать ради этихъ двухъ цѣлей небольшой группой сепаратистскихъ союзовъ, отъ которыхъ, вѣроятно, скоро отколется еще часть.

Изъ доклада комиссіи между прочимъ приводимъ слѣдующую табличку о борьбѣ этихъ союзовъ съ капиталомъ.

Стачекъ и локаутовъ.	Число стачекъ.		Число участв.		Издержано.	
	1906.	1907.	1906.	1907.	1906.	1907.
Стачекъ наступательн..	90	71	2041	5499	74453	271957
Стачекъ оборонит. . .	9	27	85	678	11602	21344
Локаутовъ	14	21	56	1179	2011	98326
Всего.	113	119	2182	7356	88066	391627

Какъ видно изъ перечисленія, главная борьба велась союзами, теперь присоединившимся къ с.-д. профессіональнымъ организаціямъ.

Стачки въ Англіи за 1902—1906 годы.

Приводимъ нѣсколько интересныхъ цифръ о забастовкахъ въ Англіи въ 1906 году. Вслѣдствіе усилившейся безработицы и пониженія заработной платы количество стачекъ за 1906 годъ превосходитъ всѣ прошлые годы. Число рабочихъ, бастовавшихъ въ 1906 г. составляетъ 217773, а всѣ забастовки въ общемъ продолжались 2783000 дней. Нижеслѣдующая таблица указываетъ число забастовокъ, количество бастовавшихъ рабочихъ и потерянныхъ рабочихъ дней за послѣдніе пять лѣтъ:

Годъ.	Число забастовокъ.	Число рабочихъ, принимавшихъ посредствен. и непосредств. участіе въ забастовкахъ			Продолжительность стачекъ въ дняхъ.
		посредствен.	непосредствен.	всего.	
1902	642	116824	139843	256667	3479255
1903	442	93515	23386	116901	2338668
1904	387	56380	30828	87208	1484220
1905	358	67657	25850	93503	2470189
1906	355	157823	59901	217773	3028816

По профессіональнымъ группамъ бастующіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Профессіон. группы.	Общее число рабочихъ, принимавшихъ посредственное и непосредствен. участіе въ забастовкѣ.				
	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Строительное дѣло . .	5356	3663	8697	6637	1441
Углекопы	207095	60029	44773	40448	81550
Горнорабочіе и каменнотесы	1431	3549	1514	4343	2283
Желѣзное и стальное производство	429	830	2648	2029	2753
Производ, машинъ и постройка судовъ . . .	7598	15806	7686	9600	37498
Обработка олова . . .	4394	14725	1131	176	779
Другія металлургич. производ.	3493	1019	665	948	1019
Текстильная промышл.	16706	9458	13048	15786	75114
Приготовленіе платья .	2790	2476	1448	3540	8912
Транспортъ	1590	2172	1759	2112	1888
угія производства. .	3679	2463	3794	7159	4272
Рабоч., находящ. на городск. службѣ. . . .	2106	711	45	725	264
Всего . .	256667	116901	87208	93503	3277 71

О причинахъ забастовокъ даетъ намъ представленіе нижеслѣдующая таблица:

Главныя причины.	Общее число рабочихъ, принимавшихъ прямое участіе въ забастовкахъ.				
	1902.	1903.	1904.	1005.	1906.
Изъ-за заработной платы.					
За повышеніе	15208	14412	4960	13735	58942
Противъ пониженія.....	26053	12019	13643	11422	5399
Другія причины	15472	23126	14180	13580	23592
Всего	56733	49557	32783	38737	87933
Изъ-за рабочаго времени.					
За сокращеніе.....	203	99	140	85	6164
Другія причины.....	2841	4009	1830	3060	922
Всего	3044	4108	1970	3145	7086
Изъ-за плох. услов. труда	19849	13609	7601	5546	6536
„ „ непризн. проф. с.	25489	17602	7925	9377	50750
Другія причины	11709	8639	6110	10848	5607
Итого	116824	93515	56380	67653	157872

О результатахъ забастовокъ въ 1906 году даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Главныя причины.	Результаты для непосредственно участвовавш. въ 1906 г.				Всего непосредственно участвовало въ 1096 г.
	Съ полн. успѣх. для рабочихъ.	Съ полн. успѣх. для предпринимателей.	Съ частичн. успѣх. для рабочихъ.	Неизвѣстно.	
Изъ-за работн. платы.					
За повышеніе	8293	22174	27955	520	58942
Противъ пониженія.....	1494	1393	2512	—	5399
Другія причины	5745	7241	10588	18	23592
Всего	15532	30808	41055	538	87933

Изъ-за рабочаго времени.	1086	609	5391	—	7080
„ „ условій труда....	1404	3159	1973	—	6536
„ „ непризнан. проф. с.	47913	773	2064	—	50756
По другимъ причинамъ .	1224	3198	1135	—	5567
Итого	67159	38547	51618	548	157872

Соціализмъ въ Австраліи.

Въ политическомъ отношеніи Австралія распадается на 6 самостоятельныхъ частей, каждая изъ которыхъ управляется законодательнымъ собраніемъ (нижней палатой) и законодательнымъ совѣтомъ (верхней палатой). Кромѣ того существуетъ еще общая нижняя палата, состоящая изъ 75 депутатовъ и сенатъ, имѣющій 36 членовъ. Избирательнымъ правомъ въ обѣ палаты пользуются всѣ мужчины и женщины, достигшіе 21 года и прожившіе 1 годъ въ Австраліи.

Въ нижней палатѣ рабочіе завоевали 25 мѣстъ, т. е. 1/3 всѣхъ членовъ, а въ верхней палатѣ—14 изъ 36.

Послѣднюю избирательную кампанію рабочая партія вела подъ слѣдующими лозунгами:

1) Сохраненіе бѣлой Австраліи, т. е. выключеніе азіатовъ и африканцевъ изъ Австраліи (!)

2) Обязательные третейскіе суды для разрѣшенія промышленныхъ конфликтовъ и рѣшеній по поводу стачекъ и локаутовъ.

3) Страхованіе на случай старости.

4) Переходъ всѣхъ монополій во владѣніе государства.

5) Національная народная милиція и *собственный австралійскій флотъ (!)*.

6) Ограниченіе количества государственныхъ займовъ.

7) Законодательство въ защиту австралійскаго мореплаванія.

8) Учрежденіе государственнаго банка; государственнаго страхованія жизни и имущества.

9) Законъ о патентахъ.

10) Единое торгово-промышленное законодательство.

Программа, какъ видитъ читатель, весьма умѣренная, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ довольно странная. Соціализмъ началъ распространяться въ Австраліи недавно. Онъ сдѣлалъ тамъ большія количественныя завоеванія, но качественный его уровень тамъ довольно низокъ. Особенно поражаетъ лозунгъ „Австралія для бѣлыхъ“ — въ устахъ соціалистической партіи. Лозунгъ этотъ возникъ на слѣдующей почвѣ:

въ Австраліи живутъ китайцы, индусы, ассирійцы, канаки и японцы; въ нѣкоторыхъ центрахъ цвѣтное населеніе составляетъ даже большинство и является повсюду, во всякомъ случаѣ, такимъ значительнымъ факторомъ, съ которымъ нельзя не считаться.

Въ сахарномъ производствѣ предприниматели даютъ работу почти исключительно канакамъ, которые являются юридически „свободными рабочими", а фактически—рабами въ буквальномъ смыслѣ слова. Такъ напримѣръ, нанимаясь, они обязуются за перевозку съ острововъ работать не меньше 3-хъ лѣтъ на своего работодателя, фактически — рабовладѣльца. То же относится къ китайцамъ, занятымъ на разведеніе банановъ. Въ качествѣ вознагражденія они получаютъ 1 руб. 10 коп. въ недѣлю, пищу, жилье и двѣ смѣны платья. Пища—самая жалкая: $^3/_4$ ф. хлѣба и по $^1/_4$ ф. мяса. Весь образъ жизни — ужасный. Работы же изъ нихъ выколачивается масса.

Бѣлымъ рабочимъ такимъ образомъ составляется серьезная конкурренція. Предприниматели всегда стараются пользоваться болѣе дешевыми и болѣе покорными цвѣтными рабочими, постоянно пускаютъ ихъ въ ходъ при стачкахъ и другихъ конфликтахъ.

Отсюда—вражда рабочихъ къ своимъ собратьямъ и лозунгъ „Австралія для бѣлыхъ", ничего общаго съ дѣйствительнымъ соціализмомъ, конечно, не имѣющій.

Профессіональная организація рабочихъ Австраліи развита чрезвычайно слабо. Ею до сихъ поръ пренебрегали, и теперь это очень вредно отзывается на рабочемъ движеніи.

Въ теченіе одного года рабочая партія имѣла власть въ общей палатѣ депутатовъ. Премьеръ-министръ Daglish объявлялъ себя соціалистомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ на дѣлѣ выступалъ постоянно защитникомъ существующаго строя, который, по его мнѣнію, нужно только нѣсколько реформировать, улучшивъ бытъ рабочихъ.

Въ южной Австраліи премьеромъ и сейчасъ является рабочій депутатъ Tom Price... Изъ рабочихъ депутатовъ Австраліи и сейчасъ не меньше половины представляютъ собою типъ прежнихъ англійскихъ либеральныхъ рабочихъ депутатовъ, которые теперь уступили мѣсто самостоятельной рабочей партіи. Другая же половина привержена къ соціализму, но иногда понимаетъ его весьма своеобразно. Соціалистической пропагандѣ еще только предстоитъ расчистить въ Австраліи путь къ дѣйствительному пролетарскому соціализму.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

стр.

П. Орловскій. Въ ночь послѣ битвы Л. Андреевъ и Ѳ. Сологубъ). 3
М. Покровскій. Религія и революція (Д. Мережковскій). 19
В. Поповъ. Модный романъ (Санинъ). 39

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

П. Орловскій. Коммунистическій Манифестъ 55
Н. Рожковъ. Государственная Дума 63
Вл. Ильинъ. Нейтральность профессіон. союзовъ. . . 75
М. Новоселовъ. Два пути въ професс. движеніи 84
М. Покровскій. „Строго-научный“ методъ 101
Г. Цыперовичъ. Регрессивныя теченія въ совр. капитализмѣ 113
Сер. Петровъ. Максимализмъ въ русской революціи . . 138
П. Ор. Потомки Митрофана Простакова 167
Георгій Ервъ. Кооперативный съѣздъ и професс. союзы . 175
К. Каутскій, Эд. Фольмаръ и Валльянъ. Три письма. 189

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Ю. Каменевъ. О тѣни Бисмарка 197

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хроника рабочаго движенія: ст. Г. Зиновьева, Войнова, Е. П. и др. 223

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПОСѢВЪ“

С.-Петербургъ, Кузнечный пер. д. № 14, кв. 6. ✳ Телефонъ № 89-65.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ:

А. П. ОМЕЛЬЧЕНКО. Герой нездороваго творчества („Санинъ“ романъ Арцыбашева). 2-е изд. безъ пер. Ц. 35 к.

А. П. ОМЕЛЬЧЕНКО. Свободная любовь и семья („Санинъ“, какъ вопросъ нашего времени). Ц. 35.

Г. ВАСИЛЕВСКІЙ. Интеллигентная земледѣльческая община Криница. Исторія исканій общественныхъ формъ идеальной жизни. Ц. 85 к.

В. ГИРШФЕЛЬДЪ. Изложеніе 2-го тома „Капиталъ“ К. Маркса, подъ ред. В. Базарова. Ц. 35 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу:

ОТТО ВЕЙНИНГЕРЪ. Полъ и характеръ. Подъ ред. и съ пред. А. Л. Волынскаго, полн. пер. В. Лихтенштадтъ. Съ портр. автора. Ц. 2 р. 75 к.

ЛУИ ДЮБРЕЙЛЬ. Парижская коммуна, т. II „Соціал. исторіи“ (1789—1900 г.г.) подъ ред. Ж. Жореса, перев. Н. С. Тютчева. Ц. 75 к.

Новыя изданія, пріобрѣтенныя въ собств.:

В. ИЛЬИНЪ. Развитіе капитализма въ Россіи. (Процессъ образ. внутр. рынка для крупной промышленности). Изд. „Паллады“, 2-ое, дополн. Ц. 2 р. 25 к.

Ш. БОДЛЭРЪ. Исканія рая (Les paradis artificiels). Гашишъ, опій и вино, какъ средства расширенія человѣч. личности. Съ портр. автора. Пер. В. Лихтенштадтъ. Ц. 1 р.

СТЕФАНЪ ЖЕРОМСКІЙ. Полное собраніе сочиненій. („Библіот. Молодой Польши“ подъ редакціей Евг. Троповскаго издат-ва „Творчество—Ad Astra“). Томъ I и II. Романъ „БЕЗДОМНЫЕ“ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждаго тома 80 к.

На складѣ всѣ новинки книжнаго рынка.

Высылка всевозможныхъ **каталоговъ** издательскихъ фирмъ, равно и **списковъ** всякаго рода библіограф. указателей, словарей и программъ производится **безплатно**.

Скидка на всѣ выписываемыя со склада книги 10%. Пересылка по дѣйств. стоимости **за счетъ заказчиковъ.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ „ПОСѢВЪ“
Кузнечный пер. д. 14. Телеф. 89-65.

Типографія Бусселя, Мытнин. наб., д. 9.